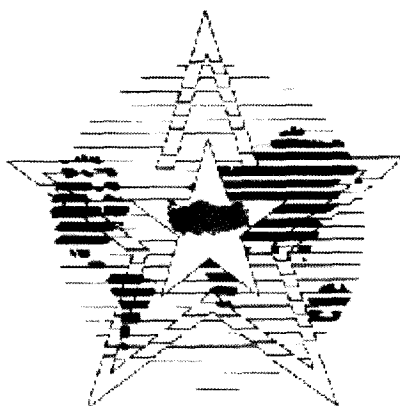

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В.И. ВЕРНАДСКОГО

Том 18 (57).- № 3: А
Серия «Филология»

Издание осуществлено при финансовой поддержке Управления
сотрудничества и развития Совета Министров Республики Турция

T.C. BAŞBAKANLIK
TÜRK İŞBİRLİĞİ ve KALKINMA İDARESİ
BAŞKANLIĞI

Симферополь, Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, 2005 г.

Журнал основан в 1918 г.

ISSN 5-7763-9818-5

Журнал зарегистрирован 23 ноября 1999 года

Серия КМ №534

Редакционная коллегия журнала

Багров Н.В. – главный редактор
Бержанский В.Н. – заместитель главного редактора
Ена В.Г. – ответственный секретарь

Редакционная коллегия серии «Филология»

Казарин В.П., доктор филологических наук, профессор – редактор серии
Меметов А.М., доктор филологических наук, профессор – редактор выпуска
Богданович Г.Ю., доктор филологических наук, профессор
Борисова Л.М., доктор филологических наук, профессор
Киречек П.М., доктор филологических наук, профессор
Новикова М.А., доктор филологических наук, профессор
Орехова Л.А., доктор филологических наук, профессор
Петренко А.Д., доктор филологических наук, профессор
Рудяков А.Н., доктор филологических наук, профессор

Ответственный секретарь выпуска

Оказ Л.С., кандидат филологических наук, доцент

Печатается по решению Ученого Совета факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (протокол №9 от 29.04.05 г.)

©Таврический национальный университет, 2005 г.

Подписано в печать 14.07.2005. Формат 60x84 2/3 16,7 усл. печ. л., 23,5 уч. из. л.

Тираж 500. Заказ №

Отпечатано в издательстве RICON
проспект Кирова, 17, г. Симферополь, 95 000

"Учбоніє запискі Тавріческого національного університета ім. В. І. Вернадського"
Науковий журнал. Серія "Філологія". Том 18 (57).- №3.
Сімферополь, Таврійський національний університет ім.. В.І. Вернадського, 2005.
Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: проспект Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано в видавництві RICON
проспект Кірова. 17. м. Сімферополь, 95 000

Глубокоуважаемые читатели!

22-24 марта 2005г.

*на факультете крымскотатарской и восточной филологии
Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
состоялась Международная научно-практическая конференция
«Актуальные проблемы тюркологии и востоковедения». В работе
конференции приняли участие ученые России, Турции и Украины.
Появление этого журнала, который демонстрирует безграничный
интерес ученых к проблемам крымскотатарского, турецкого,
персидского, китайского языкознания, тюркского и восточного
литературоведения, межкультурной коммуникации, стало возможным
при финансовой поддержке Управления сотрудничества и развития
Совета Министров Республики Турция (ТИКА).*

Sevgili okuyucular!

22-24 mart 2005 tarihleri arasında

*Tavriya Milli Üniversitesindeki Kırımtatar ve Doğu diller fakultesinde
“Türkoloji ve doğu bilimlerinin aktüel problemleri“ konulu uluslararası bilim
ve pratik konferansı oldu. Konferansa Rusya, Türkiye ve Ukrayna'dan dil
bilimciler katıldı. Kırımtatarca, Türkçe, Farsça, Çince doğu dilleri ile Türk ve
Doğu edebiyatının uluslararası iletişime ait bilgilerin sonsuz ilgisini gösteren
bir dergi oluşturdu. Bu dergi T.C. BAŞBAKANLIK TÜRK İŞBİRLİĞİ ve
KALKINMA İDARESİ BAŞKANLIĞI (TİKA) mali desteği ve işbirliği sayesinde
hayat buldu.*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

УДК 001.482.0

ТЕРМІНОЛОГІЯ ДАВНЬОУКРАЇНСЬКОЇ МОВИ 18 СТОЛІТТЯ

Шаталіна О.Ф.

Письменство 18 сторіччя - важливий етап у багатовіковій історії українського народу. Продовжуючи давню традицію, воно водночас вступає у нову епоху свого розвитку, вивільняється з тенет церковно-релігійної ідеології, утверджується як література світська, виробляючи ті художні форми і засоби їх вираження, які могла використати нова література в процесі свого становлення. Тому метою статті буде виявити і оглядово розглянути літературознавчу термінологію 18 сторіччя у найбільш відомих творах цього періоду. У 18 сторіччі з'являється ряд нових пам'яток історичної літератури: літописів, хронік, щоденників, творів історико-публіцистичного характеру. В історії української літератури 18 сторіччя визначне місце посідають літописи, головною темою яких було зображення визвольної війни 1648-1654 років під приводом Богдана Хмельницького. Поширення цього жанру зумовлено тим, що він міг найповніше і найпоєднаніше відбити знаменні події. Літописи 18 сторіччя різні за художнім рівнем, способом відображення минулого. Кількісно переважають хронологічні описи історичних подій визвольної війни, але в кожному з них відбилась індивідуальна манера письма авторів, їх погляди на характер визвольної війни, її оцінка. Сюди належать твори Григорія Грабянки та Самійла Величка, вони складають вершину українського літописання 18 сторіччя.

Звичайно, в історичних хронологіях літературознавча термінологія не така вже й численна та різноманітна але все ж вона присутня. Так у „Літописі” Григорія Грабянки фіксуються такі терміни як „об'явлення” в значенні назви літературного твору „Об'явлення к читателю”. Як назва літературного твору в літописі фіксуємо такі терміни „сказаніє”, „писаніє”, крім того у творі з терміном „писаніє” утворюються такі словосполучення „писаніє молебное”, „Святое писаніє”. Неодноразово зустрічаються термін „рече”, наприклад „...рече старійший слово” [6.С.449.], в значенні виголошувати промову. Часто фіксується термін „піснь”, наприклад „І тако козаки, побідную піснь богу воспіяша” [6.С.459.]. Крім того знаходимо у творі такі літературознавчі терміни: „словеса”, „духовніє і мірськіє літописци”, „історіографи”.

У літописі Самійла Величка засвідчено такі літературознавчі терміни: „ловісті”, „наріччя”, „літургія”, „пеніє”, „божественное писаніє”, „рукописний літопис”, „прислов'є”.

Визначальну роль у літературному процесі 18 сторіччя продовжує відігравати бароко. І хоч Феофан Прокопович у своїх курсах поетики (1705 рік) і риторики (1708 рік) піддав критиці окремі елементи цього стилю, він і сам був

під його впливом. У Києво-Могилянській академії Ф.Прокопович читав курси поезики та риторики. До викладання на курсах Феофаном Прокоповичем була підготовлена стаття „De poetica”, праця написана, за вимогами того часу латинською мовою. До написання праці вченого спонукало те, що в стильовому спектрі української літератури 18 сторіччя домінували барви бароко. Свою наукову працю Ф.Прокопович написав керуючись класичними естетичними засадами. У статті нараховується більш ніж 50 літературознавчих термінів, дається їх тлумачення та наводяться приклади. Треба зауважити, що переважна більшість термінів вживається у сучасному літературознавстві в тому ж значенні, як і рекомендував учений у своїй праці, майже не набувши змін. Це такі терміни як: „poetam”-поет, „poema”- поема, „poesi heroica”- героїчна поезія, „stylis”-стиль, „sinonimia”- синонімія, „parodia”-пародія, „elegia”- елегія, „prosodia”-просодія, „poesi dramatica”-драматична поезія, „epopeia”- епопея, „hexametric”-гекзаметр, „pathos”-пафос, „tragoedia”-трагедія, „comoedia”- комедія, „tragico comoedia”-трагікомедія, „satyrica”-сатира, „lyrica”-лірика, „epigrammatica”-епіграма, „epitaphio”-епітафія.

Власне літературою Феофан Прокопович займався лише у час дозвілля, але його література спадщина- значний і важливий етап в історії української літератури. Його трагедокомедія „Володимир”- безперечно найкраща з тих, які дійшли до нас, шкільних драм. У творі виявлено 8 літературознавчих термінів. Це „поет”, „проповѣдует”, „проповѣдь”, „повѣствует”, „повѣсть”. „Повѣсть” вживається як назва літературного твору, наприклад „...повѣсть о обращении к Христу равноапостольного князя нашего Владимира” [5.С.152.]. Дуже поширеними є термін „пѣснь”, „пѣсны”, це і „пѣснь волшебная”: „...поет пѣснь волшебную, глася духов на помощь” [5.С.150]. І „пѣсны сладкие” наприклад „...сладкие пѣти пѣсны” [5.С.170]. Можна сказати, що літературознавчий термін „пролог”теж вживається як назва літературного твору, наприклад „ Пролог к слышателем” [5.С.152], як назва твору вживається і термін „послание”. Використовує автор і такий термін як „красномовство”, наприклад „Искусен в учении, красномовством славен” [5.С.176]. Всі ці терміни вживаються в сучасному літературознавстві без суттєвих змін. Історичній Полтавській битві присвячено один із кращих поетичних творів Феофана Прокоповича – оду „Епінікіон сієсть пѣснь побѣдная о тоєйжде преславной побѣдѣ”, в якій висловлено радість з приводу перемоги над супостатом. Літературознавчих термінів у творі небагато, лише 5. Це „епінікон”, якому автор тут же сам дає пояснення; „пѣсни”, „повѣсть”, наприклад: „...было, яко в повѣстех славимого зѣло” [5.С.213]; „рифмотворческій”, наприклад „Органѣ рифмотворческій воспѣти” [5.С.209]

У віршах Ф.Прокоповича, а також у його урочистих промовах на честь подій у житті держави, зафіксовано 50 літературознавчих термінів, багато термінів неодноразово повторюються. Найчастіше вживаються такі терміни, як „сатира”, „пѣсньѣ”, „поють”, „повѣствование”, „предания”, наприклад „...да бы суетная предания исторгали, [5.С.139], „риторство”, „притчи”, „изречения”, „священное писание”, „царские истории”, наприклад „Много о сем учит нас священное писание, наипаче же в царских историях, где в повѣствовании жития царей”[5.С.138], „витийское искусство”, так говорить Ф.Прокопович про здібності Петра І писати вірші, промови, виступи.

УДК 81'1.512.145

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Алиева В. Н.

В исследованиях по языку звукоподражания определяются по-разному: ономастопозитические, изобразительные, подражательные слова, мимемы. Термином «изобразительные» слова чаще всего обозначают широко распространенные в тюркских языках звукоподражательные и так называемые «образные» слова. Нередко звукоподражания рассматривают как «словесные символы», «речевые знаки», «эквиваленты слов» [1].

Звукоподражательная теория, возникшая еще в античной философии, связывает происхождение языка с имитацией. Раскаты грома, шум ветра, рев зверей и пение птиц, по мнению сторонников этой теории, воспроизводились человеческим голосом и легли в основу языка. В исследованиях о происхождении языка звукоподражательная теория объединяется с междометной, эмоциональной, связь между звуками и их значениями выводится из общности эмоций, вызываемых звуками и предметами.

На данную тему было написано немало книг и статей [5, 124]. При этом зачастую смешивались поэтические звукоподражания, имеющие свою природу, со звукоподражаниями народного языка, не всегда принималось во внимание то, что с веками содержание подобных слов может меняться.

Современный человек воспринимает окружающую действительность иначе, чем первобытный человек. Известно, что звукоподражательные слова использовались как магическое средство. К. Бюхер, описывая женскую работу и женскую поэзию первобытного времени, отмечает, что в устах женщины трудовая песня легко принимала форму заклинания – звукоподражания [2, 286].

Истоки звукоподражательного корня слов чаще всего находятся в народном языке, когда человек, олицетворяя природу, беседовал с ней. Постепенно звукоподражания освобождаются от мистицизма, у современного человека они носят образно-поэтический характер, вызываются особым душевным настроением.

По-своему отображая действительность, звукоподражания обусловлены в своем развитии изменяющимся бытом человека, его характером, восприятием действительности и, разумеется, фонетической системой языка. Это не названия предметов или действий, а приблизительное изображение действия предмета с характерным для него звуком (ритмикой, мелодикой).

Звукоподражательные слова в тюркских языках обобщают обширную группу, так как подражать можно птицам, животным и даже предметам и стихийным проявлениям природных сил.

В 1918 году была опубликована работа профессора Н.И. Ашмарина «Основы чувашской мимологии» [1], где определяется понятие мимемы. Данную

терминологию принял Н.К. Дмитриев. Под мимологией он понимал широкую группу слов, которые по форме и содержанию имели «подражательное назначение» [4, 59]. Звукоподражания – наиболее значительный раздел в составе мимемы, они образно выражают звуки, которые производятся неодушевленными предметами и живыми существами.

В данную группу следует отнести подражания птицам.

Къозлавукъ тавукъ	А курица-несушка
Къыт-къыт-къыдакъ!	Кудах-кудах-кудах!
Менден кучлю хораз ёкъ!	Нет сильнее петуха.
Ко-ка-ре-кок! Ко-ка-ре-кок!	Ку-ка-реку! Ку-ка-реку!

Или:

Торгъайлар да къошулып, И воробьи, ввязавшись в разговор,
Чивиль-чивиль чивильдей. чирик-чирик чирикают. (С.У.)

Утки и гуси также издают разные звуки. Папий чыкъып батакътан: *Вакъ-вакъ, вакъ-вакъ* вакъылдай ...Къазлар *гъакъ-гъакъ* гъакъылдай (С.У.) – Утка крикает из болота (вакъылдай) / Кря-кря-кря. Гуси гогочут га-га-га.

Наименование дятла в крымскотатарском языке связано со звуками, которые он издает при ударах клювом по дереву: *такъ-такъ*. Поэтому дятел – это *такътакъ къуш* (дословно: *такъ-такъ* / тук-тук птица).

Отметим, если звукоподражательные слова, передающие подражания звукам животных, в тюркских языках мало различаются, то в подражаниях звукам птиц есть некоторые различия. Например: подражания звуку ворона: в азербайджанском языке – это *га-гар-гыр*; в туркменском – *гак-зак*, в крымскотатарском языке – *къар-къар* / *гъар-гъар*.

Подражание звуку птичьего мира у каждого народа имеет свою фонетическую специфику, а звукоподражательные слова, производимые насекомыми мало различаются в тюркских языках. Например, подражание звуку, которое производится пчелой или мухой: *выз-выз*; звук, который производится осой: *дызз*; звук, который издает змея: *ш-ш-ш*. Слова подобного типа составляют немногочисленную группу.

Особенностью звукоподражательных слов в крымскотатарском языке является необычная структура. Это распространенность повторов, нетипичное для языка распределение звуков, способность присоединять к себе специальные элементы и служебные слова. В подобном звуковом комплексе выделяется согласный звук, который по онома topoэтической теории считается способным отобразить какую-либо сторону явления. Например: в крымскотатарском языке глухой шум, удар, передается звукосочетанием – *пат*, стук по дереву – *такъ-такъ*. Можно уловить схему, по которой строятся подобные слова – это характерный согласный в сочетании с гласным, также влияющим на природу мимемы. Например, предполагалось, что звук *и* придает комплексу тонкость, звук *у* – глухость, а согласные большей частью гармонируют с ними. Таким образом, подобный комплекс может состоять из следующих звуков: $c_1+г+c_2$, где *c* – согласная, *г* – гласная: *шат-шат* – шлепанье, хлопанье при ходьбе по воде, *фыр-фыр* – полет бабочки; ягъмур *шув-шув* ягъа – с шумом идет [шув-шув] дождь; *чым-чым* чырагъым – кап-кап моя свеча.

Как отмечает Н.К. Дмитриев, подобные формулы варьируются, они могут состоять из трех согласных и одного гласного, для них характерны повторы [4, 63–64]. Например: *тарс* – сильный стук; *тарс-турс* – неравномерный стук. *Тарс-турс!* этип коньуз къапыны урды! *Такъ-такъ!* этип урды кирпи. – Тук! Тук! Жук постукивал в дверь. Стук! Стук! Ударил [в дверь] ёж. *Дар-дурс*, думбелек. – Бух-бух, барабан.

При этом наблюдается своеобразная «игра вокализма»: низкие гласные, например, **а** – более сильные и потому передают большую степень насыщенности действия: Къаравул тез-тез чыкъа, тюфегине окъ толдура ве авагъа «*Данъ!*» ата, тилькичик коркъып къача. – Вскоре появляется сторож, который стреляет из ружья, бах! Лисенок пугается и убегает.

Шарт – подражание сильному треску, *шырт* – подражание слабому треску (**ы** – высокий гласный звук, более слабый) – пытакъ *шарт* сынды – ветка с треском сломалась; Бир давуш *шырт* эткенде, Кирпи сорай – я о не? [Дж.Б.]. – Послышитесь легкий треск, а ёж уже вопрошает: – Что это?

В парных мимемах вторая часть может состоять из этого же слова, но с другим гласным звуком: *Шарт-шурт* алма. Меним артымдан къалма [Дж.Б.]. *Шарт-шурт* – неравномерный треск.

Письмо лишь условно передает воспроизводимые звуки, в произношении подражание звука проявляется наиболее ярко.

Надо иметь в виду, что некоторые из звукоподражаний употребляется чаще в удвоенной или умноженной форме и редко имеют единичное употребление: – *Ко-ко, ко-ко, ко-ко, ко-ко-кок*. Тузым битги, тузым ёкъ. – Курица: *ко-ко, ко-ко, ко-ко*. Соли нет у меня. *Ме-ме-ме*. Багъыра бир къозу. – *Ме-е-ме-е*. Кричит ягненок. *Къыт-къыт* къудакъ. Бир йымырта къозладым. – *Ко-ко-ко*, снесла я одно яйцо (К.О.).

Таким образом, удвоение или многократное повторение может быть точным повторением, то есть без изменения звуков: Къоянчыкъ *оп-оп* кете. – Зайчик скачет *скок-скок*. Хоразчыкъ *тып-тып* кете. – Петушок *топ-топ* идет.

Повторение может быть неполным, передавая особые оттенки звучания: – *Мрау-мрр!* – балабан мышыкъ кельди / – *Мяу-мур-р!* – появилась большая кошка. Сонъра къаргъа: – *Гъар-р-ркъ!* – Затем ворона: *кар-р!* [К.О.].

Класс звукоподражаний по структуре, степени образности и эффективности весьма неоднороден.

Часть звукоподражаний имеют устойчивый (постоянный) звуковой состав, который обладает свойством воспроизводимости. Так, владеющий крымскотатарским языком без особого труда поймет, что выражают, например, следующие звукоподражания:

- а) *ме-ме, ме-ке-ке, му-у-у, ав-ав, ко-ка-ре-кок*;
- б) *шарт, шатыр-шатыр, тарс, шап*;
- в) *ш-ш-ш, дыр-дыр, пуф-пуф*.

Однако в звукоподражательных словах встречаются фонемы или звукосочетания, которые отсутствуют в других словах. Фонетическое своеобразие звукоподражаний часто имеет мотивированное звуковым составом значение, представляет собой условные копии звуковых и других явлений.

Балабан бакъа «*Бакъ-бакъ*» – багъырды. – Большая лягушка (бакъа) заквакала: *ква-ква*. Балалар пек къуваналар. «*Турлыит-турлыит*, турналар!» –

деп кьычырышалар. – Дети очень радуются. Журавли кричат: курлы-курлы. Или: Ешилленди небататлар. Озенлер «шыр-шыр» акар. – Растения зазеленели. Реки с журчанием (*шыр-шыр*) потекли. *Шыр-шыр* – передает журчание воды. *Шырыл-шырыл* сувчыкъ аква. – С легким журчанием (*шырыл-шырыл*) течет водица (К. О.)

Большое многообразие звукоподражений в крымскотатарском языке обусловлено прежде всего мироощущением народа, его восприятием окружающей действительности. Передача звуковых явлений в художественной литературе, особенно в поэзии, – это опыт поэта, его творческий метод, который определяет перевод звуков внешнего мира на звуки нашей речи. Еще большее многообразие мы встречаем при сравнении звукоподражаний в разных языках. Причина различий в том, что ни в одном языке звуки, издаваемые предметами, живыми существами абсолютно точно передать невозможно (в данном случае речь не идет об имитации).

Каждый язык разрешал эту задачу так, как это было обусловлено его системой и строением, степенью развития. Неточность и недочеты в вопросе о звукоподражаниях сказались на практике перевода. Часто при переводах их оставляют без изменений. Своеобразная форма таких слов ощущается в подобных текстах как нечто инородное и непонятное.

Анализ звукоподражательных слов поможет, на наш взгляд, определить оптимальные пути перевода и преподавания в вузе данного материала.

Литература

1. Ашмарин Н. И. Основы чувашской мимологии: (О подражательных словах в чувашском языке). – Казань, 1918.
  2. Бюхер К. Работа и ритм. – М.: Нов. Москва, 1923. – 326 с.
  3. Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов: Сб. ст. / Отв. ред. В. М. Жирмунский, О. П. Суник. – Л.: Наука, 1968. – 343 с.
  4. Дмитриев Н. К. Очерк южнотюркской мимологии // Строй тюркских языков. – М.: Изд-во Восточной лит-ры, 1962. – С. 85–108.
  5. Щербак А. М. Изобразительные слова // Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова). – М.: Наука, 1987. – С. 123–139.
- Список сокр.: Дж. Д. – Джафер Бекиров; К. О. – Кенджелерге Окьуньыз; С. У. – Сейран Усеинов.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК 811.512.145. 811.161.1

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА "ЖЕНЩИНА" В КРЫМСКОТАТАРСКОМ, РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Гафарова Р. И.

Каждый человек принадлежит к определенной национальной культуре, включающей национальные традиции, язык, историю, литературу.

Изучение взаимоотношения языка и культуры занимает одно из центральных мест в проблематике исследований, ведущихся в русле лингвокультурологии и когнитивистики. Поиск новых путей исследования привел к осознанию необходимости лингвистического анализа национальной ментальности, когда в процессе контрастивного сопоставления выявляется концептуальное содержание языковых единиц, отражающих специфический тип восприятия окружающей действительности и традиций национальной культуры. Понимание языка как "промежуточного мира" между субъектом познания и существующей реальностью представляет возможность рассматривать язык как уникальную коллекцию результатов конкретных познавательных актов, имевших место в исторической эмпирике того или иного этноса, посредством которого "рядовой, обычный человек, не творец культурных ценностей сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее" [7, 42].

В концепции язык и культура сходятся интересы всех наук о человеке, это та сквозная идея, которая разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка. Язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры.

Ценности культуры как предмет исследования в лингвистике концентрируются, локализируются, стыкуются, входят в целостность и получают осмысленные различия в области пересечения лингвокультурной преемственности и социального познания, которое осуществляется через призму национального "духа", ментальности, "окультуренного" мировидения и мировосприятия. Под лингвокультурной преемственностью в данном случае мы понимаем совокупность функционирующих в языке средств, способствующих формированию концептуального образа мира, посредством которых человек видит, оценивает и вырабатывает отношение к окружающей его действительности. «Овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры» [9,7].

Национально-культурная специфика концепта как единицы ментальности выявляется при сопоставительном изучении концептов в языковом сознании разных народов. Под концептом подразумевается совокупность всех значений и понятий, возникающих при произнесении и осмыслении данного слова в

сознании индивидуальной личности, а также систему представлений, образов и ассоциаций, рождающихся при сознательном или бессознательном механизме восприятия и ассоциирования. Основной функцией концепта является функция замещения не только основных значений слова, но и всех его возможных вариантов и оттенков употребления.[6, 3-9]. Выявление компонентов, составляющих ценностное ядро концепта, возможно при тщательном анализе оценочной семантики лексических единиц [2, 3, 7, 8], посредством которых тот или иной концепт репрезентируется в языке. Следствием аксиологической окраски культурных концептов является «семиотическая плотность» – представленность в плане выражения целым рядом языковых синонимов (слов и словосочетаний), тематических рядов и полей, пословиц, поговорок, фольклорных и литературных сюжетов и синонимизированных символов(произведений искусства, ритуалов, поведенческих стереотипов, предметов материальной культуры), что объясняется их значимостью в жизни человека. Являясь элементом социальной реальности, слово проявляет себя не только как носитель значения, но и как ментофакт национальной культуры. Соответственно применение аксиологического подхода к анализу языковых единиц дает возможность "проникновения" в закрытую для непосредственного наблюдения сферу ментальности, в систему ценностных установок народа или этноса, позволяет эксплицировать существующие в сознании ценностные доминанты, определить их набор и соотношенность с точки зрения универсальности и идиоэтничности. Таким образом, в концепте сконцентрирован многовековой опыт, культура и идеология каждого народа, которые синтезируются и фильтруются в тезаурусе языковой личности.

Специфика национально-культурной общности определяется целым рядом социальных отношений к миру: к Богу, к природе, к собственности и т.д.; На наш взгляд наиболее показательным признаком является отношение к женщине, поскольку в любую эпоху и в любом обществе отношение к женщине, отраженное в языке, характеризует уровень культуры нации в целом. Сам же концепт "женщина", равно как и концепт "мужчина", представляет собой проекцию стереотипных представлений о женщине и мужчине как носителях социально предписанных качеств и свойств, сформировавшихся на основании, семейных, общественных, этических, эстетических, половых и других функций. В этом отношении названные концепты способны выступать так же как общечеловеческие категории, поскольку они представлены практически во всех языках, и понятия культуры, поскольку, складываясь в недрах конкретной культуры, обладают национальной спецификой.

Поскольку в данной работе рассматривается отражение концепта «женщина» в русском и крымскотатарском языках, он неизбежно будет носить оценочный характер. «При восприятии объективного мира человек определяет для себя ценностные ориентиры. Все происходящее вокруг оценивается субъектом на основании принципа хорошо-плохо, добро-зло, красиво-безобразно, то есть объект действительности рассматривается с точки зрения его соответствия норме» [1, 7]. В определении оценки отдельных элементов концепта “женщина” в русском и крымскотатарском языках должны учитываться оценочные стереотипы, которые включают как собственные свойства концептов, образующих стандартные наборы признаков, так и стереотипные представления

о месте объекта в ценностной картине мира. Иными словами, опираются на объективные и субъективные факторы оценки. «В картине мира социума имеется некое постоянное усредненное представление о данном объекте с соответствующими количественными и / или качественными признаками» [4, 61]. Мы в данной работе концепт «женщина» в русском и крымскотатарском языках рассматриваем в совокупности своих моральных и поведенческих качеств, который реализуется в контексте и правовых, и моральных норм русского и крымскотатарского народов. Таким образом, в оценке концепта «женщина» в русском и крымскотатарском языках преобладают объективные компоненты в виде морально-бытовых норм этих народов.

Оценочная структура концепта «женщина» в рассматриваемых языках определяется целым рядом параметров, среди которых выделяются доминантные для поля "человек"—признаки—"внешний человек" и "внутренний человек". Первую группу составляют такие универсальные признаки, как внешность, манеры, поведение и др., а вторую - свойства личности, например, ум, душа и т.д. Далее можно выделять более частные признаки, если они играют какую-либо роль для носителей рассматриваемых культур и особым образом представлены в языке, вскрывая тем самым специфические характеристики конкретного языка.

Проведенный анализ показал, что доминантными областями при оценочной квалификации женской внешности в сопоставляемых языках выступают лицо, фигура, походка, одежда, эмоции. Значимым при оценке лица в русском, крымскотатарском языках является цвет волос, глаз и кожи. В русском языке выявлено достаточное количество лексем, называющих женщину по деталям лица, например, глаз: *синеглазка, черноглазка*; бровей: *чернобровка*; формы лица: *круглоличка*; цвета кожи и волос: *смуглянка, цыганка (перен.), белянка, чернушка, златовласка*. В крымскотатарских словах при оценке внешности акцентируются признаки цвета волос: *узунсачлы(длинноволосая), карасачлы(черноволосая), сачлы(густоволосая), къувурчыкъ сачлы(кучерявая), сия сачлы(очень черноволосая)*; бровей: *къаракъаш(чернобровая)*; глаз: *эля козьлю къаракозь(черноглазая), сим сия козьлю (темноглазая), сырлы козьлю (сурьмели); цвета кожи: бяз тенли(белокожая), цвет лица: альянакъ(краснощекая)*.

В крымскотатарском языке актуальными для оценки фигуры являются ее параметрические данные, например, рост. Он представлен следующими лексемами: *узунбаджъакъ(длинноногая), узун бойлю(высокая), дал-фидан бойлу(стройная, как тростинка)*; объем, пропорциональность, особенности телосложения: в крымскотатарском языковом сознании выделяется также аспект "женские формы", а именно "привлекательная округлость форм": *тольджа (полноватая)*. Оценочная квалификация походки и телодвижений, в частности, такие свойства, как скорость и равномерность перемещения тела в пространстве осмысляются в картине мира носителей русского языка, во-первых, через ряд позитивных качеств - активность, подвижность, легкость, соотносимых с молодостью, а также плавность, вальяжность, которые ассоциируются с представлениями о внутреннем достоинстве, знатном происхождении (*вострушка, резвуля, пава, лебедь, царица, дама*), в крымскотатарском языке (*байбике, бану, бике, шерфе, ханум (госпожа)*).

т.п. Очень часто в русском сознании положительная эстетическая оценка вступает в корреляцию с отрицательной моральной или интеллектуальной оценкой: *зелье, сирена, фуфюра, фифа, кукла*. В крымскотатарском языке мотивами положительной оценки выступают психологические основания, такие, как ум, духовная близость, "умение нравиться", например *акылылы* (умная), *ийли*, *яхшы* (хорошая) (в последнем случае сема "красота" претерпевает определенную нейтрализацию). Например: *Шимди исе, машалла! Яравы эткен кызы олгъан, Йылдызлар арасында Парлак бир йылдыз олгъан. (Исмаил Зиядин. Той) (А теперь, молодец! Она уже повзрослела, стала мастерицей, Среди звезд стала самой сияющей звездой) (И.Зиядин. Свадьба)*. Оценка женской внешности также способна варьироваться внутри одной культуры, что находит отражение в значениях слов, принадлежащих к различным функциональным стилям. Так, для разговорного пласта русской лексики характерно ослабление признака красоты с интенсификацией психологических оценок или усиление эстетического признака в сочетании с отрицательной этической и интеллектуальной оценкой (*милашка, душка, очаровашка, красотка, краля*). Для традиционно-поэтической и книжной речи характерно усиление положительной эстетической оценки одновременно с положительной эмоциональной оценкой (*богиня, очаровательница, принцесса, чаровница, королева, царица*). Интегральный признак "привлечение внимания" в русском языке реализуется преимущественно в дифференциальных признаках "способ привлечения внимания" (манеры, одежда, поведение) и "внутренние качества субъекта действия" (легкомыслие, непостоянство): *кокетка, фифа, вертушка, вертихвостка*. В крымскотатарском языке такие единицы немногочисленны и они несут резко отрицательную характеристику, ср. *кахпе, зампара, вардель, фаише* (распутная женщина).

Семантическая структура оценочных субстантивов, характеризующих лицо женского пола по признаку "одежда", представлена рядами интегральных и дифференциальных признаков. Так, признак "одежда" реализуется в семах "состояние одежды" и "отношение к одежде". В сопоставляемых языках при отрицательной оценке состояния одежды доминирующим является признак "неопрятность" (рус.: *распустеха, шишига*; крымскотат., *елпас* (неопрятная), *тис* (грязнуля).

В русских словах данный признак, напротив, является одним из основных при характеристике одежды лица женского пола (*модница, форсунья, франтиха, топ-модель*). Интегральная сема "отношение к одежде" наиболее ярко проявляется в семантике русских существительных (*шмоточница, тряпичница, куклолка, фифа*), тогда как в крымскотатарском языке рассматриваемый признак реализуется лишь в коннотации у лексем *модлы, фасонлы* (модная). Следует отметить, что данные лексемы являются заимствованными из другого языка, но с прибавлением крымскотатарских аффиксов.

В крымскотатарском языке в большей степени, нежели в русском, отмечается совмещение эстетической оценки с этической оценкой поведения, например: Так, если в русском языке значительное количество слов по сравнению с крымскотатарским языком, обозначает "некрасивость, отсутствие привлекательности", то в крымскотатарских текстах они почти не встречаются

и акцент, главным образом, делается на признаке "неброской красоты, неяркости", при этом положительная и отрицательная оценки резко антонимичны, что ведет к осуждению яркости во внешнем виде: например, *Бетинде сепкиллиси де бар.Лякин аялама кьою дегиль, сийрек-серпек. Сачлары да сарышын, менимкидай гурь дегиль. Мавы козьлери бетине бек яраша. Агъызы, дудаклары оймакъ киби. (А. Ильмий. Ачлыкъ хатирелери). (На лице и веснушки есть. Но не частые, редкие. И волосы рыжеватые, но не густые. Голубые глаза ей очень к лицу. Рот и губы напоминают наперсток. (А. Ильмий. Воспоминание о голодных временах)).*

Это позволяет сделать вывод о том, что в русском сознании красота определяется преимущественно предписанным набором атрибутов, которые составляют один из существующих типов красоты (славянский, русский, восточный), ср. также: *классическая красота, истинная красота, настоящая красота*. В крымскотатарском языковом сообществе при оценке женской красоты акцентируется естественная красота объекта, которая воспринимается как красота и гармония, созданная самой природой, ср. также с личными женскими именами *Гульнара* (букв. цветок граната), *Гульназ* (букв. нежный цветок), *Айдан* (букв. с луны) и т.д. Также в крымскотатарском языке встречаются имена, обозначающие другие жизненные ценности, ср. *Рефика* (букв. спутница, судьба), *Сеадет* (счастье), *Назлы* (нежность). Иными словами, для русских красота - это то, что предписано другими, тогда как для крымских татар красота - это то, что дано природой, а не заслуга самого человека. Может быть, этим объясняется отсутствие комплиментов крымскотатарским женщинам.

Данные, полученные при исследовании определений и сравнений в русском и крымскотатарском языках, позволяют сделать вывод, что описывая одни и те же качества женщины, их сопоставление с разными реалиями, имеющими прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их культуре, обычаям и традициям, о наличии в каждом языке определенной системы точек отсчета, через которые преломляется все дальнейшее формирование представлений у носителей соответствующих языков. Таким образом, язык несет на себе отпечаток духовной и материальной культуры народа. Семантическая интерпретация и системный анализ лексем их сопоставительная характеристика предоставляют данные для выявления и классификации ценностных ориентаций человека как носителя языка и культуры и в целом для изучения структуры личности в аксиологическом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемова А.В. Эмотивно-оценочная объективация концепта женщина в семантике ФЕ (на материале английской и русской фразеологии). / Автореферат. – Пятигорск, 2000
2. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. - М., 2001.
3. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). - М., 1998.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М: Наука, 1985
5. Карасик В.В., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж, 2001. - С.75-80.

6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка.// Известия АН СССР, Сер.лит.и яз., т.52. № 1,1993
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. - М., 2001.
8. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. - М., 1999.- С. 13 - 24.
9. Шмелев А.Д. Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры / Вступит. статья кн. А.Вежицкой "Понимание культур через посредство ключевых слов". - М., 2001.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК 81'373.7: 811.111: 811.512.145

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ МИКРОСИСТЕМА «ВЫСКАЗАТЬ МЫСЛЬ, СУЖДЕНИЕ» В КРЫМСКОТАТАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Кубединова Л.Ш.

Сознание человека формируется в процессе общения между людьми. Совершающийся на основе совместной практической деятельности процесс духовного, сознательного общения между людьми осуществляется посредством речи.

Процессы речи относятся к высшим психическим процессам человека.

Одной из основных функций речи является коммуникативная функция. Большинство психологов сходятся во мнении, что коммуникативная функция имеет три формы её содержания или три стороны: информирование - сообщение новых знаний, убеждение - изменение системы мотивов и ценностей и волеизъявление - непосредственное побуждение к действию [6,7,11].

Убеждение имеет две стороны: высказывание своей мысли, суждения и обсуждение чего-л., в котором каждый отстаивает свое мнение. В данной же работе для нас представляет интерес только одна сторона этого процесса «высказывание своей мысли, суждения».

Целью настоящей статьи является сопоставление двух микросистем фразеологизмов со значением «высказывание своей мысли, суждения» в крымскотатарском и английском языках. В наши задачи входит: описание заданных фразеологических микросистем двух языков в отдельности и сопоставление их.

Материалом исследования являются крымскотатарские и английские глагольные фразеологические единицы, полученные в результате сплошной выборки из статей «Сёз бирикмелери» Усеина Куркчи, из «Русско-крымскотатарского фразеологического учебного словаря» профессора А. Эмировой и Большого Англо-русского фразеологического словаря Кунина А.В.

Как известно, «разграничение переменных и устойчивых словосочетаний зародилось в исследованиях немецких ученых XIX-XX столетий Г. Пауля, О.Бехагеля, И.Риса»[10:8]. Однако впервые научную классификацию неразложимых сочетаний слов разработал, опираясь на труды А.А. Шахматова, Н.К.Кульмана, А.А. Потебни и других отечественных лингвистов, академик В.В. Виноградов [2:21-28]. Эта классификация легла в основу современных фразеологических теорий, которые, однако, существенно различаются, и поэтому вопросы определения ФЕ и границ фразеологии остаются спорными [3:90]. Под фразеологизмами нами понимаются устойчивые обороты языка, наделенные целостными, а иногда частично целостными значениями, которые вступают в смысловые и грамматические связи с другими языковыми единицами и имеют постоянную, соответствующую традициям воспроизведения в речи, компонентную структуру [9:4-5].

Все чаще стал употребим в современном языкознании термин «фразеологическая микросистема», которым обозначают сравнительно небольшие в своем количественном составе структуры группирования ФЕ. Так, например, фразеологической микросистемой можно считать синонимический ряд, объединение двух и больше синонимических рядов (семантическая группа), объединение двух и больше семантических групп (семантическое поле) и т.д. [9:40].

Изучение фразеологических систем языков в полном объеме может быть успешным лишь при условии тщательного анализа отдельных подсистем и микросистем как носителей общих и специфических признаков, свойственных всей системе.

Фразеологическая микросистема «высказывать мысль, суждение» в английском языке делится на шесть синонимических ряда, первые четыре из которых, мы будем рассматривать по степени градации: подшучивать (9), насмеяться (15), критиковать (28) и ругать(37). Если ФЕ, входящие в синонимический ряд «подшучивать» имеют положительные коннотации, выражая мягкое осуждение, неодобрение чего-л., то все остальные синонимические ряды - со знаком минус.

«подшучивать»

Go beyond a joke – заходить в шутке слишком далеко; *Make a joke of smth.* – свести что-л. к шутке, обратить что-л. в шутку; посмеяться над чем-л.; *Crack a joke* – отпустить шутку, пошутить;

ФЕ, с интегральной семой «насмеяться», имеют в своем составе такую лексику как *fun, laugh, fool*. Чтобы выразить более негативное отношение, одними из составляющих компонентов ФЕ являются слова “scorn” и “sting”.

«насмеяться»

Laugh in smb.'s face – разг. смеяться в лицо кому-л., открыто смеяться над кем-л.; *Make a fool (an ass) of smb.* – одурачить, поставить кого-л. в глупое, дурацкое положение, посмеяться над кем-л. (make a monkey out of/of smb.); *Make fun (game, sport) of smb.* - высмеивать кого-л., насмеяться, потешаться, подшучивать кого-л.; поднять кого-л. на смех; *Laugh smb. (smth.) to scorn (pour scorn on smb/smith.)* – книжн. высмеивать кого-л.; *Point the finger of scorn at smb.* - насмеяться, презрительно отзываться о ком-л.; *Sting like a wasp* – «жалить как оса», больно задевать;

Следующий синонимический ряд ФЕ отражает различные степени критики, как, например, просто возражать (против) или подвергать уничтожающей критике.

«критиковать»

Doctors differ (disagree) – мнения авторитетов расходятся (часть выражения who shall decide when doctors disagree); *Heap reproaches on smb. (hurl reproaches at smb.)* – осыпать упреками кого-л.; *Take exception (to)* – возражать (против); не одобрять; *Pick a hole (holes) in smb. (smth.)* – выискивать недостатки в ком-л., придирается к кому-л., критиковать кого-л.;

Если мы возьмем ФЕ, выражающие крайнюю форму критики, то увидим, что все они – полностью переосмысленные метафорические фразеологические единицы, основанные на сходстве таких действий, как физическая расправа или

физическое наказание. Особую эмоционально-экспрессивную оценку данным ФЕ придадут такие компоненты, как *lash, knife, to cut, to blow (up)*.

Throw the book at smb. – наказать кого-л., резко упрекать или сурово критиковать кого-л.; *get (have) one's knife into smb. (have one's knife in smb.)* разг. воспылать злобой к кому-л.; резко нападать, напустить на кого-л.; беспощадно критиковать кого-л.; *cut (pick, pull, tear) to pieces (smb./smth.)* - раскритиковать, разнести (в пух и прах) кого-л. или что-л.; *be under the lash* – подвергнуться резкой, суровой, уничтожающей критике;

С.И.Ожегов в «Словаре русского языка» дает такое определение слову «ругать»: 1) то же, что бранить; 2) резко порицать, выражать свое недовольство в грубых резких словах. Насколько грубая и резкая форма общения применяется при таком акте коммуникации можно судить по яркой экспрессивности таких компонентов, как *mire, mud, dirt, hell, stone, to cast, to bite off, to drag* и т.д.

«ругать»

Bite (snap) smb. 's nose (head) off – резко, грубо ответить кому-л., огрызнуться, оборвать кого-л.; *give smb. hell.* – задать жару, перцу кому-л., ругать на чём свет стоит кого-л., всыпать по первое число кому-л.; *fling (sling, throw) mud at smb.* - забросать кого-л. грязью, смешать кого-л. с грязью, облить помоями, очернить кого-л.; поносить, осыпать кого-л. бранью; *drag smb. through the mire (mud)* – облить кого-л. грязью, смешать кого-л. с грязью, втоптать чье-л. доброе имя в грязь;

Следующие два синонимических ряда как бы противопоставлены друг другу по значению. Первым является «учить уму-разуму» (7), а второй - «отстаивать свое мнение» (3).

«учить уму-разуму»

Talk to smb. like a Dutch uncle – учить кого-л. уму-разуму; *drive home to - (суметь) доказать, убедить, втолковать; вбивать в голову; come the old soldier over smb.* – командовать кем-л., поучать кого-л.

«отстаивать свое мнение»

Stand pat – держаться твёрдо, стоять на своём, не менять своей позиции; *take a stand* – отстаивать свою точку зрения, настаивать на своём; *get (have) one's own way* – настаивать на своём, гнуть свою линию.

Фразеологическая микросистема «высказывать мысль, суждение» крымскотатарского языка в значительной степени отличается от таковой в английском языке. Она состоит из трёх синонимических рядов: ругать (10), учить уму-разуму (8) и отстаивать свое мнение (10). Как ни странно, но в исследуемом нами материале крымскотатарского языка нами не обнаружены фразеологизмы со значением «подшучивать, шутить» и «критиковать», также найден только один фразеологизм со значением «насмехаться» - *Тилине тюшмек* кимнинь - попадать на зубок кому-л., чей-л., являться предметом язвительных насмешек.

Фразеологизмы синонимического ряда «ругать» хоть и имеют явно негативную оценку, но их компонентный состав уступает в грубости и резкости своих значений фразеологизмам английского языка соответствующего синонимического ряда.

«ругать»

Запарта бермек(чекмек) кимге – давать (задавать) жару кому-л.; *Яхиш эттип къыздырмакъ* кимни – давать перцу кому-л., дать прикурить кому-л.; *Песасыны бермек* кимге – сильно ругать, бранить кого-л.; *Зыкъы бермек* кимге – давать (задавать) перцу кому-л., сильно ругать кого-л.; *Омрю-кунюни ашамакъ* кимнинь – изводить кого-л. бесконечными замечаниями, попреками, непрерывно бранить; *Чамургъа буламакъ* кимни – смешивать с грязью кого-л., чернить, оскорблять;

Синонимические ряды «учить уму-разуму» и «отстаивать свое мнение» превосходят в количественном отношении фразеологизмы соответствующего значения в английском языке. Скорее всего, это говорит о большем влиянии людей старшего поколения на молодёжь в крымскотатарском обществе в сравнении с таковым представителей нации туманного Альбиона. Хотя далеко не все фразеологические единицы данного ряда имеют положительную оценку, что говорит о нежелании, что свойственно молодежи, слушать чьи-либо наставления и поучения.

«учить уму-разуму»

Динге-имангъа кетирмек кимни – проветрить мозги кому-л., образумить кого-л., принудить одуматься; *Акъыл бермек (огретмек)* кимге – учить уму-разуму ког-л., наставлять на ум; *Акъылына (къулагъына) къоймакъ* кимнинь, нени – вбивать (вколачивать) в голову (башку) кому-л., что-л.; *Башыны-мийини ашамакъ (чокъумамакъ, сарсытмамакъ)* кимнинь – капать на мозги кому-л., нудно наставлять, поучать кого-л.; *Баштан (ёлдан) чыкъармамакъ* кимни – сбивать с панталыку кого-л., воздействуя каким-либо образом, побуждать изменить поведение в худшую сторону;

Что касается синонимического ряда «отстаивать свое мнение», то количество ФЕ, входящих в его состав, лишний раз подтверждает сложившееся мнение о такой национальной черте крымскотатарского народа как упрямство.

Поразительна разница между английским и крымскотатарским языками в соотношении между общим количеством ФЕ, входящих в данную микросистему, и количеством ФЕ, входящих в данный синонимический ряд. В английском языке - 99/3, в крымскотатарском – 28/10.

«отстаивать свое мнение»

Агъызына шап къыстырсаң (сокъсан) да кимнинь – Хоть кол на голове теши; *Истесенъ къулагъына давул (давул-зурна) чал* кимнинь – Из пушки не прошибёшь кого-л, хоть кол на голове теши; *Стесенъ парчалан (парча кесек ол)* – Что не говори, хоть разорвись (буду стоять на своём); *Бир динъде турмамакъ* – стоять на своём, отстаивать своё мнение; *Аякъ тиремек (лафта)* – стоять на своём, противиться чьим-л. советам;

Проведя исследование двух микросистем со значением «высказывать мысль, суждение» в английском и крымскотатарском языках, мы пришли к выводу, что структура обеих микросистем значительно отличается друг от друга, как в количественном отношении, так и в отношении наполнения обеих микросистем. В микросистеме крымскотатарского языка отсутствуют синонимические ряды со значением «шутить», «насмехаться» и «критиковать». Но в обеих микросистемах синонимический ряд «ругать» изобилует большим количеством фразеологизмов с яркой эмоциональной окраской. Что касается синонимических рядов «учить уму-разуму» и «отстаивать свое мнение», то

различия в количественном отношении, как и в отношении компонентного состава, являются следствием различий национальных традиций, в истории и в национальных портретах представителей обеих наций.

Источники и литература

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
  2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947.
  3. Кунин А.В. Большой Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Живой Язык, 1998. – 944с.
  4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, Дубна: изд. центр Феникс, 1996. – С.381.
  5. Куркчи Усеин «Сез бирикмелери»//«Йылдыз».–Симф., 1987.-№1-С.127-135, №2-С.136-141, №3-С.140-143, №4-С.135-139, №6-С.136-140, 1988.-№1-С.137-140, №3-С.134-138, №4-С.136-140, 1989.-№1-С.139-144, №2-С.139-144.
  6. Общая психология/Под ред. В.В. Богословского, А.А. Степанова, А.Д.Виноградова – 3-е изд., перераб. и доп. – М.:Просвещение, 1981. – 383 с.
  7. Общая психология/Под ред. А.В.Петровского. - №-е перераб. и доп. – М.: Просвещение. 1986. – 464 с.
  8. Петрова Л.А. Интенции речевого действия в художественной картине мира// «Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского», серия «Филология», том 17(56) №1.
  9. Прадид Ю.Ф. Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь. Эмоции человека. Симферополь; 1994.
  10. Прадід Ю.Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) / НАН України, Ін-т української мови; Відп. ред. О.О. Тараненко. – К.: Сімферополь; 1997.
  11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2т. – М.: Педагогика, 1989. – Т.1-2.
  12. Эмирова А.М. Русско-крымскотатарский тематический фразеологический словарь
  13. Эмирова А.М. Сопоставительная характеристика фразеологии русского и крымскотатарского языков: универсальное и специфическое // Культура народов Причерноморья – Симф., 1998. - №5 – С.329-332.
- Longman Idioms Dictionary Addison Wesley Longman Limited. UK, 2000. – 398p.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК – 811. 512. 145

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКТОВ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Оказ Л. С.

*Дослідження здійснено
за підтримкою ДФФД України
у межах проекту «Відродження культурної
спадщини кримських татар: мова і література»*

Национально-культурная специфика каждого языка определяется особенностью взаимодействия разноуровневых систем и их самореализации внутри синтаксических конструкций – репрезентаторов национального мышления.

Будучи самостоятельными единицами отдельно рассматриваемых уровней, лексемы, морфемы и синтаксемы в совокупности являются «строительным материалом» высказывания. Под понятием «строительный материал» в синтаксисе можно подразумевать «словосочетание», «часть», «компонент», «конституент» [1; 2], в лексикологии «компонент» [3, 233], в морфологии «часть речи» и «часть слова», в логике «непосредственно составляющее» [4, 447]. Что же это: компонент... или конструктор?!

«Синтактико-семантические признаки в содержании синтаксем доказываются экспериментально и устанавливаются с учетом синтагматических свойств синтаксем, т.е. дистрибутивных особенностей анализируемых сочетаний» [5, 32]. На наш взгляд, все термины, приведенные нами выше, за исключением последнего, определяют понятия, относящиеся к единицам разных уровней, без учета их участия в синтагматических отношениях, «возникающих между последовательно расположенными единицами языка при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте» [6, 447]. «Непосредственно составляющее» - это элемент иерархически построенной словообразовательной структуры слова и синтаксической структуры словосочетания и предложения. Мы же, пытаемся понять глубинную структуру высказывания, выходящего за рамки формальных моделей языка [7, 332], функционально-семантические особенности взаимодействующих единиц языка, определить схему, обозначающую предназначение и использование «строительного материала» в речи. «Но схема сама по себе не дана в языке и речи, этот лингвистический конструкт возможен лишь постольку, поскольку в языке и речи существует его лексически наполненные репрезентации» [8, 86]. А значит нет смысла в поиске первичности «синтаксической схемы» и вторичности «лексической реализации» [9, 124.], стоит говорить о единстве, воплощенном в борьбе двух противоположностей: формы и содержания.

Думаем, что понятие «конструкт» (от англ. construct – строить, элемент иерархически построенной синтаксической структуры, который обладает собственными лексико-семантическими, структурно-морфологическими и функциональными особенностями) – это та форма абстрактного объединения единственного, особенного и общего в познании действительности, которая передается предложением [10, 497]. Кроме того, учет сложных взаимосвязей формул конструктов, их прагматических функций и их конкурентов среди других формул является необходимой предпосылкой теории предложения в рамках коммуникативного подхода [11, 21- 27].

Методами непосредственно составляющих, трансформации, конструктивной логики, компонентного анализа, дистрибутивно-описательной методики в предложении можно выделить 2 вида конструктов: структурные и функциональные.

Под структурными конструктами (СК) мы подразумеваем сочетания слов, словосочетания (в том числе предикативные и непередикативные) и предложения (разные по структуре, способу и средствам образования), представленные формальными моделями, состоящими из слов.

Функциональные конструкты – это единицы языкового строя, «относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций» в рамках коммуникативной реализации формальных моделей [12, 565]. Условно ФК можно разделить на 3 группы: информационные, акцентирующие, связующие.

Информационные функциональные конструкты (ИФК) – это элементы, представляющие предикативное ядро предложения, его грамматическую основу и передающие сообщение о коммуникативной действительности (действии, состоянии или явлении): предикат и субъект (для нас строгая синтаксическая структура тюркских предложений – это не формальный постулат, а реальность, представленная вторичной функцией конструктов, стоящих в препозиции, т.е. зависимое+главное или всегда фактическое или логическое наличие предиката, без которого самостоятельность субъекта относительна).

Акцентирующие функциональные конструкты (АФК)– это элементы, расширяющие смысл сообщения о коммуникативной действительности, которые вносят дополнительные сведения об информационном ядре предложения (информационных конструктах): признак субъекта (определение), признак объекта действительности (вспомогательное определение), объект действительности (дополнение), признак действительности (обстоятельство).

Определение – это АФК, который обозначает количественные, качественные признаки или признаки субъекта по действию, и отвечает на вопросы какой? который? сколько? каким образом возникший? В крымскотатарском языке определение, будучи определяемым компонентом, всегда располагается перед определенным, например: *Тар ёлчыкъ дешетли эки геджеден кельген яшны кучюк бир аранчыкъ янына алып чыкты.* (Р.М.)

По структуре определение может быть простым и сложным: *Чёльни ве кокни сары-мавы ренкли тютюн басты.* (Ш.А.); *Будақылы сараргъан/, кызыл бенеки сийрек-сандыракъ япракълары къалгъан/ тереклер хаста адамны андыра эдилер.* (Р.М.)

Определения, обозначающие один признак, называются простыми, два и

более признака – сложными* (*В тюркологической литературе обычно используют термин «развернутые, распространенные»). Мы думаем, что для классификации элементов по структуре правильнее использовать термины-антонимы, т.е. простые-сложные, а предложения, в которых использованы/неиспользованы конструкторы той или иной структуры, распространенными/нераспространенными, сверхраспространенными (кенъиш олган/ кенъиш олмаган/ кенъишленген). Обычно простые определения бывают выражены одним словом (простым, составным или сложным) или простым по структуре словосочетанием: *Уйкен матрос шу ярыкълардан даа нек узакъламакъ ве Заречная коюне бармакъ ичюн яваш-яваш, къарар эсабы, кунбатыгъа арекет эте башлады. (Р.М.)*. В состав сложных определений может входить несколько полнозначных лексем, причастий (причастных оборотов), простых и сложных словосочетаний: *Секиз кунь, секиз геджеден сонъ, экспедиция азалары къыбырданмагъа алы ёкъ, меджалсыз, яри тири алда къум устонде яткъанда, буларгъа якъынджа ерден тесадоуфен кечаяткъан машинанынъ шофери оларны сезе... (Ш.А.)* Сложные определения иначе называют распространенными. Распространенные определения иногда могут состоять из однородных элементов (отвечать на один и тот же вопрос, быть выраженными одной и той же частью речи и связанными между собой сочинительными отношениями.), например: *О якъта къартон, мысырбогъдай таралары, ондан бираз сачма тичен мейданы козьге илшити. (И.П.)*

Принимая во внимание особенности построения тюркского предложения, важно правильно обозначить функции определения. На наш взгляд, можно выделить, по меньшей мере, два функциональных типа определений: 1) по признаку отношения к главным и второстепенным конструкторам предложения - основное, которое определяет признак подлежащего, и дополнительное, определяющее признак второстепенных конструкторов предложения; 2) по семантической предназначенности - главное и вспомогательное, которые определяют иерархию последовательности признаков. Например: *Иште бу тошонджелер онъа зеркирей башлагъан елли ягъмурны да унуттырдылар. (Р.М.)*, где «бу» - основное определение, а «онъа зеркирей башлагъан елли» - дополнительное, «елли» - главное, «онъа зеркирей башлагъан» - вспомогательное.

Э.С. Акъмоллаев делит определения на две группы: определяемые «сыфатлайдыжы айырылдылар» и конструкции с родительным падежом существительных и лично-притяжательных местоимений «саиплик айырылдылар» [13].

Определяемые определения могут быть выражены следующими частями речи:

- **прилагательными:** *Анифе козьышлы конбур козьлерини Рамазангъа кетерди. (Ю.Б.);*
- **существительными, отглагольными существительными:** *Даа деми корюшюв къуванчындан делиреягъан тувгъанларнынъ арасына сувукълыкъ тошито, бир анъ ичин-де бири-бирине ят олдылар. (Ю.Б.);*
- **числительными:** *Учь къыш, учь яз душман чызмаларынен тапталгъан ер юзю нисликтек арынгъанына шадланыр киби, чечекли ешилъ макъатнен*

- *орьтунди, тазе кьокьуларнен сесленди, баарьге кьуванган кьушларнынъ Нагъмелеринен шенгленди. (Ю.Б.);*
- **местоимениями:** *Мельунлар озьлери де бизим дагъ къарталларындан ойле кьоркьалар ки, шуннынъ ичюн бу койлерде пек вахший джеллятлыкъ режими укюм сюрмекте. (Р.М.);*
- **причастиями и причастными оборотами:** *Сахрада ачдыкътан олеяткъан геологларнынъ аяты романтикалы... билесингизми, севги! (Ш.А.)* (Причем прилагательное «романтикалы» в данном случае не является определением, т.к. выражает не атрибутивные, а предикативные отношения между предметом и признаком, обозначая, таким образом, состояние предмета и выполняет функцию сказуемого.)
- **наречиями:** *Пек чокъ тарлаларда памукъны от басты. (Ю.Б.);* *Анифенинъ кьулагъына бу сьзлер пек узакътан кельген тыныкъ ве анълашылмаз давушлар олып чалынды. (Ю.Б.)*

Что касается второй группы определений, на наш взгляд, их не стоит выделять из состава изафетного словосочетания, построенного на взаимоуправлении элементов, правильнее было бы рассматривать их актантными элементами в составе сложных подлежащих или дополнений. На наш взгляд, подобный подход к конструкциям с родительным падежом существительных и лично-притяжательных местоимений сделает структуру тюркского предложения более прозрачной и доступной в восприятии (пора бы понять, что грамматика создается не ради грамматики, ее основная цель – воспроизвести и создать перспективную модель коммуникации для более продуктивного развития речи коммуникаторов).

Дополнение – это второстепенный конструкт предложения, который вносит дополнительные (недостающие) сведения об объекте, орудии и направленности действий субъекта суждения. Взаимосвязь дополнения с другими конструктами предложения осуществляется посредством подчинительной связи - управления. Как правило, дополнение отвечает на вопросы дательного (кому? чему?) - *Менимэркеклернен бир чалышаджагъыма бу да козь туттырамай. (Ю.Б.)*, винительного (кого? чего? что?) - *Канар агъызынадже толган сонъ, оны ерге янтайып, сагъ аягъыны онынъ ичине тыкъты ве балабан чувалны онъгъа солгъа бургъалап, памукъны ныкътады. (Ю.Б.)*, творительного (с кем? с чем?) - *Худжур шей, боллок мудури сабадан бу фармазоннен не иш яна экен. Барат аканен мен озюм анълашырым. (Ю.Б.)*, и предложного (о ком? о чем?) падежей - *Сьз Осман акъкъында эди. (Ю.Б.)*

Как правило, дополнения, выраженные именем существительным в винительном падеже, обозначают прямой объект действия, иные дополнения – косвенные передают общие представления об объекте действия.

По структуре дополнение может быть простым и сложным. Простое дополнение состоит из одной лексической единицы, сложное может быть представлено несколькими словами, словосочетаниями или сочинительными сочетаниями слов (например, однородные дополнения связываются между собой при помощи сочинительной связи): *Эльпиденинъ омюрини, танышлыкъ даиресини, огренмекни, козетмекни девам эттим. (Э.У.)* Кроме того, наш пример показывает, что дополнения могут быть представлены изафетными

словосочетаниями, в составе которого выделяется актантный элемент – дополнительное определение в родительном падеже.

В составе сложного дополнения можно выделить дополнительные определения (по структуре простые или сложные): *Анам, башына бенекли явлукъ ортъкен, оджакъ башында пиширмек иле мешгзуль.* (Э.У.); *Пек яхшы, яни мусбет характеристика бердим.* (А.О.)

Дополнение может быть выражено:

- **именем существительным:** *Энъ сонъунда сёзге чыкъкъан Фокин кечиктирильмеси мумкюн олмагъан ишлер акъкъында айтты.* Лякин алтын акъкъында лям-мим демей. (Ю.Б.);
- **местоимением:** *Мемет агъа тракторыны кочюрт, оны ёл башындаки гаражгъа догъру айдап кетти.* (Ю.Б.);
- **субстантивированным прилагательным:** — *Догърусыны айт, кетмеге не себеп олды?* (Ю.Б.);
- **числительным:** *Бу бекленильмеген раст келишюв экисини де шашырды ве олар айтышмагъа сёз тапамадан, бир къач сание козьлерини бири-бирине джылтылаттып къалдылар.* (Ю.Б.);
- **отглагольным существительным:** *Агъырлашкъан, къуришун кесильген козь къапакълары юмулып, юкъугъа кете. Кете амма, онынъ юкъусыны кескин бир гъырчылыты боле* (Ю.Б.).

Особый интерес представляют дополнения, несущие глагольные признаки или, состоящие из именной части речи и глагола, например: *Лякин адыны эшиткен сонъ, лячаре турмакъ ве ятакъ одасындан чыкъмакъ керек олды.* (Ю.Б.); *Окъумакъ истедим.* (Ю.Б.); *Бир къач ай мында ишлеп, тойдыкъ пара чыкъармакъ истейим.* (Ю.Б.); *Багъышла, манъа къую къазмакъ керек.* (Р.М.)

АФК предложения, обозначающий состояние, место, степень, цель, образ, способ, силу, качество, время, результативность действия и отвечающий на вопросы: как? каким образом? в какое время? с какой целью? зачем? в какой степени? с помощью чего? - называется обстоятельством. Кроме того, рассматриваемый конструкт, расположенный в препозиции по отношению к глагольному сказуемому правильнее называть «приглагольным определением» [14, С.139], что более четко обозначает его позиции и функциональные особенности.

Исходя из функциональных особенностей и значений данного конструкта предложения, можно привести следующие его разновидности:

- **места:** *Я мында не ишнен кельдинъ?* (Ю.Б.);
- **времени:** *Аяз сувукъ бир къыш геджеси Анифе баласыны юкълатып, сокъакъкъа чыкъмакъ ичюн юн шалына бурюнгенде, гъафлеттен къапы къакъылды.* (Ю.Б.);
- **причины:** *Онынъ себебинден яшларымыз афталарнен тырашсыз юрелер* (Ю.Б.);
- **цели:** *Анифе кечинишлик беш-он катик къазанмакъ ичюн, къолум-къомишугъа машинанен урба тике.* (Ю.Б.);
- **уступки:** *Устьлерине ташлангъан къабааткъа бакъмадан, Фокин ве Ким Димитрий агъызларыны ахмадылар, итираз этмедилер.* (Ю.Б.);

- **образа действия:** *Къонъур козьлю къадын тизлеринден кельген джарты пальтосынынъ якъасыны котерди, эллерини хачлап пальтосынынъ енълерине сокъты ве резина чызмаларынен сазлы балчыкъта терен излер къалдырып, орьме чубукъ къапыдан топракъ ёлгъа чыкъты. (Ю.Б.);*
- **сравнения действий:** *Анасынынъ назик бакъышыны сезер киби, юкю арасы кулюмсиреп алды. (Ю.Б.);*
- **сравнения состояний:** *Онынъ сарылыкъ тюшкен тегиз манълайы, солгъун эсмери бети, уфачыкъ агъызыны черчивелеген индже дудакълары кузь авалары киби сытыкъ ве гъамлы эдилер. (Ю.Б.);*
- **способа действия:** *Не олсун, бундан учъ кунъ эвельси азизликни писле топракъны трактор сабанынен лапачлап-лапачлап ташладылар. (Ю.Б.);*
- **силы и степени действия:** *Ёлдан кечкенлер бу къара ёлаккъа къоркъунен бакъа ве тез-тез айлянып кетелер. (Ю.Б.);*
- **результативности действия:** *Машина онъгъа бурулып, энъишли-ёкъушлы балчыкъ ёлдан кете-кете, кучючик бир дам эвге барып битишкен аралыкъкъа келип даянды. (Ю.Б.);*
- **качества действия:** *Басыкъ дам эчикнинъ къапысы гъырджылдынен ачылып, азбаргъа узун бойлу, тегиз эндамлы яш бир къадын чыкъты. (Ю.Б.);* *Артист экенсингиз, ролюнъизни пек яхшы ойнадынгыз. (Ю.Б.).*

Рассмотренные нами структурно-морфологические и некоторые функциональные особенности акцентирующих (второстепенных) функциональных конструкторов предложения, взаимодействующих друг с другом, указывают на то, что каждый язык, в частности, крымскотатарский, имеет идентификационный образец высказывания, понимание которого с учетом лексико-семантических особенностей сочетаний слов и словосочетаний, возможно в будущем поможет нам не только в достаточной мере овладеть крымскотатарским языком, но и сделать значительные шаги в разрешении проблемы ассимиляции крымскотатарского языка, в частности, его синтаксиса.

Литература

1. Грамматика русского языка/ ред. кол. акад. В.В. Виноградов, член-кор. АН СССР Е.С. Истрина.- М.:Изд-во акад. Наук. СССР.- Т.2.- Ч.1, 1954.- 703с.
2. Сорокин С.В. Система мікросинтаксису турецької мови: Дис... канд. філол наук: 10.02.13/ Київський національний ун-т ім. Т.Шевченка.- К., 2001.- 209 а.
3. Лингвистический энциклопедический словарь/ гл. ред. В.Н. Ярцева.- М.: Советская энциклопедия, 1990.- С. 233.
4. Лингвистический энциклопедический словарь/ гл. ред. В.Н. Ярцева.- М.: Советская энциклопедия, 1990.- С. 447.
5. Шерер Т.К. Финальные субстантивные сочетания с предлогом for в английских предложениях// Структура синтаксиса словосочетания и предложения в германских языках: Сб. науч. тр./ отв. ред. П.И. Шлейвис.- пятигорск: Пятигорский пед. Ин-т, 1990.- С. 31-38.
6. Лингвистический энциклопедический словарь/ гл. ред. В.Н. Ярцева.- М.: Советская энциклопедия, 1990.- С. 447.
7. Хомский Н. Синтаксические структуры/пер. с англ.//Новое в зарубежной лингвистике.- М., 1962.- №2.- С. 412-527.
8. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. –М.: Эдиториал УРСС, 2001.- С. 86.
9. Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М.: Наука, 1976. – С. 124.
10. Філософський енциклопедичний словник. –Київ: Абрис, 2002.- С.497.

11. Феличкина Г.П. Синтаксис и прагматика обращений в разговорном немецком языке// Структура синтаксиса словосочетания и предложения в современном английском языке: Сб. науч. тр./ отв. ред. П.И. Шлейвис.- пятигорск: Пятигорский пед. Ин-т, 1988.- 135с.
12. Лингвистический энциклопедический словарь/ гл. ред. В.Н. Ярцева.- М.: Советская энциклопедия, 1990.- С. 565.
13. Акмоллаев Э. Къырымтатар тилининъ амеляты. Синтаксис.- Ташкент: Укьитувчи, 1989.- С.3 - 84.
14. Меметов А., Мусаев К. Крымтатарский язык. Ч.1. Общие сведения о языке. Ч.2. Морфология. Учебное пособие.- Симферополь: Крымучпедгиз, 2003.- 288с.

Перечень условных сокращений:

А.О. - Айдер Осман
И.П. - Ибраим Паши
Ф.М. - Решид Мурад
Э.У. - Эрвин Умеров
Ю.Б. - Юсуф Болат

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК 811.512.145. (477.75)

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Меметова Э. Ш.

*Дослідження здійснено
за підтримкою ДФФД України
у межах проекту «Відродження культурної
спадщини кримських татар: мова і література»*

П р а в и л ь н о выражать свои мысли и чувства – значит строго придерживаться литературных норм крымскотатарского языка. Говорить т о ч н о – уметь из множества синонимов выбрать наиболее подходящий, отвечающий требованиям выбранного стиля. Говорить в ы р а з и т е л ь н о – значит выбирать слова образные, эмоционально и экспрессивно обогащающие вашу речь.

Обозначенной в нашей статье проблеме в крымскотатарском языкознании посвящено несколько работ [3,4,5,6], однако, на наш взгляд, они недостаточно полно отражают имеющиеся в языке экспрессивные ресурсы, что и подтверждает актуальность данного исследования.

В славянском языкознании [2,7,8,9,10] данный аспект изучен более широко и всесторонне.

Выразительность речи проявляется в разных формах. Писатель или поэт использует необычные синтаксические обороты или слова в переносном значении. Все эти средства являются образными средствами поэтического языка.

В крымскотатарском литературном языке имеется немалый фонд с устойчивой эмоционально-экспрессивной окраской. Оттенки этой окраски чрезвычайно разнообразны, и обусловлены, естественно, отношением говорящего к предмету разговора. Выделяются следующие оттенки эмоционально-экспрессивной маркировки: *иронический, неодобрительный, презрительный, ласкательный, торжественно-приподнятый* и др. Характер маркировки может видоизменяться в зависимости от контекста. Однако важно то, что та или иная эмоционально-экспрессивная маркировка слова при этом остается, выразительные же качества слова позволяют ему войти в фонд стилистических образных средств.

Экспрессивно-эмоциональная маркировка у слова возникает вследствие того, что само его значение содержит элемент оценки. Номинативная функция осложняется отношением говорящего к называемому явлению, а значит, экспрессивностью, которая, как правило, выражается через эмоциональность. Такие слова, как *будала* ‘глупец’, *керата* ‘сорванец’, *одие* ‘дар’, *акимдар* ‘правитель’ и т. д. уже сами по себе несут экспрессивно-эмоциональный заряд и потому являются стилистически маркированными. Слова этой группы обычно

однозначны, потому что заключенная в их значении оценка настолько явно и определенно выражена, что не позволяет употреблять слово в других значениях.

Следующая ниже лексика используется преимущественно в **устно-фамильярной речи**: *анькъав* ‘разиня’, *ачкозь* ‘ненасытный’, *акъылсыз* ‘придурак’, *гебермек* ‘сдохнуть’ и т. д., либо напротив, в **книжно-торжественной**: *урь* ‘свобода’, *ашыкъ* ‘влюбленный’, *месут* ‘счастливый’, *бенъиз* ‘лик’, *видждан* ‘совесть’, *гъайрет этмек* ‘проявлять рвение’, *фелек* ‘судьбина’, *рызыкь* ‘доля’.

Вторую группу составляют многозначные слова, которые в своем прямом значении обычно стилистически нейтральны, однако в переносном значении наделяются яркой оценочностью и экспрессивно-стилистической маркировкой. К примеру, о человеке: *азман* ‘трутень’, *эшек* ‘осел’, *топал ат* ‘хромающая лошадь’, *къандалай* ‘клоп’, *къузгъун* ‘ворон’, *тильки* ‘лиса’, *хораз* ‘петух’, *джанавар* ‘скотина’, *байтал* ‘кобыла’.

Третью группу составляют слова, в которых эмоционально-экспрессивная маркировка и вообще стилистические коннотации достигаются путем прибавления уменьшительно-ласкательного аффикса – **чыкъ/ –чик**. Например: *балачыкъ* ‘ребенок’, *аначыгъым* ‘мамочка моя’, *достчыгъым* ‘дружочек мой’ и т. д.

Следующая подгруппа состоит из таких лексических единиц, в которых оценочность и экспрессия заключены не столько в значении слова, сколько связаны с традицией употребления данного слова. Именно традиция употребления видоизменяет значение слова или отражается на нем. Например: *шаане* ‘великолепный’, *эдеп* ‘благовоспитанность’, *акъылане* ‘благоразумно’, *атешин* ‘пламенный’, *эдинмек* ‘усердствовать’, *керем* ‘великодушие’, *федаийлик* ‘самопожертвование’, *ферах* ‘отрада’ и др. Здесь происходит едва уловимое семантическое преобразование. Стилистическая высокость, торжественность, риторичность таких слов обусловлена традицией их употребления, преимущественно в письменной крымскотатарской речи. В связи с этим им присуще значение интенсивности положительного качества. Иногда же семантического преобразования не происходит вовсе, и лишь традиция употребления наделяет слово определенной эмоционально-экспрессивной окраской. Например: *кумсен* ‘лазурный’, *иззет* ‘честь’, *миннетдарлыкь* ‘признательность’, *абадан* ‘благоустроенный’, *чеченлик* ‘красноречие’, *усланмакъ* ‘блаженствовать’, *шурет-перест* ‘честолюбивый’ и др.

Многообразные оттенки эмоционально-экспрессивной маркировки обычно делят на два больших разряда: с положительной и с отрицательной характеристикой.

Среди положительных оттенков выделяются **торжественно-возвышенные**: *акъылане* ‘благоразумно’, *шаане* ‘великолепный’, *федаийлик* ‘самопожертвование’; **возвышенно-поэтический**: *иззет* ‘честь’, *абадан* ‘благоустроенный’, *миннетдарлыкь* ‘признательность’, *чеченлик* ‘красноречие’ это оценки общие и собственно экспрессивные.

В следующих случаях преобладает эмоциональная оценка: **одобрительные**: *ферасетли* ‘прозорливый’, *сыджакъкъанлы* ‘радушный’, *эвдююмен* ‘домовитый’, *салтанат* ‘царствование’, *сабий* ‘дитяtko’, *джесарет* ‘подвиг’, *алидженаплыкь* ‘благородство’; **ласкательные**: *джанчыгъым* ‘душечка моя’,

кѳозучыгъым ‘мой ягненочек’, тосунчыгъым ‘мой бычочек’; **шутливые**: босалакъ ‘карапуз’, шына ‘шило’ (о ребенке), фыкъырдавукъ ‘юла’, ‘беспокойный’ (о ребенке).

Отрицательные оттенки еще более разнообразны: **неодобрительные**: амельперест ‘карьерист’, айкъырмакъ ‘вопить’, къускъан ‘подхвостник’, мызмыз ‘нудный’, нефисхор ‘человек с непомерными желаниями’, ошекчи ‘сплетник’, пахыл ‘завистник’, сомурдавукъ ‘ворчливый’, зиянкяр ‘зловредный’; **презрительные**: ялдызлы ‘лживый’ (перен.), къонаш ‘выпендрон’, къулюбе ‘лачуга’, ачкъозь ‘обжора’, чолта ‘неумелый’, тоймаз ‘ненасытный’, тонькъа ‘тупой’, саткъын ‘изменник’, чапакъялар ‘лизоблюд’; **укоризненные**: утанмаз ‘бессовестный’, юзьсюз ‘бесстыдник’, яланджы ‘врун’; **иронические**: акъылдане ‘умник’, асылзаде ‘родовитый’, дюнья дюльбери ‘всемирная красавица’, ханым азиретлери ‘уважаемая госпожа’, ханий ‘госпожа’, молла Сеттар ‘мулла Сеттар’, окъумыш сычан ‘образованная мышь’; **пренебрежительно-фамильярные**: хасис ‘подлый’, мыймыкъ ‘мямля’, перишан ‘неопрятный’, джаиль ‘безграмотный’, ялтакъ ‘подхалим’; **бранные**: матюв ‘глупец’, обюр ‘ведьма’, пезевенк ‘подлец’, тентек ‘дурень’, хаин ‘предатель’, хиянет злонамеренный’, къабакъбаш ‘тыквоголовый’, зампара ‘бабник’, бакъакозь ‘лягушачьи глаза’, къаргъа ‘ворона’ (о человеке) и др.

Эти нюансы нередко с трудом уловимы и к тому же изменчивы: и исторически, и в зависимости от контекста. Однако даже при возможном изменении оттенка общая эмоционально-экспрессивная маркировка у этих слов всегда присутствует.

Как определить нужную окраску при передаче содержания текста? Только посредством его анализа. Необходимо внимательно вчитаться в содержание произведения, понять замысел автора.

В последнее время в работах, посвященных языку писателей, часто употребляются слова *эмоциональный, экспрессивный, экспрессия, эмоция, эмоционально-экспрессивный*, причем каждый из ученых вкладывает в них свое содержание.

Эмоции – это чувственная реакция организма на те раздражения, которые человек получает от окружающей среды; эмоция – чувство, переживаемое душевное волнение. Чувство, переживаемое человеком, может быть выражено языком, жестами, мимикой лица и другими несловесными способами [2, 105].

Человеческие эмоции можно обозначить словами: *севмек* ‘любить’, *севич* ‘радость’, *севильген* ‘любимый’, *севимли* ‘любимый’, *корьмеге козю олмагъан* ‘ненавистный’, *афакъанлангъан* ‘разъяренный’; *гъурур* ‘гордость’, *гъурурлангъан* ‘гордящийся’, *гъурурлы* ‘горделивый’. Сюда же можно отнести и следующие слова: *достлукъ* ‘дружба’, *муаббетлик* ‘лад’, *душманлыкъ* ‘вероломство’, *къытмырлыкъ* ‘жмотство’, *гъарез* ‘ненависть’, *мераметлик* ‘милосердие’, *кедер* ‘грусть’, *окюнч* ‘печаль’, *кулькю* ‘смех’, *зевкъ* ‘удовольствие’, *языкъсынув* ‘сожаление’, *ачув* ‘злость’ и мн. др.

Кроме слов, обозначающих чувства человека, в крымскотатарском языке можно выделить большое количество слов, с помощью которых выражается эмоциональное отношение к другим людям или явлению. Например, с отрицательным чувством мы называем некоторых людей: *алчакъ* ‘низкий’ (в значении подлый), *ибрет* ‘чудовище’, *къоркъунчлы* ‘страшилище’, *бетсиз* ‘без

стыда и совести', *арам* 'отвратный', *олмагъыр* 'непутевый', *хынзыр* 'свинья'; с положительным чувством: *джигеримнинъ парчасы* 'часть моей печени', *тувгъаным* 'родной мой' и др.

Посредством переносного значения многие обычные слова передвигаются в пласт слов, выражающих эмоцию ласки: *джаным* 'душа моя', *джаным-козюм* 'душа моя, зеница ока', *къозум* 'ягненок мой', *ярыгъым* 'свет мой', *дюньям* 'мир мой', *алтыным* 'золотце мое'. Нередко в речи обычные слова начинают выражать чувства злобы, презрения: *шикир сычан* 'деловитый', *мал* 'скотина', *эшек* 'осел', *эшектен асыл олгъан* 'произошедший от осла', *тувар* 'корова', *чочкъа* 'свинья' и т. д.

Писатели в своих произведениях нередко выбирают такие слова, которые помогают им создать или ярко положительный, или, наоборот, ярко отрицательный образ. Например:

Топалбейнинъ къарардан тыш залымлыгъы Тез арада бутюн ильге таркъагъан, Койлюлерге онынъ къойгъан салымлары Юреклерни яралагъан, тырнагъан. Намус-видждан не олгъанын бильмейип, Чокъ къызларны къара дертке огъраткъан, Ич кимсенинъ козьяшыны сильмейип, Чокъ эвлернинъ бахт оджагъын омраткъан. Ыргъатларгъа дегенини яптыргъан, Джарлыларнынъ джыславына тоймагъан, Мына бойле шу шефкъатсыз Топалбей Койлюлернинъ такъдирина ойнагъан (11, 102). – 'Переходящая все границы жестокость Топалбея В быстрое время разошлась по всей стране, Налоги, которыми он облагал селян, рвали им сердца. Не имеющий понятия о чести и совести, Многих девушек повергнул в черную печаль, Не вытирающий ничьих слез, Потушивший очаг счастья многих домов. Заставляющий рабов делать все, что пожелается, Не насыщающийся плачем нищих, Вот так этот жестокий Топалбей играл судьбами селян'. *Яваш-яваш йыл артындан йыл кечкен, Зелиха бир дюльбер къызгъа айлангъан, Эмегинен, ырыз-намус, сазынен Койдешлернинъ севгисини къазангъан. Куньден-куньге дюльберлешкен, назлангъан, ... Балдан татлы, акъылане сёзлери Койдешлернинъ яныгъыны сёндюрген. Онынъ назик, лякин чебер эллери...фырланталар токъугъан, Онынъ йырджы, севги толу леблери Озендеки акъкъан сувны токъататкъан (11, 109).* – 'Потихоньку проходил за годом год, Зелиха превратилась в красавицу, Трудом, честью и совестью, Заработала любовь селян. День ото дня все хорошела и становилась более привлекательной... Разумные ее слова, бывшие слаще меда, утешали односельчан. Ее нежные, однако умелые руки ткали платки, Ее поющие, полные любви губы Останавливали текущую в реке воду'.

Нами были рассмотрены некоторые способы выражения эмоций, чтобы показать суть самого явления в крымскотатарской речи на конкретных фактах языка. Слово "эмоция" – из французского *emotion*; в латинском – *emovere* – 'возбуждать', 'волновать'. "Эмоциональный" – значит "вызываемый эмоциями, основанный на чувстве". В некоторых же работах встречаем сдвоенные термины: "эмоционально-экспрессивный" или "экспрессивно-эмоциональный", под которые подводится или только "экспрессивное", не содержащее никаких оттенков значения, относимого к чувству, или наоборот, под этим сочетанием мыслится "эмоциональное", хотя в исследуемом отрезке речи нет ничего, что указывало бы на эмоции, чувства. Что такое экспрессия в речи, в чем разница

между эмоцией и экспрессией, как выражается экспрессия в крымскотатарской речи и языке?

“Экспрессивные средства в языке служат усилению выразительности и образности как при выражении эмоции, воли, так и при выражении мысли, поэтому можно утверждать, что выражение эмоция в языке всегда экспрессивно, но экспрессия в языке не всегда эмоциональна” [9, 82]. Экспрессия проявляется не только в речи, но и в жесте, мимике, общем поведении и даже в работе человека. Необходимость различать экспрессивные и эмоциональные элементы в языке диктуется тем, что функциональные задачи у них разные, несмотря на их взаимосвязь. Эмоциональное стоит в одном ряду с интеллектуальным и волевым, и каждое находит свои способы выражения в языке. Экспрессия, экспрессивность может пронизывать как эмоциональное, так и интеллектуальное и волевое в их проявлении. Поэтому экспрессивность гораздо шире эмоциональности в языке. “Экспрессия, – по мнению Е.М. Галкиной-Федорук, – это усиление выразительности, образности, увеличение воздействующей силы сказанного. И все, что делает речь более яркой, сильно действующей, глубоко впечатляющей, является экспрессией речи” [2, 107].

В качестве фразеологических экспрессивных средств крымскотатарского языка приведем примеры разговорных формул, так как именно в них роль экспрессии является преобладающей. Разговорные формулы, как и другие фразеологические единицы, обладая всеми их свойствами, выдвигают на первый план семантический центр – стержневое слово, построенное на метафоризации, на непрямом завуалированном значении и выступающее обычно в вежливом или смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления [1]. Каждый тематический ряд разговорных формул крымскотатарского языка выдвигает на первый план свои стержневые слова, воплощающие какую-то определенную тему, известный мотив, иногда с прямым его наименованием, иногда с образно-переносным значением компонентов, так как именно “стержневое слово... играет важную роль в создании образа” [8, 155]. Сущность исходных лексических значений таких слов – компонентов весьма неоднороден. Известно, что уже первичные процессы познания человеком окружающей действительности происходят благодаря ощущениям, связанным с теми или иными органами чувств. Самые разнообразные действия, начиная с простейших, осуществляются человеком при помощи различных частей тела: ног, головы, рук – не говоря уже о том, что развитие трудовой деятельности человека непосредственно связано с рукой. Кроме того, само человеческое тело является одним из объектов науки, которые подвергались многочисленным исследованиям и наблюдениям. Человеку свою ориентацию в пространстве, свою оценку окружающего удобнее всего было соотносить прежде всего с частями своего тела. Так в состав крымскотатарских разговорных формул вошли соматизмы.

Лексема *баш* ‘голова’ входит в состав различных по своей структуре и лексико-грамматическим особенностям формул. Формулы, имеющие в своем составе существительное *баш* ‘голова’, характеризуются выражением богатой гаммы чувств, душевного состояния и отношения его к окружающим явлениям, позитивные или негативные оценки поступков и действий [4, 153].

УДК 81,373.7 (512.145)

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Куртсеитов А. М.

По своему происхождению фразеологический состав крымскотатарского языка не однороден. Фразеологизмы возникали задолго до появления письменности у крымских татар.

Фразеология современного крымскотатарского языка сложилась в результате длительного развития языка в условиях контактов его носителей с родственными и неродственными народами. Причинами образования основной части фразеологизмов являются социально-исторические факторы (условия жизни и быта народа, способ его мировосприятия, своеобразие оценки происходящих событий, людей, процессов.)

Фразеологизмы, кажущиеся неясными с точки зрения современного языка, находят мотивировку в историческом плане.

Во фразеологии происходят постоянные изменения различного характера – появление новых единиц в связи с новыми явлениями и понятиями, устранение и переход в пассивный запас некоторых выражений, преобразование семантики, структуры и т.д.

Поэтому, рассматривая факты, способствующие появлению и развитию фразеологических единиц крымскотатарского языка, можно утверждать, что он (язык) своей фразеологией сильно отображает политические и социально-экономические изменения, происходящие в жизни народа.

Фразеологические обороты очень тесно связаны с жизнью и ясно показывают ее состояние и развитие, поэтому огромное значение имеет исследование фразеологии именно с этой точки зрения.

Несомненно, что происхождение, пути и закономерности образования фразеологических единиц и сочетаний могут быть выяснены только при историческом построении фразеологии, при разработке всех богатств средневековой и древнейшей идиоматики, устойчивых словосочетаний крымскотатарского языка. А пока этим не занимались, вопрос об их происхождении и закономерностях исторического развития остается не раскрытым.

Самые древние фразеологизмы

Самыми древними по своему происхождению, по видимому, являются те фразеологические обороты крымскотатарского языка, которые возникли еще до принятия ислама крымскими татарами и связаны с верой в сверхъестественные силы природы. Люди боялись того, что было недоступно их сознанию. Например, фразеологизм:

“Ер ютсын” – Пусть его проглотит земля.

кьурутмакъ ‘высушивать’, в императивной форме выдвигает на первый план сему пожелания адресату всего самого плохого и связано с выражением презрения, негодования.

“Почти все действия человека во всех сферах его жизни связаны непосредственно с руками, что и определило, несомненно, широкое участие этого слова в различных формулах разговорной речи” [10, 65]. Лексема *кьол* ‘рука’ в крымскотатарском языке может давать и позитивные и негативные оценки, выражать как симпатии, так и антипатии говорящего по отношению к адресату. Так, в формуле *Кьолуньыз дерт корьмесин* – ‘Чтобы ваши руки не знали болезней’ выдвигается идея благословения. В целом эта формула выражает пожелание адресату долгой жизни, крепкого здоровья, радости с оттенком благодарности и покорности по отношению к собеседнику. В другой формуле благословения *Таш тутсань, алтын олсун* – ‘Возьмешься за камень, пусть он станет золотом’ нет самого слова *кьол*, но оно настолько присутствует косвенно, что у человека это не вызывает сомнений. Или *Кьолунь узангьан ерге этсин* – ‘Пусть дотянется ваша рука до того, чего вы желаете’. Указанная формула тесно связана с пожеланием собеседнику более конкретных благ: достатка, благоденствия, богатства и т. д.

Однако стержневому слову *кьол* присущи не только положительные значения в составе формул, но и негативные. Так, формула проклятия *Иляйим, кьолларынъ кьурсын* – ‘Дай Бог, чтобы твои руки иссохли’ строится на образе причинения физической боли, болезни, из ненависти и ожесточения по отношению к адресату.

Как показали материалы исследования, лексема *кьол* ‘рука’ участвует в составе различных формул крымскотатарского языка, прежде всего в положительном значении, хотя встречаются и отрицательные значения.

Таковы примеры эмоционального и экспрессивного в крымскотатарской речи. Следует отметить, что здесь, кроме выражения чувств, каждый чувствует с и л у э к с п р е с с и и. Следовательно, экспрессивность – это те средства речи, которые делают ее выразительной, воздействующей и изобразительной.

Экспрессивность свойственна не только разговорной крымскотатарской речи, не только языку писателей-художников, но и языку ученых, хотя на первый взгляд кажется, что речь ученого бесстрастна, спокойна, лишена аффектации.

Экспрессивная речь настолько действенна, что поневоле поддаешься силе убеждения ученого, заражаешься чувствами поэта-лирика. Экспрессивно произнесенная речь публициста, общественного деятеля подчиняет ум и волю своей воздействующей силе.

Экспрессивность в таких случаях усиливает точность и ясность мысли, делает более сильной эмоциональность. Чем правдивее излагаются факты, тем убедительнее речь, чем богаче эмоциональная система говорящего, тем захватывающее и эмоциональное его язык.

Рассмотрев существующие характеристики, мы приходим к следующему выводу, а именно, содержательность речи, облеченная в экспрессивную форму, становится особенно яркой, впечатляющей и еще более захватывающей.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Совет. Энциклоп., 1969. – 608 с.
2. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию посвященный проф. В.В. Виноградову. – М.: Изд-во МГУ, 1958. – С. 103–124.
3. Меметова Э.Ш. Къырымтатар тилининъ услюбий ренкли лексикасы // Культура народов Причерноморья. – 1999. – №6. – С. 160–163.
4. Меметова Э.Ш. Фразеологик ибарелерининъ услюбий имкянлары // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 7. – С. 150–155.
5. Меметова Э.Ш. Къырымтатар тилининъ услюбиети. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2001. – 144 с.
6. Меметова Э.Ш. Къырымтатар тилининъ услюбиети ве нутукъ меденистининъ эсаслары. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2002. – 82 с.
7. Мойсієнко А.К. До питання про експрессивність // Стилїстика української мови: Збірник наукових праць. – К.: КДП, 1990. – С. 25–28.
8. Хазагєров Т.Г. Экспрессивная стилистика и методика анализа художественных текстов // Проблемы экспрессивной стилистики / Отв. ред. д. филол. наук Т.Г. Хазагєров. – Вып. 2. – Р–на–Д.: Изд-во Рост-го ун-та, 1992. – С. 47–55.
9. Швелїдзе Н.Б. Фразеологизмы со значением эмоционального отношения лица // Стилїстика и культура речи: Межвузовский сб. научных трудов. – Пятигорск, 2000. – С. 80–87.
10. Эмирова А.М. О тематически стержневых словах в составе некоторых фразеологических единиц современного русского языка // Материалы 24 научной конференции профессорско-преподавательского состава СамГУ им. А. Навои (20–25 марта 1968). – Самарканд, 1968. – С. 65 – 74.
11. Фазыл Э. Седжде. – Акъмесджит: Таврия, 1998. – 128 с.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК 81,373.7 (512.145)

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Куртсеитов А. М.

По своему происхождению фразеологический состав крымскотатарского языка не однороден. Фразеологизмы возникали задолго до появления письменности у крымских татар.

Фразеология современного крымскотатарского языка сложилась в результате длительного развития языка в условиях контактов его носителей с родственными и неродственными народами. Причинами образования основной части фразеологизмов являются социально-исторические факторы (условия жизни и быта народа, способ его мировосприятия, своеобразие оценки происходящих событий, людей, процессов.)

Фразеологизмы, кажущиеся неясными с точки зрения современного языка, находят мотивировку в историческом плане.

Во фразеологии происходят постоянные изменения различного характера – появление новых единиц в связи с новыми явлениями и понятиями, устранение и переход в пассивный запас некоторых выражений, преобразование семантики, структуры и т.д.

Поэтому, рассматривая факты, способствующие появлению и развитию фразеологических единиц крымскотатарского языка, можно утверждать, что он (язык) своей фразеологией сильно отображает политические и социально-экономические изменения, происходящие в жизни народа.

Фразеологические обороты очень тесно связаны с жизнью и ясно показывают ее состояние и развитие, поэтому огромное значение имеет исследование фразеологии именно с этой точки зрения.

Несомненно, что происхождение, пути и закономерности образования фразеологических единиц и сочетаний могут быть выяснены только при историческом построении фразеологии, при разработке всех богатств средневековой и древнейшей идиоматики, устойчивых словосочетаний крымскотатарского языка. А пока этим не занимались, вопрос об их происхождении и закономерностях исторического развития остается не раскрытым.

Самые древние фразеологизмы

Самыми древними по своему происхождению, по видимому, являются те фразеологические обороты крымскотатарского языка, которые возникли еще до принятия ислама крымскими татарами и связаны с верой в сверхъестественные силы природы. Люди боялись того, что было недоступно их сознанию. Например, фразеологизм:

“Ер ютсын” – Пусть его проглотит земля.

мог возникнуть после сильнейшего землетрясения, когда люди проваливались в трещины, образованные в земле.

История суеверий – это история первобытной духовной культуры человечества. Находя в современном крымскотатарском языке ее осколки можно сложить из них мозаику мировоззрения наших предков, изучить их взгляды на окружающую действительность, природу, общество.

Гадания в этом отношении не исключения. Например, фразеологизмы:

“*Фал ачмакъ.*” – Гадание открывать, гадать.

“*Къара язмышлар.*” – Черные письма, чернокнижье.

несомненно, появились в те времена, когда без гадания древние и шагу ступить не могли, суеверный страх перед зловещим прорицанием мог остановить любые грандиозные начинания, а добрые предзнаменования – толкнуть на самые рискованные авантюры. Еще древние греки завезли в Крым гадание по полету птиц, которые считались вестниками богов. Если птица появилась с восточной и правой части горизонта, то предзнаменование считалось хорошим, если же слева – дурным.

До тех пор, пока слова только описывали ворожбу, непосредственно отражая жизненный опыт, они были “свободными” словосочетаниями. Когда же была утрачена вера в колдовство, эта формула стала выражать другое значение и получила возможность иносказательного применения к другим случаям. Тогда и образовывается такая “прибавочная значимость” словосочетания, которая выводит его из переменных в разряд устойчивых, идиоматических словосочетаний.

С древними языческими представлениями, видимо, связаны и словосочетания, отражающие веру в магическую силу слова, которое являлось как бы средством спасения от дурного глаза, воздействия сверхъестественных сил или смягчения их влияния. Например, когда кто-то приносит недобрую весть, говорят:

“*Агъызынъа агъач кирсин.*” – Пусть в рот тебе зайдет полено. Типун тебе на язык.

Сюда же можно отнести всякого рода пожелания и заклинания, основой которых также является вера в силу слова. Впоследствии эти выражения стали выполнять этическую функцию и сейчас активно употребляются именно в целях сделать кому-либо приятное или выразить гнев, возмущение. Например, при покупке новой одежды:

“*Эйликнен кий.*” – По-доброму носи. Носи на здоровье, или тому кто принес добрую весть.

“*Айткъанынъ олсун.*” – Пусть сбудется то, что ты сказал. Твоими бы устами мед пить.

С древних времен крымские татары, когда уверяли кого-либо в своей правоте, клялись хлебом, говоря:

“*Отъмек опейим.*” – Хлеб целую. Клянусь хлебом., что считалось высшей формой клятвенного заверения.

“*Чокъ яша.*” – Долго живи.

так говорят тому, кто чихает. Чиханию издревле придавали особое магическое значение, ведь уже древние египтяне, евреи, греки и римляне, да и многие первобытные народы Африки и Азии обращались к чихающему именно так.

Древние считали чихание признаком крепкого здоровья. До сих пор у крымских татар существует примета, что если человек чихнет во время разговора, то он говорит правду. Подтверждая это, ему говорят:

“Акъ сѣз” – Правильное слово. Правду говоришь.

Фразеологизм

“Козь тиймек.” или “Назар тиймек.” – Глазом задеть. Сглазить.

возник от поверья в воздействие дурного, злого глаза. Вера в дурной глаз предполагает, что злым и завистливым взглядом можно нанести человеку не меньший урон, чем прямым действием. А иногда даже больший. Но крымскотатарским поверьям, в землю ушло больше народу от дурного глаза, чем от болезней.

Сглазить можно все, но особенно сглазу подвержено то, что дорого или красиво. Именно поэтому нельзя было слишком явно хвалить любимого ребенка, собственную жену или счастливые события из своей жизни. Чаще всего жертвами сглаза становятся дети или роженицы. Узнать, что ребенка сглазили, весьма просто: он не спит по ночам, плачет и капризничает. Нередко злые люди напускают порчу и на домашний скот, от которого зависит благосостояние семьи, и тогда животное ведет себя столь же беспокойно. Чтобы уберечь детей от сглазу, раньше матери каждый день заботливо оплеывали детей, что еще должно было ускорить и их рост.

Чтобы не сглазить, при виде ребенка, обязательно нужно говорить:

“Тьфу, Тьфу, Тьфу, козь тиймесин.” – Тьфу, Тьфу, Тьфу, чтобы глаз не задел. Чтоб не сглазили.

Это выражение употребляется в литературном языке еще с одним семантическим оттенком – испортить кого-либо восхвалениями.

Вода в народном врачевании и различных суевериях и обрядах имела исключительное значение. До сих пор еще можно услышать немало небылиц о чудесных исцелениях с помощью воды. Свежесть, чистота, проточность, первородность воды в подобных случаях является непременным условием их успешного действия:

“Сагь олурсынъ сув кибн.” – Будешь здоров как вода.

Лунный календарь известен почти всем народам. Народное сравнение с месяцем у крымских татар предполагает молодых и красивых людей:

“Айнынъ он дёрти” – Четырнадцатый день месяца. Молодой и красивый.

Противостояние дня и ночи отражается во фразеологических оборотах, в которых заметен отход от чисто временных представлений.

Однако для древних такое смещение значения не казалось отходом. Не случайно с первым криком петуха и первыми проблесками зари нечистая сила прекращала свою деятельность. Джины и шейтаны все делают наизнанку. Поэтому они ночью не спят, работают, а днем ничего вредного человеку сделать не могут.

“Къара кунь.” – Черный день, несчастье.

в этом фразеологическом обороте показано противоречие, ибо настоящий день должен быть светлым, белым. Черный же – аналогичен ночи и поэтому открывает джинам широкие возможности.

При исчислении времени в рамках светлой части дня – темной части дня древними употреблялось словосочетание: “Гедже – куньдюз” – “День – ночь.”

Этот фразеологизм сохранил неизменной свою архаичную звуковую форму и сводит в одно целое два полюса, противостоящие друг другу : дня и ночи, света и тьмы. Такое единение и приводит к тому, что время, обозначаемое этим оборотом, превращается из конечного ориентира в бесконечность.

Кроме этого хотелось бы отметить ещё такие источники формирования фразеологизмов:

Термины религиозного обихода

Иностранные слова во фразеологизмах крымскотатарского языка

Фразеологизмы, пришедшие из фольклора.

Исторические события, отраженные в фразеологии

Художественная литература – как «поставщик» фразеологического материала

Фразеологизмы, возникшие на профессиональной почве

Фразеологизмы, возникшие на социальной почве

Фразеологизмы, в составе которых есть названия частей человеческого тела

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК – 81'1. 512. 145

О НАРЕЧИИ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аджимамбетова Г. Ш.

Для морфологии крымскотатарского языка, имеющую многовековую письменную традицию, характерно широкое распространение наречий.

Наречия избраны объектом исследования не случайно. Это одна из молодых, развивающихся, семантически и синтаксически богатых частей речи современного крымскотатарского языка. Поэтому их исследование приобретает особую важность.

В статье предпринимается попытка дать описание наречий, пути пополнения лексической структуры наречий в крымскотатарском языке.

В лингвистической литературе 18 и начала 20 века категория наречия определялась в основном по семантическим и синтаксическим признакам (М.В. Ломоносов, А.Х.Востоков, Ф.И.Буслаев, А.А.Потебня, А.А.Шахматов) Морфологическим приметам различных разрядов наречий не уделялось достаточного внимания. Наречие как часть речи недостаточно чётко ограничивалось от других категорий; в категорию наречия зачастую зачислялись союзы, предлоги, слова категории состояния, модальные слова, частицы. Ко второй половине 19 века решительный перевес при выделении наречия в отдельную часть речи получает синтаксический критерий (К.С.Аксаков, А.А.Потебня, Д.Н.Овсянко-Куликовский).

Западноевропейские учёные выдвигали иногда морфологические классификации наречий с исторической точки зрения. Они пытались отразить в своих классификациях связь наречий с другими частями речи, но делали это непоследовательно, не придерживаясь какого-либо определённого принципа. В основе их классификации лежало неправильное понимание наречий как незначающей части речи, отсутствовало отграничение от модальных слов, предлогов, частиц, союзов [8, С.3]. Морфологические классификации наречий разрабатывались в трудах западных лингвистов, например, Р.Морриса, Г.Суита, О.Эмирсона, Я.Несфильда, Э.Метцнера, Д.Лота, О.Николаи.

Синтаксической точке зрения на наречие в русской лингвистике была противопоставлена морфологическая точка зрения, которая отражена в грамматической системе А.М. Пешковского. Морфологические приметы наречий им рассматриваются оторвано от их семантических и синтаксических признаков. [5, С. 4].

Категория наречия приобрела чёткие и ясные очертания в обобщающих трудах академика В.В.Виноградова. Академик В.В.Виноградов [10, С. 2.] даёт всестороннюю характеристику наречия, он указывает на необходимость учёта совокупности семантических, синтаксических и морфологических признаков наречий. Мы придерживаемся этой точки зрения и считаем необходимым

учитывать совокупность семантических, синтаксических и морфологических признаков при характеристике наречий.

Определённые успехи в разработке этой важной проблемы достигнуты в тюркологии: появились содержательные работы узбекских, азербайджанских, татарских и других учёных. Изучению наречий на материале тюркских языков посвящены работы А.М.Щербака, Э.В.Севортяна, Ф.А.Ганиева, А.Г.Гулиева, А.Дж.Шукюрова, А.А.Азизова и других учёных.

Однако в крымскотатарском языкознании наречие до настоящего времени почти не изучалось. Лингвистическое осмысление проблемы наречие в современном крымскотатарском языке ещё не осуществлено.

Некоторые вопросы о наречии показаны в книге А.Меметова, К.Мусаева «Крымтатарский язык», учебных пособиях и в отдельных статьях, посвящённых вопросам изучения крымскотатарского языка.

Названных работ явно недостаточно для того, чтобы считать исследование о наречиях в крымскотатарском языке исчерпанным и даже сколько-нибудь удовлетворительным.

В крымскотатарском языке наречие - развивающая часть речи. Роль наречий в языке очень велика. Без них, как и без прилагательных, наша речь теряет конкретность, образность. Чаще всего наречие обозначает признак действия, сочетаясь с глаголом, и признак признака, сочетаясь с именем прилагательным или другим наречием. Этимология слова наречие восходит к слову глагол [13]. Эти сведения выделяют наречия среди других частей речи, отличают их от прилагательных.

А.М.Щербак в своей работе: «Место наречия в исторических грамматиках тюркских языков» отмечает, что наречие – неизменяемая часть речи, противопоставляемая имени и глаголу отсутствием собственных форм словоизменения и словообразования: имя и глагол выделяются наличием разных морфологических показателей, наречие же может иметь форму как имени, так и глагола, но будучи формой застывшей, неподвижной, не выражает тех значений, которые присущи ей в силу вхождения в именную или глагольную парадигмы [14, С.32-36].

Наречия определяются как знаменательная часть речи, обозначающая признаки действий или различные обстоятельства, при которых совершается то или иное действие, но по своим морфологическим показателям не всегда достаточно чётко отличаются от других частей речи, особенно от прилагательных, которые могут, как и наречия, выражать признаки действий и состояний предметов. Так например, многие крымскотатарские прилагательные *дюльбер* – ‘красивый’, *меракълы* – ‘интересный’, *тез* – ‘быстрый’, и т. д. сочетаясь с существительными, соответствуют русским прилагательным, а сочетаясь с глаголами – соответствуют русским наречиям. Например:

дюльбер къыз ‘красивая девочка’ прилагательное

дюльбер яза ‘красиво пишет’ – наречие;

меракълы икяе ‘интересный рассказ’ – прилагательное

меракълы икяе этмек – ‘интересно рассказывать’ – наречие;

яхшы китап ‘интересная книга’ – прилагательное

яхшы йырлай ‘хорошо поёт’ – наречие

По сравнению с индоевропейскими языками в тюркских языках, в том числе и в крымскотатарском языке, прилагательные и наречия обладают рядом специфических особенностей. Во-первых, в количественном отношении они немногочисленны, очень близки друг к другу, порою даже не отличаются друг от друга. Поэтому языковеды не вникая в суть дела, нередко утверждают об относительной бедности, недоразвитости тюркских прилагательных и наречий, считают, что они ещё не успели отделиться друг от друга [11, С.10]. Но тюркские языки, в том числе и крымскотатарский, оттого, что в них прилагательных и наречий сравнительно мало и большинстве случаев одно и то же слово может выступать и как прилагательное, и как наречие никаких неудобств, никакой ущербности не испытывают, поэтому никакого изменения тюркских прилагательных и наречий в сторону принятия ими особенностей индоевропейских языков не ожидается.

В одной из последних работ А.Меметов даёт определение наречиям в крымскотатарском языке [6, С.137]. Наречие – неизменяемая по словоизменительным категориям имени существительного: склонения, принадлежности, числа, лица. Однако наречие, как и имя прилагательное, имеет категорию степени сравнения, что вероятно указывает на его генетическую связь с этой родственной частью речи. Аффикс образующий форму сравнительной степени *-джа, -дже, -ча, -че* и аффиксообразующий форму усиления и ослабления качества – *ракъ, -рек*. Например:

тез чапа – ‘быстро бежит’ *тездже чапа* – ‘быстрее бежит’
дюльбер яза – ‘красиво пишет’ *дюльбердже яза* – ‘красивее пишет’
яхшы йырлай – ‘хорошо поёт’ *энь яхшы йырлай* – ‘поёт лучше всех’

Мы поддерживаем эту точку зрения и считаем, что наречие неизменяемая часть речи, генетически связанная с прилагательными, имеющая степени сравнения. Поэтому наиболее близкой к наречию частью речи является имя прилагательное и через него оно сближается с именами существительными. Однако в отличие от прилагательных наречие стоит ближе к служебным частям речи и обладает способностью при определённых условиях перейти в разряд союзов, послелогов.

Мен сендай коклерге атылайым.

Сонъ чыкъ олып топракъкъа къатылайым. *сонъ* – наречие

‘Я как и ты подымусь к небу

Потом, превратясь в росу упрусь в песок’

Алимеден сонъ, Анифе кирди. *сонъ* – послелог

‘Анифе вошла после Алиме’

Важной морфологической характеристикой наречия является его собственная словообразовательная категория, отличная от словообразовательных моделей других частей речи. Наречие комплектуется вначале – до обретения собственных словообразовательных моделей – за счёт других частей речи, с которыми оно тесно связано. Это подтверждается внешне морфологической структурой многих наречий, где можно обнаружить разные формы бывших существительных, прилагательных, числительных.

1. Существительное – наречие. Существительные даже в своей основной форме могут переходить в наречия:

акъшам – ‘вечер’ *акъшам олды* ‘наступил вечер’

акъшам – ‘вечером’ *акъшам къайтмакъ*; ‘вернуться вечером’
саба – ‘утро’ *саба кельди* ‘наступило утро’
саба – ‘утром’ *саба шике кетмек*; ‘идти в школу утром’

2. Прилагательное - наречие.

терен – ‘глубокий’ *терен къар* ‘глубокий снег’
 -- *терен* – ‘глубоко’ *терен ята* ‘лежит глубоко’

3. Числительное – наречие.

учеви – ‘трое’ *учеви де яхшы* ‘трое тоже хорошие’
учеви – ‘втроём’ *учеви кельдишер* ‘пришли втроём’

Лексический состав наречий составляют корневые наречия, такие как *лек* ‘очень’, *аз* ‘мало’, *сонъ* ‘потом’, *эр* ‘всегда’, *аселет* ‘специально’, *эрте* ‘рано’, *кеч* ‘поздно’, *яхшы* ‘хорошо’, *джаяв* ‘пешком’, *шимди* ‘сейчас’ и другие.

В основе своей это – собственно тюркские слова, однако есть среди них и заимствования из арабских и персидских языков.

Основную часть лексического состава наречий представляют производные наречия. Пополнение и совершенствование лексической и грамматической структуры наречий происходит путём аффиксации, редупликации, словосложения и адвербиализации [11, С. 288].

В крымскотатарском языке путём аффиксации образованы наречия мотивированные различными частями речи, в том числе и самими наречиями. Например: *бутюнлей* ‘совсем’, *йылларнен* ‘годами’, *бирер* ‘по-одному’ и другие.

Узакъта, ёл айланган ерде, автобус пейда олды.

узакъта ‘далеко’ – наречие

Яш сельбилер къалды бирден ойгъа далып.

бирден ‘внезапно’ - наречие

Путём редупликации образованы наречия: *вакъыт-вакъыт* ‘временами’, *бойдан-бойгъа* ‘во всю длину’, *йылдан-йылгъа* ‘из года в год’ и другие.

Бааръ тангъы

Яваш яваш бельги берди. яваш-яваш ‘постепенно’ - наречие.

-Намуслы халкъ рехберлери

Бирер-бирер атылды. бирер-бирер ‘по-одному’ – наречие.

-Бойдан-бойгъа хыяр сачмакъ. бойдан-бойгъа ‘во всю длину’-наречие

Путём словосложения возникли наречия: *бугунъ* ‘сегодня’, *бу йыл* ‘в этом году’, *яланаякъ* ‘босиком’, *бу сефер* ‘в этот раз’ и другие.

-Сыджакъ сувда яланаякъ юрьмек. яланаякъ ‘босиком’ - наречие.

-Шу арада куньбатыда

Барханларнынъ устюнде пейда ола. шу арада ‘в это время’ – наречие

-Бу сефер сен акълы чыкътынъ. бу сефер ‘в этот раз’ – наречие.

Многочисленная группа наречий представляет собой результат адвербиализации различных грамматических форм. *язда* ‘летом’, *едже* ‘ночью’, *ичтен* ‘про себя’, *бошуна* ‘зря’, *ягъыдан* ‘снова’, *бирлешит* ‘вместе’, *бираздан* ‘вскоре’, *чокътан* ‘давно’ и другие.

-Бошуна салланып юрьме. бошуна ‘зря’ – наречие..

-Едже сувувъ ель эсе едже ‘ночью’ - наречие..

Результаты исследования позволяют более отчётливо представить наречие в крымскотатарском языке. Теоретическое и практическое значение работы

заключается в возможности использования результатов в преподавании и изучении крымскотатарского языка.

Литература

1. Азизов А.А. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. Морфология: Учпедгиз. Уз.ССР, 1960. -198с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Учпедгиз, 1947
3. Ганиев Ф.А. Конверсия в татарском языке.// Советская тюркология, 1990. -№ 5. – С. 3-7.
4. Гулиев А.Г. Структурно-этимологический анализ первообразных темпоральных наречий в тюркских языках. // Советская тюркология. 1981, -№2. – С. 66-74
5. Кочинева О.К. Продуктивные типы словообразования качественных наречий в современном русском языке. Автореферат дис. на соиск. Москва, 1953. -14с.
6. Къырымтатар тили. –Акъмесджит: Къырымкъувпеднешир, 1997.-175с.
7. Меметов А.М., Мусаев К. Крымтатарский язык. Ч. 2. Морфология. Симферополь. 2003. – 288с.
8. Прокофьева Е.В. Наречие как морфологическая категория в английском языке. Автореферат. Ленинград, 1954. – 15с.
9. Севортян Э.В. Языки народов СССР. Тюркские языки. Изд-во: «Наука». Москва, 1966
10. Современный русский язык. Под редакцией В.А. Белошапковой. Изд.второе, исправленное и дополненное. Москва: Высшая школа, 1989. – 800с.
11. Татарская грамматика. Морфология. Казань. Т.2, 1993. -397с.
12. Фёдорова М.В. Изучение наречий в школе. Москва: Просвещение, 1992. -128с.
- 12.Шанский Н.М., ИвановВ.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Москва, 1975. - С.283с.
13. Щербак А.М. Место наречия в исторических грамматиках тюркских языков. // Советская тюркология, 1986. - №5. – С.32-36

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК – 81'1. 512. 145

ИПТИДАЙ МЕКТЕПТЕ КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНИ ОГРЕТЮВ МЕСЕЛЕЛЕРИ

Алиева Л. А.

Сонъки он-он эки йыл девамьнда Украина укюмет эрбаплары, илим ве тасиль Назирлиги тарафындан къырымтатар тилини огренмек ве огретмек меселелерини джанланмасына баягъы иссе къоштылар. Бир сыра тильшынас алим ве оджаларымыз орта ве юкъяры сыныф талебелери ичюн тиль программалары, дерсликлер, лугъатлар язып, дердж эттилер. Лякин бу тедбирлер къырымтатар тасилининъ земаневий талапларына толу суретте джевап бермей.

Шимдики девирде Къырым мектеплеринде къырымтатар тили тюрлю шекиллерде огретиле: терен шекильде (афтада 4-5 саат), ана тили дерси оларакъ (афтада 2-3 саат), факультатив шекильде къырымтатар ве башкъа миллет талебелери ичюн (афтада 1 саат). Демек, бугунъде-бугунъ, къырымтатар тилини огретмек ичюн, беш тюрлю программа тизмек лязимдир:

- къырымтатар тилини миллий мектеплерде терен шекильде огретюв программасы;
- миллий мектеплерде фен оларакъ огретильген ана тили программасы;
- рус мектеплеринде фен оларакъ огретильген къырымтатар тили программасы;
- факультатив шекильде огретильген къырымтатар тили программасы;
- башкъа миллий талебелери ичюн къырымтатар тили программасы (эджнебий тиль оларакъ).

Бугунъ миллий тасилимизнинъ энъ зайыф теминленген саасы иптидаий мектептер. Башлангъыч мектеп оджаларынынъ мукъаддес вазифеси талебелерни эдебий тильде лакъырды этмеге, догъру язмагъа, лексик теркибини менимсетип, зенгинлештирмек ве озь фикирлерини сербест, ифадели беян этмеге огретмектен ибареттир. Бу вазифени беджермек ичюн, чокъ языкъ ки, земаневий къырымтатар тили оджалары программасыз, дерсликлер ве къуланмаларсыз буюк гъайрет иле чалышалар.

Башлангъыч мектепте ана тилини огреткенде, бир сыра вазифелер беджериле: нутукъ фаалиетининъ бутюн чешитлери инкишаф эттириле; балаларгъа язмакъ ве окъумакъ огретиле; тиль къаиделери акъкъында башлангъыч билъгилер бериле; талебелернинъ мантыкъ фикир этюв къабилетлери шекиллendirиле.

Ана тили дерслеринде къырымтатар балаларына ватанперверлик, миллий анъ ве гъурур киби дуйгъулар ашлана. Бундан гъайры оджа талебелерни озъара урьмет иле мунасебетте булунмагъа, месулиетли олмагъа музакерелер вакъытында шахсий фикирлерини сербест беян этмеге огретмели.

Башлангыч мектепте ана тили учь саада огретильмели: коммуникатив, лисаниет, лисанхалкъшынаслыкъ.

Коммуникатив усул джанлы нутукъкъа эсаслана. Онынъ эсас макъсады – талебелер нуткъуны инкишаф этюв. Назарий къаиделер исе тиль адиселерини (сёз, джумле, метин) талиль этюв джерьянында асыл ола. Нутукъ инкишафы ишлери ашагъыдаки тедебирлерден ибарет: нутукъ вазиятлери, муитини тешиль этюв; лугъат ишлери; метинде олгъан джумлелер, ресимлер узеринде чалышув (джумлелерни тизим ве интонациясыны талиль этюв); нутукъ янълъышларыны тюзетюв ве шекиллendirюв ишлерни алып бармакъ.

Лисаниет саасы талебелерге тиль акъкъында бильгилерни менимсетмекни назарда тута: анылатма усулларынен талеблерни саде шекильде тиль адиселерини талиль этмеге огретмек.

Лисанхалкъшынаслыкъ – талебелерни халкънынъ медениетинен таныштырмакъ ишлерини назарда тута. Ана тилини огретюв джерьянында сёзлер, джумлелер, аталар сёзлери, тургъун ибаралер, метинлерге эсасланаракъ, балалар халкънынъ миллий адетлери, анъанелери, байрамлары, тарихы, ватанынынъ табиаты акъкъында малюмат ала. Бундан гъайры, лисанхалкъшынаслыкъ усулы талебелерни башкъа халкъларнен таныштырып, оларгъа авеслик, урьмет киби хасиетлерни тербиелемеге ярдым эте. Меселя: биринджи сыныфта талебелерге къырымтатар ве украин миллий урбалары авале этиле. Урбалар къысымларынынъ адлары бериле ве бу сёзлерни къулланып, джумлелер, метинлер тизмек киби вазифелер теклиф этиле.

Башлангыч сыныфларда ана тилини огретюв ашагъыдаки ёнелишлерде алып барылмалы:

- а) язмагъа огретюв;
- б) нутукъ фаалиети;
- в) тиль акъкъында бильгилерни менимсетмек;
- г) догъру язув;
- д) язув техникасы ве язма ишлерни толдурув медениети;

Окъув ве язувгъа земин азырламакъ макъсадынен башлангыч сыныф талебелерини энъ эвеля нутукъ сеслеринен таныштырмакъ лязимдир. Оджа талиль-синтетик (аналитик-синтетик) усулынен къулланып, «сестен арифке» эсасындан файдаланып, талебелерни сеслернинъ хусусиетлерининен таныштыра. Сеслерини талиль этмеге огреткен сонъ, бу сеслер языда наысл арифлернен ифаделенгени анылатыла.

Талиль-синтетик эсаснен берабер оджа башкъа усуллардан да файдалана, эджалап окъумагъа огреткен сонъ, сёзлерни бутюн шекильде теляффуз этмеге, догъру окъумагъа огрете.

Язмагъа огреткенде, козь, къол аркетлерининъ шекиллendirмесине эмиет бермели: арифлерни догъру тасвирлемек, озъара багъламакъ; эджаларны сёзлерге, сёзлерни исе бири бирине багълап, къыскъа джумлелер тизмек.

Нутукъ фаалиетини шекиллendirмек ана тили дерслеринде ашагъыдаки ишлерни назарда тута: агъызавий ве язма нутукъны, диалог ве монолог тизмекни инкишаф этюв; динълемек ве аныламакъ; окъумакъ ве язмакъ; эшиткен ве окъугъан метинлерни икяе этмек киби бильгилер узеринде чалышмакъ. Дерс девамында талебелерни айтылгъан я да язылгъан фикирлерни диккъатнен динълеп, догъру аныламагъа, менимсемеге ве къыймет кесмеге

огретмели. Бу макъсаткъа иришмек ичюн, балаларгъа тюрлю вазифелер бериле: метинден, субеттен, джумледен огренейткъан грамматик къаидеге айт олгъан меселени сечип алмакъ; берильген джеваплардан догърусыны къайд этмек; метинде тарифленген иш-арекетни ресимнен тасвирлемек ве иляхри.

Шахсий фикирлерини сербест баян этмеге огретмек ичюн, талебелерге вазиятли субетлер тизмек вазифелери бериле. Бойле субетлерни тиздиргенде, вазиятнинъ олув вакъты, ери, макъсады, субет иштиракчилери таинлене, нутукъ этикетги ибарелери къулланыла.

Тиль акъкъында билгилерни менимсеткенде, башлангъыч сыныфларда тильнинъ эсас парчалары – сес, сёз, джумле, метин акъкъында умумий малюматлар бериле. Оджа сёзнинъ манасы ве сёз байлыгъыны зенгинлештирмек ишлери узеринде чалышмалы, амелиятта сёзлерни озъара догъру багълап, джумлелер уйдурмакъ, адий ве муреккеп джумлелер ве метинчиклер тизмеге огретмели.

Сёзлернинъ маналарыны, теркибини огреткен сонъ, тамыргъа сингармонизм къаиделерине эсасланаракъ, догъру ялгъаамалар къошмагъа, сёз бирикмелери ве джумлелерни субет ве икяелерде къулланмагъа огретмели. Сёз чешитлернинъ тюрлю грамматик шекиллери муреккеп назарий къаиделерсиз, джумле ве метинлер ичинде талебелерге авале этильмели. Меселя:

а) исимнинъ чокълукъ, келиш, мулькиет, хаберлик ялгъамаларынсон ишлетильмеси: ине, инелер, инени, инелерим, инедир киби;

б) сыфатларнынъ дереджелери: темиз, темизджс, пек темиз, энъ темиз;

в) сайыларнынъ чешитлери: дёрт, эки бинъ дёрт, дёртер, дёртюджи;

г) фииллернинъ заман, дередже ве мейиль категориялары: яз, яза, язаджакъ, язды, яздырды, язмалы, язылды, язышалар.

Башлангъыч мектеп окъутувнынъ эсас вазифелернен бири – имля алышкъанлыкъларыны шекиллendirюв (сёзлерни догъру язмакъ, токътав ишаретлерини догъру къоймакъ). Имля къаиделерини менимсеткен дерслерде оджа сеслерни языда арифлернен догъру бельгилеп, озъара багъламагъа ве сёзлерни догъру язмагъа огретмели. Бир сыра сёзлернинъ теляффузы ве язылувы талебелер эзберден бильмелилер.

Кырымтатар имлясынынъ энъ муим къаиделеринден бири созукъ сеслернинъ уйгунлыгъы (сингармонизм) къаидесидир. Биринджи сыныфтан башлап талебелер созукъ сеслернинъ къалын ве индже, дудакълы ве дудакъсыз чешитлеринен назарий къаиделерсиз таныш оларар. Меселя: **ана, татлы, алтышар, яхшы** сёзлеринде кельген созукъ сеслерни окъугъанда, агъызымыз кенъ ачыла. Бу арифлер кенъ (къалын) созукъ сеслерни ифаделейлер. **Еди, келелер, гузель, ишкир** сёзлеринде кельген созукъ сеслерни окъугъанда, агъызымыз тар ачыла. Бу арифлер тар (индже) созукъ сеслерни ифаделейлер. Бундан сонъ кырымтатар тилинде я къалын я индже созукъ сеслернен кельген сёзлернинъ имлясы изалана. Юкъарыда кетирильген усулнен дудакълы ве дудакъсыз созукъ сеслернинъ хусусиетлери анылатыла.

Созукъ сеслернинъ аляметлеринен таныштыргъан сонъ, арды-сыра изченикнен дёртюджи сыныфкъа къадар кырымтатар имля къаиделерининъ эписи талебелерге менимсетиле. Созукъ ве тутукъларнынъ язылувындан гъайры башлангъыч сыныфларда токътав ишаретлерини (нокъта, вергуль, нида, суаль ишаретлери) языда догъру къулланылмасы метинлер ичинде анылатыла ве пекитиле.

Догъру язмакъ меселелеринен берабер башлангыч сыныфларда талбелернинъ язы техникасы ве уснохатына темель къююла. Биринджи сыныфтан башлап, эр бир ариф, сѣз, джмле, метинни яздыргъанда, балаларнынъ языларыны незарет этип, дюльбер язмаларыны талап этмели. Бундан гъайры ана тили дерслеринде язув медениети алышкъанлыкълары огретиле: серлеваны догъру ерлештирмек; саифени четлеринде бош ер къалдырмакъ; сонъки язма иштен сонъ бир къач сатыр къалдырмакъ; абзацларгъа риает этип язмакъ.

Бойлеликнен, юкъарыда кетирильген фикирлерни нетиджелер экенмиз, шуны къайд этмелимиз: иптидай мектепте къырымтатар тили фенининъ эсас макъсады - талбелернинъ агъзавий ве язма нутукъларыны инкишаф этмек ве тильшынаслыкънен багълы башлангыч бильгилер менимсетмек. Иптидай 4 йыллык талбелерининъ бильгилерине къыймет кескенде, ашагъыдаки алышкъанлыкъларгъа эмиет бермели:

- нутукъ фаалиети: диалог ве монолог шекильде агъзавий нутукъ, окъумакъ, язма ве агъзавий шекильде икяе этмек;
- тиль бильгилери ве алышкъанлыкълары;
- догъру язув (имля къаиделери);
- язув техникасы.

Эдебият

Баландина Н.Ф. Формирование коммуникативной компетенции в школе на основе текста. концепция программы по русскому языку для школ с украинским языком обучения. (11 Международная конференция по функциональной лингвистике «Функциональное описание естественного языка и его единиц»).// Сборник научных докладов. Ялта 4-8 октября 2004г. Симферополь, 2004г. С 21-23,- 416с.

Большакова І. Ситуативна навчально – мовленнєва діяльність школярів на уроках української мови.// Початкова школа. 2002. №10. С. 9-11.

Быстрова Е.А. коммуникативная методика в преподавании родного языка.// Русский язык. 1996. №1. С.3-12.

Гудзик І. Комуникативне спрямування нових підручників з мови.// Початкова школа. 2004.№9. С.22-27.

Гудзик І. Розвиток комуникативної компетенції на уроках читання.// Початкова школа. 2004.№11. С.25-29

Лемякина Н.А. Предмет «Культура общения» в начальной школе.// Начальная школа. 2002. №6. С.68-72.

Меметов А.М. Фонетическое освоение русских заимствований в крымскотатарском языке.// Советская тюркология. 1985.№6.

Меметов А.М. Кырымтатар тили грамматикасыннынъ практикумы.

Навчальні програми для 4-ричної початкової школи. 2003г.

Къарабаш А. Догъру язув алышкъанлыкълары джйынтыгъы. Акъмесджит, 1938г. 70с.

Орлова Г.А. Формирование языковой компетенции младших школьников.// Начальная школа. 2004. №3. С.91-95.

Юртаев С.В. Принципы и методы развития речи.// Начальная школа. 2004. №9. С.37-42.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК 811.512.145. 373. 613

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОБЛЕМЫ ГРЕЧЕСКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА

Мазинов А. С.-А.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о языках, принимающих иноязычную лексику и языках, являющихся источниками заимствованных лексем. Следует определить направление движения и причины заимствования отдельных слов, тематических групп. Часто исторические, а иногда бытовые, житейские факторы приводят к укоренению в том или ином языке целых тематических пластов. Переход кочевых племён к оседлости и земледелию, введение новых технических, бытовых приспособлений (*макъас* ‘ножницы’, *макъара* ‘катушка’), введение модной одежды (*антер* ‘платье’) и многое другое может служить причиной заимствования. Специального обсуждения требует проблема культурной и базисной лексики, степень заимствования этого типа слов.

Рассматривая контакты древнегреческого, новогреческого и тюркских языков (в нашем случае – турецкого и крымскотатарского), можно говорить о направленности заимствований, взаимовлиянии языков и смене вектора заимствования в зависимости от времени и региона.

Древнегреческий язык – это язык, из которого шло прямое, чаще всего одностороннее, заимствование. Только на последнем этапе его существования и в среднегреческий период возможно тюркское, по большей мере турецкое, влияние, которое в новогреческом языке выявляется исследователями более определённо.

Вероятно, следует говорить о «византийской составляющей», объединяющей столь различные языки и культуры этого региона, которая проявляется, в частности, и во взаимозаимствовании лексики.

Крымскотатарский – язык принимающий, хотя возможны и одиночные случаи обратного влияния, которое может быть выявлено при поиске кыпчакских лексем в греческом языке. Наличие этого типа лексем позволит говорить о половецком и крымскотатарском влиянии в отличие от огузского, турецкого. Кыпчакские заимствования могли быть привнесены при возвращении колонистов на историческую родину или при перевозке кушцами специфических степных говоров. Возможно, как фонетический трансформированный вариант такого заимствования следует рассматривать слово *фърџка* ‘крымская яблоня’ и *фърџи* ‘крымское яблоко’ [1]. Более определённо можно говорить о влиянии крымскотатарского языка на крымскорумейские (греческие) диалекты [2; 186].

В латинском языке и итальянских диалектах подобное влияние будет обнаруживаться в ещё меньшей степени, так как не было существенной степени колонизации тюркскими народами латинских земель. Количество заимствований увеличивается с колонизацией или включением в состав страны иноязычных народов и их земель. Латинский и итальянский языки во всех случаях выступают как языки-доноры, хотя создание имеющего важнейшее значение словаря «Codex Cumanicus» и тесный контакт генуэзских и венецианских колонистов со степным населением Крыма и турецкими соседями, вероятно, создало группу слов, явившихся результатом этого взаимовлияния.

Отдельного рассмотрения требуют лексемы типа *макъас*, – слова заимствованного, видимо, в более позднее время, зафиксированного в словарях новогреческого языка, и существующего в словарях древнегреческого языка в предваряющей форме *μακροτηρ* ‘глубоко вонзающийся’. Слова этого типа немногочисленны, так как в XVII–XVIII веках греческий язык не оказывает столь существенного влияния, которое наблюдается в эпоху, предшествовавшую завоеванию Крыма Турцией, и его, наряду с лексемой *макъара*, следует, видимо, рассматривать в одной группе со словами типа *quadrante*, *canaria* и другими заимствованиями периода генуэзской колонизации побережья.

Как дополнительный аспект изучаемой нами проблемы следует рассматривать вопрос базисной и культурной лексики крымскотатарского языка в связи с греческими и итальянскими заимствованиями. При всей спорности, сложности и недостаточной разработанности этой проблемы существует ряд показателей, позволяющих сделать определённые выводы, которые могут быть интересны в работах данного типа.

Понятие «заимствование» предполагает, по мнению исследователей, прежде всего формирование культурного пласта лексики, то есть заимствуются понятия, «присущие только определённым явлениям культуры». Базисная лексика, по исследованиям Г. Дёрфера, заимствуется в значительно меньшей степени, в особенности если речь идёт, по определению автора, о «ядерной базисной лексике» [3, с. 35].

Исходя из приведённых данных, проводя аналогии, можно сделать ряд выводов. Большинство из выделенных нами греческих заимствований и практически все слова итало-романского происхождения являются культурной лексикой. Частично лексику первого порядка (субстратную лексику) можно квалифицировать как базисную.

Две заимствованные лексемы, обозначающие части человеческого тела, следуя классификации Г. Дёрфера, необходимо отнести к разряду ядерных базисных: *меме*, *мимий* ‘материнская грудь, молочная железа’, греч. *ματτα* и *кафа* ‘голова’, греч. *κεφαλη*. Как отмечает автор, «...ядерные базисные слова ... обычно никогда не заимствуются или заимствуются очень редко» [3, с. 35]. При более углублённом изучении этой группы слов вероятно выявление ещё ряда примеров в южнобережном диалекте крымскотатарского языка. Например, лексема *педер* (диал., устар.) ‘отец’ [4, с. 174] ← латинское *pater*, *tris m* ‘отец’.

Существование такого типа слов наряду с тюркской базисной ядерной лексикой – ещё одно подтверждение мозаичности, полиэтничности крымскотатарского этноса.

Следует отметить различную степень адаптации и восприятия заимствованной лексики в диалектах крымскотатарского языка.

Вся заимствованная лексика дополнительно может быть разделена по принципу: слова диалектные – субстратная лексика первого порядка, используемая только в отдельных говорах и даже в отдельных селениях, и слова общепотребительные, используемые во всех диалектах крымскотатарского языка. Во втором случае объединяются отдельные слова субстратной группы, большая часть лексем второго порядка и все неологизмы.

Диалектные иноязычные лексемы греческого и итальянского происхождения близки по характеру употребления к субстратной лексике и являются органической частью речевой практики южнобережцев. Они в наибольшей степени трансформированы и адаптированы к речевым нормам тюркских языков и совершенно не выделяются в речевом потоке.

Лексика второго типа воспринимается всеми носителями крымскотатарского языка и широко используется в фольклорных источниках. Отдельные лексемы второго порядка из этой группы полностью вошли в языковую практику носителей диалектов и не воспринимаются как нечто инородное. Ряд слов второго типа сохранял оттенок инородности.

Несмотря на некоторое ощущение инородности слова *маджар* наряду с исконным *араба*, оно достаточно широко вошло в языковую практику носителей, встречается в фольклорных источниках:

Айдай, айдай, не айдай, Погоняет, погоняет, что он погоняет,
Маджар айдай ах... [5, с. 71] Маджару погоняет, ах...

Один из аспектов изучаемой проблемы – стилистическая отнесённость и экспрессивная окрашенность заимствованных лексем. Большая часть заимствованной лексики стилистически нейтральна, может быть использована как в разговорной речи, так и в художественном и научном тексте и в других видах коммуникативной деятельности.

Стилистическую нейтральность большинства заимствований можно объяснить их предметностью, отсутствием абстрактного, отвлечённого значения, позволяющего создавать стилистически окрашенные варианты. Подавляющая часть этих слов обозначает земледельческие и бытовые реалии, не существовавшие ранее у кочевых тюркских племён. Лексика этого типа часто не образует синонимических и стилистических пар. Хотя в языковой практике это условие не является стопроцентным. Существовавшая до 1944 года относительная диалектная обособленность не позволяла, на наш взгляд, стилистически дифференцировать существовавшие синонимические пары и ряды.

Ещё одной причиной стилистической недифференцированности заимствованной лексики греческого и итало-романского происхождения является формирование, начиная с XIII века, литературного, нормативного языка преимущественно за счёт арабской и персидской лексики. Сохранение грецизмов и итало-романских заимствований преимущественно в южнобережном и горном говорах не приводило к их сопоставлению в документах и поэтических произведениях.

Однако существуют исключения. Одно из них, близкое по характеру к эвфемистической замене, выделяемой в статье Г. Дёрфера как закономерность заимствования иноязычной лексики: «Так как родное слово воспринимается как

грубое, непристойное, из соображений приличия вместо него заимствуется другое слово...» [3, с. 37]. В нашем случае такой тип заимствования хорошо иллюстрируется крылатым выражением: *Сычмагъан, кака эткен – Не сходил по нужде. а покакал* (Информант Мазинова Х). В этой паре тюркское и заимствованное слово противопоставляются не по принципу диалект – литературный или общенациональный язык, но как деревенская (грубая) – городская (утончённая) формы выражения одного и того же понятия. Ещё один пример, подтверждающий идею ретюркизации горных говоров Крыма – высказанное информантом Ш. Муртазаевым мнение о том, что слово *кенеф* ‘туалет, уборная’ – грубое, просторечное, а сочетание *аякъ ёл*, имеющее то же значение, – приличное и приемлемое в употреблении.

Кроме того, к подобному типу лексики можно отнести стилистически окрашенные слова, определяющие различные качества человеческого характера: *абдал* ‘неуклюжий’, *будала* ‘глупец’, *дели* ‘дурак’ и другие. Следует отметить высокую степень трансформации и укоренённость подобного типа лексики в южнобережных и горных говорах, свидетельствующую о древности их заимствования.

Изучение проблемы заимствования иноязычной лексики предполагает рассмотрение сохранения языком, в процессе усвоения им новых понятий, слов и грамматических черт, своеобразия, совокупности черт, особенностей, отличающих его от других языков вообще и родственных языков – в частности.

Как любая система, язык стремится к сохранению структуры и компонентов. При этом структура, как совокупность и порядок существования структурных единиц, первична и более статична, неизменяема, – тогда как компоненты в этом аспекте вторичны и более подвижны, изменчивы и заменяемы. При этом происходит как их частичное изменение (утрата или замена морфем, фонем), так и полная замена или восполнение недостающих единиц любого уровня (фонетического, морфологического, лексического). Так проявляется вторичный процесс – изменение языка при взаимодействии его с другими языками и заимствовании иноязычной лексики. Этот процесс происходит наряду с прямыми, первичными процессами внутреннего развития, саморазвития. В совокупности эти две тенденции и определяют развитие языка в целом.

При большей замкнутости и отдалённости (островной, политической) язык будет преимущественно изменяться за счёт процессов внутреннего развития. Большая открытость, повышенная внешняя коммуникативность ведёт к увеличению количества изменений за счёт заимствований. Следует отметить большую динамичность и продуктивность второго способа развития, особенно усиливающегося с увеличением теле- и радио коммуникации.

Показательно, что все эти лингвистические процессы параллельны процессам этнологическим, представляющим собой совокупность экстралингвистических факторов. Корректно сопоставление развития этноса за счёт внутренних резервов и его взаимодействия с окружающими народами с аналогичными процессами саморазвития и контактного, внешнего пути развития языка. Итогом такого развития является рождение нового языка (группы языков) и, соответственно, первичное, предшествующее ему появление нового этноса (группы этносов). Примером может служить формирование на базе древнегреческих субэтносов греческого народа и, соответственно, на

основе древнегреческого языка – новогреческого, или на базе этносов Апеннинского полуострова – итальянского народа и соответствующая параллель – итальянский язык.

Интересующая нас проблема, определённая как внешний, контактный способ развития языка, требует интерпретации результатов языковой интерференции в условиях контактирования языков и диалектов. Н.З. Гаджиева отмечает: «Гораздо труднее теоретически обосновать, почему та или иная особенность была усвоена языком воспринимающим. В данном случае можно применить лингвистический закон: в процессе интерференции язык или диалект чаще всего воспринимает от другого языка или диалекта те черты, которые отсутствуют в его собственной системе, при условии, если эти черты коммуникативно выгодны или восполняют недостающие лексические и грамматические средства» [6, с. 17].

Наряду с выявлением заимствованной лексики существует необходимость описания тех глубинных процессов интерференции, которые произошли в результате длительного взаимовлияния византийской и тюркской суперкультур. Следует попытаться определить, какие особенности греческого языка и каким образом отразились в южнобережных говорах крымскотатарского языка в региональном аспекте (через турецкий или другие языки), какие экстралингвистические факторы определили это влияние. Конечным, наиболее осязаемым и выраженным фактом будет определение фонетических, морфологических и лексико-семантических влияний на структуру языков региона.

Следует предположить, что наиболее существенным общим фонетическим влиянием на структуру языков региона, определившим, возможно, косвенно некоторые фонетические особенности огузских языков западной группы, было широко распространённое древнегреческое придыхание. При сопоставительном исследовании, исходя из фонетических отличий туркменского и турецкого языков, вероятно, будет возможно объяснить переход $k \rightarrow h$ или возникновение крымскотатарского южнобережного глубокозаднеязычного шумного щелевого глухого согласного $хъ$.

Например: кр.тат. *къой* – *хъой* ‘положи, поставь, оставь’; *къапатмат* – *хъапатмакъ* ‘закрывать’; *бакъ* – *бахъ* ‘смотри’ и другие.

Существующие отличия крымскотатарского и турецкого согласных h , описанные И.А. Меметовым [7, с. 181], возможно, связаны с особенностями взаимодействия тюркских племён с греческим населением.

Появление этой фонетической особенности, существующей во многих тюркских языках, в некоторых тюркских языках черноморского региона, вероятно, в определённой степени, обусловлено экстралингвистическим фактором – долговременным контактом тюркских и тюркоязычных народов с носителями греческих диалектов и сформировавшимся на их основе койне.

Возможно, следует сделать более широкое предположение, выдвинув тезис, что этот процесс является частью более глобального регионального фонетического процесса, и необходимо говорить о косвенном влиянии древнегреческого придыхания на различные языки средиземноморско-черноморского региона.

Как один из древнейших примеров этого типа, вероятно, следует рассматривать существование в латинском языке заднеязычного звука h и

диграфов *ch, th, ph, rh*, передававших специфическое греческое придыхание в заимствованных словах.

Как современное фонетическое явление этого типа, соседствующее с подобным в западно-тюркских языках, возможно, следует трактовать существование заднеязычного *h* в украинском языке и через него – в южнорусском говоре.

Ещё одним вероятным случаем фонетической интерференции в некоторых говорах южнобережного диалекта крымскотатарского языка является активное употребление аффрикативного взрывного согласного *дж*: *келеджек, варараджак, лаф этеджек*. Возможно, следует предположить наличие фонетических процессов, подобных тем, которые привели к возникновению *дж* в итальянском и других западноевропейских языках. Объяснение преимущественного употребления этого сочетания согласных влиянием кыпчакизированных говоров, на наш взгляд, не всегда правомерно в силу оторванности и замкнутости некоторых южнобережных говоров и их активного взаимодействия с генуэзским диалектом итальянского языка. Наиболее вероятно влияние говоров, возникших на половецкой основе, и ногайских говоров в Восточном Крыму, которое полностью исключено при переходе в район селения Варун (Ворон), Къапсихор (Морского) и других поселений, располагавшихся западнее Феодосии и Судака. Подобное влияние возобновляется в Северо-западном Крыму, приблизительно в районе Гезлева (Евпатории). Такое предположение базируется на меньшей употребимости в среднем диалекте этого согласного и употреблении в северном диалекте крымскотатарского языка и в языках, родственных ногайскому языку согласного *дж* в иных позициях:

варараджам (южнобережный) – *бараман* // *вараман* (степной), но *ёхъ* // *ёкъ* (крат.) – *джёкъ* (каз.), наряду с «– Джонк, мен сопумен!» («– Нет, я суфий!»), данным Э. Челеби при описании северных говоров крымскотатарского языка [8, с. 125].

Литература

1. Греческо-русский словарь / Сост. А.Д. Вейсман. – 5-е изд. – С-Пб.: Изд. автора, 1899. – 1370 с.
2. Белецкий А.А. Результаты двуязычия в говорах румейского языка на Украине (тюркизмы румейского языка) // Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистического наследия Е.Д. Поливанова: Матер. конф. – Самарканд. – 1964. – Т. 1. – С. 120 – 121.
3. Дерфер Г. Базисная лексика и алтайская проблема // ВЯ. – 1981. – №4. – С. 35 – 44.
4. Керим И.А. Эски эдибиатымызда къулланылгъан базы сёзлер // Йылдыз. – 1997. – №4. – С.153 – 188.
5. Къырымтатар халкъ йырлары. / Сост. И.Бахшиш, Э. Налбандов. – Симферополь: Таврия, 1996. – 447 с.
6. Гаджиева Н.З. Задачи и методы тюркской ареальной лингвистики // ВЯ. – 1975. – №1. – С. 13 – 27.
7. Меметов И.А. Сравнительная характеристика некоторых отдельных согласных фонем турецкого и крымскотатарского языков // Культура народов Причерноморья. – 2002. – №30. – С. 179 – 182.
8. Челеби Э. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667гг.). – Симферополь: Таврия, 1996. – 240 с.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК 811. 512. 145 : 81' 373. 43/44

ПАССИВНАЯ ЛЕКСИКА КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Чанталова Г. Ш.

Словарный состав – наиболее подвижный уровень языка, изменения и пополнения которого особенно заметны. Они непосредственно связаны с производственной деятельностью человека, с экономическим, социальным, политическим и культурным развитием жизни народа. В лексике отражаются все процессы исторического развития общества. Одни предметы, реалии быта, понятия, качества, явления существуют издавна, и слова их называющие, активно используются носителями языка; другие отмирают – с ними уходят их наименования, третьи появляются вновь, для их наименования создаются новые слова или переосмыслиются старые. Следовательно в нашем словаре можно условно выделить две большие группы: слова активного употребления и слова, редко употребляемые существующие в пассивном словаре [1:285]. В крымскотатарском языкознании на сегодняшний день нет специальных глубоких исследований по данной тематике, но необходимо отметить, что этот вопрос параллельно рассматривался в научных трудах, посвященных крымскотатарскому языку [2:47; 3:27; 4:83-100]. Следовательно, данная тема актуальна, ждет своего детального и полноценного изучения. В других тюркских языках так же можно отметить незначительные по численности научные работы [5:37-42; 6; 7]. Значительных успехов в разработке данной темы достигли филологи-славянисты [1; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. По определению проф. А. Меметова [2:47], в современном крымскотатарском языке можно выделить две группы слов, которые составляют пассивную лексику языка: это неологизмы и устаревшие слова. Рассмотрим первую группу.

Обогащение языка – это, прежде всего появление новых слов, новых значений и новых слов, новых выражений и устойчивых сочетаний. Пополнение словарного состава издавна оценивается как обогащение, прогресс языка: «...всякое новое слово – есть новый монументальный камень, входящий в состав той пирамиды языка, которую зиждут в продолжении веков, во свидетельство бытия своего, народы и которой последней верхний камень только тогда положен будет, когда создание остановится, то есть когда самое существование народа прекратится» [15 (11, 20)].

Появление лексических новообразований отражает изменения в инвентаре, составе и свойствах предметов и явлений объективного мира, общественную деятельность человека и работу человеческого сознания [9:5]. Количественно более весомыми являются экстралингвистические обусловленные новообразования. Об этом ярко свидетельствует развитие словарного состава в новейшее время, характеризующееся интенсивным развитием общественной жизни во всех её проявлениях. В настоящее время заметно активизировался

процесс появления новых слов в современном крымскотатарском языке. В образовании новых значений и выражений в современном крымскотатарском языке находят отражение возникающие новые явления в общественных отношениях и в производственной жизни. В качестве причин неологизации языка также указывают расширение международных связей, расширение и возрастающую роль средств массовой информации, научно-технический прогресс, разнообразие форм идейно-политической борьбы, развитие культуры и т.д. [9:6].

Материалом для исследования неологизмов в современном крымскотатарском языке послужили публикации о современной жизни, культуре, политике в газетах «Къырым» и «Янъы дюнъя», в журнале «Йылдыз», а также произведения современных крымскотатарских писателей и поэтов. Исследование такого рода материала целесообразно по ряду причин. Убедительнее всего процесс пополнения словарного языка новыми словами можно проследить на страницах прессы, так как в первую очередь она освещает новейшие события современной жизни. Кроме того, появление слова на страницах газет и журналов знакомит с новым словом широкие круги читателей и тем самым создает условия для закрепления его лексического значения.

В данном исследовании термин «неологизм» используется нами в широком понимании. Неологизмами считаются слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные хотя бы один раз («оказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи. Принадлежность слов к неологизмам является свойством относительным и историческим [16:33]. В развитых языках количество неологизмов, зафиксированных в газетах и журналах в течение одного года, составляет десятки тысяч. Это обусловлено социальной потребностью в именовании всего нового и в его осмыслении, внутриязыковыми факторами – тенденциями к экономии, унификации, системности языковых средств, задачами экспрессивно-эмоциональной, стилистической выразительности [1:331].

В отличие от «неологизмов-новообразований» существуют «относительные неологизмы» и «неологизмы-вхождения», представляющие собой либо внутренние заимствования-результата миграции языковых средств из одной сфер языка в другие или актуализации слов, известных в прошлом, либо заимствования из других языков, кальки и переводы [16:331]. Также к неологизмам относятся слова, возникшие для переименования уже известных понятий.

Как известно, новые слова образуются разными путями: слова, образованные за счет внутренних ресурсов самого языка (морфологическим путем, синтаксическим путем, окказиональные или стилистические неологизмы, путем калькирования) и заимствования.

При образовании неологизмов по продуктивным словообразовательным моделям обновляется и их форма и содержание, при калькировании только форма. В современном крымскотатарском языке новые слова, образующиеся за счёт внутренних ресурсов, носят различный характер. В образовании лингвистических неологизмов основную роль играют словообразовательные функции языка. Возникновение новых слов, образующихся морфологическим путем, важную роль играют продуктивные аффиксы.

Образованные с их помощью слова достаточно скоро приобретают общеязыковой характер и перестают восприниматься как неологизмы. Например: *ватандашлыкъ* «гражданство» (функционирует параллельно со словом *гражданлыкъ*), *спонсорлыкъ* «спонсирование».

1. «Янъы дюнъя» газетасынынъ муаррирети редакция хадимлерининъ Багъчасарай районуна отъкерильген корюшювине бармасына *спонсорлыкъ* япкъан АО «Таврияавто» ишханеси правлениесининъ реиси Р. Суниюковгъа озюнинъ тешекюрини бильдире (Я. Д. – 2002. № 31).

2. «Биз де компьютерли олдыкъ» (Д-Къ 1992. № 13).

Это относится и к неологизмам, возникшим синтаксическим путем. Например: «Украинада отъкериледжек сайлавлар мунасебетинен тыш мемлекетлерден кельген *козетиджилернинъ* сайысы эп арта» (Я.Д. 2002. № 13).

Козетиджи – “наблюдатель”.

В возникновении неологизмов немалая роль принадлежит и художественной литературе. Поэты и прозаики иногда создают новые слова и словосочетания, получившие название окказиональных [5:32]. Создание окказиональных слов – это, как правило, сознательный творческий аспект. На это указывает не только словообразовательная структура окказионализмов, но и то, что они значительно чаще, чем потенциальные слова, заключаются в кавычки, выделяются курсивом. Авторы этих слов иногда делают различные замечания, недвусмысленно свидетельствующие о том, что, то или иное слово «придуманно» ими. Возникновение окказионального слова – это почти всегда акт сознательного речевого новаторства, которое заключается в том, что для создания окказионализма автор либо использует непродуктивный словообразовательный тип, либо создаёт новообразование не столько в соответствии со словообразовательным типом, сколько по образцу входящего в него конкретного реального слова, либо создает новообразование вне всякого соответствия с существующими в языке словообразовательными моделями, либо использует такие словообразовательные элементы, способы словообразования, которые не известны или почти не известны в языковой системе.

Фомина М.И. в своей работе называет неологизмы созданные писателями, публицистами, общественными деятелями «индивидуальными», «контекстуально-речевыми», «окказиональными» [1:287].

Как правило, лингвистические неологизмы противопоставляются окказиональным, ибо последние выполняют функции исключительно стилистические, и в отличие от новообразований в общенародном языке, они выполняют не номинативную, а художественно-выразительную функцию, в которой появляются специфические особенности индивидуального стиля автора. Стилистические неологизмы коренным образом отличаются от общеязыковых неологизмов. Их возникновение непосредственно связано с творческими устремлениями автора, вследствие чего их значительно меньше нежели общеязыковых неологизмов. Стилистические неологизмы служат не для обогащения словарного состава языка, а лишь расширению его образно-экспрессивных возможностей. Создание неологизмов характерно для художников, свободно владеющих всеми тонкостями языка и чутких к его семантическим возможностям. Развивая путём создания стилистических

неологизмах выразительные ресурсы своего индивидуального стиля, писатель способствует расширению полисемии, а следовательно, и обогащению экспрессивных средств национального литературного языка.

Лингвистические неологизмы со временем становятся общеупотребительными и входят в словарный состав языка, окказиональные же, будучи продуктом творчества отдельного писателя, функционируют лишь в контексте его произведения и далеко не всегда становятся единицами живой общенародной речи.

Приведем примеры стилистических неологизмов, которые мы нашли в произведениях крымскотатарских писателей:

1. «- Баба, баба, машнагъызгъа нечюн «афтабоз» дейлер?» (А.В.)
2. «Гьорт-гьорт» деген шей, о, чокъусы язда, бостан пишкенде, мысырбогъдайлар етишкенде, геджелери чельде долаша, оны даа бирев корьгени ёкъ»(Й. 1994. №5).
3. «Иште бойлеликнен «сакъалимус» иляджына невет тургъанларнынъ ады-эсабы ёкъ»(Й. 1996. №4).
4. «Бекир Кала Маланы (Карл Маркс) эки айдан берли корьмеген эди» (Й. 1993. №4).

Зачастую стилистические неологизмы носят надуманный характер и создаются с экспериментальной целью, например в научно-фантастической литературе [16:331].

Например:

1. «Бойле сейрелерден бири – Къырымаус сейяresi эди»(Й. 2004. №5).
2. «Къырымаус меним эвим, къырымстатвирдлер меним къорантам»(Й. 2004. №5).

В отличие от потенциальных слов и слов языкового стандарта, возникающих в своем абсолютном большинстве по номинативным причинам, для обозначения неназванных реалий окружающей нас действительности, основные причины возникновения окказионализмов следующие: придание описываемому юмористического, сатирического или иронического эффекта; выражение отношения к описываемому, его характеристика.

В отличие от реальных и потенциальных слов окказионализм всегда стилистически окрашен.

В словообразовательном процессе, как известно, способ калькирования играет важную роль. Здесь форма выражения определенного содержания в одном языке передается соответствующей формой другого языка. Иначе говоря, при калькировании смысл того или иного понятия передается путём буквального перевода [5:40]. Например:

1. Бутюн дюньяда китапханелер алтында Интернет-меркезлер чалышалар(Я.Д. 2002. №6).
2. Сиз къыдыргъан сой-акърабаларынъыз акъкында малюматларны бутюндюнья Интернет агъында ерлештиреджек (Я.Д. 2002 №13).
3. «Элим» фирмасы пек къыскъа муддет ичинде ве юксек кейфиет иле эвингизде маден-пластиктен япылгъан дюльбер пенджереве къапуларны ерлештирив(Я.Д. 2002. №51).

Кальки возникают не случайно, а тогда, когда возникает необходимость в передаче средствами данного языка значение слова, функционирующего в

другом языке. Если калькирование слова средствами того или иного языка не представляется возможным, то тогда заимствуется в язык само слово [5:41].

Если например, словосочетание «детектор лжи», «копировальный аппарат» калькированы в крымскотатарский язык как «ялан айтув детекторы» и «нусхалайыджы аппарат» (отметим, что они калькированы наполовину), то слова и словосочетания типа «президент», «мобиль телефон», «шоу-концерт» не калькировались, а просто заимствовались.

В обогащении словарного состава языка важное место занимает и заимствование. При этом в заимствующем языке наряду с новым понятием появляется и новая форма. Заимствованные слова входят в язык в силу объективной необходимости и в зависимости от интенсивности их употребления прочно закрепляются в словарном составе языка и быстро перестают восприниматься как неологизмы [5:41].

Следует отметить, что за последнее десятилетие в условиях расширения и укрепления социально-экономических и культурных связей между народами, процесс заимствования лексики из одного языка в другой стал более интенсивным. Из русского и через русский язык много лексических единиц проникло в крымскотатарский язык. Например: *президент, мобиль телефон, мобиль офис, офис, магнит альбом, лазер компакт диск, спонсор, спикер, парламент, автосервис, саммит, СНГ, СПИД, шоу-концерт, коммерсант, бакалавр, бакалаврат, магистр, магистратура, презентация, дизайн, компьютер, файл, принтер, интернет, колледж, лицей, гимназия (архаизм – неологизм), постсовет, инаугурация, корпорация, инвестиция* и т.д.

1. Шу меркезлерде окъуйыджылар бир къач дакъкъа ичинде керекли сайтны тапып, чешит малюматларнен бол-сал файдалана-билерлер (Я.Д. 2002. №6).

2. Китапны чыкъармакъ ичюн *спонсорлар* ярдымына мухтаджым (Я.Д. 2002. №22).

3. *СПИД*нен хаста олгъанларнынъ сайысы 50 бинъге якъын келе (Я.Д. 2002. №35).

4. Аризона университетининъ тедкъикъатчылары *компьютерлернинъ монитори*, клавиатура, *фаресени* (мышка) тантиминен тедкъикъ эткен сонъ, бойле нетиджеге кельдилер (Я.Д. 2002. №41).

В крымскотатарском языке параллельно со словом *конституция* используется слово *анаяса*: Кучюк бир мисаль: бир къач йыл эвельси «Украина Анаяасы» къырымтатар тилине терджиме этилип, биринджи невбетте миллий мектеплеримизге даркъатылды (Я.Д. 2002. №8).

И слова, образованные за счёт внутренних ресурсов самого языка и заимствования являются главным источником обогащения словарного состава языка. Слова, образующиеся за счёт внутренних ресурсов языка, отражают его лексико-семантические и грамматические возможности, тогда как заимствования привносятся в язык в готовом и почти неизменном виде. Обогащение словарного состава языка за счёт внутренних ресурсов происходит при помощи самых различных способов словообразования. Причем любое слово, каким бы способом оно не было образовано, в определенный исторический период, квалифицируется как неологизм. Со временем, становясь общепотребительным, оно выходит из разряда неологизмов, и заимствованные

слова являются неологизмами лишь до поры, до времени. После определенного периода употребления и они перестают быть неологизмами. Заимствование от словообразования отличается и тем, что заимствованное слово не всегда полностью подчиняется фонетическим закономерностям заимствующего языка. Вместе с тем, заимствования в процессе развития языка, в зависимости от своей семантики, начинают принимать со временем все словообразующие аффиксы [5:42], например: *спонсорлыкъ, компьютерли*.

Рассмотрим вторую группу слов, составляющих пассивную лексику крымскотатарского языка. Это так называемые устаревшие слова. Согласно определению ЛЭС, устаревшими словами называют слова, вышедшие из активного употребления, но сохранившиеся в пассивном словаре и в большинстве своём понятные носителям языка [16:540].

В совокупности устаревшие слова образуют в языке систему устаревшей лексики, структура которой определяется различной степенью её устарелости, различными причинами архаизации и характером использования. По степени устарелости выделяются:

а) слова, значение которых непонятно носителям языка без соответствующих лексикографических справок, например: *эсаме* (историзм) – справка, выдававшаяся пехотинцу с указанием его имени и положенного ему жалования; *окъкъа* – мера веса равная 3 футам=1,283 кг;

б) слова, понятные носителям языка, о находящиеся в составе пассивного словаря и употребляющиеся с определенными стилистическими целями [16:540], например: *леб* (архаизм) – *дудакъ, эрин* (архаизм) – *дудакъ*.

В зависимости от причин архаизации устаревшие слова делятся на 2 разряда: историзмы и архаизмы [16:540].

Историзмы – слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначавшихся ими понятий [16:540]. Например: *эльме* – «кольчуга»; *зыбын* – «зипун»; *ша* – «старинная монета»; *чарыкъ* – «обувь из сыромятой кожи»; *джуббе* – «верхняя одежда».

Историзмы не имеют синонимов.

Архаизмы – слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимическими лексическими единицами.

Выделяют два типа архаизмов:

1. *Лексические архаизмы* включающие:

а) собственно-лексические архаизмы – слова, устаревшие целиком как определенные звуковые комплексы [16:540], например: *сом* – *йыл*; *менгу* – *сонъсуз, эбедий, табир* – *нутукъ*; *диль* – *гонъюль*; *ары* – *балкъурт*;

б) лексико-словообразовательные архаизмы, отличающиеся от синонимичного слова современного языка только словообразовательными элементами [16:540], например: *эрэн* – *дженкчи*;

в) лексико-фонетические архаизмы, отличающиеся от современного варианта лишь несколькими звуками [16:540], например: *суб* – *сув*, *бэн* – *мен*, *бег* – *бей*, *беглер* – *байлар*.

2. Семантические архаизмы – устаревшее значение существующих в активном словаре слов [16:540]. Например: *муаррир* – устаревшее значение «писатель», современное значение – «редактор»; *тешкериджи* – устаревшее

значение – «следователь», современное значение «проверяющий»; *телеффюс* – нефес алмакъ.

Устаревшие слова различаются характером использования. Историзмы используются и как нейтральные слова – при необходимости назвать обозначавшиеся ими реалии (например, в исторических работах) и как стилистическое средство. Архаизмы употребляются только с определенными стилистическими целями: в исторических романах, повестях, для воссоздания реальной исторической обстановки и речи героев; в публицистической и художественной речи – для воссоздания высокосторжественного стиля; для характеристики отрицательных явлений, как средство создания комического – иронии, сатиры, сарказма [16:540].

К устаревшим словам можно отнести слова этнографической лексики, например: «*алылыкъ*» - диадема, женское головное драгоценное украшение; «*дабла*» - предмет в виде обода, натянутого кожей, для просеивания зерна; «*зильф аскъы*» - подвеска для локонов; «*чарыкъ*» - крестьянская обувь из сыромятой кожи; «*къартон чыракъ*» - стеариновая свеча.

Вышли из активного употребления такие слова как «*падиша*» - падишах, царь; «*чар*» - царь; «*чарлыкъ*» - царизм; «*мырза*» - дворянин; «*тахт*» - престол, трон. Подобные историзмы в современных текстах используются с определенными стилистическими целями (воссоздание эпохи). Многие из таких слов понятны носителям языка, но почти не используются ими.

Например:

1. Ювургъанда башындаки *таджыны* чыкъарды ве элине, шаркъ адетиндже, мангълайына ве юреги устуне къойды ве бунынъле озюнинъ татар ханы теклифини эда ичюн азыр экенини косьтермек истеди. *Къырал Сейм* меджилисинде, сенаторлар огюнде, хангъа берген еминини мемнюниетле, къычыр турып окъуды (Й. 2000. №2).

2. Бутюн аскерлернинъ огюнде *падиша* кийминде Алексей Михайлович тура (Й. 2000. №2).

3. *Чар забитлери* аягъы астында эзильмекте олгъан мазлум халкъларнынъ сербестликке ынтылышыны корьген империя укюмдарлары реакцион кучьлерни куньден-куньге арттыралар (Й. 2000. №2).

В число историзмов перешли слова, возникшие в крымскотатарском языке в советскую эпоху, например: «*къызыл аскер*» - красноармеец, нарком, *НЭП*, *ВЛКСМ*, *НКВД*, *СССР* и многие другие.

Устаревшими могут быть слова исконные и заимствованные. Часть заимствованных слов, ставших в советскую эпоху архаизмами, вновь стали в ряд слов имеющих определенную частоту употребления. Например: *гимназия*, *губернатор*. Такие слова как «*партия*, *секретарь*, *орган*, *нерв*» можно отнести к группе архаизмов, так как вместо этих заимствованных слов в современном крымскотатарском языке используются «*фыркъа*, *кятитп*, *муче*, *синьир*».

Необходимо отметить, что архаизмов количественно меньше, чем новых слов, проникших в крымскотатарский язык вместе с новыми реалиями.

В крымскотатарском языке специальных словарей новых слов и словарей устаревшей лексики пока нет. Нужно отметить, что есть словарь составленный И.А. Керимом «*Эски эдебиятымызда къуллангъан базы сёзлернинъ изаатлары*», вышедший в 1997 г. [17]. Доработанный и дополненный вариант

вышеуказанного словаря начал издаваться в журнале «Йылдыз» № 1 2005 г. [4].

Углубленное и всестороннее исследование лексики крымскотатарского языка имеет важное значение для дальнейшей разработки проблем, которые стоят перед крымскотатарским языкознанием. В своём исследовании мы сделали лишь общий обзор пассивной лексики крымскотатарского языка. На наш взгляд эта тема, как и многие другие, считается малоизученной, но перспективной. Она заслуживает дальнейшего тщательного изучения.

Литература

1. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – Москва: Высшая школа, 1990. – 414 с.
2. Меметов А. Къырымтатар тили. – Акъмесджит: Къырымдевокъувпеднешир, 1997. – 176 с.
3. Меметова Э.Ш. Къырымтатар тилининъ услубиети. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2001. – 144 с.
4. Керим И.А. Къырымтатарджада къыйын сёзлер // Йылдыз. – 2005. - №1. – с. 83-100.
5. Худиев Н.М. Об образовании неологизмов в азербайджанском языке // Советская тюркология. – 1986. - №3. – с. 37-42.
6. Эфендиева Т.А. Стилистические неологизмы художественно-выразительные средства языка // Советская тюркология. – 1978. - №3. с. 51-63.
7. Хусаинов М. Из опыта статистического анализа частотности употребления неологизмов в современном турецком языке // Советская тюркология. – 1981. - №4. – с. 21-25.
8. Зубова Л.В. Семантические архаизмы // Современная русская поэзия в контексте истории языка. – М.: Наука, 2000. – с. 147-156.
9. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Сборник статей. Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1978. – с. 183.
10. Романова О.К. Составные неологизмы русского языка в семасиологическом аспекте // Русское языкознание. – 1991. - № 23. –
11. Сенько Е.В. Две недели в жизни русского языка нашего времени: о процессе неологизации словарного состава // Русский язык в школе. – 1980. - №3. – с. 80-83.
12. Сенько Е.В. Наименования говорят о будущем: о возникновении неологизмов // Русская речь. – 1982. - №5. – с. 66-68.
13. Сергеева А.Б. О роли неологизмов в построении высказывания // ВМУ. Серия 9. Филология. – 1996. - №5. – с. 19-27.
14. Хруцкая Н.В. Просторечные новообразования в русском языке // Русский язык и литература в учебных заведениях. – 1996. - №2. – с. 28-30.
15. Жуковский В.А. ПСС. В 12-ти томах. СПб., Санкт-Петербург: 1902. – с. 20.
16. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
17. Керим И.А. Эски эдебиятымызда къуланган базы сёзлернинъ изаатлары. – Акъмесджит: Къырымдевокъувпеднешир, 1997. – с. 56.

Список сокращений

- (Я.Д.) — Янъы дюнъя.
 (Д.-Къ.) — Достлукъ-Къырым.
 (Й.) — Йылдыз.
 (А.В.) — Аблязиз Велиев.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК – 81'1. 512. 145

РАСПОЛОЖЕНИЕ КОМПОНЕНТОВ ПАРНЫХ СЛОВ

Берберова Р. А.

К. Фой одним из первых обратил внимание на расположение компонентов парных слов в тюркологии. Он создал следующие принципы расположения компонентов парных слов:

1. Первым располагается компонент с меньшим количеством слогов, затем многосложный компонент, например: *кучь-къувет, бир-эки*.

2. При равном количестве слогов в компонентах парных слов первым располагается компонент, начинающийся с гласной, а далее - с согласной, например: *агъа-къардаш, ара-сыра*.

3. При равном количестве слогов в компонентах парных слов, начинающихся с согласных звуков, первым располагается компонент, начинающийся со звонкой согласной, далее с глухой, например: *дагъ-таш*.

В русском языке проблема расположения компонентов парных слов на современном этапе не исследовано. Анализ фактического материала позволил нам сделать следующие выводы:

1. Первым располагается компонент с меньшим количеством слогов, затем многосложный компонент, например: *звать-величать, грусть-тоска, рать-сила, царь-государь, купцы-торговцы, серебро-золото, пановья-улановья, горе-кручинушка, вялица-метелица, плясунья-хороводница, именъ-богачество, жена-хозяйка, правда-истина, тоска-печалюшка, цветы-деревья, пни-колоды, мхи-болота, суд-расправа, лес-дубровушка, дань-пошлина, бой-драка, вор-разбойник, лён-конопель, шлях-дороженька, друг-приятель, ужи-змеи, звать-величать, вагон-ресторан, борьба-удача, булат-железо.*

А колдунья и её муж-старик крепко спали.

По совету имама – настоятеля махаллинской мечети – женился он на одной вдове-гадалке по имени Ризвон.

Васютка обломал нижние сухие ветки у дерева, ощупью сорвал пучок сухого мха-бородача, искрошил мелко сучки, сложил всё в кучку и поджег.

2. Первым располагается многосложный компонент, затем компонент с меньшим количеством слогов, например: *окиян-море, молодчик-парень, деревенщина-засельщина, родительница-матушка, любитель-друг, девица-красавица, погодушка-нелюбовь, родина-мать.*

Детушки мои милые, не убила ли вас погодушка-нелюбовь?

Я свой век загубил за девицу-красу, за девицу-красу, за дворянскую дочь.

В минуту унынья, о родина-мать!

Я мыслью вперед улетаю.

3. При равном количестве компонентов:

а) количество слогов в компонентах равное. Например: *жить-быть, писк-визг, пар-дым, судьба-доля, печаль-горе, горе-печаль, вино-пиво, топор-плаха, пушки-ружья, мамки-няньки, крылья-перья, сила-войско, батьки-матки, рёбра-кости, краса-баса, огонь-пламя, хитрость-мудрость, голод-холод, холод-голод, сила-удача, цена-смета, свинец-порох.*

В некотором государстве жил-был царь, холост – не женат.

Не талант-судьба нам с тобою век заедает, а люди.

Эй ты, малышка-плутишка, ступай-ка да принеси мне кружку воды.

б) первый компонент начинается с гласной, второй – с согласной. Например: *огонь-пламя, едет-будет, ёлки-палки, отцы-деды, осётр-рыба, ай-да, яхт-клуб, ест-пьёт, узнать-спросить, удалый-добрый, одолеть-победить, юго-запад, юго-восток, идти-густи (гудет), Угрюм-река, адмирал-вдовец, Аники-воины, Илья-пророк, исконно-русская.*

Адмирал-вдовец на столе лежит,

Дальний родственник хоронить катит...

Эх! Вы, Аники-воины! Всё терпит богатырь!

Со стариками, с бабам Ой ты, охота псовая!

Вам только воевать... Забудут все помещики,

А грудь! Илья-пророк Но ты, исконно-русская

По ней гремит-катается Потеха! Не забудешься

На колеснице огненной... Ни во веки веков!

в) первый компонент начинается с согласной, второй – с гласной. Например: *баба-яга, вопросы-ответы, голос-оркестр, парад-алле, пить-есть, проси-угощай, приходит-уходит, седлать-уздать, Сихотэ-Алина, ходить-играть.*

Может быть, измена за столом сидит,

Пьёт-ест с тобою с одного блюда.

г) первый компонент начинается с глухой согласной, а второй – со звонкой согласной. Например: *краса-баса, кричит-зычит, пар-дым, писк-визг, приход-расход, печаль-горе, пушки-ружья, петушок-золотой гребешок, сила-войско, сивка-бурка, судьба-доля, сударыня-баярыня, хитрость-мудрость, щука-рыба.*

Премудрая хитрее-мудрее отца своего.

д) первый компонент начинается со звонкой согласной, а второй – с глухой согласной. Например: *Барышня-крестьянка, вера-правда, вино-пиво, визжать-кричать, голод-холод, горе-печаль, два-ста, девечки-соколочки, две-три, делать-ковать, жить-слыть, зелена-кудрява, Лебедь-крикун, Лебедь-шипун, лисицы-куницы, лисичка-сестричка, лягушка-квакушка, лягушка-скакушка, Нагай-птица, неженатый-холостенький, ноу-хау, рёбра-кости, резус-фактор, руки-ноги.*

Поднялась Нагай-птица в вышину, а Иван-царевич пошёл путём-дорогой на родную сторону.

е) оба компонента начинаются со звонкой согласной. Например: *бабка-липка, батьки-матки, булат-железо, бабы-девки, батюшка-матушка, бегу-лечу, биться-драться, бури-грозы, бойцы-борцы, восемь-девять, города-гиганты, голубушка-невестушка, душа-радость, Дунай-речка, думать-гадать, душисть-давить, жить-быть, жить-мочь, заплакать-зарыдать, зол-лих, зычный-громкий, ляпис-лазурь, любо-милло, мамки-няньки, матушка-мачеха, масленица-кривошейка, Нева-река, разбойник-душегубец, рок-н-рол.*

Поехал Садко по Волхову, А со Ладожска во *Неву-реку*,
Со Волхова во Ладожско, А со *Невы-реки* во сине море.

ж) оба компонента начинаются с глухой согласной. Например: *ковыль-трава*, *копья-сабли*, *кока-кола*, *поить-кормить*, *прохожий-проезжий*, *прости-прощай*, *птица-сокол*, *Сергей-сударь*, *сички-сестрички*, *свинец-порх*, *такой-сякой*, *топор-плаха*, *Темрюк-Кострюк*, *хлеб-соль*, *шататься-свиваться*.

Услыхал про то *Темрюк-Кострюк*,
Молодой черкешенин...

з) Оба компонента начинаются с гласной, например: *Иванушка-изменник*, *идти-играть*, *идить-ехать*, *обувал-одевал*, *овца-ярка*, *одежда-обужа*, *отпри-отвори*, *урюк-арча*.

Залеточка, где бываешь?
На заре *идеишь-играешь!*

До 50-х годов в тюркских языках придерживались принципов расположения компонентов парных слов, созданных К. Фоем. Однако исследователи современного узбекского языка, в частности, А. Ходжиев, отметили, что в узбекском языке эти принципы не могут быть столь категоричным правилом, так как материал узбекского языка показывает, что есть возможность увеличить количество принципов расположения компонентов парных слов.

В крымскотатарском языке ко всем трем принципам, выделенным К. Фосм, можно найти довольно много примеров, относящихся к первому принципу: *алель-аджеле* - «два к трём», *бал-шекер* - «один к двум», *акь-адалет* - «один к трём», *шень-шерамет* - «один к трём», *кьапу-пенджере* - «два к трём», *эркьадын* - «один к двум», *от-тикен* - «один к двум».

Второй принцип подтверждают такие лексемы: *Ана-Ватан* - «гласный+согласный», *ашчы-ташчы* - «гласный+согласный», *алы-меджалы* - «гласный+согласный», *ичи-багьры* - «гласный+согласный», *акс-седа* - «гласный+согласный», *арна-курпе* - «гласный+согласный», *ун-богьдай* - «гласный+согласный».

К 3 принципу относятся: *зевкь-сефа* - «звонкий+глухой», *джаным-козюм* - «звонкий+глухой», *байрам-сейран* - «звонкий+глухой», *гьам-кедер* - «звонкий+глухой», *дерд-ферьяд* - «звонкий+глухой».

Таким образом, принципы К.Фоя можно принять за основу при классификации слов крымскотатарского языка, но вместе с тем, чувствуется необходимость расширить эту классификацию компонентов парных слов, которая может быть представлена в следующем виде:

1. Компонент с меньшим количеством + компонент с большим количеством. Например: *ал-эвал*, *акь-укьукь*, *шек-шубе*, *шан-шурет*, *тоз-думан*, *ой-фикир*, *гьам-кедер*, *куль-комеч*, *кьаарь-кьасавет*, *таиш-топракь*, *сой-акьраба*, *суд-укьукьий*, *акь-сарьшын*.

. *Бир-бирининь ал-эвалыны сорамагьа баишлайлар*. (Стали интересоваться состоянием.)

2. Компонент с большим количеством + компонент с меньшим количеством слогов. Например: *корюниши-сыма*, *акьчиль-мавы*, *мавысы-ешиль*, *энишликьырлы*, *тербиевий-сиясий*, *интернациональ-достлукь*, *целлюлоза-кьагьыт*, *инженер-техник*, *урьметлей-саялар*, *алтай-яз*, *токьтамай-тынмай*, *ёрулмай-талмай*, *сарарьп-солып*, *чапалан-ёрул*.

Санъа севги толу юрек

Чапалана-ёрула. (*Устало сердце полное любви к тебе.*)

3. При равном количестве слогов:

а) компонент с гласной + компонент с согласной.

Например: *усть-баш, ер-кок, ана-баба, ата-деде, агъа-къардаш, аят-мемат, акъыл-балигъ, уджу-къыйыры, арды-сыра.*

Сонъ, аз-чокъ бала озюнинъ ана-бабасына бенъземек керек. (Итак, в какой-то степени дети должны быть похожи на своих родителей.)

б) компонент с согласной + компонент с гласной. Например: *бар-ёкъ, несиль-эдждат, тувгъан-урув, баба-эвят, табакъа-агъалар, къарт-яш, дост-ашша, намус-ар, низам-интизам, гъарез-ачув, къавгъа-дава, дава-итираз, баш-аякъ, ботен-ифтира, бал-ягъ, кийим-емек, къан-океси, къыш-яз, бугунъ-ярын.*

Несиль-эдждат сорашитырмай, эки керекни озюнинъ тылсымлы ишлеринен бири-бирине багълай. (Не спрашивая о предках, своими волшебными нитями связывает их друг с другом.)

в) компонент со звонкой согласной + компонент с глухой согласной. Например: *дуа-сена, буюк-кучюк, дерели-тёпели, байырлы-чукъурлы, гизли-пуслы, дельме-тешик, бакъа-коре, джаным-козюм, байры-къыргъа, дагъда-чельде, боштан-къуру, дагълы-ташлы.*

Айше къартана Къара денъизнинъ дагълы-ташлы дюльбер ялысында ерлешкен, эфсаневий Мисхор коюнде 1900 сенеси дюньягъа келе. (Бабушка Айше родилась в 1900 году в легендарной деревне Мисхор, расположенной на красивом горном берегу Чёрного моря.)

г) компонент с глухой согласной + компонент со звонкой согласной. Например: *хош-бахт, тертип-низам, фикри-зикри, чиркин-дюльбер, къавгъа-дава, китап-дефтер.*

Севги чиркин-дюльбер сайламаз. (Любовь не выбирает красивых-некрасивых.)

д) компонент с гласной + компонент с гласной. Например: *эмин-эркин, армут-алма, ачыкъ-айдын, айын-оюн, аман-эсен, яшысы-осалы, ялвару-ялкъарув, ашав-ичюв, ай-ой, узун-узакъ, орум-йыгъым, ишчи-яшлар, ашай-иче, аст-устъ, энишли-ёкъушлы, эвель-эзель, уйле-акъшам, арткъа-алдгъа, эльде-бельде, эвель-ахыр, эрте-ярыкъ.*

Эмин-эркин айтынъыз, сиз асла не демек истейсинъиз? (Что вы вообще, хотите сказать, говорите увереннее.)

е) компонент с глухой согласной + компонент с глухой согласной. Например: *кельген-кечкен, къавун-къартыз, къынгъыр-къыйыш, севе-сая къолум-къомшу, темизледи-тегизледи, къары-къоджа, фелян-фистан, савут-саба, халкъара-сиясий, къоркъа-пуса, къан-тер, къайгъы-кедер.*

Энди къуванч ве къайгъы-кедерни бирликте пайлашырмаыз, - деди.

(-Теперь, будем вместе делить и радость и печаль, - сказал он.)

ж) компонент со звонкой согласной + компонент со звонкой согласной. Например: *баба-бала, бита-деде, давул-зурна, джаным-козюм, мал-мульк, боялав-зийнетлев, джаяв-джалты, дёрт-беиш, демир-бетон, метий-вагон, неджип-мертлик, гъыда-дымгъа.*

Чюнки баба-деделерден къалма урф-адетлерни мукъаддес деп, таныгъан деде, меселени мытлакъа олар истегени киби чезеджегине эминлер. (Они

уверены, что прадед, уверенный в святости обычаев, дошедших от предков, решит проблему как им хочется.)

Итак, в крымскотатарском языке в решении проблем расположения компонентов парных слов принципы К. Фоя можно взять за основу, однако, как следует из анализа материала, расположение компонентов парных слов основывается на определенных правилах их образования, так как не каждое сочетание слов может образовать парное слово. Расположение компонентов некоторых парных слов не характерно, так как довольно свободно меняются местами и при этом не теряют своих особенностей, можно считать относительно свободным. Например: *кыыш-яз = яз-кыыш, кьоджа-кьары = кьары-кьоджа, эсен-аман = аман-эсен, эмин-эркин = эркин-эмин*.

Фактический материал русского и крымскотатарского языков позволяет сделать следующий вывод: первый принцип К.Фоя характерен русскому и крымскотатарскому языкам. Второй принцип тоже характерен двум языкам, однако, в русском и крымскотатарском языках этот принцип мы определили как подвид третьего принципа, а всего подвидов в двух языках семь. Второй принцип характерный русскому и крымскотатарскому языкам К.Фоем не отмечен, в чём и состоит различие принципов К.Фоя от принципов определенных нами в русском и крымскотатарском языках. Из семи подвидов третьего принципа К.Фоем отмечены лишь два подвида.

Литература

1. Берберова Р.А. Чифт сёзлернинь компонентлери акъкъыннда. // Йылдыз – Симферополь, 1996. - № 3. – С.170-173.
2. Ганиев Ф.А. Способы и типы образования сложных слов в современном татарском языке. // Советская тюркология – Баку, 1983. - № 2.
3. Имре Начай. Специфика русской культурной зоны в русской народной речи и фольклоре. – Ньиредьхаза, STUDIUM, - 2002. С.66-86.
4. Рященцев К.И. Сложные слова и их компоненты в современном русском языке. – Орджоникидзе, Изд-во СОГУ, - 1976. С. 4.
5. Ткаченко О.Б. По следам исчезнувших языков. //Сопоставительно-историческая / историко-типологическая фразеология славянских и финно-угорских языков/ - Ньиредьхаза, STUDIUM, 2002. – С. 175-214.
6. Хожиев А. Узбек тилида кушма, жуфт ва такрорий сузлар. – Ташкент, Узбек ССР фанлар Акад.нашр. 1963. – 148 с.
7. Шипова Е.Н. Состав слова // Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. – Алма-Ата, Наука, 1966. – С.7-17.
8. Юлдашев А.А. К характеристике тюркских сложных слов. // Вопросы тюркологии. – Баку. Элм, - 1971. - С.148-164.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК – 81`1. 512. 145

**ЗЕМАНЕВИЙ КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ КЕЧКЕН ЗАМАН
ФИИЛЛЕРИНИНЪ: ИКЪЕ ФИИЛЬНИНЪ МУРЕККЕП КЕЧКЕН
ЗАМАНЫ ВЕ ЧОКЪТАН КЕЧКЕН ЗАМАН ФИИЛЬНИНЪ ВАСТАСЫЗ
ШЕКИЛЛЕРИ**

Караева Л. И.

Умумтюркшнаслыкъ араштырмаларында ве грамматикаларында кечкен заман фииллерининъ тедкъикъ олунувына буюк дикъкъат айырыла.

Тюркий тиллерде кечкен заман фииллерининъ огренилювини ильки вакъытларда: К.М.Мусаев, А.Н.Кононов, Н.К.Дмитриев, А.А.Юлдашев, Э.В.Севортян, Ф.Ю. Юсупов, Б.А. Серебрянников, А.М.Меметов киби алимлерининъ ишлеринде корьмек мумкюн.

Къырымтатар тилинде кечкен заман фииллерининъ тедкъикъ этилювине А.М.Меметовнынъ, К.М.Мусаевнынъ ишлери, макъалелери багъышлангъан.

Земаневий къырымтатар тилинде, морфологияда, фииллерининъ заманларыны ве бу заманларнынъ семантик, грамматик ве морфологик хусусиетлерини талиль этип, айырмакъ, оларны терендже тедкъикъ этмек меселесини гъает меракълы ве муим бир иштир. Чюнки тилимизнинъ инкишафы нетиджесинде эр бир сез чешитлерининъ семантик, морфологик ве грамматик хусусиетлери айры бир ренк къабул эте биле. Бу макъаледе бизим эсас макъсадымыз икъяе фиильнининъ кечкен заманы ве чокътан кечкен заман фиильнининъ вастасыз шекиллерининъ семантик, грамматик ве морфологик хусусиетлерини косътермектен ибареттир.

Заман манасы морфологияда иш-арекетнининъ лакъырды этилип тургъан вакъыткъа олгъан мунасебетинен ифаделене. Земаневий эдебиятта языджыларымызнынъ эсерлеринде къулланылгъан джумлелерде япылгъан иш-арекетинининъ вакъытнен олгъан мунасебети эки тюрлю: лакъырды этилип тургъан вакъыттан эвель эм де лакъырды этилип тургъан вакъыттан сонъ да япылгъаныны сечтик.

Бильгенимизге коре бу хусусий чизгилернининъ эсасында фиильде: кечкен , шимдики, келеджек киби учь заманлар айырыла.

Земаневий къырымтатар тилинде, оларнынъ арасында кечкен заман фииллери аля даа терен ве мукеммель тедкъикъ олунмагъаны себебинден, бу меселе узеринде токъталмакъны меракълыдыр деп зан эттик. Япылгъан ишлеримизни дикъкъатынъызгъа авале эттик.

Нистине иришмек ичюн, башта бир А.М.Меметовнынъ ве К.М.Мусаевнининъ 2003 сенеси нешир олунгъан «Крымтатарский язык» адлы китабында къайд этип янгы кечкен заман фииллеринининъ:

1. Саде кечкен заманнынъ вастасыз;
2. Саде кечкен заманнынъ васталы;

3. Чокътан кечкен заман фильнининъ вастасыз;
4. Чокътан кечкен заман фильнининъ васталы;
5. Кечкен девамлы-текрарлы заман фильнининъ вастасыз;
6. Кечкен девамлы-текрарлы заман фильнининъ васталы;
7. Кечкен девамлы заман фильнининъ васталы;
8. Шимдики-кечкен девамлы заман фильнининъ вастасыз;
9. Шимдики-кечкен девамлы заман фильнининъ васталы;
10. Келеджек-кечкен заман я да кечкен заман макъсат фильнининъ вастасыз ве васталы;
11. Икяе фильнининъ муреккеп кечкен заманлары;
12. Кечкен девамлы-текрарлы заман шекиллери къайд олунуп, бир чокъ яныы малюматлар тедкъикъ олунгъаны бельгиленгенини косьтермек истер эдик.

Земаневий эдебиятта Э.Умеров, А.Осман, И.Паши, У.Эдемова, С.Эмин кйби муэлифлернининъ эсерлеринде къулланылгъан джумлелерде, кечкен заман фильни иш-арекетининъ лакъырды этилип тургъан вакъыттан эвель япылгъаныны, я да япылмагъаныны анылаткъаныны сечтик.

Земаневий кырымтатар тилинде ве дигер тюркий тиллерде, кечкен заман фильлеринининъ бир-чокъ ялгъамалар иле мейдангъа кетирлильгени, гъает муреккеп вазиетлер пейда этелер. Шунунъ ичюн де оларны айры группаларгъа больмек тедкъикъий ишимизни енгинлештире биле. Саде кечкен заманнынъ вастасыз ве саде кечкен заманнынъ васталы шекиллери муэлифининъ макъалесинде талиль этильген эди. (К.Н.П. № 48.Т.1.) 2004.

Земаневий кырымтатар тилинде икяе фильнининъ муреккеп кечкен заманы ве чокътан кечкен земен фильнининъ вастасыз шекиллеринининъ грамматик ве морфологик маналарыны талиль этип, бойле нетиджелерге ириштик.

Земаневий кырымтатар эдебиятында, эсерлерде, икяе фильнининъ муреккеп кечкен земен шекильнининъ насыл къулланылгъаны талиль эткенде, эки фильм шеклинининъ бири-бирине къошулувынен япылгъаныны сечтик. Ондан да гъайры бу фильм шекиллери тилимизде инкишаф этилип, эмиетли ер алгъаныны айырдыкъ. Ве нетиджеде, саде кечкен земен фильнининъ негизи + э (-эр) фильнинининъ кечкен заманы я да экен шекли къошулып япылгъаныны айырдыкъ. Э – фильнининъ кечкен заманы учъ къысымдан ибарет олгъаныны тайинледик: фильнининъ негизи (э) + заман ялгъамасынынъ ве экинджи группа э - ди - м, э - ди - к шахыс ялгъамаларынынъ къошулып япылмасыны айырмакъ сырысы кельди.

Меселя: Текликте.	Чокълукъта
I ш. э – ди – м	э – ди – к
II ш. э – ди – нъ	э – ди – нъиз
III ш. э – ди	э – ди - (лер)

Муреккеп кечкен заман фильлери хусусий модаль маналарына коре:

1. Чокътан кечкен заман фильнининъ васталы ве вастасыз шекиллери.
2. Кечкен девамлы – тедкарлы заман фильнининъ васталы ве вастасыз шекиллери.
3. Кечкен девамлы заман васталы ве вастасыз шекиллери.
4. Шимдики – кечкен девамлы заманнынъ васталы ве вастасыз шекиллери.

5. Келеджек – кечкен заманның я да кечкен заман макъсат фииллерининъ васталы ве вастасыз киби шекиллерге болжоне.

Чокътан кечкен заман фиильнинъ вастасыз шекли кечкен заман сыфатфиилине эди ярдымджы фиильнинъ къошулувынен ве шахыс-сайы ялгъамаларнынъ тjosленювинен япыла:

Месея: бармакъ.

Текликте.

Чокълукъта

I ш. баргъан эдим

баргъан эдик

II ш. баргъан эдинъ

баргъан эдинъиз

III ш. баргъан эди

баргъан эди(лер)

Вастасыз чокътан кечкен заманның менфий шекли фиильнинъ негизине менфий шекильнинъ ма/ме япыджы ялгъамасынынъ къошулувынен япыла

Месея:

Текликте.

Чокълукъта

I ш. бармагъан эдим

бармагъан эдик

II ш. бармагъан эдинъ

бармагъан эдинъиз

III ш. бармагъан эди

бармагъан эди(лер)

Текликте.

Чокълукъта

I ш. кельмеген эдим

кельмеген эдик

II ш. кельмеген эдинъ

кельмеген эдинъиз

III ш. кельмеген эди

кельмеген эди(лер).

Вастасыз чокътан кечкен заманның суаль шекли япылгъанда суаль ялгъамасы шахыс ялгъамаларындан сонъ къошула:

Месея:

Текликте.

Чокълукъта

I ш. бакъкъан – мы эдим

бакъкъан – мы эдик

II ш. бакъкъан – мы эдинъ

бакъкъан – мы эдинъиз

III ш. бакъкъан – мы эди

бакъкъан – мы эди(лер).

Чокътан кечкен вастасыз шекли иш-арекетининъ лакъырды олгъан вакъыткъа коре, узакъ кечмиште, къадимий кечкен заманларда япылгъаныны я да япылмагъаныны ифаделей.

Месея:

Узакъта, цехнинъ экинджи бир кошесинде, бир къач адам ишлерини битирмекте эдилер. (Н.О.)

Инсан къаны дженк йылларында адамнынъ джаныны къутаргъан эди. (Р.Ф.)

Юзю киби онынъ фикирлери къызгъын, теляшлы ве къарышыкъ эдилер.

Бойлелидже, земаневий къырымтатар эдебиятындан алынгъан мисаллер узеринде кечкен заман фииллернинъ шекиллерине тедкъикъ этерек, оларнынъ пейда олувы, грамматик ве морфологик маналарыны айырыджа къоштермеге тырыштыкъ. Бойле этип земаневий къырымтатар тилинде кечкен заман фииллерге багъышлангъан ишимиз морфология саасындаки бошлукъны толдурмакъ менба оладжагъына ич шубе ёкътыр. Тувгъан тилимизнинъ терен менимсениймесине мейдан яратыладжакъ земаневий девирде къырымтатар

тильшынаслыгъында япылгъан ишлерде кечкен заман фиильнинъ огренилюви янъылыкъ оладжакътыр.

Файдаланылгъан эдебият

1. Кононов А.П. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках //Тюркологический сборник. М. – Л., 1951 с.112
2. Вопросы категорий времени и наклонения в тюркских языках. (Материалы совещания.) / 17-20 января 1962г. Баку Ред. коллегия М.Ш.Ширалиев и др./
3. Мусаев Келсбай Мусаевич Грамматика каимского языка. Фонетика и морфология М., «Наука», 1964.
4. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках – М., 1965. – с.268 – 270.
5. Меметов А.М. Имля лугъаты. Симферополь 1994.
6. Меметов А.М. Семантическая классификация глаголов действия в крымскотатарском языке//Культура народов Причерноморья Симферополь, 1999. – Т. 5 – с. 647/
7. Меметов А., Мусаев К. Ч.1 Общие сведения о языке. Ч.2 Морфология. Учебное пособие.– Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2003.
8. Караева Л.И. Образование и семантика прошедшего категорического и прошедшего неочевидного времени глагола в крымскотатарском языке// Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2004. – Т № 48. Т.1 – с.108-111.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК 811.512.145:342,8

СМЫСЛОРАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УДАРЕНИЯ В СУДАКСКОМ ГОВОРЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Карахалилова З. Э.

Макъалемизде ачыкъланаджакъ мевзумыз муим, меракълы, муреккеп ве бугуныкы кунде актуальдир, чюнки бу саада айырыджа чалышып, Судакъ шивесинде ургъунынъ хусусиетлерини, къуланувуны, чешитлерини тедкъык эткентильшынаслар олмады. Ве бу меселе устюнде чалышмакъ бизим ичюн чокъ имкянлар ачыла. Къырымтатар тилинде ургъу меселеси умумий оларакъ бакъылгъан эди. Бу саада проф. А.М. Меметов чалышкъан эди ве тилимизде сёз ургъусыны я да лексик ургъуны айыргъан эди [4, С.14-15].

Биз исе Судакъ шивесинде ургъунынъ манна айырув хусусиетлерини тедкъык этюв ишимизни беджерип, тильшынаслыгъымызгъа, элимизде кельгенине къадар, иссемизни къошмакъ истер эдик.

Ишимизни беджермек ичюн малюматларны сербест ана тилинде, Судакъ шиведе, къонушкъан 15 эсли-башлы адамдан топлadyкъ. Респондентлеримиз 60-90 яшларында олып, орта мектеп, алий тасильни алгъанлар:

1. Нанбандт Меръем 192 Судакъ р-ны Хапысхор кою
2. Нанбандт Айше 1927 Судакъ р-ны Хапысхор кою
3. Карахалил Ахмет 1926 Судакъ р-ны Хапысхор кою
4. Аблямитов Джелал 1923с. Судакъ р-ны Хоз кою
5. Фета къызы Асибетотай 1919с. Судакъ р-ны Таракъташ кою
6. Хасап Зелиха 1914с. Судакъ р-ны Хутлах кою
7. Гъафарова Эмине 1921с. Судакъ р-ны Отуз кою
8. Сейтумерова шази 1926с. Судакъ
9. Меметова Гульнар 1942 с. Судакъ р-ны Хутлах кою
10. Сейтбекирова Фатиме 1926с. Судакъ р-ны Отуз кою
11. Тулуп Пакизе 1930с. Судакъ р-ны Ворон кою
12. Бекиров Назим 1922с. Судакъ р-ны Ай Серез
13. Умерова Назие 1920с. Судакъ р-ны Ай Серез
14. Какош Бекир 1919с. Судакъ р-ны Ай Серез
15. Велнев Амет 1926с. Судакъ р-ны Тохлук

Фактик малюматларыны топлап соравларымызнынъ нетиджесинде 121 мисаль топлadyкъ.

Тедкъыкъатымызны беджеререк, ургъунынъ тюркий деде тильде олгъан хусусиетлерини огренмелимиз. Ургъу тюркий деде тильде, бесе-белли, къуветли эди ве сёзнинъ биринджи эджасына тюше эди. Буны бойле исбатламакъ мумкюн:

1) эджа созукъларнынъ уйгъунлыгъы олмагъанда ёнелиш вазифесинде сакъламасы ичюн озъ аляметлерини джоймамакъ керек эди. Оны тек 1 эджагъа ургъунынъ тюшмеси иле сакъламакъ мумкюн эди.

2) ачыкъ айдын бельгиленген созукълар уйгъунлыгъы олгъан эписи тиллер пекитильген (фиксированное) ургъунен айырыла. Шу себептен тюркий деде тильде ургъу эр ерге къоюлмай эди .

3) биринджи эджагъа тюшкен ургъу эр вакъыт сёзнинъ сагъыр тутугъы иле башлангъанынен багълы.

Сонъра исе тюркий тиллерде ургъунынъ 1 эждадан сонъкисине кечюви олды. Бу кечювнинъ себеплери белли дегиль.

Земанвий тюркий тиллерде ургъу экспиратор-музыкаль (экспираторно-музыкальное). Ургъуда музыкаль ве къуветли (силовое) моментнинъ мутенасиплиги (соотношение) джумленинъ хусусиетлеринен багълы ве тюркий сёз ургъунынъ (словесное ударение) догърудан-догъру фраза ургъусы иле олгъан багъынен анылатыла. Ургъу сонъки эджагъа я да ондан эвелькисине (эсасен, сонъкисине). Тенъештирейик: баба ве аласынъ [6; 280]

Тюркий тиллерде ургъунынъ хусусиетлери, ери давасы чокъ вакъытлары девамында давалы меселе сайыла эди. Бу меселе башта тюркий тиллерде ургъунынъ тедкъикъаты эсасында пейда олгъан эди.

Шимдигеде къырымтатар тилинде бу меселе боюнджа конкрет нетиджелер олмагъаны бизни турк тилинде ургъуны огрентген алимлернинъ нокътай-назарлары иле таныш олмагъа меджбур эте ве озъ мевзумызны ачыкъламагъа ярдым эте.

20 асыр башына къадар тюркшынаслыкъта турк тилинде ургъу экспиратор, пекитильген ве сонъки эджагъа тюше деген фикир сыкъ сюретте ишлетиле эди. 1905с. И.Кунош бу фикирге къаршы чыкъып, турк тильде экспиратор ургъу биринджи эждада, музыкаль ургъу исе сонъки я да сонъкисинден эвель кельген эджагъа тюше деп язды.

1906с. К.Нильсон, эсасен муреккеп сёзлерни тедкъикъ этерек бойле нетиджеге келе: ургъунынъ къоюлгъан ери сёзнинъ тизиловинен ве созукъларнынъ хусусиетлеринен багълы.

Бир-эки йылдан сонъ В.Прёле бу фикирге къаршы чыкъты, тюркий тиллердеки ургъу акъкъында олгъан нокътай-назаргъа къол тутып, ургъу сонъки эджагъа тюшкенини къайд этти.

1927с. Г.Ракетт турк тилинде тоник (музыкаль) ургъу олгъаны акъкъында язды ве озъ макъалесинде онъа эсас ерни айырды.

Б.Коллиндер башкъа нокътай-назарнынъ тарафдары ола ве, онынъ фикириндже, юксек тон турк тилинде сонъки эджагъа хас, эгер эджа юксек тонны ташыса, экспиратор (къуветли) ургъу биринджи эджагъа тюше: эгер де тоник (музыкаль) ургъу сонъки эджагъа тюссе, ургъу биринджи эджалардан сонъ кельгенлерине кече.

Турк тилинде ургъуны тедкъикъатыны ёкюнлерек, М.Рясянен В.Прёленинъ фикирлеринен якъынлаша ве К.Грёнбекнинъ нокътай-назарынынъ акъкъатлыгъыны къайд эте. Грёнбекнинъ фикириндже, турк ургъусы тедкъикъатчыларынынъ кенди тиль акцентологик хусусиетлеринден табийлигини ве бу алнен багълы олгъан музыкаль ве къуветли ургъу арасындаки фаркъларынынъ базы-бир къабартувлары бар.

Л.Старостов турк тилинде сёз ичинде 2 ургъу-къуветли (экспиратор) ве музыкаль (тоническое) деген фикирни кескин тенкьидке огърата, озю исе тюркий тиллерде музыкаль ургъунынъ ерине фраза интонациясына аит олгъан адисени ялынышып къабул этильгенини къайд эте. А.Н.Кононов турк ургъусынынъ нисбий багъыны ве эсасен сонъки эджагъа тюшкенини къайд эте.

Турк ургъусы этрафындаки давалар якъын вакъытта чезиледжегине умят бермей эдилер. К.Грёнбек турк ургъу меселесининъ чезилюви темелини къойды. Турк тилинде тон ерининъ денъишювини къайд этип, К.Грёнбек ургъунынъ фонологик иррелевантностьни ве чокъусы сёзлерде махсус ургъунынъ олмагъаныны къайд этти.

Тюркий тиллерде ургъу меселесининъ огренюви турк тилиндекисинден чокъ фаркъланмай. Амма, турк тилине бакъкъанда, башкъа тюркий тиллер акцентологик джеэттен кече огренильмеге башландылар ве тедкъикъат програмасынынъ макъсадына иришмек ичюн зияде терен ве джиддий янашылды.

Юкъарыдаки фикирлерге эсасланып, тюркий тиллердеки ургъунынъ хусусиетлери ве ери акъкъында бирден нетиджелер чыкъармагъа къыйын. Чокъусы вакъыт тюркшынасларнынъ фикирлери бири-бирине къарма-къаршы келе эдилер. Бесебелли, бу тюркий тиллерде ургъунынъ яхшы ифаделегенмегенинен ве зайыф меркезлешкенинен (централизованное) багълы.

Тюркий тиллерде ургъу-къуветли ве, чокъусы эр вакъыт дегиль, тоннынъ юксеклигинен белгилемей. Базы ихтарларгъа бакъмадан, ургъу эр вакъыт сонъки эджагъа тюше.

Тюркшынаслыкъта ургъуны тедкъикъатынынъ тарихыны огренип, озъ тилимизге, мевзумызгъа аит олгъан ерлерини таптыкъ, ве эр алим озъджесине акълыдыр. Тюркшынасларнынъ фикирлеринде токъталып, Судакъ шивесинде келишикли моментлерни къайд этмелимиз: Судакъ шивесинде ургъу экспиратор (къуветли) сайыла ве, озъджесине мана айырув вазифесини ташый; эсас ургъу эписи исмий сёз чешитлеринде, эсасен сонъки эджагъа тюше, фииллерде ургъу эр тюрлю ерде ола биле.

Ургъунынъ мана айырув хусусиетлери акъкъында Р.И. Аванесов язгъан эди ве рус тилинде контраст чифтлер группаларыны айырды. Р.И.Аванесовнынъ классификациясына М.И.Трофимов эсасланып, озъбек тилинде ургъунынъ, мана айырув хусусиетлерине коре классификациясыны япты ве контраст чифтлер группаларыны айырды, тедкъикъ этти, рус ве башкъа тюркий тиллернен тенъештирди.

Бу принципке эсасланаракъ, бизни меракъландыргъан шивемизге хас олгъан контраст чифтлерни айырмакъ истер эдик.

Тюркий тиллерде мана айырув ичюн ишлетильген ургъу контраст чифтлерде олгъаны акъкъында та И.Н. Березин къайд эткен эди. Бундан сонъра Н.К. Дмитриев морфологик дифференциациясынынъ бир сыра мисаллерни косьтерген эди.[9;64с] Озьбек тилинде ургъунынъ мана айырув вазифеси акъкъында А.Г.Гуломовнынъ ишинде буюк ер айырылгъан эди. Чокъ муэллифлернинъ фикирлерине коре, башкъа тюркий тиллерде олгъаны киби къырымтатар тилинде де эм де судакъ шивесинде ургъу сонъки эджагъа тюше, эгер де сёзге аффиксиф къошулса, ургъу сонъки къошулгъан аффикске кече. Бойлеликнен, базы формантлар ве дереджеликлер озюне ургъу къабул

этмеселер де, ургъу мында багълы олгъаны киби сайыла. Биринджи ден, Бойле ал ургъу кююлув еринен фаркълангъан сёзлернинъ контраст чифтлер ягылув имкянларынен багълы. Бойлеликнен, контраст чифтлернинъ тертип этиджелер – бу эр вакъыт, асылында сёзлер дегиль де, сёз шекиллери (словоформы)

Бу ишимизни тедкъикъ этерек, Р.И. Аванесовнынъ ве М.И. Трофимовнынъ классификацияларына эсасланамыз ве анна тилимизге хас олгъан ургъунынъ хусусиетлерини козьге алып, контраст чифтлернинъ группаларыны айырып, оларны огренмек истеймиз.

Биринджи контраст чифтлер группасыны шекиль я да чешит сёз чешитлеринден мейдангъа кельген, дереджеликлернен бириккен там маналы сёзлернинъ къаршы кююлывы тешкиль эте. Бойлеликнен, бу асылында сёзлернинъ, я да парадигмадан чыкъарылгъан айры шекиллернинъ къаршы кююлувы дегиль. Бу – бутюн моделлернинъ къаршы кююлувы, демек, морфемаларнынъ ве дереджеликлернинъ къаршы кююлывы. Эки чифтни тертип эткен сёз япыджы негизлер бир мананы ташый. Бу группаны Бойле чифтлер тертип эте:

а) ургъулы, ёкълукъны ифаделеген –сиз/-сыз аффикслернен мейдангъа кельген ве ургъусыз предикатив аффиксли сёз шекиллери: башсыз-башсыз, президентсиз-президентсиз, копексиз-копексиз, алимсиз-алимсиз, акъылсыз-акъылсыз, сизсиз-сизсиз, оджасыз-оджасыз, анасыз-анасыз, бабасыз-бабасыз, тезанасыз-тезанасыз, аласыз-аласыз, къуветсиз-къуветсиз, гульсиз-гульсиз, багъчевансыз-багъчевансыз, дюльгерсиз-дюльгерсиз, талебесиз-талебесиз, герексиз-герексиз, пуканасыз-пуканасыз, катасыз-катасыз, таптасыз-таптасыз.

б) ургъулы –мыз/-миз мулькиет аффикслери олгъан ве ургъусыз –мыз/-миз предикат иле япылгъан сёз шекиллери: оджамыз-оджамыз, парамыз-парамыз, анамыз-анамыз, бабамыз-бабамыз, койлюмиз-койлюмиз, телебемиз-телебемиз, тезанамыз-тезанамыз, пуканамыз-пуканамыз, таптамыз-таптамыз, катамыз-катамыз.

в) ургъулы –да/-де, -та/-те ер келиши аффиксли ве ургъусыз да, де дереджеликклери ве исмий сёз чешитинен япылгъан сёз шекиллери: сенде-сен де, эвде –эв де, менде – мен де, анада- ана да, тепеде –тепе де, дерсте-дерс те, кошеде-коше де, джебде – джеб де, чувалда-чувал да, башымда-башым да, хышта

– хыш та, язда- яз да, гузьде- гузь де, баарьде- баарь да, хазанда-хазан да, гозьде-гозь де, эльде-эль де, достумда- достум да, дефтерде – дефтерде, китапта-китап та, теректе-терек те, гонюль де- гонюльде, юректе-юрек те.

Юкъарыда къайд этильген омонимик аффикслернинъ базы бирилери бам-башкъа бири-биринден фаркълангъан этимологиясынен белли, мисаль оларакъ – да / да. Базыларнынъ умумий этимологиясы бар, мисаль оларакъ – мыз/-миз . Чокъусылары мана джеэттен о къадар бири-биринден фаркъланалар ки, тасавур этмек дегиль де, оларгъа нейда олув умумийлигини узакътан биле косътермеге имкян ёкъ. Бу мисаллер ичюн ургъу бир де бир грамматик категориянынъ ифаделенюв вастасы сайылмай, чюнки бу морфемаларнынъ ич бириси айны шу категориягъа кирмей.

Экинджи группагъа биринджи къысымы сёз денъиштириджи моделлерге я да дереджеликклери иле бирикювине аит олгъан айны шу негизден я да тамырдан мейдангъа кельген сёзлернинъ къаршы кююлывы, экинджиси-сёз

япыджы аффикс ярдымы иле япылган чифтлер кире. Бойлеликнен, бу мисаллер омонимияда ве морфемаларнынъ къаршы къоюлувында эсасланалар. Бу сёз япыджы аффикс чокъусы алларда продуктив олса да, Судакъ шивесинде онынъ ярдымы иле япылган сёзлер нек чокъ дегиль. Мында невбеттеки чифтлер кире:

1. фильден мейданга кельген ургъулы –ма/-ме аффиксинен исим я да сыфат ве ургъусыз менфийликни ифаде эткен –ма/-ме аффикси иле филь: ашлама-ашлама, сюзьме-сюзьме, бурма-бурма, бастырма-бастырма, созма-созма, долма-долма, хавурма-хавурма, сарма-сарма, хувурма-хувурма, хайтарма-хайтарма, кесме-кесме, орьме-орьме, ойма-ойма, сюрьме-сюрьме, басма-басма, хазма-хазма, сачма-сачма, сатма-сатма, хурма-хурма, ярма-ярма, хаима-хаима, тиреме-тиреме, тарам-тарам, (х)къайтма-(х)къайтма, хойма-хойма, шашма-шашма, тизме-тизме, хошма-хошма, сайлама-сайлама, язма-язма, яйма-яйма, кертме-кертме.

2. ургъулы 2 шахыс чокълукъта олган мулькиет аффиксли исимий сёз чешити иле ургъусыз эмир мейиль чокълукъта олган 2 шахыс филь ялгамасындан япылган сёз чешитлери: алыныз-алыныз, сюрюнъиз-сюрюнъиз, чекиниз-чекиниз, ташыныз-ташыныз, охунуз-охунуз, ичиниз-ичиниз, хашыныз-хашыныз, хыджынъыз-хыджынъыз, тюшонъиз-тюшонъиз, хырынъыз-хырынъыз, хохланъыз-хохланъыз, языныз-языныз, хурунuz-хурунuz, басманъыз-басманъыз, басманыз-басманыз, тизиниз-тизиниз, сайыныз-сайыныз.

Небеттеки группаны тешкиль эткен айры сёз шекиллеринден янылган, амма сес теркиби эсасында апансыздан бир кельген, бам-башкъа тамырлардан тертип олунган къарма къаршылыкъ тешкиль эте: алма-алма, сюзьме-сюзьме, атыныз-атыныз, сачыныз-сачыныз, язманыз-язманыз, кулюниз-кулюниз, отюнюз-отюнюз, алыныз-алыныз, ташыны-ташыныз, сюрюниз-сюрюниз, хашыныз-хашыныз, охунуз-охунуз, хурунuz-хурунuz, басманыз-басманыз, ханыныз-ханыныз, тартма-тартма, сытма-сытма, хошунуз-хошунуз.

Ишимизни тедкъикъ этерек, дик нетиджелер чыкъармакъ мумкюн:

1. Респондетлернинъ нуткъундан бизни меракъландыргъан малюматларны язып алдыкъ. Умимий оларакъ 121чифт сёзлерни топлалдыкъ, олар чешит сёз чешитлерине аит:

алма-алма
исим дик
сенде – сен де
замир – замир
тизме- тизме
сыфат – дик

2. топланган малюматларымызны тедкъикъ этип, судакъ шивесинде 3 энв эсас контраст чифтлер группасыны айырдыкъ.

3. Классификацияны япкъанда сёз моделлерден башлап, зияде изоляцияда олган сёз шекиллерине кечтик.

Талилимизден корюне д, ургъу учь тюрлю ола – фраза, тактлы ве сёз ургъулары. Бундан гъайры ургъунынъ синтактик джеэттен де эмиети бар.

4. Бундан гъайры ургъунынъ дик айырув джеэттен де буюк эмиети олгъаныны аныладыкъ.

Бурма- иш-арекет манасыны ташый ве эмир мейилинде дик.

Гульсуз – алямет манасыны ташый ве сыфат ола.

Гульсуз – предметлик манасыны ташый ве исим ола.

Бойлеликнен, Судакъ шивесинде дик айырув джеэттинден пек буюк эмиети бар. Онынъ дик айырув вазифеси ярдымынен Судакълылар лакъырды эткенде сёзлернинъ керекли эджаларына ургъуны къойып, оларны догъру къуланмагъа оларар. Ойле этип, Судакъ шивесинде лакъырды эткенлер хаталаргъа ел бермейлер. Занымызджа, ишимизни беджерип, тильшынаслыкъта, анна тилимизнинъ огренювине, озь иссемизни къоштыкъ деп беллеймиз.

Илериде тилимизнинъ башкъа ялыбой шивелеринде, дикр тюркий тиллерде ургъунынъ ишлетилнов хусусиетлерини огренип, Судакъ шивесиндекинен тенъештирип, оларнынъ арасында умюм ве фаркълайыджи хусусиетлерини тедкъикъ этмек истер дик.

Къуланьылгъан эдебият

1. Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. М.: Наука, 1987.-208с.
  2. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков.- М.: Изд-во. Вост.лит.,1962.-607с.
  3. Кодухов В.И. Общее языкознание.- М.:Высш. Школа, 1974.-303с.
  4. Меметов А.М. Кырымтатар тили. –Акъмесджит: Кырымпедокъувнешир, 1997.-176с.
  5. Самойлович А.И. Опыт краткой крымскотатарской грамматики. – Пг.: Тип. И.Бороганского, 1916.-104с.
  6. Севортян Э.В. Фонетика турецкого литературного языка.-М.:Изд-во АН.СССР, 1955.-152с.
  7. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.-М.: Наука, 1986.-302с.
  8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика.-М.: Наука, 1984.-484с.
  9. Советская тюркология.1980г.№4с.63-71.
  10. Старостов Л.Н. Об ударении турецком языке. – «Труды Военного института иностранных языков», вып.2., М., 1953.
  11. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков.-Л.: Наука, 1970.-203с.
- Лугъатлар:
12. Абдуллаев Э., Умеров М. Русско-крымскотатарский учебный словарь- Симферополь: Крымучпедгиз, 1984.-383с.
  13. Меметов А.М. Имя лугъаты – Акъмесджит: Кырымпедокъувнешир, 1994.-174с.
  14. Усеинов С.М.Русско-крымскотатарский словарь.-Тернополь: СМНВП. «Диалог», 1994.-395с.
  15. Эмирова А.М. Словарь-справочник лингвистических терминов -- Симферополь: Крымучпедгиз, 1995.-96с.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК 81' 373.21(477.75)

ГИДРОНИМИЯ КРЫМА

Абсемиева Л. С.

Топонимика - (от греч. *topos* - место и *onoma* - имя) - раздел ономастики, исследующий географические названия, их функционирование, значение и происхождение, структуру, ареал распространения, развитие и изменения во времени.

По характеру объектов выделяются следующие основные виды топонимии.

Ойконимия (греч. *oikos* - дом, жилище) т.е. название населенных пунктов: г. Джанкой, с. Курцы.

Оронимия (от греч. *oros* - гора) название особенностей рельефа: гора Чатырдаг.

Космонимия - название внеземных объектов: планета Марс.

Исходя из величины объектов, устанавливают два главных яруса топонимии:

1) *макротопонимия* - названия крупных природных или созданных человеком объектов и политико-административного объединения;

2) *микротопонимия* - индивидуализированные названия малых географических объектов, особенностей местного ландшафта (лесов, колодцев, источников, урочищ и др.).

Первым кто из соотечественников специально занимался этимологиями топонимов был ныне хорошо известный тюркский лингвист и географ Махмуд Кашгарский, который ещё в XI веке составил свой знаменитый 3-х томный словарь тюркской лексики «Диван лугатат турк» и несколько географических карт [1:28].

Выдающийся тюрколог В.В. Радлов собрал и обработал топонимический и терминологический материал из тюркской лексики, которую отразил в 4-х томнике «Опыт словаря тюркских наречий».

Говоря о топонимике, следует отметить работы: Мурзаева Э.М.[1], Агеевой Р.А.[2], Абкадырова Р.Р.[3], Бондалетова В.Д.[4], Суперанской А.В.[5;6], Гулиевой Л.Г.[7]. Наряду с перечисленными работами диссертацию Бушакова В.А. на тему: «Исторична топонимія Крима».

Топонимическая система Крыма уникальна по своей природе, в ней отразилась этническая многослойность и сложность исторических судеб населяющих его народов. В аспекте сложившейся социально-политической и демографической ситуации попытаемся изучить и критически переосмыслить современную топонимику Крыма, в частности гидронимию.

Гидронимия (от греч. *hydro* - вода) название водных объектов рек, озёр, морей, болот, источников, ручьев, колодцев и т.д.).

В названии водных объектов существует своя специальная терминология.

Пелагонимы - название морей.

Лимнонимы - название озер.

Потамонимы — название рек.

Гелонимы - название болот. [1:21]

Воды Земли - проточные и непроточные, озера и болота, родники и ручьи, реки и моря - чрезвычайно разнообразны по своим физико-географическим, химическим и другим характеристикам. Люди дававшие наименование водному объекту, сознательно или бессознательно выбирали его наиболее бросающиеся в глаза признаки. Такие названия как правило, не возникли случайно: они отражали особенности окружающей среды [2:15].

Материалом для данной работы послужили собранные путем опроса местного крымскотатарского населения и выписанные из карт наименования макро и микрообъектов водного ландшафта Крыма до и после депортации.

Задача статьи - выявить основные типологические особенности тюркской гидронимии Крыма, проанализировать гидронимы в соответствии со способом их образования: лексико-семантическим, морфологическим и синтаксическим, выделить продуктивные топоформанты.

Гидронимы Крыма складывались под влиянием населяющих народностей полуострова. Каждый народ имеет свою историю и территорию. Всякое вторжение в историю на территориальную целостность приводит к негативным процессам.

Примером может служить высылка из Крыма крымских татар. В спешном порядке переименовались почти все ойконимы, частично гидронимы и оронимы.

В неискаженной форме т.е. сохраняя прежние тюркские названия водных источников нами записано проточных вод и озер свыше 120.

Переходя к анализу гидронимов, подчеркнем, что большинство из них относятся к существительным и прилагательным.

Гидронимы, выраженные прилагательными обычно содержат обозначение какого-либо свойства или качества.

Например, слова - цветообозначения:

Акь – «белый» - выявлено 5 гидронимов: Акь чокъракъ суву, Акь мелез суву, Акь сув, Акь-таш (озеро), Акь-бурун.

Къара – «черный» - 5 гидронимов: Къара денъиз, Буюк Къарасув, Кучюк Къарасув, Къара озен, Къараджа.

Сары - «желтый» - 2 гидронима: Сарысув, Сары-Узень.

Кок - «синий, голубой» - 1 гидроним: Кок-сув.

Къызыл - «красный» - 1 гидроним: Къызыл-Яр суву.

Лексемы, обозначающие чистоту, прозрачность и качество воды:

Булъганаць (мутный), озеро Сасыкъ (вонючий), Темиз сув (чистый), Чюрюк (гнилой), озеро Тузла (солёный), Сувукъ сув (холодный).

Также встречаются конструкции гидронимов образованные от этнонимов:

Р. Салгъыр - от племени салар (салгур, салур, салыр).

Оз. Къыят - от племени къыят.

Аргъынчыкъ - родовое имя аргъын.

Р. Зуя - от подразделения племени салор-зиян.[6:96]

Согласно морфологическому анализу гидронимы Крыма делятся на две группы:

- 1) одноосновные: Ангара, Шелен, Барын, Салгыыр и др.;
- 2) двуосновные: Беш-Терек, Озенбаш, Балбал, Учансув и др.

Компонентами выступают сочетания «имя» + «имя», чаще всего сочетание прилагательное с существительным.

Одноосновные гидронимы неоднородны по своему составу, среди них выделяются:

- 1) гидронимы непроизводные, - т.е. гидронимы без каких-либо словообразовательных формантов (оз. Чокъракъ, р. Зуя, р. Кача и др.);
- 2) гидронимы производные, т.е. образованные путем прибавления топонимических формантов (оз. Къараджа, оз. Тобечик, Сулу дере).

Наиболее продуктивными аффиксами в гидронимобразовании Крыма нами выделяются следующие форманты:

а) лыкъ / люк / лик / наличествуют в следующих гидронимах: Сагълыкъ, Чатырлыкъ, Курлюк, Ериклик;

б) джа / ча / чу / зарегистрированы только в 4-х названиях: оз. Къараджа, р. Чокъурча, Бурульча, Чуюнча;

с) чик / чыкъ /: оз. Тобечик, Аргъынчыкъ;

д) лар / лер аффикс множественности зарегистрированы только в 2-х гидронимах: Узунлар, Явузлар.

Форманты лыкъ / люк / указывают наличие признака, например: р. Сагълыкъ - «здоровая», т.п. полезная для здоровья вода.

Аффиксы джа / ча / чу / имеют значение «полноты признака», например: оз. Къараджа - «более черная»; р. Чокъурча (вар. Чукъурджа) - «более глубокая».

Чик / чыкъ привносят гидрониму оттенок ласкательности; оз. Тобечик, р. Аргъынчыкъ.

Рассмотрим гидронимы по тем индикаторам (терминология Б. А. Серебrenникова), которые составляют основы крымских гидронимов.

Сув - «вода»: - выявлено 25 гидронимов, например: Сув-Атма, Сарысув, Тиназ сув, Явлус суву и др.

Баш - «голова»: - 2 гидронима: р. Озенбаш, оз. Чурбаш.

Озен / узень - «река»: - 7 гидронимов: Сары-Узень, Къуру-Узень, Улу-Узень и др.

Голь -- «озеро»: - 4 гидронима: Сулюк-Голь, Акъ-таш голю, Айгуль и Янгуль в данном случае, наверное правомерно [гол'] вместо гуль.

Итак, мы перечислили самые номенклатурные термины в крымских гидронимах. В их число можно отнести также следующие термины, которые выражают разнообразие и специфику водных объектов:

Чокракъ - «источник»: Акъ чокракъ суву, Тебе чокракъ и др.

Чемше -- «каптированный источник»: Мелск чемше и др.

В гидронимии Крыма отмечены употребления оронимических терминов. Такие термины как *дере* встречаются в основном в гидронимии предгорного горного Крыма, т.к. эти реки горные или стекающие с гор на равнину.

Дере -- «ущелье» - отмечено 8 гидронимов, например: Кьонакъ дере, Буюк-дере, Сыгъын дере и др.

Тёбе (вар. Тобе) - «гора, пригорок» - 2 гидронима: оз. Тобечик, Тёбе-Чокъракъ.

Таш - «камень» - оз. Акъ-Таш.

Озера Тобечик и Акъ-Таш расположены на Керченском полуострове.

Перечисленные слова выступают чаще в составе сложного названия (т.е. сложного слова и словосочетания). Сложные гидронимы образованы в основном синтаксическим путем, например: Алсу, Сарысув и др. Также основной единицей выдвигаются словосочетания. Словосочетания гидронимов Крыма построены по моделям изафетных конструкций I и II типов.

Словосочетания - гидронимы делятся на определительные I типа, где связь компонентов обеспечивается простым порядком слов - примыканием, например: Шейтан дере, Сарымсакъ чемше и др.

II тип - синтаксическая связь дополняется морфологической, т.е. при определяемом стоит аффикс принадлежности 3-го лица. Например, Чокъракъ Суву, Шелен Суву и др.

В топонимах имеющих форму определительных словосочетаний, первый компонент обычно выражается существительным или прилагательным, а второй компонент только существительным.

Основной моделью крымских гидронимов являются двухкомпонентные синтагмы.

Трехкомпонентные синтагмы встречаются крайне редко, зафиксировано всего лишь — 7 гидронимов.

Практически не встречаются глагольные топонимы, однако не всех можно и следует считать глагольными гидронимами. Например: Ашлама, Этильген, Джарылгъач.

Весь фактический материал позволяет нам проанализировать и сделать структурную характеристику изучаемых гидронимов:

- однокомпонентных гидронимов - $\approx 25\%$ от общего числа гидронимов;
- двухкомпонентных гидронимов - $\approx 70\%$;
- трехкомпонентных гидронимов - $\approx 5\%$;
- четырехкомпонентных гидронимов - не зафиксировано.

Частеречная характеристика позволила выявить: существительных $\approx 55\%$; прилагательных $\approx 45\%$; одно числительное р. Беш-Терек.

Рассмотренные нами вкратце макро и микро объекты водного ландшафта Крыма, позволяют сделать следующие выводы:

1. Гидронимические конструкции образованы лексико-семантическим, морфологическим и синтаксическим способами гидронимобразования.
2. В численном отношении превосходят двухкомпонентные образования.
3. Частеречная характеристика изучаемого фактического материала, позволяет сделать вывод о превосходстве существительных и прилагательных.
4. Большинство словосочетаний построены по моделям изафетных конструкций I и II типов.
5. Выявлены основные продуктивные аффиксы которые участвуют в образовании гидронимов Крыма.

Таким образом, в связи с выявлением неизвестных гидронимов и новых структурных типов, подобные исследования должны быть продолжены.

Литература

1. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Наука, 1917.
2. Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. М.: Наука, 1985.
3. Абкадыров Р.Р. Геотопонимия и хозяйственно-культурное освоение Крыма Симферополь. Крымучпедгиз, 2004.
4. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983.
5. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985.
6. Суперанская А.В. Топонимия Крыма. Ч. I: Введение в топонимию Крыма. М.: Наука, 1995.
7. Гулиева Л.Г. Тюркская гидронимия Кубани. Советская тюркология. 1976, №2.
8. Автономна Республіка Крим. Атлас / Ред. кол. М.В. Багров. Симферополь, 2003.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК – 81'7.512.145

МЕТОДЫ ИСЛЕДОВАНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Меджитова Э. Н.

Дисциплина крымскотатарская диалектология преподается на факультетах крымскотатарской и восточной филологии ТНУ и Крымском государственном педагогическом институте. Крымскотатарские диалекты сложны и разнообразны. Преподаватель родного языка, закончивший высшее учебное заведение в своей деятельности постоянно сталкивается с представителями различных диалектов. Хотя они и проводят различные упражнения на литературном языке, но повсеместно встречаются с ошибками, выходящими за рамки литературного языка.

Знание преподавателем основных особенностей диалектов и различие между литературным языком и крымскотатарскими диалектами очень помогает в их деятельности.

Помимо этого диалектологические материалы являются ценным подспорьем в изучении истории крымскотатарского языка и помогают в решении проблем этногенезиса крымских татар.

Это позволяет говорить о том, что диалектологические материалы необходимы не только для языкознания, но и, возможно, важны для истории, этнографии и других областей.

Исследователь имеет возможность собирать диалектологические факты с помощью различных методов:

- а) слушать и фиксировать разно-жанровые тексты или отдельные предложения живой речи, запись отдельных слов без ведома говорящего;
- б) опрос и запись ответов на вопросы, определенные программой. Такой метод особенно подходит для изучения лексики того или иного диалекта. Когда же речь заходит о фонетике и морфологии, то материалы собранные путем опроса играют лишь второстепенную роль. Выяснение фонетических и грамматических особенностей требует личного участия диалектолога в различных ситуациях.

Основными требованиями диалектографических исследований является то, насколько правильно собран фактический материал. Причем материал этот должен отображать реальное положение того или иного диалекта. Диалекты и говоры являясь территориальными формами того или иного языка, характеризуются тем, что имеют совершенно определенную систему. Эта система имеет свои законы, однако конкретные исторические условия формирования диалекта и причины, объясняющие тенденции их развития могут быть сомнительными и выходить за рамки этой системы. Насколько велик и разнообразен собранный материал, настолько реально и полно будут отражены лексические и лексико-грамматические особенности диалекта. Недостаток фактического материала о том или ином диалекте приводит к путаному показу

реального его состояния и приводит к неверным выводам об исследуемом объекте. А особенно при классификации тюркских родоплеменных сообществ, которые оседали на тех или иных территориях в очень сложных исторических условиях. Поэтому в них смешались различные диалектические показатели, а это в свою очередь, привело к лингвистическому разнообразию, который необходимо показать с помощью чётких доказательств. В некоторых случаях диалектические показатели настолько смешиваются, что приходится называть особым языковым единством, и изучать и классифицировать их приходится глубоко и всесторонне. Отмечая особенности, присущие диалекту или говору, необходимо отметить факты смешения их с родственными и не родственными языками, и влияние (в сфере фонетики и лексики) литературного языка.

Крымскотатарские диалекты и говоры очень богаты материалом, показывающим историческую эволюцию возникшую в процессе сложных исторических условий их формирования.

Интерпретация языковых фактов крымскотатарского языка и его диалектов позволяют привести к обще-тюркологическим выводам и обобщениям. Правильный анализ фактов языка дают важные материалы в руки исследователя для выяснения истории диалекта, определения его традиционной системы и этнических связей среди родственных языков, и для определения их путей развития.

Изучение звуковой системы диалекта или говора.

Изучая звуковую систему диалекта или говора, в первую очередь, необходимо путем всесторонней проверки речи представителей различных групп носителей диалекта определить состав фонем. Кроме того, требуется определить факультативные и комбинаторно-позиционные варианты фонем, возникающих в различных фонетических условиях и историческую эволюцию, возникающую на различных ступенях исторического развития. Достичь этого возможно лишь исследовав традиционную фонетическую систему диалекта, и учитывая все те изменения в его звуковой системе, которые произошли позднее.

Различные явления в диалекте и говоре имеют различное значение, поэтому естественно, что при исследовании каждого можно столкнуться с различными трудностями. Характерные для известных диалектных групп и говоров стойкие фонетические элементы можно установить без особого труда. Однако составе некоторых диалектов и говоров имеются очень тонкие особенности, различия, что отразить их – дать фонемам характеристику с точки зрения формы и количества, выяснить их комбинаторно-позиционные варианты требует немалого труда и большой подготовки, а иногда и особой подготовки в области сравнительной фонетики тюркских языков. Если диалектолог не отвечает в достаточной степени этим требованиям, то диалект или говор, исследованный этим диалектологом будет носить лишь натуралистический характер.

При исследовании вокализма диалектов и говоров крымскотатарского языка следует обратить внимание на следующие моменты:

- а) определить состав и количество гласных фонем;
- б) проследить тенденцию к нарушению сингармонизма и связанные с этим процессы – использование гласных фонем заднего ряда вместо гласных переднего ряда и связанное с этим сокращение количества типично тюркских гласных фонем.

- в) отсутствие или малое использование губных гласных фонем в некоторых диалектах и говорах крымскотатарского языка;
- г) показать наличие характерных для некоторых крымскотатарских диалектов долгих гласных вторичного происхождения.
- д) показать характер дифтонгов и определить возможности их возникновения. Определить их отношение к фонетическим процессам, связанным с интонационными особенностями.
- е) определить новые фонемы, входящие в говор или диалект, и возможности их возникновения, т. е. являются ли фонемы, которые появились недавно, результатом исторической эволюции вокализма, или же их появление связано с влиянием на говор или диалект территориально соседствующих языков, либо же этот факт связан с влиянием литературного языка.

Изучение (исследование) морфологической системы диалекта или говора.

Исследуя в монографической работе основные разделы морфологии необходимо изучить не только традиционные пласты, но и, возможно, возникшие в различных исторических условиях и различные исторические периоды отдельные морфологические формы и пути их возникновения. Известно, что основной пласт, характеризующий исторический аспект морфологической системы считается основным фондом и отражает в себе все изменения, произошедшие в историческом развитии этих морфологических форм.

Некоторые языковые явления, составляющие морфологию говора или диалекта не являются несвязанным, бессистемным собранием различных диалектных признаков стоящим вне системы языка. Они подчиняются известной системе и поэтому должны изучаться как элементы этой системы, на основе большого количества фактического материала. В изучении морфологических категорий говора или диалекта одним из основных *инструментов* служит обычная речь, используемая в быту и литературные памятники, хранящие литературную традицию. Такой прием в изучении проблемы очень помогает исследовать морфологические формы на основе конкретного исторического плана, выяснению того, в какой исторический период возникли вышеуказанные формы, кроме того, способствуют выяснению очень важной особенности для исторической грамматики – в какой степени диалектные морфологические формы отражены в письменных памятниках.

Опираясь на общеметодологические основы в классификации морфологии того или иного говора или диалекта, в первую очередь, необходимо отразить традиционный пласт, подробно указать на имеющиеся архаичные формы и отметив появившиеся в различные исторические периоды морфологические явления, описать их нынешнее состояние. Можно перечислить морфологические формы, имеющие место и литературном языке и в говорах или диалектах, однако сказать, что в диалекте есть формы литературного языка, которых на самом деле нет в диалекте, будет большой ошибкой и приведет к искажению фактов.

Исследование синтаксиса говора или диалекта.

Также большое значение имеет изучение особенностей синтаксиса говоров или диалектов. Однако в исследовании диалектов этот важный раздел изучается на второстепенном материале, частично, а то и вовсе не изучается. То, что ни в

одной работе по крымскотатарской диалектологии этой теме не посвящено ничего служит подтверждением нашей мысли. В синтаксисе говора или диалекта есть конструкции и обороты, присущие только этому говору и диалекту. Их исследование может дать очень ценный материал как для истории крымскотатарского языка, так и для современного крымскотатарского языка. Возможно, отсутствие исследований в этой области объясняется в высшей степени трудности выполнения поставленной задачи. Так как синтаксические особенности, живую разно-жанровую речь говора или диалекта необходимо исследовать долгое время и собрать большой фактический материал. Исследования лексики говора или диалекта.

В одном ряду с исследованием фонетической системы, грамматических форм диалекта стоит и лексика. Лексика, как правило, подвержена более интенсивным изменениям. Некоторые исследователи ограничиваются лишь тем, что просто отмечают те или иные диалектные или архаичные слова, и не затрагивают этимологии и путей их проникновения. Между тем, для крымскотатарского языкознания наряду с традиционным пластом лексики и архаичными словами также важны и заимствованные слова.

Лексика крымскотатарского языка и его диалектов в основном состоит из следующих пластов:

- а) собственно тюркская лексика. Сюда входят традиционная лексика и архаичная лексика и вместе с ними общие с монгольским языком элементы;
- б) арабская и персидская лексика;
- в) русская и интернациональная лексика. Этот пласт для исследователей диалектов стоит на последней ступени.

Указанные выше пласты в количественном отношении различны для разных диалектов крымскотатарского языка. Значительную часть заимствованной лексики составляют слова, пришедшие из арабского и персидского языков (они заимствованы различными путями: одна часть вошла путем общения, другая путем книг) и сохранилась лишь в письменном языке. А живые народные диалекты заимствовали и усвоили лишь важную для себя часть лексики. Арабских слов больше нежели персидских. Однако на грамматическом уровне арабский язык не так сильно повлиял на диалекты, как на их лексику.

При исследовании диалекта с точки зрения лексики, необходимо реально отразить его словарный состав, диалектные особенности традиционной и узкой лексики, и как можно полно проследить лексические пласты, присущие тому или иному историческому периоду. Отдельно должна быть рассмотрено обогащение лексической системы национального языка в аспекте появления новых лексических особенностей.

Отдельные аспекты в изучении диалектных особенностей (фонетика, лексика, морфология, синтаксис), их связь.

Исследование фонетических, грамматических, лексических особенностей диалекта или говора тесно связано. Диалект может помочь проследить в традиционных и архаичных пластах лексики фонетические особенности. Выделяя в диалекте или говоре новые и очень новые слова, можно проследить лексический пласт, подвергшийся фонетическим изменениям. Определить фонетические особенности, которых не было ранее и которые появились позднее. Наконец, лексический материал можно отобрать из текстов,

предназначенных для фонетических и морфологических изысканий. Диалектные особенности тесно связаны друг с другом с точки зрения фонетики и грамматики, так как фонетические явления, как правило, появляются в различных морфемах, в их соединении или в известных словосочетаниях. Морфологические формы помогают определить место звуков и звукосочетаний, открыть прикущие им особенности, выяснить позиционные и комбинаторные варианты, дают возможность определить продуктивность или непродуктивность фонетических явлений.

Такого рода исследования должны давать полное представление об общезыковых особенностях отдельного диалекта. Насколько глубоко всдется историческое исследование фонетических и лексико-грамматических особенностей диалекта, настолько точна история формирования диалекта или говора.

Литература

1. Чобан-заде Б. Тюрко-татарская диалектология. – Баку. – 1927.
2. Самойлович А.Н. К истории крымскотатарского литературного языка./ Вестник научного общества татароведения. – Казань. – 1939 .
3. Меметов А.М. Крымские татары. – Симферополь: Ана юрт. – 1993.
4. Севортян Э.В. Крымскотатарский язык./ Языки народов СССР. — Т. 2. Тюркские языки. – М. – 1966.
5. Богородицкий В.А. О крымскотатарском наречии. / Диалектологические заметки. – Вып. 5. – Казань. – 1903.
6. Меджитова Э.Н. Некоторые фонетические особенности северного диалекта крымскотатарского языка.// Востокведный сборник. Вып. 1 Симферополь – 1997. – С. 86 – 91.
7. Меджитова Э.Н. Некоторые грамматические особенности степного диалекта крымскотатарского языка. // Востокведный сборник. Вып. 2. Симферополь. – 1998. – С.200-208.
8. Меджитова Э.Н. Некоторые лексические особенности северного (степного) диалекта крымскотатарского языка.// Востокведный сборник. Вып. 3. Симферополь. – 1999. – С. 201-207.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК – 81'1. 512. 145

ИМЕНА ДЕЙСТВИЯ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Мелгазиева Э.

Целью работы дать общее понятие имен действия и средства их выражения в современном крымскотатарском языке. Для разрешения поставленной цели определили следующие задачи: проследить историю изучения проблемы; обобщить научные достижения в области современного языкознания на основе тюркских и в частности крымскотатарских глагольных имен; дать их грамматическую характеристику; выявить наиболее распространенные типы глагольных имен в крымскотатарском языке.

В тюркском языкознании начиная с 50-х годов посвящены многочисленные статьи (Г.Ф. Благова, В.Г. Гузева, Н.К. Дмитриев, П.И. Кузнецов, К.М. Мусаев, Х. Неталиев, Х.Г. Нигматов, Э.В. Севортыян, А.Н. Холмурадов и др.), отдельные монографические исследования (Ш.С. Айляров, А.Н. Баскаков, Ф. Исхаков, С.А. Соколов, Б.Тойчубекова и другие ученые), посвященные как общетеоретическим, так и практическим вопросам, связанным с сущностью, характером и местом глагольного имени в словообразовательной семантики. По данной проблеме можно встретить в трудах крымскотатарских ученых: Б.С. Чобан-заде, Э. Куртмоллаева, А.Н. Самойловича, А.М. Меметова.

Имя действия – (лат. *nomen action*) “существительное отглагольное (существительное глагольное, глагольное имя, имя действия) существительное, образованное от глагольной основы и обозначающее действие (состояние, процесс) как “опредмеченное”, “субстантивированное”, т.е. представляющее его в наиболее общем и отвлеченном смысле” [1, 465]. Например: тезлешув - “ускорение”, тесирлев - “раздражение”, ынтылув - “стремление” и т.д.

Имена действия – “не что иное, как специфическая морфологическая форма сказуемого придаточного предложения. Особенность функциональной формы этого типа состоит в том, что она имеет чисто именную окраску (обладает всеми морфологическими свойствами имени), оставаясь при этом чисто глагольной, сказуемостной формой, обозначающей “само действие” [2, 13].

Ш.С. Айляров в своей монографии “Развернутые члены предложения в современном турецком языке” отметил тот факт что, “глагольное имя” и “отглагольное имя” имеют различия. “Под термином “отглагольные” логично понимать именные части речи (то есть существительные, прилагательные и т.д.), образование от глагольных основ (например: существительное *batak* - “болото”, прилагательное *durgun* - “стоячий, тихий” и др.) а термином “глагольное имя” следует обозначать имена действия” [3, 38]. Например, в крымскотатарском языке: авушмакъ - “перемещаться”, абынмакъ - “спотыкаться”, ерлешмек - “размещаться”, ойнамакъ - “играть”, кечмек - “проходить” и т.д. По мнению А.М. Щербака имена действия, “согласно

традиционной точки зрения, промежуточное положение между собственно именами и глаголами; в действительности все же ближе к собственно именам, чем к глаголам” [4, 158-159]. Например, в крымскотатарском языке: парчаламакъ - “раздробить”, сувармакъ - “поливать”, ёлламакъ - “посылать”, айтылыш - “произношение”, уюшмакъ - “свёртывать”, чагырыш - “приглашение”.

Вышеописанные мнения позволяют сделать вывод, что в крымскотатарском языке формам глагольного имени присущи именные категории, такие, как словоизменение имен существительных, а также семантика предмета и понятия, в которые воплощено действие, таким образом, они напоминают субстантивированные глаголы [5, 236].

“В морфологическом отношении имена действия обладают теми свойствами, которые могут быть присущи глаголы-сказуемому в сочетании с каким-либо “строевым” элементом -- они чаще всего присоединяют к себе личные аффиксы особого типа, омонимичные аффиксы принадлежности, падежные аффиксы, или послелогои” [2, 14].

В тюркском языкознании эту категорию называют “инфинитивом”. Термин “инфинитив” восходит к лат. “(modus) infinitivus”, что значит “(способ) неопределенный” – неопределенная форма глагола, неизменяемая глагольная форма. Научная мысль определяет инфинитив и в качестве “неопределенной”, “неличной”, “нефинитной” (В. Гумбольдт, И. Польдауф, К. Свобода, В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий и др.) или “исходной”, “начальной”, “именной” (К.С. Аксаков, В.Н. Ярцева и др.) формы глагола. “Инфинитив, как особая глагольная форма, называет действие, состояние или процесс, без указания на его отношение к лицу и числу или реальной действительности” [6, 483].

К некоторым тюркским языкам называть “инфинитивом” неличные формы глагола не правомерно. Н.К. Дмитриев в своей работе “Грамматика башкирского языка” сделал следующее заключение о развитии инфинитива в тюркских языках: “Получается такое впечатление, что живые тюркские языки в общем могли, так сказать, обходиться без инфинитива и что развитие в них инфинитива обязано какому-то внешнему толчку со стороны мощного литературного языка: арабского с его масдарами, а в наше время – русского с его инфинитивом, играющим значительную грамматическую и лексическую роль” [7, 169].

Многие тюркологические исследования развивались непосредственно под влиянием трудов ученых занимавшие западноевропейскими и славянскими языками. Поэтому “понятие “инфинитива” как и большинство научно-технических и общественно-политических терминов, в современные тюркские языки проникло посредством русского языка или непосредственно из него” [8, 3].

Если в русском языке такие слова как: писать, читать, ходить, приходиться, входит; писание, чтение, уход, введение являются инфинитивом. То в крымскотатарском языке инфинитив образуется при помощи присоединением к основе глагола аффикса - макъ, - мек. Например: язмакъ - “писать”, окъумакъ - “читать”, кельмек - “прийти”, кирмек “войти” и др.

Полное же развитие “инфинитивы” получили в турецком, азербайджанском, туркменском, узбекском, уйгурском, гагаузском в южных

тюркских языках. Например: “ср.тур. башламак “начинать”, вермек “давать”; азерб. алмаг “брат”, тапмаг “находить”; туркм. јазмак “писать”, догмак “рождаться” и т.д.” [9, 238]. К их числу можно отнести и крымскотатарский язык. Например: солмак - “вянуть”, парламак - “ломать”, танышмак - “знакомиться”, турмак - “встать” и т.д.

Имя действия на -макь, -мек в огузских языках выполняет роль инфинитива; изменяется по падежам, принимает аффиксы принадлежности, сочетается с послелогоми, выступает в некоторых специфических функциях в предложении. То есть употребляется в функциях главных и второстепенных членов предложения [7, 169-170]. Например: Чалышмакь -- айып дегиль. (Работать – не стыдно), где инфинитив выполняет функцию подлежащего.

Имена действия аффиксов -макь/-мек которые по замечанию А.Н. Кононова, “в тюркских рунических памятниках в качестве показателя не используется. Это указание позволяет сделать вывод о том, что в эпоху создания орхонских памятников (VII - IX вв.) форма инфинитива еще не успела сложиться” [6, 483].

Единственным широкоупотребительным показателем имен действия, является аффиксы -макь/-мек. “Форма на -макь/-мек выступает без аффиксов принадлежности как название действия (состояния):

а) склоняется по падежам, например, “...Чин зулумындан ве укюминден кьуртулмакь (...освободиться от тирании и власти Китая) [Г.И.];

б) сочетается с послелогоми, например: “Къыз алмакь ичюн джиез керек, джиез ичюн акъча керек.” [Ю.Б.] (Чтобы засватать девушку необходимо приданное, а для приданного нужны деньги).

в) может иметь оттенки пожелания, цели и образовывается от основ всех залогов” [10, 131], например: “... къыз бу тарафтан чыкъмакь истемиш эди.” [Г.И.]. (...девушка решила не выходить с этой стороны).

Известно, что аффикс -макь, -мек формирует в ряде тюркских языков морфологические образования. П.И. Кузнецов выделяет два типа: 1) неопределенную форму глагола – инфинитив, например: отур-макь – “садиться”, кет-мек – “уходить”, куль-мек – “смеяться”, агъла-макь – “плакать”, яша-макь – “жить”; 2) отглагольные имена с конкретными значениями, например: ек-мек “хлеб”, bas-a-tak “ступеньки” [5, 39].

Б.А. Серебренников и Н.Г. Гаджиева, говоря о форме на -макь, отмечают, что значение инфинитива в данной форме развивалось на базе значения отглагольного имени на -макь [9, 233]. Например, в крымскотатарском языке: ирмакь - “ручей”, айдамакь - “разбойник”, берджимек - “чечевица”, ильмек - “крючок”, “петля”, емек - “еда”, кольмек - “сорочка”, къаймакь - “пенка”, къасмакь - “накипь”. Первичность именной формы на -макь отмечают и авторы “Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков” [6, 489].

По все вероятности, аффикс -макь состоит из двух аффиксов -ма и -къ. “В основе это отглагольные существительные на -ма” [11, 10], например: атма - “бросание” от атмакь - “бросать”, бирлешме - “объединение” от бирлешмек - “объединяться” и т.д. Аффикс -къ имеет модальное значение, например: ильмек - “крючок”, то есть “то, что можно что-то повесить”. “Это модальное значение в ряде тюркских языков и было использовано для создания инфинитива на -макь типа алмак. Эти инфинитивы, по-видимому, первоначально были супинами или

инфинитивами цели. Развитие значения шло в направлении – ‘то, чем можно взять’ > ‘чтобы взять’. И только позднее возникло значение ‘брать вообще’ [11, 10]. Например: кетмек - “идти”, юрмек - “ходить”, ятмакъ - “ложиться” и т.д.

Форма аффикса -макъ “присоединяется к основе с заднерядными гласными” [4, 237], например; Ана, мен де шай тюшонем, бир беш сене даа чальшсам, атым да олур, сонъ эвленмек де мумкюн [Ю.Б.] (Я также думаю, где-то пять лет поработаю, и лошадь будет, а потом жениться можно). Ёл тюшсе, бир бармакъ керек эди [Р.М.]. (По пути, надо заехать), где эвлен-мек - “жениться” эвлен - корень глагола, -мек - аффикс глагольного имени; бар-макъ - “ходить” имеет в своей структуре бар - корень глагола, -макъ - аффикс глагольного имени.

Аффикс -макъ, -мек, в своем составе имеет аффикс отрицания действия -ма, -ме. Отрицательный аспект глагольного имени образуется присоединения аффикса отрицания действия -ма, -ме к глагольной основе [5, 158]. Например: атла-ма-макъ - “не прыгать”, къал-ма-макъ - “не оставаться”, ст-ме-мек - “не делать”, куль-ме-мек - “не смеяться”.

О происхождении аффикса -ма, -ме, “в своей книге “Введение в алтайское языкознание” Г.И. Рамстедт отмечает, что во всех алтайских языках мы встречаем много примеров некоего архаического отглагольного имени с суффиксом -т, различные производные которого должны быть также весьма древними. Им, в частности, приводится аффикс -ма в тюркских языках, например: бас-ма - “напечатанный”, яз-ма - “написанный” и т.д.” [11, 9].

Имена действия аффиксов -ма, -ме “в сочетании с аффиксом направительного (дательного) падежа приобретают свойства целевого инфинитива” [8, 5]. Например: кетме-ге - “уйти”, алма-гъа - “чтобы взять”, ишлеме-ге - “работать”, окъума-гъа - “читать”. “Эмиш-демишлерге коре, олар къачмагъа азырлана экенлер.” [13, 9]. (По-слухам, они собирались бежать).

В крымскотатарском языке можно выделить еще такие именные формы глагола аффиксы, а именно -в, -ув, -юв, -ш, -ыш, -иш, -уш, -юш. Например: бенъзет-юв - “уподобление”, денъиш-юв - “изменение”, окъалан-ув - “трение”, отур-ыш - “заседание”, ёнел-иш - “направление”, зеэрле-в - “травление” и т.д.

Другие формы глагольного имени образуется путем присоединения к глаголу аффикса – в [w] – после основ, оканчивающихся на гласный: например, адав - “обещание” глагольное имя от атадамакъ - “обещать”, азапла-в - “мучение” глагольное имя от азапламакъ - “мучить”, акъла-в - “беление” глагольное имя от акъламакъ - “белить”, агъла-в - “плачь” глагольное имя от агъламакъ - “плакать”, багъышла-в - “дарение” глагольное имя от багъышламакъ - “подарить”, бекле-в - “выжидание”.

“Энди излев де башлар” [Ю.Б.]. (Теперь и преследование начнется);

-ув – после основ с заднерядными гласными, оканчивающимися на согласный. Например: арт-ув - “увеличение”, анълаш-ув - “соглашение”. “...дюрбе яптырув акъкъында артыкъ агъыз биле ахмады.” [Ю.Б.]. (...о строительстве мавзолея речь уже не шла);

-юв – после основ с переднерядными гласными, оканчивающимися на согласный. Например: бирлеш-юв - “соединение”, бол-юв - “деление”. “Юректен тилегим - тешкерюв заманында акълы олып чыкъманъыздыр.” [Ю.Б.]. (Сердечное пожелание вам, во время проверки оказаться правым). “Эти

аффиксы образуют глагольные имена с абстрактным значением, в некоторой степени сближающимися с отглагольными именами существительными” [4, 238].

Следующая форма глагольного имени оканчивающиеся на аффиксы -ш и его варианты присоединяясь к глаголам, образуют глаголы со значением взаимного действия. Однако в контексте четко определяется грань между глаголом взаимного действия и глагольным именем. [4, 239]. Например: Акъмесджит мектебинде окъуш битти. (Учеба в Симферопольской школе закончилась). Окъу-ш - “учеба”, в своем составе имеет, окъу- корень глагола, -ш - аффикс глагольного имени, отвечает на вопрос не? (что?) и является именем действия со значением существительного. В другом предложении. Например: Достлар сыкъ-сыкъ язышалар. (Друзья часто переписываются). Яз-ыш-а-лар - “переписываются” - отвечает на вопрос не япалар? (что делают?) и имеет в своей структуре – яз – корень глагола, -ыш - залог взаимного действия, -а - аффикс настоящего времени, -лар - аффикс III лица множественного числа.

Глагол присоединя аффикс -ш – после основ оканчивающихся на гласный. Например: баш-ла-ш - “начинание”; -ыш – после основ с заднерядными негубными гласными и оканчивающимися на согласный. Например: ал-ыш - “взятие”, догърул-ыш - “направление”; -иш – после основ с переднерядными негубными гласными и оканчивающимися на согласный. Например: корюн-иш - “видение”; -уш – после основ с заднерядными губными гласными и оканчивающимися на согласный. Например: догъ-уш - “рождение”; -юш – после оканчивающимися на согласный. Например: сур-юш - “волоки” [4, 239]. В крымскотатарском языке редко используются слова с аффиксом -ш, чаще всего в контекстах встречаются аффиксы -ыш, -иш, -уш, -юш.

Форма глагольных имен -макъ, - мек, -в, -ув, -юв, -ш, -ыш, -иш, -уш, -юш не могут быть взаимозаменяемыми. Среди них особо выделяется форма на -макъ, - мек, которая не может замещаться другими формами. Остальные формы -в, -ув, -юв, -ш, -ыш, -иш, -уш, -юш нередко могут заменять друг друга как, например: келиш - келюв “приход”, бильдирюв - бильдириш “извещение”, болюв - болюш “деление”, ёрулув - ёрулыш “утомление” и т.д.

Детальное изучение данной проблемы позволит решить многие вопросы связанные с морфологией, лексикологией, словообразованием современного крымскотатарского языка. А также для изучения в сравнительном освещении с другими тюркскими языками.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., - 1966. - 606 с.
2. Кузнецов П.И. Система функциональных форм глагола в турецком языке // Советская тюркология. - 1982. - № 1. - С. 3-21.
3. Гузев В.Г. О развернутых членах предложения, вводимых глагольными именами, в современном турецком языке // Советская тюркология. - 1977. - № 5. - С. 36-43.
4. Кузнецов П.И. О происхождении инфинитива на - так // Советская тюркология. - 1983. - № 3. - С. 39-45.
5. Меметов А., Мусаев К. Крымтатарский язык. Ч. I. Общие сведения о языке. Ч. II. Морфология. Учебное пособие. -Симферополь, 2003.- 288 с.
6. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. - М.: Наука 1988. - 560 с.

7. Покровская Л.А. Инфинитив и его употребление в гагаузском языке. Тюркологические исследования. - М.: Наука, 1976. - 272 с.
8. Федотов М.Р. "Инфинитивы" в тюркских языках // Советская тюркология. - 1981. - №3. - С. 3-9.
9. Серебrenников Б.А., Гаджиева И.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. - М.: Наука, 1986.
10. Пигмагов Х.Г. Функциональная морфология тюркоязычных памятников XI - XII вв. - Ташкент: Изд-во "Фан" Узб.ССР, 1989. - 190 с.
11. Серебrenников Б.А. О происхождении некоторых аффиксов в тюркских языках. // Советская тюркология. - 1982. - № 4. - С. 3-13.
12. Гасринский Исмаил. Арслан-кызы. Кунь догды (романлар). - Симферополь: Оджакъ, 2004. - 192 с.
13. Болат Ю. Алим. - Ташкент, - 1982.
14. Р.Мурад Эрлик сынавларындан кечкенлер. Ташкент - 1983. - 190 с.
15. Ибраим Паши Мен эдебиятка насыл кельдим? // Йылдыз. - 2005. - №1. - С.8-34.
16. Крымскотатарско-русский словарь / Сост. С.М.Усеинов. - Тернополь: СМНВН "Диалог", 1994. - 395 с.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

ТУРЕЦКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК =512.161

TARİHİ SÜRECİ İÇERİSİNDE TÜRK SİYASİ TERMİNOLOJİSİNİN OLUŞUMU

Arslan Mustafa

İslamiyet öncesi Orta Asya'da Türk siyasi tarihinin Hunlar ile başladığı kabul edilir. M.Ö. III. yüzyılda tarih sahnesine çıkan Hun Devleti, kurucusu Mete Han'ın yönetiminde güçlü bir devlet haline gelmiş, Çin'le olan ilişkileri sonucu gerek dünya görüşü gerekse ekonomisi köklü değişikliklere uğramıştı. Türkler hakkındaki en eski yazılı bilgilere de Çin yıllıklarından ulaşabiliyoruz.

Göktürk Devleti (552–740), Türklerin kurdukları ikinci büyük devlettir. Bu devlette Hunların aksine kentleşmeye önem verilmiş, tarım reformu ve tohum ıslahı gerçekleştirilmiş, “bilgelik” birinci plana çıkmıştı. Bilge Kağan ve Kül Tegin, Türk devlet adamlığının en bilge ve en kahraman kişileri olarak tarihte yer aldılar. Onlar, yalnız savaşçılık ve alplik ile devletin yönetilemeyeceğini, kağanlığın aynı zamanda bilgeliği de gerektirdiğini savunuyorlardı. IV. asırda Göktürk hakanları Çin İmparatorlarına Türkçe olarak, Türkçe diplomasi kaidelerine ve takvimine uygun olarak mektuplar yazdıklarını biliyoruz. Orhun kitabelerinde ve daha sonraki resmi yazılarda olduğu gibi “Tanrı tarafından gönderilmiş büyük Göktürklerin hakanı” (1) cümleleriyle başlayan mektupların Çince tercümelerinden Çin ile olan siyasi ilişkilerin resmi boyutunu anlamaktayız. Yine Göktürk hakanları Orhun kitabelerinde devletlerinin kısaca tarihini, felaket günlerini, milli birlik ve şuur sayesinde nasıl kudret kazanmaları gerektiğini anlatırken “ey Türk ve Oğuz beyleri, milleti işitin” (2) hitabıyla siyasete dair öğüt vermektedirler. Bu devirde Türk “hanına “kağan”, eşine “katun”, şehzadelere “tegin”, şehzadelerin eşine “konçuy” adı verilirdi. Kağandan daha küçük rütbe “kan” idi” (3). Buradan devleti idare edenlerin siyasi unvanlarını da öğrenmiş oluyoruz.

Orhun ve Selenge vadilerinin yerli kavimleri olan Uygur Türkleri üçüncü büyük Türk Devleti'ni kurdular. Ticarete önem veren Uygur Devleti (741–840), Göktürkler'in gelenek ve türelerini devam ettirdi. Resmi dinleri olan Maniheizm'in etkisiyle ticaret gelişti, kurulan Mani dini tapınakları zamanla pazar tapınakları haline geldi.

Avrupa'da kurulan ilk Türk devleti olarak bilinen ve kendilerine Avrupa Hunları denilen Batı Hunları, Attila önderliğinde Ren nehri kıyılarından Volga nehrine kadar uzanan çok geniş topraklarda büyük bir devlet haline geldiler. Doğu uygarlığına Batı'ya taşınmasında önemli rol oynadılar. Avrupa'da Hun İmparatorluğu'nun dağılması sırasında, İç Asya'dan batıya doğru büyük bir kavimler göçü başlamıştır.

Göç eden kavimler arasında Sabir, Ogur kavimleri, Bulgarlar, Avarlar ve Hazarlar önemli bir yer tutar.

İslamiyet'ten önceki Türk devletlerinde ülke hükümdar ve ailesinin ortak malıdır. Hun İmparatoru Mete ülkeyi üç kısma ayırmış: batıda Teğın, merkezde Hakan ve doğuda Veliht Teğın olarak örgütlemiştir. Ancak daha sonra Türk devletleri doğu ve batı olarak örgütlenmiş ve Hakanlar doğuda, Yabgular batıda hüküm sürmüşlerdir. Üstünlük doğudaki hakandadır. Karar Organı Kurultay'dır. Kurultayın üyeleri Hakan, Yabgu ve Boy Beyleri'dir. Kurultay, yılda iki kez toplanırdı. Burada devlet isleri görüşülür, göçler organize edilir, devletle ilgili davalara bakılırdı ve savaş ve barış kararları alınırdı. Bu kurumu Hakan denetlerdi. Bu kuruma Türklerdeki ilk meclis denilebilir. Kanunlar yazılı değildir ve Kurultay kararları, örfler ve adetlerden oluşur, dini kuralların etkisi yoktu. Vatana ihanet, isyan, savaştan kaçma, cinayet işlemez. Devlete karşı işlenen suçlara Kurultay, diğerlerine yargıçlar bakardı.

Uygur Devleti'nin yıkılmasından sonra yerine Karluk, Çiğil ve Argun gibi Türk boylarına dayanan Karahanlı Devleti kuruldu (840). Karahanlılar devri Türk tarihinde önemli bir dönüm noktası sayılır. Çünkü Karahanlı hükümdarı Satuk Buğra Han zamanında İslamiyet resmi din olarak kabul edildi. Karahanlılar, Orta Asya'da kurulan ilk Müslüman Türk devleti olmaları nedeniyle, Türk-İslam kültür ve uygarlığının tarihi gelişiminin temellerini attılar. Genellikle adil, dindar ve kültür sever hükümdarlar tarafından yönetilen Karahanlı devleti zamanında İslami Türk edebiyatı gelişti, Kaşgar ve Balasagun birer kültür merkezi haline geldi. Karahanlılar devletinde, Türklük on plandaydı; hükümdarı Han, karar organı Kurultay idi. Karahanlılar, İslamiyet öncesi Türk devlet düzenini devam ettirmişlerdir.

Karahanlılar'ın hüküm sürdüğü dönemlerde başkenti Afganistan'daki Gazne şehri olan ikinci bir Türk devleti daha bulunmaktaydı. Gazneli Devleti'nin (969-1187) en güçlü dönemi ilk kez "Sultan" unvanını kullanan Gazneli Mahmut zamanı oldu. Hindistan üzerine birçok sefer düzenleyen Gazneli Mahmut, buraları Türk yönetimine alarak İslamlaştırdı ve böylece bugünkü Pakistan devleti'nin temellerini atmış oldu. Gazneli Mahmut'tan sonra gelen hükümdarlar bu parlak dönemi devam ettiremedi.

İslam dini ve medeniyetiyle tanışmaya başlayan Türkler, yeni devletlerini de içine girdikleri medeniyetin şartlarına uygun şekilde kurdular. Türkler temelde ve özde Türklük özelliklerini koruyarak İslami yönetim tarzını benimsediler. Orta Asya'dan getirdikleri müesseselerin ve geleneklerin yanında İslam kültüründen aldıkları müesseselere ve geleneklere de bünyelerinde yer verdiler. Türkler engin tecrübeleri sayesinde Türk ve İslam kültürlerini birleştirip, kaynaştırarak yeni bir devlet şekli oluşturdular. Bu sebeple "Karahanlı devleti Türk İslam devlet anlayışına geçişte bir köprü vazifesi görür. Bu geçiş Gazneliler ile devam etti, Selçuklularla tamamlanmıştır" (4). Türk İslam devletlerinin hâkimiyet anlayışı; askeri, sosyal, ekonomik, hukuki ve kültürel politikaları Arap ve Fars kökenli İslam devletlerinden farklıydı.

Türkler, kadın hukukundaki eski anlayışlarını İslami dönemde de aynen devam ettirmişlerdir. Türkler, İslam dünyasında kadın hukukunda da yenilikler getirmişlerdir. Eski Türklerde hatunlar da devlet yönetiminde söz sahibiydiler. Aynı otağları ve "buyruk" ları (bakan) vardı. Törenlerde kağanların yanında yer alırlar, devlet meclisine katılırlar, elçi gönderip elçi kabul ederlerdi. İslami dönemde de bu durum aynen devam etmiştir. Selçuklu Sultanı Melik şahın eşi, Karahanlı prensesi

Terken hatun devlet idaresinde son derece etkiliydi. Ayrı bir divanı (büro) vardı. Bazı meseleler onunla olgunlaştırıldıktan sonra sultana sunulurdu.

Türk devlet yönetiminde bilgi ve tecrübe ön planda tutulmuştur. Bunu için şehzadelerin (teğın/melik) idaresine bir bölge verilirken yanlarına da "atabey" adında bilgili ve tecrübeli bir devlet adamı verilirdi. Melik adıyla anılan hanedan üyeleri buldukları bölgelerde merkezi idarenin küçük bir modelini oluşturmuşlardır.

Oğuzların Kınık boyuna mensup Selçuk Bey tarafından kurulan Selçuklu Devleti (1040–1157) bir diğer büyük Türk devletidir. Selçuklular Karahanlılar ve Gazneliler gibi iki Türk devletiyle üstünlük mücadelesine girdiler ve Türk birliğini kurmayı başardılar. Selçuklu Sultanı Tuğrul Bey, 1055 yılında Abbasi Hilafet Merkezi Bağdat'a girerek be devlete son verdi. Abbasi halifesinin hem siyasi hem de dini otoritesi bulunuyordu. Abbasi halifesi siyasi yetkilerini Tuğrul beye devretti. Böylece ilk defa İslam dünyasında dini ve siyasi otorite birbirinden ayrılmış oldu. Bunun üzerine halife tarafından kendisine "Dünya Hükümdarı" unvanı verildi. Onun yerine geçen Sultan Alparslan Bizans İmparatorluğu'nu 1071 yılında Malazgirt'te ağır bir yenilgiye uğrattı. Bu zaferle Türklerin Anadolu'ya yerleşmeleri kesinlik kazandı. Selçukluların büyük hükümdarlarından Sultan Melik şah zamanında ise Selçuklu tarihinin askeri, siyasi, ilmi ve edebi alanda en parlak dönemi yaşandı.

Büyük Selçuklu Devleti'nin yerine kurulan en önemli devlet şüphesiz Anadolu Selçuklu Devleti'dir. 1078'de İznik şehrini merkez üs yaparak Anadolu'yu Türklere kazandırmaya çalışan Süleyman Şah, kısa sürede egemenliğini Anadolu'nun tamamına yaymayı başardı. Oğlu I. Kılıç Aslan zamanında Haçlı seferleriyle mücadele başlamıştır. Haçlılarla Anadolu Selçukluları arasında uzun yıllar mücadeleler devam etti. Sultan I. Alâeddin Keykubad zamanında ise Türk tarihinin en parlak dönemlerinden biri yaşandı. Selçuklu devletinde ülke, hükümdar ve ailesinin ortak malı idi ve hükümdarın adı Sultandı. Sultan Mensur'dan başlayarak hükümdarlık Halife'den alınmaya başlanmıştır. Ayrıca devlet yönetiminde vezirlik kurumu oluşturulmuştur. Karar organı divandır. Divanda devlet meseleleri görüşülür ve halkın sorunlarına çözümler aranırdı.

Selçuklu döneminde uçlarda ve sınırlarda yerleştirilmiş olan Türkmenler, Anadolu topraklarında irili ufaklı birçok beylik kurdular. Karaman, Germiyan, Hamit, Menteşe, Candar, Karesi, Saruhan, Aydın ve Osman oğulları bu dönemde Anadolu'da kurulmuş olan Türkmen beylikleriydiler. "Beylikler Dönemi" olarak adlandırılan bu dönemde Anadolu tamamıyla bir Türk yurdu haline geldi ve geniş ölçüde Moğol tahribatına uğramış olan ülkede yeni bir refah dönemi başladı. Nitekim Osmanlı Devleti bu sağlam temeller üzerinde kuruldu.

Aynı zamanda Doğu ve Güney'de ise her biri birer Türk devleti olan Akkoyunlular, Timurlular, Memluklar, Safeviler ve Karaman oğulları devletleri hüküm sürmekteydi.

Osmanlı Beyliği kısa sürede Anadolu'daki beylikleri birleştirerek Türk birliğini kurmayı başardı. Komşuları Bizans Devleti ile de mücadele eden Osmanlılar, bu nedenle önce Rumeli'ye geçtiler, Sultan II. Mehmet döneminde (1451–1481) İstanbul'u alarak (1453) Bizans İmparatorluğu'nun varlığını ve Ortaçağ'ı sona erdirdiler. Fatih Sultan II. Mehmet'le birlikte Osmanlı devleti 16. Yüzyılın sonlarına dek sürececek hızlı bir gelişme dönemine girdi. Yavuz Sultan Selim zamanında (1512–1520) Mısır fethedildi ve "Halifelik" Abbasiler'den Osmanlı hanedanına geçti.

Kanuni Sultan Süleyman zamanında (1520-1566), gelişmiş bir devlet teşkilatı kuruldu.

Ancak 16. yüzyıldan itibaren Rönesans ve coğrafi keşiflerle gelişen Avrupa'ya karşı ekonomik ve askeri üstünlüğünü kaybeden Osmanlı İmparatorluğu yeni gelişmelere ayak uyduramadı ve bu yüzyıldan itibaren dengeler Avrupa devletleri lehine gelişti. 19. yüzyılda başlayan milliyetçilik akımları ve Rusya ile bazı Avrupa devletlerinin Balkanlar'daki Hıristiyanları örgütleyerek ayaklandırmaları, Osmanlı İmparatorluğu'nun egemenliği altındaki topraklarda bağımsız devletler oluşmasına neden oldu.

Osmanlı İmparatorluğu, Ortaçağ ve Yeniçağ boyunca devrinin en hoşgörülü yönetimini sağlayan bir devlet hüviyeti taşımaktaydı. Gerçekten de altı yüz yıl boyunca yönetiminde bulunan farklı din, dil ve ırktan insanları bir arada tutabildi, din ve vicdan özgürlüğü sağlayarak, bünyesindeki ulusların kültür ve dillerinin korunmasına imkân verdi. Ayrıca kendisinden önceki bütün Türk devletlerinin kültür, bilim, sanat ve devlet yönetimi birikimine sahip olarak uygarlık tarihine önemli katkılarda bulundu. Kendisine has mimarisi, taş ve ahşap oymacılığı, çinicilik, süsleme, minyatür, hat sanatı, ciltçilik gibi sanat alanlarında nadide eserler meydana getirdi. Hepsinin üstünde dünya siyasetinde yüzyıllarca etkili oldu.

“Osmanlı hükümdarlık telakkisi şüphesiz esas itibariyle İslami esasa dayanmakla birlikte eski Türk-Oğuz töresinden de önemli ölçüde etkilenmiştir” (5). Osmanlı Devleti'nde yönetim, merkeziyetçi, teokratik monarşi idi. Ülke hükümdar ve ailesinin ortak malıydı,, ancak Fatih Sultan Mehmet zamanında çıkartılan Kanunname-i Ali Osman ile bu usul kaldırılmıştır. Hükümdara Sultan, Padişah, Hünkâr, Han, Hakan, Bey, Gazi denilmiştir. Padişahların siyasi otoritelerinin yanı sıra, Yavuz Sultan Selim zamanından itibaren Halifelik kurumunun Osmanlı Hanedanı'na geçmesi ile dini otoriteleri vardı. Siyasi otoriteyi Sadrazam, dini otoriteyi Şeyh-ül İslam kullanırdı. Otorite, kuruluş döneminde zayıfken, yükselme döneminde, özellikle Fatih Sultan Mehmet ile, mutlak hale gelmiştir. Padişahın mutlak gücü 19. yüzyılda ferman olarak yayımladığı Senedi-i İttifak, Tanzimat Fermanı ve Kanun-i Esasi ile kısıtlanmıştır. Ancak hiçbirinin denetlenme olasılığı olmamış ve merkezi otoritenin gücünü yeniden kazandığı hallerde hükümsüz kalmışlardır.

Osmanlı Devletinde, hükümdarlık babadan oğla geçmekteydi, ancak Sultan I.Ahmet zamanında Veraset kuralı getirilmiştir. Osmanlı Devletinin karar organı, divan'dır; kurucusu Orhan Gazi'dir. Fatih Sultan Mehmet'e kadar Padişah başkanlık etmiştir ama daha sonra Sadrazamlar başkanlık etmeye başlamıştır. Sultan II. Mahmut zamanında kaldırılmıştır. Divanda devlet meseleleri görüşülür, halkın sorunlarına çareler bulunurdu. Üyeleri Padişah, Sadrazam, Vezirler, Kazaskerler, Defterdar, Nisancı, Şeyh-ul İslam (16.yy), Kaptan-ı Derya (16.yy), Reis-ül Küttab ve Yeniçeri Ağası'dır. Kazaskerler adalet, eğitim ve din işlerinden, Defterdar mali işlerden, Şeyh-ül İslam ise din işlerinden sorumluydu; Kaptan-i Derya donanma komutanı, Yeniçeri Ağası gencikurmay başkanıydı.

İki çeşit hukuk kuralı mevcuttu. Bunlar Örfî ve Şerî hukuk'tardı. Örfî hukuk gelenekler, örf ve adetler ve kanunnamelerden oluşuyordu. Şerî hukuk ise İslam hukuku idi. Hukukta birlik yoktu. Müslümanlar için Şeriat mahkemesi, Gayrimüslimler için cemaat mahkemesi, yabancı devletlerle çıkan anlaşmazlıkları çözümlmek içinde kapitülasyon mahkemesi vardı. 19.yüzyılda mahkemeler birleştirildi. Mahkemelere kadılar başkanlık ederdi. Başkent İstanbul'du.

Ülke Yönetimi üç ana kısma ayrılmıştır. Bunlar merkeze bağlı eyaletler, özel yönetimli eyaletler ve bağlı hükümet ve beyliklerdir. Toprak yönetimi üç ana başlığa ayrılmıştır. Bunlar öşrü topraklar, haracı topraklar ve miri topraklardır. Öşrü topraklar Müslüman halkın, haracı topraklar Gayrimüslimlerin topraklarıdır. Miri topraklar, devletin mülkiyetinde bulunan topraklardır. Miri toprak sahipleri devletin kiracısı durumundadır. Toplum yapısı ikiye ayrılmış durumdadır. Müslümanlar "Tebaa", Gayrimüslimler "Reaya" olarak adlandırılmıştır. 19.yüzyılda Sultan 2.Mahmut herkesi "Tebaa" ilan etmiştir.

Osmanlı devletinde ilk kez Padişah otoritesinin kısıtlanması Senedi-i İttifak (1808) ile gerçekleşmiştir. Senedi-i İttifak, anayasal nitelikte bir belgedir. Padişah II. Mahmut yetkilerinin bir kısmını ayanlarla paylaşmıştır. Sultan II. Mahmut dönemindeki bir başka önemli ferman ise Tanzimat Fermanı'dır. Tanzimat Fermanı ile yargı, vergi ve askerlik konularında düzenlemeler yapıldı, sınırlı özgürlükler verildi, Mecelle adında bir medeni kanun yapıldı.

Bu dönemde yargı ikiye ayrıldı: Divan-ı Ahkâm-ı Adliye ve Şurayı Devlet. Divan-ı Ahkâm-ı Adliye bugünkü Yargıtay, Şurayı Devlet ise Danıştay Görevini görüyordu. Divan kaldırıldı ve yerine Heyet-i Vükela getirildi ki, bugünkü anlamda Bakanlar Kurulu niteliğinde bir kurumdur.

Sultan II. Abdülhamit zamanında Kanun-i Esasi (1876) hazırlandı ve yürürlüğe girdi. Bu bir ferman anayasadır. Bu anayasa ile yasama organı Meclis-i Umumi adında bir meclis oldu. Bu meclis kendi içinde Heyet-i Ayan ve Heyet-i Mebusan olarak ikiye ayrıldı. Heyet-i Ayan, Padişah tarafından atanan, saygın kişilerden oluşuyordu ve ömür boyu görev yapıyorlardı. Heyet-i Mebusan ise her elli bin kişiyi temsilen bir vekil dört yıllığına seçiliyordu.

Osmanlı devletinin I. Dünya savaşında yıkılması ve kurtuluş savaşı sırasında İstanbul'daki Mebusan Meclisinin düşman tarafından kapatılması sebebiyle, Mustafa Kemal Atatürk'ün girişimleri ile Misak-ı Milli sınırları izinden sesilmiş vekillerin katılımı ile 23 Nisan 1920 tarihinde Ankara'da, Büyük Millet Meclisi toplandı. Çabuk ve etkili kararların çıkabilmesi için Meclis Hükümeti sistemi uygulandı. Meclis başkanı ve aynı zamanda devlet başkanı olarak Mustafa Kemal Atatürk seçildi.

20 Ocak 1921 tarihinde ilk anayasamız ilan edildi. Teşkilat-ı Esasiye adlı kanunun en önemli özelliği, "Milli Egemenlik" prensibine ülkemizde ilk kez yer vermesidir. Tasarının birinci maddesi "Hâkimiyet kayıtsız şartsız milletindir" der. Kuvvetler birliği ilkesine dayanır. Kısa ve klasik hakları içermeyen bir anayasadır. O zamanki olağanüstü halin gerektirdiği şekilde oluşturulmuştur. Klasik temsil usulü benimsenmiştir.

20 Nisan 1924 tarihinde Cumhuriyetin ilk anayasası ilan edildi. 1924 anayasasında, eksik bırakılan klasik hak ve özgürlüklere bu anayasada yer verilmiş, kuvvetler ayrılığı prensibi getirilmiştir. Ayrıca devlet başkanlığı ve başbakanlık makamları oluşturulmuştur. Bu anayasa, Meclis Hükümeti sisteminden parlamenter sisteme geçişi sağlamıştır.

1946 yılında Türkiye'de ilk demokratik seçimler yapılmış ve Demokrat Parti iktidara gelmiştir. Türkiye'de 1960 ve 1980 yıllarında iki kez askeri darbe olmuş ve müteakiben birer kurucu anayasa niteliğinde olan 1961 ve 1982 Anayasalar hazırlanmıştır.

Kaynaklar

1. Bak J. Documents, s.49-53
2. Thomsen W. Inscription de l'Orkhon, Helsingfors, 1896.- S.105
3. Orkun H.N. Eski Türk Yazıtları.- Ankara, 1994.- S.14
4. Türkler// Türkler Ansiklopedisi.- Ankara, 2002.- C.5.- S.147
5. İnalçık H. Osmanlı Padişahı.- SBT'D, XIII, (1958).- S.68-79

Статья поступила в редакцию 20.03.2009:

УДК =512.161

*TURETSKOGO YAZIKA (KUZNETSOV)DAKI ÖRNEK TÜRKÇE METİNLERDEKİ BAZI PROBLEMLER

Terzi Mehmet

Her şeyden önce bu çalışmamızın amacı, asla Türkoloji'ye ve Rusça'nın yaygın olarak kullanıldığı ülkelerde Türkçe öğretimine önemli katkıları olmuş Kuznetsov vb. bilim adamlarının çalışmalarını karalamak veya onlara bir gölge düşürmek değildir. Amacımız bu çalışmalarda hata ve eksiklikleri tespit ederek bunların tashihine ve daha sonra yapılacak ve yayımlanacak çalışmalarda tekrarlanmamasına katkı sağlamaktır.

Türkiye'de ve dünyada, gerek anadili gerekse yabancı dil öğretimi ve eğitimiyle ilgili bir çok çalışmalar yapılmaktadır. Ne yazık ki, bu çalışma ve uygulamalarda yeterince mesafe alınmamıştır. Görebildiğim kadarıyla yabancı dil öğretiminde Ukrayna'da da durum pek farklı değildir. Türkçe öğretiminde kullanılan kitaplardaki teknikten hareketle de Rusça'nın yaygın olarak kullanıldığı ülkelerde de durumun pek farklı olmadığı kanaatindeyim.

Bunun en önemli sebeplerinden birinin hatta birincisinin yabancı dil öğretiminde gramer yeterinden çok fazla yer verilmesidir. Yabancı dil öğretiminde, anadili öğrenim sürecine dikkat edilmesi ve bu sürece benzer bir uygulamanın yapılması da çok yaygın bir kanaattir. Ama nedense yeryüzünde hiç bir kimse anadilini gramer öğrenerek öğrenmeye başlamadığı halde yabancı dil öğretimine hemen gramerle başlanmakta ve gramer merkezli bir öğretim uygulanmaktadır.

Gramer ağırlıklı öğretim temelde bir bilgilendirme çalışmasıdır. Oysa dil kullanımında bilgi ve bilincin oranı çok düşüktür. Asıl etkin olan ise alışkanlıklardır. Yabancı dil öğretimi genellikle belirli bir yaştan sonra başladığı için gramer öğretimiyle başlamak bir zorunluluk gibi görülmektedir. Oysa öğrenilen yabancı dil kişide canlanmaya başlayınca, yani yabancı dil öğrenen kişi öğrendiği dilde konuşmaya, düşünmeye başlayınca kadar yabancı dil öğretiminde gramer öğretimi en düşük seviyede tutulmalıdır. Öğrenilen dilin kişide alışkanlık ve akışkanlık kazanması sağlanmalıdır. Sonrasında yabancı dil öğreniminin amacına göre gramer bilgilerinin dozunu yavaş yavaş arttırılabilir.

Gramer ağırlıklı yöntemin bir aldatıcı yönü ise, öğrenci yeni bilgiler öğrendiği için doygunluk hissetmekte, ama öğrendiği dili kullanamamaktan ve kendisinde canlandıramamaktan dolayı da gittikçe bir bezginlik ve yılgınlığa düşmektedir. Hayatın içinden canlı ve bol örneklerle yapılan öğretim çalışmasında ise öğrenci ilk etapta kendini bir şey öğrenmiyor gibi hissetmekte ve öğrendiklerini gramatikal anlamlandırma gayreti ve isteği içinde olmaktadır. Öğreticiyi de bu yönde

* KUZNETSOV P.I., Uçebnik Turjetskogo Yazıka, Zaverşayuşiy Kurs, İzdatelskiy Dom, Muravey-Gayd, Moskva 2000, I s.400+II s.376.

zorlamaktadırlar. Ama şunu unutmayalım ki hangimiz anadilimizi öğrenirken gramatikal anlamlandırmalar yaparak öğrendik.

Bugüne kadar kendim İngilizce, Arapça, Fransızca, Farsça ve Rusça öğrenmeye çalıştığım da hep bu yanlış uygulama ile karşılaştım. Örneğin Ankara'da Amerikan Kültür Merkezi'ne İngilizce öğrenmeye gittiğimde, özellikle bu yöntemin yanlış olduğu ve asla bunun uygulanmayacağı söylendiği halde yine aynı yöntem uygulandı. Bu yöntemin ne kadar sıkıntı verdiği ve öğrenciyi bıktırdığı gerek öğrencilerin gerekse öğretmeye çalışanların malumudur. Her şeye rağmen bu sıkıntılar aşılabilecek öğrenilse bile grameri bilen, binlerce kelime bilen ama o dili konuşup o dilde düşünemeyen az mı insan gördük. Örneğin Ukrayna'da kaç Türkçe hocası Türkçe ders verebiliyor, Türkçe düşünüp Türkçe konuşabiliyor. Bunu ancak değişik fırsat ve imkanlarla Türkçe'yi kendisinde canlandırabilmiş olanlar ancak becerebiliyor. Bu durum görebildiğim kadarıyla diğer yabancı diller için de aynı.

Tam tersi bir örnek verecek olursam, 2003 kışında okullar öğretime başladıktan iki ay sonra Ukrayna'ya gelen 5. sınıf öğrencisi 11 yaşındaki kızım sadece matematik dersini Türkçe alarak normal sınıfında derslere başladı. Çok az gramer öğrenerek öğretmeni ve iki öğrencimin yardımlarıyla hemen herkesle Rusça konuşmaya çalıştı ve sürekli televizyon izledi. 3-4 ay sonra rüyalarında Rusça sayıklamaya ve 6 ay sonra da rahat denebilecek şekilde Rusça düşünüp konuşmaya başladı. Şimdi ise Herson'da Rusça öğretim yapan bir devlet okulunda İngilizce ve Ukraynca dışındaki bütün derslerini Rusça olarak okuyor ve oldukça da başarılı.

Yabancı dil olarak Türkçe öğretmek için hazırlanan Kuznetsov'un Turetskogo Yazıka (Türkçe Dilbilgisi) adlı kitabı adından da anlaşıldığı üzere gramer merkezli hazırlanmış bir kitap. Bu yöntemin amaca ulaşmaktaki etkisi de çok aşikar. Bir diğer husus ise kitapta kullanılan örnek Türkçe metinlerin problemleri. Bu tür kitapları hazırlarken göz önünde bulundurulması gereken hususları kitaptan örneklerle şöyle sıralayabiliriz.

1. Azami titizlik göstererek mümkün olduğunca dizgi hatası yapmamaya çalışmak.

“Göz göre soydurur mu?” (Kuznetsov I s.65) •Göz göre göre soydurur mu?

“Grupbaşımız Bazil Semyonov bize örnektir. ” (Kuznetsov I s.127) •örnektir.

“Kalk! Cık! Dur! Gitme!” (Kuznetsov I s.113) •Çık!

“Ya masaların altında bir şeyler yok mı?” (Kuznetsov I s.129) •yok mu?

2. Özellikle başlangıç aşamasında vereceğimiz örneklerin standart Türkçe olmasına dikkat etmek, ağız özelliği olan örnekleri en üst seviyelerde ancak gerektiği kadar kullanmak. Şüphesiz ki, özellikle de başlangıç seviyelerinde sınırlı kelime hazinesiyle bizim amacımıza uygun örnek metinler bulmak neredeyse imkansızdır. Daha önce ilköğretim seviyelerinde Türkçe kitabı hazırlama çalışmalarında bulunmuş birisi olarak bunun zorluğunu çok iyi bilirim. Muhataplarımıza uygun olarak metin üzerinde değişiklikler yapmamız gerekir. Bu değişiklikleri yaparken sadece gramatikal

doğruluğa değil, standart, yaşayan Türkçe'ye uygun, sade ve akıcı olmasına da dikkat etmek gerekir.

“Hem çok çalışkan, hem de çok anık(istidatlı)” (Kuznetsov I s.127)

•Hem çok çalışkan, hem de çok yetenekli.

Anık : (Sıfat, halk ağzında) hazır (Sözlük)

“Boş vaktim(vaktim) azdır.” (Kuznetsov I s.126)

•Boş vaktim azdır.

“Ahhabınızın kimi(kimisi) var? Anası babası var?” (Kuznetsov I s.83)

•Ahhabınızın akrabası/akrabaları var mı?

Türkçe’de kim+ı (kim+3.teklik şahıs iyelik) üzerine ek yığılması olarak tekrar 3. teklilik şahıs iyelik eki gelebilmektedir. Bu durum ‘bazısı, bir takımı’ anlamında kullanıldığında söz konusudur. ‘Kim’ soru zamiri olarak kullanıldığında bu söz konusu değildir. Belki ağızlarda olabilir.

“Sizin kiminiz var, efendim? –Efendim? –Kiminiz var? –Anam var, babam var, bir kızım var.” (Kuznetsov I s.83)

Hastane, kışla ve okul gibi bir yerde ziyaret için beklerken ‘sizin kiminiz var?’ sorusu sorulabilir. Kimi ziyarete geldiniz anlamında. Ama ‘sizin akrabalarınız var mı?’ bu soru ağızlarda kullanılabilir.

“Kübra özü ona evde ders veriyor amma, İffet biraz tembel bir kızdır, okumayı sevmiyor ablasını dikkatla dinlemiyor.” (Kuznetsov I s.107)

•Kübra ona evde kendisi ders veriyor amma, İffet biraz tembel bir kızdır, okumayı sevmiyor ablasını dikkatli dinlemiyor.

‘Öz’ sözcüğü Türkçe’de bu anlamda kullanılmaz, onun yerine kendi sözcüğü kullanılır. Bu kullanım azeri Türkçesi’nde söz konusudur.

1. Türkçe gibi son yüzyıl içerisinde değişik problemler yaşamış bir dilden örnekler verirken bu problemleri de göz önünde bulundurmak gerekir. Cumhuriyet döneminde yapılan sadeleştirme çalışmalarındaki aşırılık sonucu oluşan metinleri, tutmamış kelimeleri ve kullanımları öğretim sürecinde kullanmak, yaşatılmaya çalışılmış ama yaşamamış ve yaşamayan örnekleri kullanmak olur. Bu da en azından muhatapları boşuna yorar ve öğrenim sürecinde kafalarını karıştırır.

“Bay Serdar yemekhanededir(ler).” (Kuznetsov I s.73)

•Serdar Bey yemekhanededir(ler).

“Şu bay üç sene önce lisemizin müdürüydü.” (Kuznetsov I s.188)

•Şu beyefendi/adam üç sene önce lisemizin müdürüydü.

“Bay babanız nasıl/lar?” (Kuznetsov I s.106)

•Bey babanız nasıl/lar? / Babanız nasıl?

“Dilmaçımız gene yerinde değil.” (Kuznetsov I s.205)

•Tercümanımız gene yerinde değil.

“Dilmaç” tercüman, mütercim karşılığı olarak kullanılmaya çalışılmış ve tutmamış, “bay” sözcüğü ise İngilizce (mister), Fransızca (monsieur) karşılığı olarak Türkçe’de kullanılmaya çalışılmış fakat çok az alanda kullanılan bir sözcüktür. Yukarıdaki kullanımlar aşırı sadeleşme çalışmaları döneminde yazılmış uç metinler veya mizahi unsurlar dışında Türkçe’de kullanılmazlar

2. Dikkat edilecek bir husus da eşanlamlı (müradif, sinonim) kelimelerdir. Bu kelimelerin anlamları birbirlerine çok yakın oldukları için bazen yanlış yapmaya bazen de gramatikal olarak doğru olsa bile Türkçe’de hiç kullanılmayan bir şeyi kullanma durumuna düşülebilir. Bu da yaşamayan bir Türkçe’yi kullanmak olur.

“Şu erkekler öğretmen midirler? Hayır, öğretmen değil, memurdurlar.” (Kuznetsov I s.79)

•Şu adamlar öğretmen midirler?

“Şu efendi amele değildir.” (Kuznetsov I s.79)

•Şu adam amele değildir.

Erkek : 3. Yetişkin adam, kadın karşıtı (Sözlük)

Adam : 2. Erkek kişi (Sözlük)

Efendi : Eğitim görmüş kişiler için özel adlardan sonra kullanılan ünvan. (Sözlük)

3. Anlam yüklemesinden kaynaklanan hatalar.

"Şu ufak memurun kimsesi yok mu?" (Kuznetsov I s.83)

•Şu memurun kimsesi yok mu?

Ufak sıfatı normal şartlarda memur kelimesine getirilmez. Ufak tercüman, ufak öğretmen veya ufak sekreter gibi bir kullanım Türkçe'de olmaz. 'Ufak memur' ifadesi bizim işimizi oyalayan veya engelleyen statüsü yüksek olmayan bir memur için makamının yüksek olmadığını belirtmek için kullanılabilir. Dolayısıyla ufak olan memur değil memuriyettir.

4. Kuznetsov kitabında +Dır kuvvetlendirme ekinde 'kuvvetlendirme (kesinlik) ve ihtimal eki'¹ diye bahsetmesine rağmen, Türkiye'deki yaygın kanaat gibi bu eki sanki 3. şahıs bildirme ekiymiş gibi 3. şahıs olan hemen her yerde kullanmıştır. Bu ek aslında bir kuvvetlendirme eki olmasına rağmen zaman zaman belirsizlik, ihtimal, bazen de sanki hiç bir fonksiyonu yokmuş gibi de kullanılabilir. Ama gereği olmayan bir yerde kullanıldığında orada bir ağırlık, bir tumturak oluşmasına da neden olmaktadır.

"Bu malı mıdır?"(Kuznetsov I s.51)

"Masamda bir kitap vardır"(Kuznetsov I s.56)

"Kalemimiz bay Yusuf tadır"(Kuznetsov I s.79)

"Bu kız babası kadar anıktır"(Kuznetsov I s.191)

"Bu dört katlı yapı(bina) okulumuzdur"(Kuznetsov I s.126)

"Dersanemiz oldukça geniştir." (Kuznetsov I s.127)

vb. bir çok örnekte kullanılmış ve +Dır kuvvetlendirme ekinin bir fonksiyonu olup olmadığına dikkat edilmemiştir.

5. Türkçe açısından yanlış ifadeler:

"Birçok talebeler" (Kuznetsov I s.95)

•Birçok talebe

Türkçe'de isimler çokluk bildiren bir sıfat aldıklarında ayrıca çokluk eki almazlar.

"Ahabımız bir memur mudur? Evet, dostum memurdur. Adı nedir? Tevfik(tir). Bu malı mıdır? Evet, bu arabasıdır." (Kuznetsov I s.51)

•Bu onun mudur?! Bu onun arabası mıdır?

"Bu kitap eseridir." (Kuznetsov I s.52)

• Bu kitap onun eseridir.

"-Öğretmen pek de genç değildir. İhtiyar mı? Hiç te değil. Fakat yaşlı bir adam." (Kuznetsov I s.105)

•Öğretmen pek de genç değil. İhtiyar mı? Hiç de değil. Fakat orta yaşlı bir adam.

"Siz de doğal pek büyük bir adam değilsiniz." (Kuznetsov I s.107)

•Doğal olarak siz de pek iri bir adam sayılmazsınız.

"Bu dört katlı yapı(bina) okulumuzdur. Okulumuzun iki yapısı vardır. Baş yapımız budur." (Kuznetsov I s.126)

¹ KUZNETSOV P.İ., Uçebnik Turyetskogo Yazıka, Zaverşayuşiy Kurs, İzdatelskiy Dom, Muravey-Gayd, Moskva 2000, II s.292.

•Bu dört katlı bina bizim okulumuz. Okulumuzun iki binası var. Burası merkez bina, rektörlük burada.
Bir de kitaptan iki örnek metni bütün halinde tashiî etmeye çalışalım.

TEKST AHMET USTANIN AİLESİ

Bizim Ahmet usta görgülü bir çilingir. Ahmet usta ve refikası Ayşe hanım Üsküdarın gürültülü bir sokağında iki odalı bir apartımanda oturuyorlar. Dairelen kocaman binanın yanında, küçük bir evin ikinci katındadır.

Bu ailenin evvela dokuz çocuğu vardı fakat ne acıdır üçü tifodan öldü ve şimdi yalnız altısı kaldı. Dördü erkek ikisi kızdır. Oğullarının adları Metin, Çetin, Ziya ve Kaya'dır. Kızlarının adları Kübra ve İffet'tir. En büyükleri Metin, en küçükleri ise İffet'tir. Bütün çocuklar öz ana babalarını çok seviyorlar.

Ahmet usta o kadar ihtiyar değil, bu yıl 52 yaşına girdi. Kartısı Ayşe hanım kocasından daha genç, 43 yaşındadır.

Kübra Ziya'dan büyüktür, onun ablasıdır. O, büyük ağabeyi Metinden 4 yaş küçük, fakat Ziya'dan 3 yaş ve Kaya'dan 6 yaş büyüktür. Ağabeyleri Metin 23 yaşındadır. Budan iki yıl evvel komşusunun kızı Selime ile evlendi. Anası Ayşe hanım gelininden pek memnun, çünkü o çok eğitilmiş (terbiyeli), çalışkan ve ciddi bir kızdır.

Çetin 21 yaşındadır. O henüz evli değil, bekardır. Bu iki birader, babaları gibi çilingirdirler fakat Çetin ağabeyi Metin kadar dikkatli, görgülü ve başarılı değildir.

Kübra, 19 yaşında kara gözlü siyah saçlı ve orta boylu bir kızdır. Yalnız bu yıl babasının evine döndü. 6 yıl kadar Koyuncu adlı bir köyde oturdu. Bu köyde Kübranın çok akrabası var: ihtiyar büyük annesi (anneannesi), dayısı Orhan, üç dayızadesi filan. Fakat Kübra hep fakir teyzesi Fatmanın yanında kaldı. Çünkü teyzesinin öz çocuğu yok. Kübra'yı gözü gibi seviyor kadın.

Ziya 16 yaşında bir delikanlı, büyük ağabeyleri kadar çalışkan bir oğlandır. Bu sene o bir teknik okuluna devam etmeye başladı. Ev halkı Ziya'yı çok seviyor, ona başarılar dileyiyor.

Kaya 13 yaşındadır. Erkek kardeşlerinin en küçüğüdür. O da ablası Kübra gibi Mehmetli köyünde amcasının evinde 4 sene kadar oturdu ve köyü şehirden daha çok seviyor. Bir şey onun tuhafına gidiyor. Acaba niçin insanların çoğu köylerde değil, hatta kasabalarda da değil, ülkenin büyük kentlerinde yaşamak istiyorlar. Ancak amcası Kerem bu insanlardan değil. O tam halktan adamdır ve 55 yıl işinde bir defa olsun kendi memleketinden, kendi köyünden bir yere çıkmadı, yirmi kilometre uzakta(ki) demiryolunu bile görmedi. Kaya da onun gibi çiftçi olmak istiyor.

Küçük İffet 1994 de doğdu ve henüz 6 yaşındadır. O daha okula gitmiyor. Kübra özü ona evde ders veriyor anıma, İffet biraz tembel bir kızdır, okumayı sevmiyor ablasını dikkatle dinlemiyor.

DİYALOG BİR KONUŞMA

Birinci mühendis : Dilmaçımız gene yerinde değil! Kaç defa söyledim ona. Geç kalmayın, birader, dedim. Hiç oralı değil. Gidelim artık. Daha ne kadar beklemek gerek?

İkinci mühendis : Nereye öyle acele ediyorsunuz, beyefendi? Demin, daha doğrusu bundan bir saat kadar önce o buradan otomobille geçti. Galiba bir işi var. İşte (kendisi) geliyor.

Birinci mühendis : (Tercümana) Neredeydiniz beyefendim? Niçin öyle geç geliyorsunuz? Acaba ne gibi işleriniz vardı da buraya uğramıyorsunuz?

Tercüman : Karım çok rahatsız, efendim. Erken saatte (cankurtaran arabasıyla) karımı hastaneye götürdüm filan. Bu iş en az yarım saatimi aldı. Beni çok mu beklediniz? .

Birinci m. : bakınız saata, onu geçiyor. Demek tam bir saat bekliyoruz sizi, hatta biraz çok.

T. : Bu kadar çok mu?

Birinci m. : Ne bileyim ben? Onun kadar galiba.

T. : Anladık, beyim, anladık. Affedersiniz! Şimdi sizi nereye götüreyim? Söyleyin. Ödevimi yapmaya (yerine getirmeye) hazırım.

İkinci m. : Bugün kitap mağazasına ve cam fabrikasına gitmek istiyoruz.

T. : Başüstüne efendim. Bu güç sorun değil ya! Bundan kolay ne var. Önce mağazaya mı yoksa fabrikaya mı gidelim?

İkinci m. : İlk önce mağazaya gidelim de (orada) bir kaç kitap satın alalım. Önceki gün öğleden sonra oraya türlü türlü kitaplar geldi. Gözümle gördüm. O semtteydim. Mağaza zengin, vitrinlerinde kitap bol. Fakat bana bir kitap bile satmadılar.

T. : Niçin (nasıl) satmadılar? Kaçta gittiniz?

İkinci m. : Akşam saat 6-da. Fakat mağaza kapalıydı.

T. : Ha, anladım! Önceki gün cumartesiydi, değil mi? Cumartesi günleri bizde bütün mağazalar saat altıda artık kapalı. Elbette bazı nöbetçi mağazalar yok değil. Yalnız adreslerini bilmek gerek. Hem de bu gibi yerlerde biraz daha erken gitmek lazım.

Birinci m. : Bense evvelki gün erken saatlerde bir işyerindeydim.

İkinci m. : Ne fabrikası o? Ne çıkarıyor? Yalnız mı gittiniz?

Birinci m. : Türlü mal, makina, teyp, video çıkarıyor. Ama ne kadar büyük, ne kadar modern bir işyeri! Atölyeleri meydan kadar geniş, hastane gibi temizdir. Neler yok orada! Vallahi, eşini (böylesini) bugüne kadar görmedim. Yönetmeni de çok görgülü. Fabrikasını çok güzel idare ediyor (yönetiyor).

İkinci m. : Aferin! Ben de o iş yerini görmek istiyorum. Bildirinize teşekkür ederim.

Bana adresini bildirmeyi unutmayın.

METİN AHMET USTANIN AİLESİ

Bizim Ahmet usta yetenekli bir çilingir. Ahmet usta ve refikası Ayşe hanım Üsküdarın gürültülü bir sokağında iki odalı bir dairede oturuyorlar. Daireleri kocaman bir binanın yanında, küçük bir evin ikinci katındadır.

Bu ailenin önceden dokuz çocuğu vardı fakat ne acıdır üçü tifodan öldü ve şimdi sadece altısı kaldı. Dördü erkek ikisi kız. Oğullarının adları Metin, Çetin, Ziya ve Kaya. Kızlarının adları da Kübra ve İffet'tir. En büyükleri Metin, en küçükleri ise İffet'tir. Çocuklar anne babalarını çok seviyorlar.

Ahmet usta o kadar ihtiyar değil, bu yıl 52 yaşına girdi. Karısı Ayşe hanım kocasından daha genç, 43 yaşında.

Kübra Ziya'dan büyük, onun ablası. O, büyük ağabeyi Metinden 4 yaş küçük, fakat Ziya'dan 3 yaş ve Kaya'dan 6 yaş büyüktür. Ağabeyleri Metin 23 yaşındadır. Bundan iki yıl evvel komşusunun kızı Selime ile evlendi. Annesi Ayşe hanım gelininden pek memnun, çünkü o çok terbiyeli, çalışkan ve ciddi bir kız.

Çetin 21 yaşında. O henüz evli değil, bekar. Bu iki birader, babaları gibi çilingirdirler fakat Çetin ağabeyi Metin kadar dikkatli, becerikli ve başarılı değildir.

Kübra, 19 yaşında kara gözlü siyah saçlı ve orta boylu bir kız. Bu yıl babasının evine döndü. 6 yıl kadar Koyuncu adlı bir köyde oturdu. Bu köyde Kübra'nın çok akrabası var. ihtiyar büyük annesi (anneanesi), dayısı Orhan, üç dayızadesi filan. Fakat Kübra hep fakir teyzesi Fatma'nın yanında kaldı. Çünkü teyzesinin kendi çocuğu yok. Kübra'yı gözü gibi seviyor kadın.

Ziya 16 yaşında bir delikanlı, büyük ağabeyleri kadar çalışkan bir oğlan. Bu sene o bir teknik okula devam etmeye başladı. Ev halkı Ziya'yı çok seviyor, ona başarılar diliyor.

Kaya 13 yaşında. Erkek kardeşlerinin en küçüğüdür. O da ablası Kübra gibi baba ocağından ayrı Mehmetli köyünde amcasının evinde 4 sene kadar kaldı ve köyü şehirde, daha çok seviyor. Bir şey onun tuhafına gidiyor. Acaba niçin insanların çoğu köylerde değil, hatta kasabalarda da değil, ülkenin büyük kentlerinde yaşamak istiyorlar. Ancak amcası Kerem o insanlardan değil. O tam bir halk adamı ve 55 yıl içinde bir defa olsun kendi memleketinden, kendi köyünden bir yere çıkmadı, yirmi kilometre uzaktaki demiryolunu bile görmedi. Kaya da onun gibi çiftçi olmak istiyor.

Küçük İffet 1994 de doğdu ve henüz 6 yaşında. O daha okula gitmiyor. Kübra ona evde ders veriyor ama, İffet biraz tembel bir kız, okumayı sevmiyor ablasını dikkatli dinlemiyor.

DIYALOG BİR KONUŞMA

Birinci mühendis : Tercümanımız gene yerinde değil! Kaç defa söyledim ona. Geç kalmayın, birader, dedim. Hiç oralı değil. Gidelim artık. Daha ne kadar bekleyeceğiz?

İkinci mühendis : Nereye öyle, niye acele ediyorsunuz, beyefendi? Demin, daha doğrusu bundan bir saat kadar önce o buradan otomobille geçti. Galiba bir işi var. İşte (kendisi) geliyor.

Birinci mühendis : (Tercümana) Neredeydiniz beyefendi? Niçin böyle geç geliyorsunuz? Acaba ne gibi işleriniz vardı da buraya uğramıyorsunuz?

Tercüman : Karım çok rahatsız, efendim. Erken saatte ambulansla(cankurtaran arabasıyla) karımı hastaneye götürdüm. Bu en az yarım saatimi aldı. Beni çok mu beklediniz? ,

Birinci m. : Bakınız saate, onu geçiyor. Demek tam bir saattir bekliyoruz sizi, hatta biraz daha fazla.

T. : Bu kadar çok mu?

Birinci m. : Ne bileyim ben? Galiba o kadar oldu.

T. : Anladık, beyim, anladık. Affedersiniz! Şimdi sizi nereye götüreyim? Söyleyin. Görevimi yapmaya (yerine getirmeye) hazırım.

İkinci m. : Bugün bir kitap mağazasına ve cam fabrikasına gitmek istiyoruz.

T. : Baş üstüne efendim. Bu zor bir mesele değil ya! Bundan kolay ne var. Önce mağazaya mı yoksa fabrikaya mı gidelim?

İkinci m. : İlk önce mağazaya gidelim de (oradan) bir kaç kitap satın alalım. Önceki gün öğleden sonra oraya bir çok kitap geldi. Gözümle gördüm. O semtteyim. Mağaza zengin, vitrinlerinde çeşit çeşit kitap var. Fakat bana bir kitap bile satmadılar.

T. : Niçin (nasıl) satmadılar? Kaçta gittiniz?

İkinci m. : Akşam saat altıda. Fakat mağaza kapalıydı.

T. : Ha, anladım! Önceki gün cumartesiydi, değil mi? Cumartesi günleri bizde bütün mağazalar saat altıda kapanmış olur. Elbette bazı nöbetçi mağazalar yok değil. Yalnız adreslerini bilmek gerek. Hem de bu gibi yerlere biraz daha erken gitmek lazım.

Birinci m. : Bense evvelki gün erken saatlerde bir işyerindeydim.

İkinci m. : Ne fabrikası o? Ne çıkarıyor? Yalnız mı gittiniz?

Birinci m. : Türlü malzeme, makina, teyp, video çıkarıyor. Ama ne kadar büyük, ne kadar modern bir işyeri! Atölyeleri meydan kadar geniş, hastane gibi temiz. Neler yok orada! Vallahi, eşini (böylesini) bugüne kadar görmedim. Müdürü de çok iyi. Fabrikasını çok güzel idare ediyor (yönetiyor).

İkinci m. : Aferin! Ben de o iş yerini görmek istiyorum. Verdiğiniz bilgiye teşekkür ederim. Bana adresini söylemeyi unutmayın.

Sonuç :

1. Bir yabancı dil öğretim kitabı hazırlarken kullanılan örnek metinlerde dikkat edilecek en önemli hususlardan belki de birincisi bu metinlerin yaşayan dilden ve hayatın içinden olmasıdır.
2. Hataları asgariye indirmek için çok titizlik gösterilmeli ve kitabı o dili anadili olarak kullanan hiç değilse bir kişinin gözden geçirmesini sağlamalı.

Kaynaklar

Güncel Türkçe Sözlük, TDK İnternet Sitesi, <http://www.tdk.gov.tr>
KUZNETSOV P.İ., Uçebnik Turyetskogo Yazıka, Zaverşayuşiy Kurs, İzdatelskiy
Dom, Muravey-Gayd, Moskva 2000, I s.400+II s.376.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК =512.161

HAKANİYE DÖNEMİ ESERLERİNDE ‘BAYRAM’

Kök Abdullah

0. GİRİŞ

Tarih başı ve sonu belli olmayan kesintisiz bir süreçtir. Ana karakteri süreklilik ve değişim, konusu ise insan ve hayattır. Tarihte olaylar ve sebepler, değişenler ve değişmeyenler vardır. Öyleyse onu tek bakış açısı ile değil, bir bütün olarak değerlendirmek gerekir. Türkler tarih sahnesine çıkmakla tarihin akışına yön vermeye başlamışlardır. Türkleri tarihte bu derece ön plana çıkaran güç onların devlet anlayışından ve dünya görüşlerinden kaynaklanmaktadır. Bu çalışkan millet toprağı vatan yaptığı her coğrafyada yerleştiğı yerleri inar ederek bilimi, kültürü ve sanatı geliştirmiştir. İnançlarına içten bağlılığı, geleneklerindeki insani yönü ve hayat tarzındaki sadeliğıyle insanlığa örnek olmuştur. Kültürel değerlerin en önemli ögesi olan bayramlar milletlerin kaderinin ve varlık sebeplerinin sırları ile doludur. Bayramlar milletlerin hayatında önemli anlamlar taşıyan mutluluk günleridir. Bayramlar geçmişten geleceğe hayat tasarımı sunarlar. İnsanlığı ilgilendiren doğum, evlenme ve ölüm nasıl bazı özel kutlamaları gerektiriyorsa, milletlerin tarih sahnesine çıkışı, uğradıkları büyük feleketlerden kurtuluşu yeni vatan kurma, dağılan milleti derleyip toplama gibi toplumsal olaylarda kutlanması gereken önemli olaylardır. Bayramlar milletlerin hayat tarzı kültürleri ile doğrudan ilgili öğeleridir.

Acaba Nevruz sözcüğü bayramla ne kadar ilgilidir. Bu soruyu nasıl cevaplamalıyız. Nevruz sözcüğü Fars kökenli bir sözcüktür. Fars kültüründen Türk kültürüne geçmiş olma olasılığı kuvvetlidir.

Kaşgarlının yaşadığı devre bakacak olursak Türk kültürünün etkin bir yapıya sahip olduğunu görürüz. Çünkü; İran-Sasani Devleti tarihten silineli 400 yılı geçmiş ve İranlılığı temsil edebilecek en küçük kültür unsuru ve siyasi güç ortada kalmamıştır. 1040 Dandanakan Zaferi’nden sonra Selçuklu Türkleri, İran, Azerbaycan, Irak ve Suriyede hakim olmuşlar hatta 1071 Malazgirt Zaferi ile de Anadoluyu vatanlaştırmışlardır. Dalgalar halinde Türkistandan akan Türkmen nüfus bu bölgeleri kendilerine yeni vatan yapmışlardır [Kafalı; 1995;25].

Ayrıca Kaşgarlının eserini kaleme aldığı yıllardaki siyasi durum düşünülecek olursa hiç bir siyasi gücü olmayan Farslardan, Türklerin kültür unsuru alacak kadar beraberlikleri olup olmadığı konusunda ise bilgi sahibi değiliz. Kaldı ki Türkçe erken Kur’an çevirilerinde de ne Farsça nevruzu ne de nevruga karşılık gelen başka bir Farsça sözcük buluyoruz. Türklerin hakimiyet kurdukları bu coğrafyada kendilerine tabi olan Fars ve Arap unsurlardan bazı sözcükleri alıp kullandıklarını biliyoruz. Ancak bu sözcüklerin kullanımı ile ilgili düşüncemiz ise Türkçede bu sözcüklere karşılık gelen sözcüklerin olmadığından değildir. Bu olayı tabi unsurların kavramları, daha kolay anlamaları ve onların idareye karşı ısınmalarını sağlamak amacı ile alınmış politik bir karar olarak açıklayabiliriz.

Nevruz Türk kültür yapısında yalnızca bir takvim başlangıcı veya yılbaşı olarak görülmez. Onun kazandığı muhtevanın yapısında ayrıca bir bayram, bir umudun

başlangıcı bir dini ve manevi muhtevası, bir adetler ve ananeler zinciri ile yaratılan en güzel insan ve çiçeklerin en güzeline ad oluşturmaktadır.

1. BAYRAMIN HAKANIYE ESERLERİNDEKİ GÖRÜNÜMÜ

1.1 DLT'de "Bayram"

Hakaniye eserlerinde "bayram" sözcüğüne bakmadan önce Türkçe sözlükteki "bayram" kavramına bakalım. Türkçe sözlükte bayram is. 1. Milli veya dini bakımdan önemi olan kutlanan gün veya günler. 2. mec. Sevinç, neşe. 3. Özel olarak kutlanan gün şeklinde tanımlanır. [TS 1;250a].

Clauson ED'de "bayram" sözcüğünü şu şekilde verir. Clauson (badram ED 308a) badram için "bayram" ve benzeri: Şüphesiz İranda'da (Farsça) Kuzeydoğu: bayram, Kırgız: mayram. Açıklamasını yaptıktan sonra DLT'ki Kaşgarlı'nın verdiği bilgileri verir. Bundan hareketle yukarıda da ifade ettiğimiz şu görüş; Türkçede bu sözcüğe karşılık gelen bir sözcüğün olmadığı doğrudur. Tabii unsurların kavramları daha kolay anlamalarını ve idareye karşı ısınmalarını sağlamak amacı ile alınmış politik bir kararla açıklamak imkan dahilinde görülmektedir tarzındaki beyanımızı da haklı çıkarmaktadır. Çünkü Farsçada "nevrüz"un yanında Clauson'un notuna dayanarak "bayram"ı da bulmaktayız. Bu da yukarıdaki görüşümüzü desteklemektedir.

Bu açıklamalardan sonra DLT'de Kaşgarlıya bakacak olursak DLT'de bayram iki ayrı yerde geçer. Kaşgarlı bayramı şu şekilde açıklar; Kaşgarlı byrm sözcüğüne Oğuzca notu düşer ve açıklar. Beyrem'in "sevinç ve eğlence günü demek olan" bedrem sözcüğünden bozulmuş olduğunu sanıyorum. Çünkü İslam'dan önce evvel bayramı bilmezlerdi ki adı olsun. Eğer olsaydı, bunu bütün Türkler bilirdi. Bunu ancak dillerinde "d" harfini yapanlar biliyor [DLT-III;176].

Kaşgarlı'nın eserinde bayramla ilgili bir başka kayıt ise şu şekildedir. Bdrn: Bayram halk arasında gülme ve sevinme. Bir yer ışıklarla ve çiçeklerle bezendiği zaman "bedrem yer" denir ki "gönül açan yer" demektir. Bu kelimenin aslının ne demek olduğunu bilmiyorum; çünkü bu kelimeyi Farslardan dahi işittim. Bununla beraber Oğuzlar bayram gününe "beyrem" derler. Bu sevinç ve eğlence günüdür. Oğuzlar "d" harfini "y" ye çevirmişlerdir. Buna göre bu kelime ayrıca bir lügat olabilir.

Kaşgarlı burada vermiş olduğu iki farklı notta kendisiyle tenakuza düşmektedir. Byrm sözcüğü ile bdrn sözcüğü bir ve aynıdır. Burada ki fark yalnız Doğu ve Batı Türkçesi yani Hakaniye Türkçesi ile Oğuz Türkçesi arasındaki fonetik farktır. İç seste "d" "y" değişmesi Türkçesinin sistemine aykırı bir seslik özellik değildir. Semantik kısmına gelince eğer Türkler bayramı bilmemiş olsalardı Kaşgarlı bayram yeri diye bir kullanımı sözlüğüne almamalıydı ve lügat yazacak kadar bilgiye sahip olmamalıydı. Biz biliyoruz ki İslami gelenekte ne dini bayramlarda ne de kandil günlerinde ışıklarla bir mekan süslenerek ya da aydınlatarak kutlanan bir bayram söz konusu değildir. Ayrıca gerek Türkçe erken Kur'an çevirilerinde gerekse üç dilli Arapça-Farsça-Türkçe Kur'an çevirilerinde bayram anlamı olarak geçen Farsça "eyt" sözcüğü Arapça "ıyd" sözcüğünden Farsçaya anoloji yoluyla geçmiş olmalıdır.

Bunlardan hareketle diyebiliriz ki İslam dininde ne dini bayramlarda ne de kandil günlerinde ışıklarla mekan donatılmak süsleyerek geceleri de kutlanan bir bayramın varlığından haberdar değiliz. Bütün bunlar Türklerin İslamiyetten önceki bir takım geleneklerin Kaşgarlı dönemine kadar gelmiş şekli olmalıdır. Bu doğrudan nevrüzle ilgilidir veya değildir ama Türk kültüründe demek ki bayram yerinin donatılmasında çiçeklerle bezemek ve aydınlatmak sureti ile kutlamanın geceleri devam ettiği sonucuna ulaşmak mümkündür. Bu kutlama kuvvetle muhtemel bayram veya bağız gelenekle ilişkili olmalıdır.

1.2 KB'de "Bayram"

Hakaniye döneminin önemli bir başka eseri Kutadğu Bilig’de Bayramla ilgili her hangi bir kayıt bulamamaktayız yalnız Kutadğu Bilig’in (63-123.) beyitleri arasında Yaruk Yaz Faslın Ulug Bugra Han Ögdisin Ayur (Parlak Yaz Mevsimini ve Büyük Bugra Han’ın Medhini Söyler). İlgili kısım bahar betimlemesi bölümüdür. Bu bölümün ilk 20 beyti san’atkarca tasvir ve betimlemelerinin yer aldığı bir bahariyedir. Bahar tasviri yapılırken son derece akıcı bir üslup kullanılmıştır.

Togardın ese keldi öndün yili *Doğudan ese geldi bahar yeli*
Ajun itgüke açtı uştmaç yolu *Dünya bezemeye açtı cennet yolu* [KB 63]

Beyitlerle başlayan bahariye;
Yagız yir yaşıl torku yüzke badı *Kara yer yüzüne yeşil ipek bağladı*
Hitay arkışı yadı tavgaç edi *Hitay kervanı Çin kumaşı yaydı* [KB 64]

Yazı tag kır oprı töşendi yadı *Ova, dağ kır vadi yayıp döşendiler*
İüindî kolı kaşı kök al kedip *Bezendi vadi, yamaç al yeşil giyip* [KB 68]

gibi kişileştirme sanatının uygulandığı tasvirlerle devam eder. Aşağıdaki beyitlerde kuşların ötüşü kızların sevgililerini çağırışına benzetilerek güzel benzetme san’atı yapılır.

Ular kuş ünin tüzdi, ünder işin *Keklik sesini düzdü, eşine sesleniyor*
Silig kız okır teg köñül birmişin *Sanki güzel kız çağırır gönüldeşini* [KB 75]

Aşağıdaki beyitte görüntü betimlemesi verilirken k sesi ile manzara yanında bir realist betimlemede yapılmak istenir.

Ünin ötti keklik küler katgura *Öttü keklik, güler katıla katıl,*
Kızıl ağzı kan teg kaşı kapkara *Kızıl ağzı kan gibi, kaş kapkara.* [KB 76]

Bahar betimlemesi şu şekilde sonlanır: Dağ keçileri ile karacalar çiçekler üzerinde oynaşmakta, yaban sığırlarıyla geyikler kah ağnaanmakta, kah zıplayıp koşmaktadır. Bu sırada gök kaşını çatıp gözünden yaşlar saçmağa başlar; yağmura sinen çiçekler yüzlerini yayıp gülerler. O zaman dünya kendi kendine şöyle bir bakar, gururlanır, sevinir; bezeklerine bakarak bana döner ve sözünü açar. [Ercilasun;2004;302]

Kutadğu Bilig’de doğrudan bayram olarak geçen bir sözcük yoktur. Yukarıdaki beyitlerde açıkça görüldüğü gibi canlı bir bahar betimlemesi vardır. Bu bahar betimlemesi Has hacibin muhayyilesine bayram kutlamalarından dolayı girmiş olabilir. Çünkü canlı ve harika bir bahar tablosu çizilmekte ve baharın insanlar üzerindeki olumlu etkisi üzerinde durulmaktadır. Buradan şu sonucu çıkarmak güç değildir. Balasagunlu Yusuf’un yaşadığı Türklük coğrafyasında baharın gelmesi ile ilgili sevinç ve heyecanların doruğa çıktığı, mutlulukların paylaşıldığı ve coşku ile kutlamaların yapıldığını Balasagunlu Yusuf’a dayanarak söylemek doğru olur.

1.3 TİEM 73 KT’de “Bayram”

Hakaniye döneminin özellikli, diğer önemli bir eseri olan TİEM 73 Hakaniye Dönemi Kur’an çevirisinde “Bayram” sözcüğünü şu şekilde bulmaktayız.

[005:114] (3) aydı Öisâ meryüm oğlu ay iGimâ yegidtaçi mez indürgil bizin üzâ bir tergi aş kökdin (4) boisun biziñkâ **bayram** öndüñkilärmizkâ keÇinkilärmizkâ bir bälğüsindin [Kök;2004: 88].

[005:114] “Meryem oğlu İsa dedi: Allahım! Rabbimiz! Bize, gökten bir sofra indir ki hem ilkerimiz hem de sonranızdakilere bir **bayram** ve senden bir nişane olsun [Gülle; 1-378]

Çanga Arapça “ıyd” sözcüğü için “bayram” anlamını verir (Çanga;343). TİEM 73 Hakaniye dönemi Kur’an çevirisinde Maide suresinin 114. ayetinde Arapça “ıyd” sözcüğünün altında Türkçe “bayram” sözcüğünü bulmaktayız. TİEM 73 Hakaniye dönemi Kur’an çevirisinin kopye tarihi her ne kadar 1333/1334 olsa da dilik özellikleri ve söz varlığı Hakaniye dönemi eserleri ile bir ve aynıdır. Biz “bayram”

Hakaniye dönemi eserlerinde 'bayram'

sözcüğünü DLT'den başka Kur'an çevirisinde de bulmaktayız. "İyd" sözcüğü Kur'an da tek veridir. Başka bir ayette geçmemektedir. Demek ki Türkler Arapların "iyd" sözcüğünü Türkçe "bayram" sözcüğü ile karşılamışlardır. Türkçe Erken Kur'an çevirileri son derece önemli metinlerdir. Çünkü bu metinlerin hatasız çevrilmesi gerekmektedir. Çeviri yapılırken yapılacak her hata insanı günahkar duruma sokacaktır. Bu da inan için son derece ağır bir günahdır. Dini boyutun yanında Türkçe erken Kur'an çevirilerinin önemli bir özelliği de çeviren yada çeviricilerde ki Türkçe kaygısı ve yüksek Türkçecilik şuuru da üzerinde durulması gereken bir olaydır. Çünkü bu tür dini metinler dinin tanınmasında ve öğretilmesinde son derece önem arz eden metinleridir. Bir başka önemli tarafı ise yukarıdaki Arapça sözcük vasıtasıyla Türkçe sözcüğün anlamının daha kolay anlaşılır olma özelliğidir.

Sonuç

Türk Dünyasının her bölgesinde var olan "Bayram" XI. Yüzyılda Türk dünyasında canlı bir şekilde kutlanmakta idi. Hakaniye dönemi eserlerinde bunun tezahürlerini açık şekilde görmekteyiz. Bayram sözcüğünün Hakaniye dönemi eserlerinden başlayarak tanıklanması Bayram'ın Türk kültürünün önemli bir unsurunun oluşunun ispatı olsa gerektir. Bundan hareketle diyebiliriz ki Bayram Türk kültür yapısında asgari bin yıllık bir maziye ve kıdeme sahip bir sosyal gerçekliktir.

KAYNAKLAR:

1. Abdülbaki M. F. /Türkçeye çeviren: Mahmud Çanga.- Kur'an Kelimelerinin Anahtarı.- İstanbul:1986.
2. Arat R. R. Hutadğu Bilig, I Metin, 4. Baskı, TDK.- Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 1999. - S. 23-29.
3. Arat R. R.. Hutadğu Bilig, II Çeviri, 4. Baskı, TDK.- Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1988. - S. 16-20.
4. Arat R. R.. (Neşre Hazırlayanlar: Kemal Eraslan-Osman Fikri Sertkaya- Nuri Yüce), Hutadğu Bilig, III İndeks.- İstanbul: TKAE, Edebiyat Fakültesi Basımevi, 1979. - 565 s.
5. Atalay. Divanü Lügat-it-Türk Tercümesi ve Dizini, I-II-III-IV.- Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 1998. - I. Cilt, S 484; III. Cilt, S 176; IV. Cilt, S 86.
6. Clauson S. G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish.- Oxford: 1972.- S 308a.
7. Çanga M. Kur'an-ı Kerim Lügati.- İstanbul: Timaş, 1999. - S 343.
8. Dankoff R. Kelly J., Mahmüd al-Kaşgarî: Compendium of the Turkic Dialects (Divan Lugat at - Turk), I-II-III.- Harvard: Harvard University Printing Office: 1982-1985.
9. Ercilasun A. B. Türk Dili Tarihi.- Ankara: Başer Matbaası, Akçağ, 2004.- S 301-303.
10. Erdal M. Old Turkic Word Formation, A Functional Approach to the Lexicon, C. I-II.- Wiesbaden, 1991.
11. Genç R. Türk Tarihinde ve Kültüründe Nevruz.- Ankara: AKM, Levent Ofset, 1995. - S 16-17.
12. Genç R. Kaşgarlı Mahmuda Göre XI. Yüzyılda Türk Dünyası.- Ankara: TKAE, Bizim Büro Basımevi, 1997. - 412 s.
13. Gülle, S. Kelime Anlamlı Kur'an-ı Kerim Meali, İstanbul: Huzur, 1999. - C. I, S. 378.
14. Kafalı M. Türk Kültüründe Nevruz ve Takvim.- Ankara: AKM, Levent Ofset, 1995.- S.25.
15. Kök A. Karahanlı Türkçesi Satırarası Kur'an Tercümesi: İnceleme, Metin, Dizin.- Ankara: Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Doktora Tezi, 2004. -S.- 88; 296.
16. Tural S. (1995), Nevruz.- Ankara: AKM, Levent Ofset, 1995. - S. 346.
17. Türk Dil Kurumu, Türkçe Sözlük, Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1998. - S. 250.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК =512.161

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО ПРИ ОБУЧЕНИИ ТУРЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

Меметов И. А.

В современном образовательном процессе теле- и видео- аппаратура широко используется при обучении иностранным языкам. Для западноевропейских языков (английский, немецкий, французский и др.) разрабатывается на много больше видеоматериалов, чем для восточных языков, в том числе и для турецкого. Следовательно, использование аудио и видео материалов при обучении турецкому языку значительно отстает от вышеуказанных западноевропейских языков.

Целью данной статьи является определение степени применения видеоматериалов при обучении турецкому языку.

В те времена, когда видео впервые появилось в наших домах, его использование в аудиториях воспринималось студентами как «награда», которую они с нетерпением ждали и пытались заслужить. Из-за того, что учебные заведения не могли себе позволить более одного видеоаппарата, просмотр учебных видеопрограмм проходил в специально оборудованных и оснащенных системой охраны, видеоконнатах. Видео считалось едва ли не "святым", недосыгаемым, и редкость использования его приводило к отрицательным результатам. Отсутствие каких-либо учебных пособий по видео приводило к тому, что преподаватели использовали его как развлечение для студентов, или же для просмотра и прослушивания видеоматериалов в своих целях. И, как правило, случались такие «курьезные» моменты, типа: преподаватель обращается с просьбой к студентам "Смотрите фильм, а в конце разбудите меня". Бывали и такие случаи, когда преподаватель на занятии включал видео и уходил, оставляя студентов одних с глазу на глаз с техникой. Прежде всего, нужно определить, что такое видео.

Видео это не чудодейственный прибор, который займет место преподавателя и заменит преподавание.

- Видео используемое в классах отличается от видео используемого в доме. В классах во время использования видео необходимо участие студентов.
- Видео должно быть не "показываемым" материалом, а "используемым"
- Видео, абстрагированное от других видов деятельности и языка, не является материалом, который используется для обучения. Видео – это не цель, а средство. Для определения степени усвоения материала в конце просмотра должна быть проведена заключительная работа.
- Главная функция видео- научить правильно пользоваться видеоматериалами и передавать смысл близкий к сюжету.

Видеоматериалы.

При использовании видео для изучения иностранных языков, в классах должны применяться и другие виды материалов. Так все виды программ,

которые просматриваются дома по телевизору (художественные фильмы, реклама, мультфильмы, соревнования, новости, документальные фильмы и др.) должны использоваться и в классах. Эти программы обогащают знания. При обсуждении используются слова из нескольких видов видеоматериалов.

Реальные материалы.

В эту группу входят, упомянутые выше, разработанные для телевидения и видео различные фильмы, не подходящие для изучения языка.

1. Фильмы, разработанные для изучения языка.

Эти фильмы отличаются от реальных материалов тем, что они включают в себя определенные темы, главная цель которых – научить. Однако эти выражения редко используются за пределами класса. Но и здесь есть исключения. Например, в подготовленном для просмотра американско-английском видеосериале, под названием "Семейный альбом", в перерывах появляются грамматические правила, используемые при изучении турецкого языка.

Для выбора видеоматериалов при преподавании турецкого языка существуют несколько критериев. Самым главным является время показа видеосюжета, по поводу которого имеются различные точки зрения. Приблизительно, время действия должно быть 30-40 минут. Для выбора видео учитываются следующие элементы: а) получить лингвистические и не лингвистические знания и проработать их; б) распределение внимания; в) память; г) классические программы; д) существующее оборудование; е) цель курса; ж) необходимый уровень знаний студентов.

Еще один критерий при выборе -это насколько он реальный?".

Для использования видео при изучении турецкого языка мы применяем следующие жанры видеоматериалов:

В этой работе термин "фильм" не включает в себя те фильмы, которые показываются на видео или в кинотеатре. Этот термин может включать видео с театральным представлением, сериалами. Но целью студентов не является изучение сленга или языка, присущего отдельной группе. Документальные или дискуссионные программы полезны для объяснения различных значений в языке. Однако в фильмах актеры приносят изменения в язык, но нет необходимости изучения этих изменений студентами.

Мультфильмы для детей.

В мультфильмах, где имеются карикатуры людей и других существ (например, Насреддин ходжа) разговоры не естественны. Если принять во внимание то, что иногда даже для тех, для кого турецкий является родным языком тяжело понять эти мультфильмы, следует ограничить показ таких фильмов при обучении.

Иностранные фильмы, озвученные на турецком языке.

В отличие от аудиокассет на видео мы можем видеть изображение. Студенты должны не только слышать, но и видеть обстановку, людей в фильме. Для того, чтобы дети научились разговаривать на родном языке и параллельно этому, для того, чтобы студенты изучили иностранный язык, они должны видеть рот говорящего. Иногда, если студенты что-то не услышали, то могли понять эти слова по движению губ. Но в озвученных фильмах студенты лишены этой

возможности. К тому же в иностранных фильмах нет возможности проследить культуру страны, изучаемого языка.

Фильмы с титрами.

Эта категория фильмов будет частично отвлекать внимание и вместо того, чтобы слушать, студенты будут читать. Выбирая видеоматериал для просмотра не должно быть ничего лишнего перед глазами.

На самом деле вне зависимости от уровня знания студентов необходимо использовать видеоматериалы. Это не зависит от желания студентов, т. е. это "обязательно".

Использование видео.

Для изучения языка требуется первоначально произвести отбор видео материала, а, затем обработка и уже в последнюю очередь нужно: а) расширять, б) проверять знания. Расширение – значит, что видеоматериал должен способствовать укреплению и расширению знаний.

Затем необходимо проверить знания после просмотра. Выбор видео (период перед просмотром), обработка (период просмотра) и проверка (период после просмотра) включают несколько упражнений:

1. "Несистематизированная отработка".

Найти близкие по значению слова на предложенное.

А. Работа над пополнением знаний.

Дополнение видеоматериалов рисунками, плакатами.

Б. Резюме на фильм.

Перед написанием резюме нужно вникнуть в проблему фильма.

В. Анкеты и интервью студентов.

Определить личные взгляды студентов на проблему изложенную в фильме.

2. Разрешение проблем.

Поставить вопрос, касающийся сюжета и требовать от студентов предложений по поводу данной проблемы.

А. Работа со словарем.

Соединить все слова в видеоматериале для решения проблемы.

Б. Дискуссия по поводу названия фильма.

Дать название затем со студентами дополнить пропущенные проблемы.

Выключить звук.

Студенты без звука, по сюжету, движениям, обстановке должны объяснить что происходит.

Убрать изображение.

Студенты должны только слушать. После того, как у студентов сложилось мнение по поводу видео, можно начать просмотр.

При использовании этих правил в работе с видеоматериалом преподаватель достигает поставленной цели.

В заключении подведем итоги о применении видеотехники при изучении иностранных языков.

Для того чтобы использовать видео для изучения турецкого языка, как иностранного нужно знать основные пункты разработки и применения видеоматериалов.

1. Обязательно учитывать уровень знания учащихся .
2. Видео должно использоваться для работы с сюжетом.

Цель – не показывать фильм, а использовать его для изучения языка и получения знаний.

3. Каждый видеоролик должен подразделяться на: а) допросмотровый период; б) непосредственный просмотр и в) послепросмотровый период.

4. Если даже преподаватель неоднократно работал с материалом, то должен еще раз перед занятием посмотреть его. Все упущенные ранее пункты должны быть замечены и восстановлены в памяти некоторых разделов.

5. Делать интересными длинные и монотонные видеоматериалы.

6. Перед занятием проверять видеоаппарат и научиться устранять мелкие неисправности.

7. Во избежание лишней затраты электроэнергии и других неполадок преподаватель заранее должен подготовить видеотехнику и видеоматериалы.

8. Видео не должно использоваться для времяпрепровождения и развлечений.

9. Избегать использования длинных полнометражных фильмов, т. к. этот вид фильмов занимает много времени и не эффективен во время его обработки.

10. Видео не служит для того, чтобы преподаватель спокойно проводил свое время. Преподаватель не должен отлучаться во время просмотра видеоматериала, а находиться с учащимися в аудитории.

Литература

- 1) Dil dergisi A.Ü. TÖMER Dil Öğretim Merkezi. Kasım 1997
- 2) Higgins, J. ve Tim, J. 1984. *Компьютерное изучение языков*. London and Glasgow: Collins ELT. Lonergan, J. 1983. "Video applications in English language teaching".
- 3) "Video and language comprehension" *ELT journal*, 40. 2. Morley, J. ve Lawrence, M. S. 1971. "The use of films in teaching English as a second language".

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК =512.161

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК»

Миниахметова Э. Х.

В Одесском национальном университете им. И.И. Мечникова преподавателем турецкого языка кафедры международных отношений Миниахметовой Эльвирой Хафизовной разработано учебное пособие «Турецкий язык» в трех книгах, каждая из которых состоит примерно из 500 страниц.

Учебное пособие состоит из трех книг. Первая книга включает одиннадцать уроков, вторая – семь. В первых двух книгах практически изложена вся грамматика турецкого языка. Третья книга посвящена теории и практике перевода. Первая книга издана в 2004 году, вторая выйдет в 2005 году. Выход третьей книги планируется в 2006 году.

Каждый урок включает несколько параграфов, которые начинаются с изложения грамматического материала. Далее даются необходимые упражнения для первичного закрепления грамматического материала и упражнения на повторение и закрепление ранее пройденных фонетических и грамматических тем. В каждом последующем параграфе хотя бы одним предложением повторяются грамматические правила предыдущих уроков в сочетании с новым материалом. Лексическая часть включает тексты, диалоги и упражнения, предназначенные для комплексного закрепления лексики и грамматики данного урока, а также повторения лексики предыдущих уроков. В зависимости от количества слов к одному или нескольким параграфам имеется словарь. Кроме того, в конце учебного пособия дается турецко-русский алфавитный словарь. Большое количество пословиц и поговорок, анекдотов и загадок под каждое грамматическое правило позволяет студенту выбрать и запомнить наиболее интересные для него.

Пособие разработано на основе изучения и анализа учебников и учебных пособий, издаваемых в Турции и Российской Федерации, и является первым опытом создания в Украине учебного пособия по современному турецкому языку. Было собрано и изучено большое количество турецких источников, из которых заимствовано все наиболее ценное, полезное, востребованное сегодня. Учебное пособие позволяет проводить интенсивное обучение студентов турецкому языку, как в аудиторных условиях, так и в индивидуальном порядке. Это подтверждено практикой работы со студентами Одесского национального университета. Пособие также может служить самоучителем, так как здесь правила изложены с множеством примеров и более подробно, чем в существующих учебниках и учебных пособиях.

Пособие задумано как интенсивный курс изучения турецкого языка, рассчитанный, прежде всего, на студентов, специализирующихся в области

внешней и внутренней политики, страноведения, бизнеса, банковского дела. В издании представлена современная общественно-политическая, экономическая и научно-техническая терминология. При этом автор стремится к максимально сжатому, простому и имеющему практический характер изложению материала.

Учебное пособие также будет представлять интерес для преподавателей турецкого языка. Большое количество упражнений позволит им проводить занятия со студентами в высоком темпе и плодотворно.

Учебное пособие предназначено для изучения современного турецкого языка в течение девяти семестров при занятиях 10 часов в неделю. В условиях самостоятельной и индивидуальной работы с преподавателем время освоения материала можно сократить до двух лет. Лица, изучившие турецкий язык по данному пособию, выполняют письменные переводы на турецкий язык и с турецкого языка, составляют деловые письма и документы, осуществляют устный перевод на переговорах.

При разработке пособия за основу взяты материалы и нормативные документы Управления турецкого языка (Türk Dil Kurumu) Турции, которые закрепляют правила морфологии и синтаксиса турецкого языка. Кроме того, использованы учебники под названием «Türkçe Dilbigisi», издаваемые в Турции для преподавателей и студентов высших учебных заведений страны, в которых подробно и глубоко излагаются правила турецкого языка.

В основу данного пособия положен принцип последовательного перехода от простого к более сложному материалу. Наличие в оглавлении параграфов с одинаковыми названиями не означает, что автор ошибся. В последующих параграфах те же вопросы излагаются более глубоко с учетом пройденного до этого материала. Система упражнений пособия обеспечивает повторение пройденных слов и грамматических конструкций с определенной частотностью для их оптимального усвоения.

В учебном пособии нашла отражение лексика, связанная с историей Украины, ее становлением, международными политическими, экономическими и культурными связями нашей страны. Вы ознакомитесь с такими темами, как «Законодательные и исполнительные органы Украины», «Инаугурация президента Украины», «Договор на строительство жилого дома турецкой фирмой в Украине», «Доверенность лицу на ведение дел в Украине», «Открытие валютного счета в турецких банках» и др. Кроме того, в пособии приводятся выдержки из договоров и соглашений между Турцией и Украиной; законодательных актов Турции, регламентирующих ее международные связи. Здесь автор попытался учесть национальные интересы Украины, ее растущие связи с ближайшим соседом – Турцией.

Традиционные темы по истории Турции, ее географическому положению, государственному устройству, политическим партиям и другим вопросам изложены с учетом обновления словарного запаса турецкого языка. Также имеются тексты по обычаям и нравам турок, о государственных и религиозных праздниках в Турции.

В целом тематические тексты, разнообразные лексические и речевые упражнения и диалоги сгруппированы вокруг актуальных для повседневного общения тем. Структурное построение каждой темы максимально способствует активизации различных видов речи в разнообразных коммуникативных

условиях с учетом адресата и ситуации общения.

Все темы взяты из турецких источников. В частности, из обновленной конституции Турции, учебников для учащихся средних школ и лицеев Турции, из турецких книг, газет и журналов.

Автор учебного пособия ставит цель отразить тот литературный язык, который фактически звучит и используется в современной Турции.

Разработка учебного пособия была активно поддержана генеральным консулом Турецкой Республики в Одессе господином Яшаром Пынар, который лично оказывал и продолжает оказывать содействие в приобретении материалов на турецком языке по украинско-турецким взаимоотношениям, различных книг и пособий по Турции.

Большой вклад в разработку пособия внесли преподаватели из Турции Али Байкан, Ахмет Синан Демирсой, Джемал Сакаллы, Назми Йылдырым, работавшие и работающие в Одесском национальном университете, а также заведующий центром культуры и турецкого языка в Одессе Юсуф Алтынышык. Их помощь заключалась в редактировании текстов на турецком языке, в поиске и подборе материалов для пособия, в разъяснении грамматических правил, составлении предложений под те или иные правила.

В настоящее время автор работает над вариантом учебного пособия на украинском языке. Рассмотренное нами учебное пособие позволит изучать турецкий язык лицам, владеющим русским языком и проживающим в любой стране.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК =512.161

DİL ÖĞRETİMİ MATERYALLERİNİN SEÇİMİ ve UYGULANMASINDA İLKELER, ÖLÇÜTLER

Sakalli Cemal

Dil öğretimine yönelik setler, kitaplar çok çeşitli koşulların örneğin kişisel (öğretmen-öğrenci), kurumsal (okul türleri-ders planları), öğretsel-yöntemsel anlayışlar, ders kitabının oluşma koşulları (yazar, yayımcı, pazar) gibi çok çeşitli koşulların ortak bir noktada buluşmasıyla hazırlanır ve ders ortamına gelir. Anılan koşulların bir araya gelmesi sonucunda uzlaşılarak hazırlanan bir ders kitabının ders ortamında işlenmesi kolay değildir.

Yabancı dil dersinin uygulamada iki belirleyeni vardır. Bunlar öğretmen ve öğrencidir. Yabancı dil öğretiminde öğretici yaratıcı eylemlilik alanında yer alır. Öğrenci ise içerik ve motivasyon alanında. O nedenle, ders içeriklerinin seçimi, öğretimi uygulamada belli bir öğret-bilimsel ve motivasyon çerçevesinde gerçekleştirilmelidir.

Türkçenin yabancı dil olarak öğretilmesi konusunda sadece ders materyallerinin saptanması, geliştirilmesi, içeriklerin belirlenmesi aşamasında değil, uygulamada öğret-bilimsel ve yöntemsel ilkeler, ölçütler gereklidir. Konuşmada bu ilkelerin ve ölçütlerin neler olması gerektiği konusu tartışılacaktır.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

ВОСТОЧНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.531

ОСНОВНИ ТИПИ МОТИВАЦІЇ ТЕРМІНІВ ІНФОРМАЦІЙНО-КОМП'ЮТЕРНИХ ТЕХНОЛОГІЙ КИТАЙСЬКОЇ МОВИ

Малицька В.

Процес номінації, багатоетапний і багатоаспектний, пов'язаний зі складним механізмом пізнавальної діяльності, протікає в номінативному континуумі, що є багаторівневою системою з ієрархічно організованими компонентами. Концептуальна сфера номінативного континууму співвідноситься з картинами світу, описуваними Г.А. Брутяном, Н.Л. Абрамяном, Н.Д. Арутюнковою, Б.О. Серебрянниковим та іншими дослідниками.

Формування концептуальної області номінативного континууму, що має відповідники у мовній картині світу, обумовлене необхідністю використовувати певну інформацію в комунікативному акті.

До семантичного простору номінації включаються знання, що відбивають ознаки реалії та їхню інтерпретацію. У сукупності з численними асоціативними зв'язками концепту номінованого об'єкта знання утворює поле референта. Будучи фрагментом концептуальної частини номінативного континууму, поле референта відбиває:

а) сукупність загальних і специфічних ознак денотата порівняно з іншими денотатами певного класу;

б) можливі, як правило, типові, функції денотата в типових ситуаціях його використання;

в) оцінку предметів за їх утилітарністю, за етичними й естетичними нормами певного мовного колективу, емоційно-суб'єктивне відношення номінатора до номінованого об'єкта.

Нааявність інтерпретаційної частини терміна обумовлюється роллю суб'єкта номінації. Своєрідність інтерпретації ознаки номінованого об'єкта залежить від багатьох факторів, зокрема, від самобутності національної психології й своєрідності національної культури, від соціальної активності індивіда, особливостей його психіки й характеру, від способів вираження семантики й засобів мовної системи.

Моментальні процеси, що відбуваються у свідомості людини (процеси позначення об'єкту, вторинної номінації і ототожнення слова з об'єктом дійсності) і випереджають появу номінативної одиниці, відбуваються моментально, таким чином, можна припустити, що в акті номінації використовується готова модель, яка існує в номінативно-мотиваційному континуумі для об'єктів певного класу. Передбачається, що для номінації

окремої ділянки номінативного континууму існує обмежений ряд типових моделей. Роль суб'єкта номінації полягає у виборі певної моделі залежно від низки чинників, де на першому місці постає завдання забезпечення взаєморозуміння в акті комунікації.

Для опису концептуальної галузі, що співвідноситься з інформаційно-комп'ютерними технологіями, використовується модель номінації, що відбиває багаторівневий характер номінативного континууму: тип співвідношення з класом предметів або ситуацій (принцип номінації) і фрагмент поля референта і його інтерпретація (мотив, спосіб вираження мотиву, мотиваторна ознака) як основний, базовий рівень аналізу, тісно пов'язаний зі способами мовного вираження.

Варіативність рівнів моделі зростає в напрямку від рівня принципу номінації до рівня способу вираження мотивувальної ознаки. Схема номінативної моделі, що включає безліч варіантів, є своєрідною матрицею, яка містить потенції номінативної системи мови. Можливість реалізації цих потенцій залежить від багатьох і різнорідних факторів: комунікативної установки номінатора й обумовленого нею принципу номінації, від тематичної групи номінованого об'єкта, від відбиваної типової ситуації, від регулярності словотворчого типу в локальній мовній підсистемі тощо.

Для опису терміносистеми інформаційно-комп'ютерних технологій сучасної китайської мови з мотиваційного боку скористаємося типологією мотивацій, запропонованою О.О.Селівановою у її фундаментальній програмі дослідження ономазіологічних підсистем мов, процесів номінації з урахуванням теоретико-експериментального потенціалу психолінгвістики, семіотики, лінгвістичної семантики, лінгвістики тексту, теорії комунікації, етнолінгвістики, психології, нейрофізіології [1]. „У сучасній когнітивній ономазіології, - зауважує автор, - встановлення типів мотивацій має головним критерієм концептуальне місце мотиватора в ментально-психонетичному комплексі номінованого об'єкта, що кладеться в основу типології мотивацій” [1:162]. За цим параметром розрізняють три основних (блок А) та два додаткових (блок Б) типи мотивації.

Блок А. Основні типи мотивації

1. Пропозитивно-диктумна мотивація
2. Модусна мотивація
3. Асоціативно-термінальна мотивація

Блок Б. Додаткові типи мотивації

4. Мішаний тип мотивації
5. Псевдомотивація

У цій статті ми розглянемо лише основні типи мотивації.

Пропозитивно-диктумна мотивація базується на метонімії як різновиді переносу уявних ознак з одного найменування на інше за принципом суміжності

(синтагматика): „При утворенні нового знака актуалізується конекція за суміжністю між слотовою позицією мотиватора та новою пропозитивною позицією похідного найменування” [1:163]. Процес переносу відбувається від сукупності знання про об'єкт за певною ознакою до ономазіологічної ознаки слова-терміна.

Відповідно до типів слотів, які взаємодіють у створенні нового слова, слід розрізняти декілька різновидів пропозитивно-диктумної мотивації.

1. *Гіперонімічна мотивація* – різновид пропозитивно-диктумної мотивації, механізм якого співвідносить термін із гіперонімічним (родовим до нього) терміном:

存储器 *cúncǐhǔqì* (збирати+зберігати+пристрій) **пам'ять** (запам'ятовуючий пристрій)

选单 *xiǎndān* (вибирати+список) **меню**

分辨率 *fēnbiānlǜ* (ділити+розрізняти+коефіцієнт) **роздільна здатність**

初始化 *chūshǐhuà* (перший+починати+змінювати) **ініціалізація**

密码学 *mìǎxué* (таємниця+код+наука) **криптографія**

2. *Гіпонімічна мотивація* – різновид пропозитивно-диктумної мотивації, механізм якого співвідносить термін з еквонімічними до нього термінами:

选择 *xiǎnzé* (вибір+вибір) **вибір** (напр., пункту меню)

进程 *jìnchéng* (входити+порядок, правило) **процес** (програма, що виконується з власними ресурсами операційної системи)

状态 *zhuàngtài* (стан+стан) **стан** (напр., процесу, виконання програми тощо)

3. *Категорійна мотивація* – різновид пропозитивно-диктумної мотивації, при якому відбувається включення механізмів транспозиції та конверсії і на цій основі утворення нових термінопозначень:

进位 *jìnwéi* (входити+розряд) **перенос** (розрядів при арифметичних операціях з бінарними числами)

密码系统 *mìǎ xìtǒng* (таємниця+код; система+разом) **криптосистема**

同步 *tóngbù* (спільний+крок) **синхронізація**

装入 *zhuāngrù* (завантажувати+входити) **завантаження; завантажувач** (програми)

4. *Предикатно-аргументна мотивація* – різновид пропозитивно-диктумної мотивації, механізм якого орієнтує на використання істинної інформації про об'єкт номінації, отриманої у процесі пізнавально-практичної діяльності. Номінати, отримані шляхом предикатно-аргументної мотивації, мають пряме (не переносне) значення та позначають локальні еквоніми глобальних гіперонімічних слотів (напр. концепт **комп'ютер**)

计算机 *jìsuǎnjī* (план, рахувати+рахувати+машина) **комп'ютер**:

对称式计算机 *duìchēngshì jìsuǎnjī* (навпроти+називати; комп'ютер) **симетричний комп'ютер** (багатопроцесорний комп'ютер з рівноправними процесорами);

巨型计算机 *jùxìng jìsuǎnjī* (величезний+модель, тип; комп'ютер) **суперкомп'ютер** (комп'ютер із надвисокою потужністю);

混合计算机 *hùnhé jìsuǎnjī* (змішувати+разом; комп'ютер) **гібридний комп'ютер**;

模拟计算机 *mónpī jìsuǎnjī* (модель+імітувати; комп'ютер) **аналоговий комп'ютер**;

数字计算机 *shùzì jìsuǎnjī* (цифра+знак; комп'ютер) **цифровий комп'ютер** тощо.

Пропозитивно-диктумна мотивація термінів інформаційно-комп'ютерних технологій китайської мови є найпродуктивнішим типом мотивації: за її допомогою утворюється або калькується більшість термінологічних одиниць цієї сфери людської діяльності.

Модусна мотивація. Наявність концептуального каркасу емоцій і пов'язана з ним можливість представлення через весь мовний і позамовний видовий контекст

[2] дозволило розробити нову область лінгвістичного аналізу – концептологію емоцій, спрямовану на виявлення специфіки їх освоєння і матеріалізації у мові.

Узагальнення точок зору на поняття «картина світу» [3; 4], «мовна картина світу» [5; 6; 7; 8; 9], «мовна особистість» [10; 11; 12], «мовна свідомість» [13; 14] дає можливість представити модусну мотивацію як відбитий у слові етноспецифічний спосіб інтерпретації світу, властивий тому або іншому лінгвокультурному співтовариству.

Прикладом модусної мотивації може бути сленговий вираз 网虫 *wǎngchóng* (мережа+комаха), який використовують для іронічного позначення людини, яка приділяє забагато часу інтернету або яка дуже добре знається на інтернет-технологіях.

Модус слід розглядати як найважливіший компонент ментально-пропозитивного комплексу, що „корелює з психічними функціями емоційних чуттів, відчуттів, переживань, які закріплюються в оцінці концепту” [1:169], набуваючи тим самим комунікативного статусу, оскільки слугує для вираження ставлення мовця до форми висловлювання й до його змісту.

Асоціативно-термінальна мотивація. На відміну від пропозитивно-диктумної мотивації, в основі якої лежать метонімічні механізми, асоціативно-термінальна мотивація базується передусім на метафоричному переносі (парадигматика), за якого відбувається асоціація з диктумом когнітивних моделей інших концептів, який формує термінальний каркас нової моделі.

转储 *zhuǎnchǔ* (перенос+зберігати) **робити "знімок" пам'яті**

程序设计语言 *chéngxù shèjì yǔyán* (правило+порядок; розробляти+план; розмовляти+мова) **мова програмування**

总线 *zǒngxiàn* (головний+нитка) **шина**

存取 *cúnqǔ* (існувати + приймати, вибирати) **доступ**

节点 *jiēdiǎn* (вузол+точка) **вузол (мережі)**

У численних лінгвістичних та лінгвофілософських дослідженнях підкреслюється, що в лексиці при номінації відбувається своєрідне закріплення тих результатів пізнавальної діяльності людини, які вона накопичує в розвитку своїх взаємовідносин з навколишнім світом. Процес пізнання об'єкта, що супроводжується пошуком нового мотиватора, може стати ще одним чинником стимуляції формального перетворення терміна

ЛІТЕРАТУРА

1. Селъванова Е.А. Когнитивная ономазиология. – К.: Философоцентр, 2000. – 248 с.
2. Голубовская И.А. Этнические особенности языковых картин мира // Киев. нап. ун-т им. Г.Шевченко. – К., 2002.

3. Поспелова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988.
4. Колчанский Г.В. Объективная картина мира в познании и в языке. – М.: Наука, 1990.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Серебренников Б.А. Язык и мышление. – М.: Наука, 1988.
7. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988.
8. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен. семантика и сочетаемость. — М.: Русские словари, 2000.
9. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. - Вып. 36. - М., 1998.
10. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
12. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. – М.: Просвещение, 1986.
13. Нікітіна Ф.О. Структура сучасного терміна: Універсалії в галузі термінології // Науково-технічний прогрес і мова. - К., 1978.
14. Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК 821(55)+81"44

**СЕМАНТИЧНА ІНТЕРФЕРЕНЦІЯ
В ПЕРСЬКОМУ МОВЛЕННІ АЗЕРБАЙДЖАНОМОВНИХ ТА
КУРДОМОВНИХ ІРАНЦІВ**

(на прикладі прикметників з просторово-кількісною семантикою)

Кишановський О. Ч.

Спілкування між представниками різних етнічних та мовних груп, між якими відбуваються інтенсивні господарчі, політичні, культурні та інші контакти сприяє утворенню необхідних соціальних умов для взаємодії двох або більшої кількості мов. Мовні контакти відбуваються через постійні мовні діалоги, постійне спілкування між носіями різних мов. При цьому мовці використовують різні мови або одночасно, або кожен свою. Відповідно є можливим або активне володіння двома мовами, або пасивне розуміння іншої мови [1]. У першому випадку ми можемо говорити про двомовність у строгому вживанні цього терміну. Індивідуальна двомовність породжується в багатомовному суспільстві та найбільш масштабно представлена в багатонаціональних державах [2]. Саме такою державою є Іран. Одним з найсприятливіших районів для виникнення в різних мовах спільних структурних властивостей унаслідок тривалих та інтенсивних контактів можна вважати його північно-західні провінції — Ардабіль, Західний та Східний Азербайджан, Курдистан, Керманшах. У цьому багатомовному регіоні тривалий час контактують азербайджанська, курдська та перська мови. Нижче пропонується типологічне дослідження особливостей функціонування перських прикметників з просторово-кількісною семантикою в перській мові іранських азербайджанців та курдів.

У серії досліджень Евалда Ланга [3-5] було показано, що набір компонентів, які добираються конкретними мовами для лексичного позначення просторових вимірів, визначається двома самостійними, але такими, що взаємодіють, психологічними феноменами: **первинним перцептивним простором** (Primary Perceptual Space) і **притаманною пропорційною системою** (Inherent Proportion Schema). Ці два фактори незалежно один від одного і кожен у свій спосіб, впливають на виокремлення та ідентифікацію (найменування) певного просторового виміру.

Первинний перцептивний простір складається з системи осей, які формують нашу внутрішню модель зовнішнього простору: **вертикальна вісь** (Vertical axis), **вісь спостерігача** (Observer axis) і **горизонтальна, або поперечна вісь** (Horizontal or Across axis). Кожна з осей має особливі властивості, завдяки яким ми "пояснюємо" собі навколишній простір.

Притаманну пропорційну систему становлять топологічні властивості об'єктів: їх межі, осі симетрії, проникливість, форма тощо.

Е.Ланг [5] постулює наявність певних семантичних універсалій щодо способу позначення просторових вимірів об'єктів просторово-кількісних прикметників. Перша універсалія ("тенденція" у виборі назви для просторового виміру об'єкта) ґрунтується на феномені притаманної пропорційної системи. Вона спричиняє те, що на вибір назви для просторового виміру об'єкта впливають кількісні співвідношення між протяжностями, наприклад, якщо протяжність *a* двовимірного об'єкта більша за протяжність *b*, то *a* отримує назву довжини, а *b* — ширини (сам об'єкт буде, відповідно, довгим/коротким, широким/вузьким). Е.Ланг називає це явище **пропорційно орієнтованою стратегією** при найменуванні просторово-кількісних властивостей об'єкта. Друга універсалія ("тенденція") ґрунтується на феномені первинного перцептивного простору, який спричиняється до того, що на вибір назви для просторового виміру об'єкта впливає те, чи розташована протяжність *a* або *b* певного об'єкта вздовж погляду глядача, чи — поперек. Е.Ланг називає це явище **обсерваційно орієнтованою стратегією** при найменуванні просторово-кількісних властивостей об'єкта. Третю універсалію ("тенденцію"), яка також ґрунтується на феномені первинного перцептивного простору, можна сформулювати так: якщо немінімальна (ненайменша) протяжність *a* певного об'єкта співпадає з вертикальною віссю, то це співпадання визначає те, що протяжність *a* буде названа висотою (об'єкт, відповідно, — високим/низьким). Е.Ланг називає це **правилом вертикальної переваги** при найменуванні просторово-кількісних властивостей об'єкта. І остання універсалія полягає в тому, що кожний з прикметників, які використовуються для найменування просторових вимірів будь-якого об'єкта, може використовуватися лише один раз для кожної окремої мовленнєвої ситуації. Е.Ланг називає це **правилом одиничної обмеженості** при найменуванні просторово-кількісних властивостей об'єкта.

Виходячи зі згаданого, Е.Ланг [5: 78] постулює наявність трьох семантичних типів мов залежно від того, за якою стратегією конкретна мова позначає просторові виміри об'єкта: 1) з чітко вираженою пропорційно орієнтованою стратегією (the proportion-based strategy), наприклад, китайська мова; 2) з чітко вираженою обсерваційно орієнтованою стратегією (the observer-based strategy), наприклад, корейська мова; 3) зі змішаною — пропорційно-обсерваційною — стратегією, наприклад, німецька, англійська, французька, російська. Мови, що належать до цього типу неоднаковою мірою пропорційно та обсерваційно орієнтовані. Наприклад, німецька мова тяжіє до корейського, обсерваційно орієнтованого, типу мов, російська — до китайського. Англійська та французька мови — найбільш яскраві представники змішаного типу мов, в них обсерваційно орієнтована і пропорційно орієнтована стратегії представлені рівномірно. Тяжіння словацької мови до корейського типу (на противагу російській) Е.Ланг пояснює тривалим контактуванням і впливом німецької мови. Метою нашої роботи є визначити взаємовпливи азербайджанської, курдської та перської мов щодо найменування просторових вимірів об'єктів.

Аналіз результатів анкетування носіїв трьох вищеназваних мов дозволяє стверджувати, що співвідношення вищевикладених стратегій та правил, що використовуються їх носіями для найменування просторово-кількісних вимірів об'єктів перською мовою, неоднакове. В анкетуванні взяли участь шестеро

інформантів-іранців, що постійно мешкають в Ірані. Для двох рідною мовою є азербайджанська, для двох – курдська, для двох – перська. Один з кожної пари мав вищу освіту, інший – малоосвідчений.

Предмети, зображені на рис. 1 – 3, показують дошку певного розміру (пропорцій) та форми в трьох позиціях (на рис.1 вона є кришкою стола, на рис.2 – вертикально “стоїть”, а на рис. 3 та сама дошка є підвіконням). Інформантам було запропоновано уявно подивитися на кожний предмет, умовно кажучи, збоку (позиція А, перший тест) і спереду (позиція В, другий тест) і назвати протяжності, позначені літерами а, в, с (через брак місця ми наводимо лише частину отриманих даних, залишаючи поза розглядом виключно цікаві особливості функціонування синонімів, антонімів та ін.).

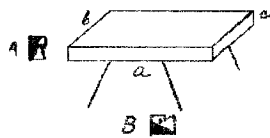

Рис. 1

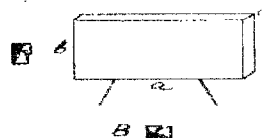

Рис. 2

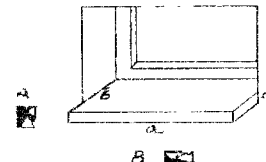

Рис. 3

ПЕРСОМОВНІ, АЗЕРБАЙДЖАНОМОВНІ ТА КУРДОМОВНІ ІРАНЦІ

(А)

а = *boland, deraz* ‘довгий’в = *ariz, pahh* ‘широкий’с = *zaxim, koloft* ‘грубий’

(А)

А = *deraz* ‘довгий’В = *boland* ‘високий’С = *zaxim, koloft* ‘грубий’

(А)

а = *boland, deraz* ‘довгий’В = *ariz, pahh* ‘широкий’с = *zaxim, koloft* ‘грубий’

Результати першого тесту показали наступне. У позиції А рис. 1 і 3 вибір назв для протяжностей а = *boland, deraz* ‘довгий’ та в = *ariz, pahh* ‘широкий’ відповідає пропорційно орієнтованій стратегії мовців при просторово-кількісній характеристиці об’єктів. Носії усіх трьох мов використали саме це правило. Протяжність в = *boland* ‘високий’ на рис. 2 одержала назву відповідно до правила вертикальної переваги. Вибір назви для протяжності а = *deraz* ‘довгий’ з двох синонімічних прикметників (*boland* ‘високий’, ‘довгий’, *deraz* ‘довгий’) відповідає правилу одиничної обмеженості. Немає нічого дивного й у тому, що протяжність с = *zaxim, koloft* ‘грубий’ залишається незмінною в усіх позиціях. Дослідивши лексеми на позначення протяжностей предмета на матеріалі різноструктурних мов, Е.Ланг зазначає, що семантичний компонент SUB (товщина) належить до лексичних примітивів [5: 76, 79]. Тому далі ця протяжність не розглядатиметься.

Таким чином усі інформанти використали спільні стратегії при просторово-кількісній характеристиці даного об’єкта в позиції (А).

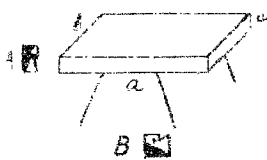

Рис. 4

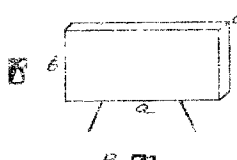

Рис. 5

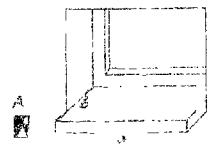

Рис. 6

(В)

(В)

(В)

ПЕРСОМОВНІ ІРАНЦІА = *ariz, pahn* 'широкий'

В = ?

А = *ariz, pahn* 'широкий'В = *boland* 'високий'а = *ariz, pahn* 'широкий'в = *amig, gowd* 'глибокий'**АЗЕРБАЙДЖАНОМОВНІ ІРАНЦІ**А = *ariz, pahn*

'широкий'

В = ?

а = *deraz* 'довгий',*ariz, pahn* 'широкий'в = *boland* 'високий'а = *boland, deraz* 'довгий',*ariz, pahn* 'широкий'в = *ariz, pahn* 'широкий',*amig, gowd* 'глибокий'**КУРДОМОВНІ ІРАНЦІ**А = *pahn* 'широкий'

В = ?

а = *boland, deraz* 'довгий',*pahn* 'широкий'в = *boland* 'високий'а = *boland, deraz* 'довгий'в = *pahn* 'широкий',*amig, gowd* 'глибокий'

Результати другого тесту показали, що в перській мові в цьому випадку функціонує обсерваційно орієнтована стратегія. У позиції В рис. 4–6 у мовленні персомовних іранців вибір назви для протяжності а = *ariz, pahn* 'широкий' відповідає саме обсерваційно орієнтованій стратегії. Натомість інформанти-не-носії перської мови використовували, як і в першому тесті, пропорційно орієнтовану стратегію: а = *boland, deraz* 'довгий'. Протяжність в = *boland* 'високий' на рис. 5 одержала назву відповідно до правила вертикальної переваги. Вибір назви для протяжності а = *deraz* 'довгий' з двох синонімічних прикметників (*boland* 'високий', 'довгий', *deraz* 'довгий'), як і в першому тесті, відповідає правилу одиничної обмеженості. Як видно з вищенаведених даних, закони рідних мов спричиняють семантичну інтерференцію при найменуванні просторово-кількісних вимірів об'єктів перською мовою. Законів перської мови дотримуються лише освідчені іранці-не-носії перської мови (їх відповіді підкреслені). Переважне вживання освідченими носіями курдської мови для позначення протяжності а прикметника *pahn* 'широкий' пояснюється наявністю етимологічно спільного прикметника в курдській мові.

У виборі назви для протяжності в, як показали результати анкетування, в перській мові функціонує обсерваційно орієнтована стратегія, тобто позиція глядача є суттєвою для найменування просторово-кількісних вимірів об'єктів. Протяжність в перетворюється на *amig, gowd* 'глибокий'. Натомість, можна припустити, як в азербайджанській, так і в курдській мові вона залишається *ariz, pahn* 'широкий'. Саме цей факт ймовірно спричиняє те, що інформанти-не-носії перської мови обрали саме ці прикметники. Як і для протяжності а законів перської мови дотримали лише освідчені іранці-не-носії перської мови (їх відповіді підкреслені).

Відсутність назви для протяжності в на рис.4 пояснюється правилом одиничної обмеженості.

Таким чином, як було показано вище і в попередніх роботах (див.: [6]), перська мова у великій мірі належить до мов з обсерваційно орієнтованою стратегією щодо найменування просторово-кількісних властивостей об'єктів. З іншого боку, з високою мірою вірогідності можна припустити, що на відміну від

перської, як азербайджанська, так і курдська мови належать або до мов з чітко вираженою пропорційно орієнтованою стратегією щодо найменування просторово-кількісних властивостей об'єкта, або до мов зі змішаною — пропорційно-обсерваційною — стратегією, але таких, що гажіють до так званого «китайського» типу (це питання вимагає спеціального дослідження). Цей факт спричиняє семантичну інтерференцію мікросистем азербайджанських, курдських та перських просторово-кількісних прикметників в перській мові іранців, для яких рідними мовами є азербайджанська та курдська. Такого роду інформація обов'язково повинна враховуватися у викладанні вищезгаданих мов як іноземних.

Література

1. Иванов Вяч.Вс. Контакты языковые // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 237.
2. Зограф Г.А. Многоязычие // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 303.
3. Lang E. The semantics of Dimensional Designation of Spatial Objects // Dimensional Adjectives: Grammatical Structures and Conceptual Interpretation. — В. — Heidelberg — N.-Y. — 1989. — P. 263-417;
4. Lang E. Primary Perceptual Space and Inherent Proportion Schema // Journal of Semantics. — 1990. — № 7. — P. 121-141;
5. Lang E. Basic dimension terms: A first look at Universal features and Typological variation // FAS Papers of Linguistics. — 1995. — V. 1. — P. 66-100.
6. Кшановський О.Ч. Фрагмент семантичної типології українських та перських прикметників розміру // Проблеми зіставної семантики. Збірник наукових статей. Вип.5. — К.: КДЛУ, 2001. — С. 103-107.

Стаття поступила в редакцію 20.03.2005

ЯЗЫК И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

УДК. 070 (1921-1941 гг.)

СИСТЕМА КРЫМСКОТАТАРСКИХ СМИ В 20-30-Е ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ

Юксель Г.

Понятие «Система средств массовой информации» включает в себя совокупность всех имеющихся в определенный исторический момент органов массовой информации. Научно-технический прогресс, рост экономической деятельности, развитие политической системы, культурный процесс – все эти факторы стали основой для исторической эволюции системы СМИ. В самом начале своего возникновения СМИ были представлены только периодической печатью (традиционные СМИ), затем возникли телеграфные коммуникации, издательское дело, фотография, кино, радио, телевидение (новые СМИ), в последние два десятка лет широко используются аудиовизуальные и компьютерные технологии (новейшие СМИ), из которых большее распространение в журналистике получили электронные газеты или, как их называют по-другому, Интернет-издания. Кроме того, в систему современных СМИ входят такие образования, как информационные агентства, пресс-службы, рекламно-издательские комплексы.

Целью данного исследования является рассмотрение системы национальных крымскотатарских СМИ 20-30-х годов прошлого столетия. Основная задача работы заключается в кратком описании каждого из элементов системы СМИ (печать, издательское дело, радио), а также особенностей функционирования печати и методов популяризации печатной продукции среди крымскотатарского населения.

Говоря в целом о разработанности темы национальной журналистики конца XIX – первой половины XX века в современной крымскотатарской науке, необходимо, прежде всего, отметить работы И. Керимова [1; 2; 3], посвященные истории крымскотатарской прессы. Об отдельных крымскотатарских довоенных изданиях писали Х. Кырымлы [4], В. Ганкевич [5], Р. Фазыл и С. Нагаев [6], О Хоменок [7], М. Озер [8] и др.

20-30-е годы прошлого столетия – сложный, драматичный, противоречивый период в истории национальной крымскотатарской журналистики. С одной стороны устанавливается жесткая однопартийная система власти, при которой средства массовой информации отводятся, прежде всего, агитационно-пропагандистская и контролирующая функции. СМИ перестают быть самостоятельным социальным институтом, и рассматриваются как посредник между руководящей партией и народом. С другой стороны именно этот период

знаменателен возникновением новых типов изданий, появлением и широким использованием различных методов привлечения внимания аудитории (многие из них задействованы и в современном менеджменте СМИ), рождением новых имен в литературе и публицистике, творческими поисками и находками, яркими материалами, написанными на злободневные темы в различных жанрах.

При доминировавшей агитационно-пропагандистской направленности национальных СМИ нельзя не учитывать их огромную роль в культурной, образовательно-просветительской, научной жизни народа в тот период. В наши дни СМИ того периода стали важным источником для изучения духовного прошлого крымских татар.

После образования Крымской Автономной ССР в 1921 году в Крыму складывается система национальных крымскотатарских СМИ, представленная печатными периодическими изданиями (пресса), продукцией издательств (издательское дело) и радио. Наличие единого органа управления, взаимосвязь между составляющими СМИ, большое количество видов печатной продукции дает основание говорить о существовании целостной системы СМИ в тот период. Вкратце рассмотрим основные признаки каждого из элементов.

Единая унифицированная система крымскотатарской национальной прессы того периода представлена иерархией периодических изданий – по ареалу распространения это областные, районные, городские газеты и журналы, а также многотиражки различных учреждений. Установление тоталитарной системы в стране началось с контроля над прессой, выпуск изданий в то время осуществлялся под цезурным контролем органов власти. В Крыму эту функцию выполняли отделы агитации и пропаганды (агитпропы), входившие в структуру местных (городских, районных) комитетов власти и напрямую подчинявшиеся Крымскому областному комитету партии ВКП(б). Отделы осуществляли самый полный контроль за деятельностью печатных СМИ, начиная от вынесения решений по поводу открытия или закрытия изданий и заканчивая цензурными, финансовыми, материально-техническими, кадровыми вопросами. В одном из протоколов, к примеру, зафиксировано решение о том, каким именно будет тираж на следующий год у газеты «Еньи Дунья», какая сумма заложена в годовой бюджет издания, каковы расходы на бумагу, зарплату сотрудников, показаны доходы и расходы некоторых изданий за определенный период [9]. На строгом контроле был вопрос кадровых перестановок – расчерком пера назначались и снимались главные редактора, начальники отделов, ответственные секретари. Так четвертый (по счету) редактор издания «Еньи Дунья» Тейфук Бояджиев был снят со своей должности в период пика сталинских репрессий в 1939 году по «обвинению» за то, что «скрыл свои связи с контрреволюционными националистами в 1918-1922 гг.: в своих литературных произведениях протаскивал националистические взгляды (статья «Ни одного солдата белой армии»); руководя газетой «Еньи Дунья», оказывал сопротивление помещению в газете материалов, разоблачающих открытых буржуазных националистов.

...Дополнительно установлено, что Бояджиев в 1918 году служил секретарем отдела внешних сношений Крымскотатарской Национальной директории в г. Бахчисарае» [10]. Строго осуществлялся и цензурный контроль за качеством текстов [11; 12].

Новая власть, понимая всю важность проведения просветительской работы среди местного населения, использовала самые разные методы для привлечения внимания крымских татар к печати. Главная задача заключалась в том, чтобы «дать крестьянину доступную ему по цене газету, понятную, дающую основные из событий внутренней и международной жизни, освещающую, разъясняющую основные законы, касающиеся крестьянства» [13].

Большой упор в этой работе делался на создание сети собственных корреспондентов и внештатных авторов, которые регулярно должны были писать материалы в областные и местные издания. Рабселькором, а именно так назывались внештатные сотрудники печатных изданий, набирали из числа местной интеллигенции, грамотных крестьян, отставных красноармейцев, успешной молодежи. К середине 20-х годов на полуострове проходили специальные съезды, были открыты курсы обучения рабселькорров, на которые могли записаться все желающие.

Для продвижения печатной продукции и привлечения читательского внимания использовались различные методы - Дни книги, Дни печати, выездные редакции, кампании по ликвидации неграмотности, (например, проведение Всекрымской однодневной кампании по ликвидации неграмотности 26 декабря 1924 года), совместные чтения газет в избах-читальнях. Предполагалось, что «деятельность чтецов может выявиться в избах-читальнях, клубах, школах, деревенских чайных, а также во время татарского праздника «Дервиза» [14].

Одним из эффективных методов считалось создание стенных и устных газет. Стенные издания, выходящие в самых разных учреждениях, предприятиях, организациях должны были кратко отражать события внутренней и международной жизни, желательно «в виде лозунга, карикатуры, малой статьи» [15]. В одном из протоколов заседаний обкома от 1 сентября 1921 года, есть запись о том, что рекомендуется «Тираж «Стенной Татарской газеты» увеличить до 1000 экземпляров» [16]. Не менее важную роль отводили и так называемым устным газетам, их необходимо было делать «периодическими, превращать в театральные сценки, на них рекомендовалось чтение фельетонов или стихотворений» [15].

Однако, несмотря на большое количество методов работы, в первые годы внедрение утопических большевистских идей в сознание рядового крымского татарина проходило очень медленно и с большим трудом.

Одним из самых больших препятствий для проведения подобной работы был языковой барьер, не хватало специалистов знающих крымскотатарский язык. Кроме того, для большевиков, пришедших в Крым, местное крымскотатарское население оставалось нужным народом, живущим по непознанным законам и непонятным нормам социального общения. Особенно прочно дореволюционный, старый уклад жизни сохранялся в деревнях. В обязанности отделов агитации и пропаганды входила не только популяризация нового образа жизни, но и также сбор информации, изучение условий, образ мышления деревенского крымскотатарского населения. В «Схеме исследования крымскотатарской деревни» [17], написанной в 1924 году, было по пунктам расписано, как должно быть проведено исследование. Данный план показывал насколько медленно удавалось вести работу по внедрению революционных идей среди крымскотатарского населения, с каким трудом проникались новыми

постулатами простой крымскотатарский труженник. Так по «Схеме...», согласно пункту №7 «Быт и остальные активные элементы в деревне» предлагалось выяснить, какое влияние имеет духовенство, выяснить роль муллы в деревенской жизни, прояснить, выполняет ли он административную и судебную функции, каким образом участвует в распределении наследства, заключении и расторжении брака. Следовало уточнить, имеется ли в деревне народный судья, пользуется ли он авторитетом у местных жителей, есть ли милиция, и соответствует ли она своему назначению. Через семь лет после революции, через пять лет после окончательного установления большевистской власти в Крыму крымскотатарская деревня, по-прежнему, оставалась для партийных агитаторов непознанной и чуждой.

Члены партийных организаций, далекие от проблем крымскотатарского народа, его менталитета, обычаев, культуры, не пытались обогатить свое знание о коренном народе Крымского полуострова. Отражалось это и в вопросах контроля национальной периодической печати. Элементарные ошибки, часто встречающиеся в отчетной и нормативной документации того времени, свидетельствуют о незнании партийными работниками предмета описания. «Уточнить, получают ли газеты «Новый мир», «Яш кьуввет», «Ени Дункой», «Красный Крым», «Правда» и «Беднота», - написано в «Схеме исследования крымскотатарской деревни». Во-первых, название самой газеты указано неверно («Ени Дункой» вместо «Енъи Дунья»), во-вторых, автор записи даже и не подозревал, что дважды указал одно и то же издание, но на разных языках («Енъи дунья» в переводе означает «Новый мир»).

В первое время существования большевистской власти на полуострове в отчетах партийных органов власти неоднократно подчеркивалось нежелание местного населения сотрудничать с новой властью. Отчет о деятельности Симферопольской организации гласит: «В целом организация здоровая, но она как-то затихла, среди некоторой части работников наблюдается определенная вялость, инертность, особенно среди коммунистов-татар, которые всячески стараются уклониться от выполнения партзаданий и обнаруживают полную безответственность»[18]. По Керченской организации ситуация была схожей: «Работа среди нацменьшинств почти не чувствуется, на весь Керченский округ имеется 1 (один) коммунист-татарин»[19]. Такая же картина наблюдалась и в Джанкойской секции: «Работа среди нацменьшинств, особенно среди татар ведется слабо за отсутствием опытных работников, владеющих татарским языком»[20].

В 20-30-е годы прошлого столетия отмечается рост числа национальных печатных изданий. В результате нашего исследования было установлено что общее количество крымскотатарских изданий, выходящих в Крыму и за его пределами с 1883 года (года официального возникновения крымскотатарской печати) и до 1941 составило 94 наименования. Из них 82 печатались на территории Крыма, а оставшиеся 12 -- в Турции и Румынии. Из 82 изданий, выходящих в Крыму, 52 были газетами, 30 -- журналами и литературно-художественными сборниками. При этом только в период с 1921 по 1941 гг. общее количество национальных изданий составило 67 наименований -- 35 газет, 29 журналов, за пределами Крыма вышло 3 эмигрантских издания.

Основные типы изданий, которыми была представлена крымскотатарская пресса того периода следующие:

общественно-политическая областная газета – «Енъи дунья». Подобно тому как основным изданием, рассчитанным на славянскую аудиторию полуострова был «Красный Крым», главным изданием рассчитанным на крымскотатарскую аудиторию стала газета «Енъи дунья»;

молодежные областные издания – «Яш къуввет», «Къоз айдын», «Яш ленинджилер», «Къырым комсомоль»;

общественно-политические «толстые» журналы – «Ешилъ ада», «Бильги», «Енъи Чолпан», «Илери». Политематичные издания, представлявшие научные, научно-популярные, литературные, публицистические работы;

специализированные издания различных органов управления (ведомственная пресса): издание Народного комиссариата образования «Окъув ишлери», журнал Управления Религиозными Делами мусульман Крыма «Асрий мусульманлыкъ»; издание Таврического Краснознаменного военного округа «Булетен»; печатный орган Крымполитпросвета журнал «Ильк адым»; газета Крымсельсоюза «Кой кооператоры»; издание Крымского комитета физкультуры и спорта «Къырым физкультурниги»; газета Крымского педагогического института им. Фрунзе «Педкадрлар оджагы»; бюллетень «Qıym merkezıy ıcrı qomıtesı yanında merkezıy sajlav gamısyasın ıjulletenı» и др.; региональные издания – газета «Керчь ишчиси», выпускаемая с 1930-1931 гг. в Керчи профсоюзом Керченского городского и заводского комитета ВКП (б); газета «Бригадир», которая издавалась с 1935 по 1940 гг. в Судаке и была печатным органом Судакского районного комитета ВКП (б); издание «Полиотдел байрагы», 1934г.- печатный орган полиотдела п. Балаклава. Одних только «Ударников» в Крыму было 4, они выходили с 1935 по 1941 гг. в Куйбышево (печатный орган Куйбышевского РК и райсовета), в Фота-Сала (печатный орган МТС Фота-Сала), в Ялте (печатный орган Ялтинского райкома и Комитета депутатов), в Карасувбазаре (печатный орган партиной и комсомольской организации колхоза «Карл Маркс») и др. многотиражные издания – «Morzavod ıezısı», 1932-1933 гг.. печатный орган Азовского морзавода. «Назик культура» - издание Крымской сельскохозяйственной опытной станции и др.; рукописные издания – «Елдаш» /«Попутчику», выпускался в 1920 г. учениками Зенджырлы-медресе в г.Бахчисарае; в Евпатории в начале 20-х годов выходил рукописный молодежный журнал «Енъи ай» и рукописный молодежный журнал «Темир къазыкъ» (1917-1921 гг); в Симферополе в 1922 году вышло в свет рукописное издание Симферопольского педагогического училища «Некеджан». Эмигрантские издания: на 30-е годы приходится выпуск основного крымскотатарского эмигрантского издания «Эмель», позднее откроется еще две газеты – «Халю» и «Йылдырым».

Кроме того, следует отметить, что именно в это время практиковался выпуск тематических изданий под определенное событие. Например, издание «Ильк адым» /«Первый шаг», вышедшее в 1921 году в Симферополе под руководством Мамута Недима. Обложка издания гласит, что 1-ый номер специального «однодневного журнала «Ильк адым», приурочен к проведению крымскотатарской независимой конференции». Или издание «Тонгъуч», 1 номер которого вышел 1 июля 1921 года и посвящался «Всекрымской Областной конференции Всекрымского союза молодежи».

Одним из наиболее ярко представленных составляющих системы национальных СМИ в 20-30-е годы прошлого столетия стали национальные издательства, выпускавшие большое количество различных изданий и массово-политическую брошюру. О высоком уровне развития крымскотатарского национального печатного дела до войны говорит тот факт, что в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (г. Санкт-Петербург), где сконцентрированы довоенные книги, имеется около 4 тысяч наименований крымскотатарских печатных изданий, в Российской Государственной Библиотеке (г. Москва) каталог крымскотатарских изданий насчитывает почти 8 тысяч единиц.

Осман Акчокраклы, написавший материал «Татарская печать в Крыму», выделяет 6 основных довоенных издательств – издательство газеты «Герджиман», газеты «Ветан хадими», газет «Миллет» и «Голос татар», издательство газеты «Кырым оджагъы», небольшую типографию при Крымском техникуме изящных искусств, выпускающую книги на крымскотатарском языке, а также татарское отделение типографии «Полиграф-трест», в состав которой после 1921 года вошли издательства газет «Миллет» и «Кырым оджагъы» [21].

В 1925 году основным издательством Крыма стало издательство «Кырым хукумет нешрияты» (коротко «Крымнешр»), деятельность которого должна была осуществляться по следующему плану:

начать активное сотрудничество с крымскотатарскими авторами и в будущем объединить их вокруг издательства;

выяснить, на какую тему, с какими типографскими особенностями книги будут интересны крымскотатарской аудитории;

установить, на какие темы могут быть выпущены книги в виде переводных изданий с русского языка, какие книги надо писать специально на крымскотатарском языке;

узнать, какие профессиональные и творческие кадры имеются среди крымскотатарского населения для выпуска и перевода необходимых книг;

установить, на каком диалекте и с использованием какой грамматики должны печататься книги; выяснить, каковы первоочередные меры и стоимость для достаточной укомплектации крымскотатарской типографии [22: 20].

Из года в год количество выпускаемых книг увеличивалось, так, например, «с октября 1923 года по октябрь 1926 года в Крыму было опубликовано: в первый год – 9 наименования книг, общей сложностью 37 печатный листа; во второй год – 34 наименования книг, в 104 печатных листа; в третий год – 46 наименований книг, общей сложностью 236 печатных листов. Количество напечатанной учебной литературы за эти годы возросло с 3 тысяч до 10 тысяч экземпляров, другие виды книг – с 1 тысячи до 3 тысяч экземпляров» [22: 21].

Организованный выпуск книг и массово-тематический брошюры был налажен в Крыму в период примерно с 1925 по 1939 годы в типографии «Крымдевокуьвпеднешр». Это были небольшие по размеру (форматом А5 и меньше) брошюрки, содержащие черно-белые иллюстрации либо рисунки. Тираж подобных изданий колебался от 500 до 3000 экземпляров, цена – с 1 до 3 рублей. Это были самые разные по темам и жанрам издания – сельскохозяйственные пособия, техническая литература, популярные

медицинские справочники, инструкции по проведению организационно-просветительской работы на местах, учебные и методические пособия. Зачастую публиковались и произведения художественной литературы и отдельные материалы из центральной и местной прессы. В результате роста количества национальных школ, принятия государственной программы по ликвидации безграмотности возникает потребность в книжной продукции, поэтому в свет выходят различные книги, методички, брошюры, учебники и т.д.

Именно на конец 30-х годов приходится возникновение национального крымскотатарского радио. «30-е годы называют «золотым веком радио». Это связано не только с количественными показателями – возрастанием объема вещания, увеличением числа радиовещательных станций (в 1937 году их было уже 90), значительным расширением аудитории радио, но и переходом на новый качественный уровень – использование специфических «радийных» черт, звуковых средств выразительности, собственных форм и жанров» [23: 257].

В Крыму радионное вещание начинается в 1935 году, когда организовывается Крымский радиоцентр, располагавшийся на улице Студенческой. Вещание центрального радио из Москвы проходило с 8.00 утра до 24.00 часов вечера, в крымской студии готовились тематические выпуски, которые «врезались» в вещание основного московского радио. В общей сложности на местное вещание отводилось 6 часов. Крымские выпуски готовились на двух языках – русском и крымскотатарском, и содержали основную новостную информацию о жизни полуострова. Кроме новостной информации, в крымскотатарской редакции работали над тематическими программами, посвященные истории крымскотатарской музыки, литературы, культуры.

Конечно же, деятельность радио была под пристальным контролем органов власти и информация, большая часть материалов присылалась из Москвы и к эфиру готовили ее перевод на крымскотатарский язык. Не менее строго подбирались и контролировались персонал для работы на радио. По воспоминаниям сотрудника крымскотатарской редакции Всекрымского радио Фатмы Аметовой, работавшей диктором с 1937 по 1939 годы, репрессиям подвергся почти весь персонал крымскотатарской редакции радио. Был снят с должности и арестован глава крымскотатарского отдела Всекрымского радио У. Бакал, арестованы многие редакторы и журналисты.

В 20-30 годы прошлого столетия система крымскотатарских национальных средств массовой информации представлена прессой, издательской продукцией, радио. В регионе выходят областные, районные, городские, многотиражные, рукописные издания. Организован массовый выпуск книжной продукции и массово-политической брошюры. С середины 30-х годов в Крыму начинает действовать крымскотатарская редакция радио.

Литература и источники

1. Керимов И.А. Меденый эснас: 1920-1938 гг. – Симферополь: Таврия, 1997. – 497 с.
2. Керимов И.А. Гаспринскийнинъ «джанлы» тарихи. 1883-1914. - Симферополь: Тарпан, 1999. – 409 с.

3. Керимов И.А. Крымскотатарская периодическая печать довоенного времени // Ученые записки КГИПУ. – 2004. – № 5. – С. 125-134.
4. Kırımlı H. Kıymtatariğinde milli kimlik ve milli hareketleri. (1905-1916). – Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1996. – 296 с.
5. Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению. – Симферополь: Доля, 2000. – 328 с.
6. Фазылов Р., Нагаев С. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Къыска бир назар. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешр, 2001. – 640 с.
7. Хоменок О. Дореволюционные издания Таврической губернии (1838-1916гг.). Очерк истории и библиографический указатель. – Одесса: АО БАВА, 2003. – 180.
8. Özer M. Kırım Tatarlarının Emel Dergisindeki Siyasi ve Kültürel Faaliyetlerinin İncelenmesi (1930-1998): Yüksek Lisans. – İstanbul, 2003 – 226 s.
9. ГААРК. Фонд № 1. – Описание № 1. – Дело № 572. - ЛЛ. 57-59. (О рассмотрении смет газет «Красный Крым», «Крестьянин», «Яш къуввет», «Енъи дунья»).
10. ГААРК. – Протокол №105 заседания бюро Крымского Областного комитета ВПК/б/ от 03.08.1936 г.
11. ГААРК. Фонд № 1. – Описание № 1. – Дело № 1589. - ЛЛ. 62.
12. ГААРК. Фонд № 1. – Описание № 1. – Дело № 1589. - ЛЛ. 118.
13. ГААРК. Фонд № 1. – Описание № 1. – Дело № 330. - ЛЛ. 114.
14. ГААРК. Фонд № 1. – Описание № 1. – Дело № 330. - ЛЛ. 72. (О распространении крестьянских газет).
15. ГААРК. Фонд № 1. – Описание № 1. – Дело № 330. - ЛЛ. 115-116. (Циркулярное письмо «О стенных и устных газетах»).
16. ГААРК. Фонд № 1. – Описание № 1. – Дело № 60. - ЛЛ. 91-92. (Протокол № 54).
17. ГААРК. Фонд № 1. – Описание № 1. – Дело № 330. - ЛЛ. 74-76. (Схема исследования крымскотатарской деревни).
18. ГААРК. Фонд № 1. -- Описание № 1. -- Дело № 144. - ЛЛ. 243. (Характеристика Симферопольской организации. Декабрь 1922 г).
19. ГААРК. Фонд № 1. – Описание № 1. – Дело № 144. - ЛЛ. 246. (Характеристика Керченской организации. Декабрь 1922 г.).
20. ГААРК. Фонд № 1. – Описание № 1. – Дело № 144. - ЛЛ. 60. (Характеристика Джанкойской организации. Март 1922 г.).
21. Акъчокъракълы О. Къырымда татар матбааджылыгы// Илери. – 1927. – № 4. – С. 17-23.
22. Леманов И. Къырымтатар нешрияты // Илери. – 1927. – № 4. – С. 26-34.
23. Беспалова А.Г., Корнилов Е.А., Короченский А.П., Лучинский Ю.В., Станько А.И. История мировой журналистики. Издание 3-е, дополненное и исправленное. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. – 432 с.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

«ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА»

УДК – 329.3:297 [(5-191.2)+(477.75)]

**ПАРТИЯ "ХИЗБ УТ-ТАХРИР АЛЬ-ИСЛАМИ": КОРНИ,
ИДЕОЛОГИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КРЫМА)**

Соколов С.

"Хизб ут-Тахрир аль-Ислами" ("Исламская партия освобождения", "Islamic Salvation Party" в английской версии) – религиозно-политическая партия. Была образована в 1952 г. участником палестинского отделения известной партии "Аль-Ихван аль-Муслимун" ("Братья-мусульмане). Инициатором создания и первым лидером партии стал Такиутдин Набхани аль-Фаластини (1909-1979 гг.), основные идеи которого были изложены в многочисленных брошюрах и статьях, часть из которых была написана им еще во времена "Аль-Ихван аль-Муслимун", чем и объясняется сильное влияние догматов этой партии на труды Набхани и его последователей.

"Пусть среди вас будет группа тех, кто будет призывать к хорошему, и устанавливать то, что правильно, и запрещать зло, и это те, кто достигнет успеха" (3:104). Эти строки Корана по замыслу авторов программы политической партии "Хизб ут-Тахрир аль-Ислами" являются тем аргументом, который должен снимать любые сомнения в необходимости создания политической партии подобного типа.

В основе политической доктрины "Хизб ут-Тахрир" лежит идея воссоздания халифата, как религиозно-политической структуры, по аналогии с временами пророка и его первых четырех преемников (до убийства 21 января 661 г. четвертого "праведного" халифа Абу Али ибн Абу Талиба). По представлению теоретиков "Хизб ут-Тахрир", это был именно тот случай в истории ислама, когда удалось осуществить справедливое государственное управление с равномерным распределением общественного продукта. Успех был обеспечен, считают они, постольку, поскольку умма (мусульманская община) строго следовала божественным предписаниям, а халифы избирались из самых достойных. Последующие исламские государственные объединения (например, Омейядский и Аббасидский халифаты, Османская империя) тоже признаются ими халифатами, но отошедшими от ранних принципов религии ислама.

Основная цель партии достаточно четко сформулирована в программе. "Цель Хизб ут-Тахрир – возрождение исламского образа жизни и распространение исламского призыва по всему миру. Она включает в себя возвращение мусульман к исламской жизни, в исламском государстве и обществе, где все дела решаются на основе шариата, а взгляды на жизнь

определяются халялом и харамом (прим. авт. -- "разрешенное и запрещенное" в шариате). Исламское государство – это Халифат, где мусульмане выбирают халифа и дают ему клятву на верность с условием, что его деятельность будет основана на Книге Аллаха и Сунне Его Пророка, и Ислам будет распространяться по всему миру через призыв и джихад. Хизб определила своей целью пробуждение уммы с помощью озаряющей мысли и возвращения ей былой славы и мощи, отобрав первенство у кафирских государств и народов, вернуть его в руки великого государства мусульман. Чтобы оно, как и в пору своего рассвета, вершило дела мира в соответствии с законами Ислама. Также Хизб ставит перед собой задачу возглавить умму в борьбе против куфра (прим. авт. – "неверие"), его мыслей и законов до тех пор, пока Ислам не получит распространение по всему миру, и стать лучшей уммой перед человечеством, направляющей на правильный путь".

Согласно теоретическим положениям "Хизб ут-Тахрир", для возрождения халифата следует, прежде всего, изменить образ жизни и мышления каждого мусульманина (а затем всей уммы), сделав их "истинно исламскими". На начальном этапе основной метод работы партии – культурно-просветительский. На этом этапе ставится задача сформировать необходимое политическое сознание уммы.

Достижение конечных целей предполагалось осуществить в три этапа:

1. Борьба за формирование правильного исламского образа мышления; здесь предпочтительной считается культурно-просветительская и религиозная пропаганда ("да'вах").
2. Революция мышления, которая должна быть осуществлена посредством "политического и культурного внедрения в общество";
3. Обретение власти (возможно, в одной отдельно взятой стране), чтобы затем создать условия для повсеместного утверждения исламской формы правления.

На последнем этапе особое внимание уделяется внедрению во властные структуры, а после достижения полной готовности общества должны быть созданы условия для того, чтобы потребовать у правителей отказаться от власти и не препятствовать возрождению халифата. Вначале предполагалось воссоздать халифат в арабских странах, затем в других мусульманских и немусульманских государствах. ("Весь мир – удобное место для исламского да'вах (прим. авт. – "призыв"). Но поскольку люди в мусульманских странах уже приняли ислам, необходимо, чтобы да'вах стартовал именно здесь. Арабские страны - самое удобное место для того, чтобы начать поднимать да'вах, так как эти страны, которые составляют часть мусульманского мира, населены людьми, говорящими на арабском языке, которые являются языком Корана и хадисов, это необходимая часть ислама и основной элемент исламской культуры. Хизб ут-Тахрир дала старт да'ваху в некоторых арабских странах. Затем она продолжила распространение да'ваха естественным образом до тех пор, пока он не начал функционировать во многих арабских странах, а также в некоторых неарабских мусульманских странах" [1]).

В некоторых работах Такиутдина Набхани назывались конкретные сроки достижения этого этапа -- через 13 или 30 лет. Основные трудности на пути воплощения этих идей Набхани видел в неприязненном отношении к исламу во

всем мире и борьбе (прежде всего, идеологической) против него, в фактически неисламском образе жизни уммы в мусульманских странах, ориентации их правительств на "западную демократию" и капитализм, который несовместимы с принципами халифата, и т.д.

Надежда Набхани и его окружения на то, что стратегические цели партии будут быстро восприняты и приблизятся к реализации, не оправдались. Внутри "Хизб ут-Тахрир" уже в 1970-х гг. появились сторонники радикальных методов борьбы. К концу 1980-х гг. отрицательный практический опыт привел к эволюции форм и методов деятельности "Хизб ут-Тахрир" на доктринальном уровне. Новое поколение теоретиков "Хизб ут-Тахрир" внесло ясность в положения доктрины Набхани о характере перехода власти к халифу. Была обоснована идея о необходимости вооруженной борьбы против правителей: "...восстание против властелина запрещено, даже если он несправедлив. Но это не относится к ситуациям, когда он демонстрирует при правлении чистый куфр или совершенное неверие. Посланник Аллаха говорил: "После меня придут правители, и вы увидите, что они свершают зло и будете их осуждать. Тот, кто отличается добродетельностью, и тот, кто не одобряет эти действия, будет спасен в Судный день, а тот, кто соглашается и следует им, будет наказан".

Обновленные положения "Хизб ут-Тахрир" были представлены в виде доклада на конференции "Интернациональные связи студентов-мусульман", проходившей 22 декабря 1989 г. в штате Миссури (США). Вопрос о необходимости вооруженного джихада "против любого "неверного" правителя" получил теологическое обоснование в документе "Метод обновления "Хизб ут-Тахрир".

Структура "Хизб ут-Тахрир" построена по принципу пирамиды. Она включает в себя семь ступеней: муътамад (главный руководитель), маъсула (руководитель областной организации), мусаъид (помощник маъсула), накиб (руководитель района), накиб жаркамчысы (помощник накиба), мушриф (руководитель одной или нескольких групп обучения), дорис (ученик-послушник). Первичной ячейкой является халка (звено), объединяющая до пяти человек. Обучением групп руководит мушриф, который подчиняется накибу и проводит занятия два раза в неделю. Раз в месяц проводится совещание мушрифов, муътамад снабжает их литературой, распределяет финансовые средства и принимает пожертвования.

Активисты "Хизб ут-Тахрир" обычно работают в мечетях, где знакомятся с молодыми людьми и предлагают им прочитать одну из брошюр. Заинтересовавшимся предлагают вступить в ряды партии. Согласившийся дает клятву верности партии и обязательство хранить партийную тайну, после чего он получает статус дориса.

В последние годы от новых членов партии требуется довольно-таки поверхностное освоение религиозного регламента и ритуала. Наличие стремление партии максимально расширить свою социальную базу. Для стимуляции активности молодых членов партии выпущена отдельная фетва "Хизб ут-Тахрир", в которой все виды пропагандистской деятельности членов партии (распространение литературы и листовок, открытые диспуты, привлечение новых адептов и т.п.) признаны первым необходимым этапом джихада. Согласно этой фетве, всякий член "Хизб ут-Тахрир", арестованный

властями за пропагандистскую деятельность, автоматически признается шахидом. Лидеры "Хизб ут-Тахрир" издают и другие фетвы, отвергающие ряд традиционных ритуально-догматических положений и запретов. Например, снят запрет на участие женщин в парламенте, допускается здороваться с ними за руку, смотреть на их фотографии с непокрытыми частями тела, запретными для лицезрения мужчинами, признается необязательность чтения регламентированных молитв в определенных условиях и т.д.

Учитывая палестинское происхождение партии и присущий ее повседневной работе антисемитизм, нетрудно было предугадать, каково окажется отношение "Хизб ут-Тахрир" к новым военно-политическим реалиям, сложившимся после известных событий 11 сентября 2001 года.

Радикализация ислама на территории СНГ объясняется обычно несколькими причинами. Главной, конечно, является социально-экономическая ситуация, влекущая обеднение значительной части населения. Если же говорить о причинах, относящихся к собственно религии, то здесь, как представляется, важную роль играет отсутствие религиозной культуры у большинства населения, следствием чего является широкое распространение упрощенно-вульгарного понимания религиозной догматики. Происходит маргинализация части верующих, широко распространяется практика примитивного толкования религии, что и является важной предпосылкой для манипулирования общественным сознанием со стороны радикально настроенных групп.

По сути, "Хизб ут-Тахрир" дискредитирует религию ислама тем, что вольно трактует Коран и хадисы, цитирует аяты вне их контекста. В частности, это касается аятов, которые являются изначальной идеологической основой "Хизб ут-Тахрир". Так, сура "Аали Имран", на которую в программе "Хизб ут-Тахрир" делается ссылка как на некий приказ о создании партии, является обращением к общине пророка Мохаммада и его последователей, никаким образом не указывая на политический характер этой общины. Существуют и аяты, где речь идет о халифате. Один из них – из суры "Нур": "Аллах, как и в прошлом, когда богобоязненными и поклоняющимися правил Халифат, так и после, обещал установить правление миром халифатом и правящей религией. Они мне поклоняются и одного признают. Если кто усомнится, тот отступник". Известный исследователь и переводчик Корана Шейх Алауддин Мансур обращает внимание на то, что, согласно тексту аята, "Аллах говорит, что сам построит халифат, а не люди, это его прерогатива. Во-вторых, Всевышний ведь не утверждает, что, если вступить в какую-то конфессиональную партию, Он преподнесет в благодарность Халифат". Подобных противоречий Корану и Сунне в документах "Хизб ут-Тахрир" более чем достаточно. И продуктивным здесь может быть лишь идеологическое противодействие пропаганде радикальных группировок, к которому, чаще всего, не готовы как государственные структуры, так и формализованные конфессиональные органы.

Рассматривая условия восприятия населением мусульманских регионов бывшего СССР пропаганды различных религиозно-политических организаций, включая и "Хизб ут-Тахрир", необходимо принимать во внимание тот факт, что ислам казался и во многом кажется значительной части населения некоей панацеей, способной решить все проблемы современности. Шариятский образ

жизни во многих случаях рассматривался и продолжает рассматриваться как способ национального возрождения мусульманских народов, их социального развития и интеграции с зарубежным исламским миром. Такие надежды были и остаются характерными для мусульман большинства стран СНГ. Необходимым представляется также учет догматических или религиозно-нормативных аспектов восприятия ислама населением региона. Прежде всего, следует иметь в виду неотъемлемую особенность ислама – исключительную регламентацию буквально всех сторон жизни мусульман. В известном смысле, регламенту должны быть подчинены не только собственно религиозная жизнь, но и все нормы поведения и взаимоотношения людей. Многие современные мусульманские богословы полагают также, что ислам способен и должен регулировать такие области человеческой деятельности, как политика, экономика, законотворчество.

Опираясь на идеологический вакуум переходного времени на постсоветском пространстве, партия предлагает своим adeptам отказаться от всех идеологий в пользу одной. По их мнению, "идеологии, отличные от ислама, такие как капитализм и коммунизм (который включает социализм), - это развращающие идеологии, которые противопоставлены природе человека и придуманы людьми. Их развращающее действие стало очевидным, недостатки – зримыми, и они противопоставлены исламу и его законам, так что принятие их запрещается.

Воспринимать их и призывать к ним запрещено, и учреждать на их основе группы также запрещено. Поэтому, когда мусульмане учреждают группы, они должны быть созданы только на основе ислама, исламской идеи и его методах. Мусульманам запрещено учреждать группы на основе капитализма, коммунизма, социализма, национализма, патриотизма, сектантства и масонства. Таким образом, мусульманам запрещено учреждать коммунистические, социалистические, капиталистические, националистические, патриотические, сектантские или масонские партии или объединяться с ними, или рекламировать их, поскольку они являются партиями неверных, которые призывают к неверию, к куфру. Аллах говорит: "И кто бы ни захотел религии иной, нежели ислам, это не будет принято от него, и с этих пор он будет тем, кто теряет (будет в убытке)" (3:85).[2].

На сегодняшний день партия "Хизб-ут-Тахрир" запрещена в Германии, Канаде, Иордании, Пакистане, Сирии, Узбекистане, Российской Федерации, Киргизии и Казахстане.

Центральная Азия стала объектом внимания партии "Хизб ут-Тахрир аль-Ислами" после того, как в 1979 г. амирором партии стал Абдул-Кадим Заллум. Именно по его инициативе территории проживания мусульман в СССР были выделены в отдельный вилайет. В 2001 г. с учетом принципиальных различий в политической ситуации в этих государствах было принято решение о выделении Кыргызстана и Узбекистана в отдельные вилайеты.

В Узбекистане "Хизб ут-Тахрир" начала действовать в 1992-1993 гг., в период всплеска разнообразной миссионерской деятельности в постсоветских государствах. На территории Узбекистана и соседних стран эмиссары партии даже не пытались легализоваться, имея изначальную установку на подпольную и нелегальную деятельность, что и было обосновано в первых листовках

(начало 1993 г.), распространявшихся, в частности, в мечетях Ташкента. Узбекистан (как, впрочем, и другие страны региона и всего мира, где живут мусульмане, не признавался исламским государством, он автоматически считался Дар ал-Куфром и потенциально Дар ал-Харабом (страной войн), и его следовало отвоевать у "неверного" правительства.

Новое понимание догматики ислама было положительно воспринято рядом местных религиозных лидеров, ранее отрицавших некоторые из установлений ханафитской школы, которая узаконивает отделение власти от религии, не отрицает сосуществования мусульманской уммы с неисламским государством, рассматривает как допустимые некоторые нешариатские (или дошариатские) обычаи и обряды и т.д. Идеи отхода от этих установок некоторые улемы начали высказывать на публичных собраниях и хутбах еще в начале 1980-х гг. Можно упомянуть воззвания на этот счет Абдували кари Мирзоева, Мохаммада Раджаба Коканди, у которых была масса сторонников, особенно в Ферганской долине и Ташкенте. Они, в частности, говорили о том, что в ситуации, когда существует угроза собственно исламскому характеру общины, следует очистить ислам от новшеств и скверны, навязанной "неверными". Взамен предлагалось взять на вооружение салафитские установки, ориентированные на образ жизни раннеисламской общины. В 1993-1997 гг. партии удалось создать в Ферганской долине неплохую материальную базу. Ее основу составляет особая производственная и распределительная община (джамаат). В ее распоряжении находятся небольшие сельскохозяйственные предприятия, денежные средства и склады. Все это имущество и общественные средства распределяются в виде помощи для многодетных членов братства, вновь обращенным, а иногда просто "сочувствующим". Члены групп организуют предприятия для обеспечения работой своих соратников. Активное участие в финансовой поддержке "Хизб ут-Тахрир" принимали, по крайней мере, до 1996-1997 гг., частные фонды из Саудовской Аравии, принадлежащие Файзулло Маргилани, Абдул Кадыру Маргилани, Абдул Хокиму Кори – потомкам этнических узбеков, эмигрировавших на Ближний Восток в 1920-1930-х гг. из СССР.

Активность "Хизб ут-Тахрир" в Кыргызстане фиксируется с 1995 г. и сконцентрирована в основном в ферганской части юга республики, где осели многие узбекские активисты партии, бежавшие от преследований в Узбекистане, и получившие здесь большую свободу действий. В 2000 г. в Джалал-Абадской области за противозаконную деятельность были осуждены 80 членов "Хизб ут-Тахрир". Наибольшая активность их была отмечена в городе Джалал-Абаде, Сузакском и Базар-Коргонском районах Джалал-Абадской области, в Наукатском, Карасуйском и Араванском районах Ошской области, где компактно проживает узбекское население. Постепенно в деятельности "Хизб ут-Тахрир" обнаруживаются новые черты. Осенью 2000 г., перед президентскими выборами, на юге и в Бишкеке появились листовки, в которых впервые прозвучали призывы не подчиняться власти и свергнуть ее. В 2001 г. наряду с листовками на киргизском и узбекском языках появились листовки на русском языке. Листовки начали становиться адресными, их получали акимы, редакторы газет, руководители правоохранительных органов. В листовках их авторы почти в приказной форме отдают государственным служащим распоряжения.

В **Казахстане** наиболее серьезные проявления активности радикальных мусульманских общин, проповедующих политизированный ислам, идеологию замены светского государства теократическим, были впервые зафиксированы в 1998 г. Осенью 2000 г. на территории южных областей Казахстана был арестован ряд членов "Хизб ут-Тахрир". Тогда же были обнаружены оружие, литература пропагандистского характера, в том числе листовки на казахском, русском и узбекском языках с призывом к созданию халифата. В октябре-ноябре 2001 г., а также в апреле 2002 г. сотрудниками спецслужб на юге Казахстана были зафиксированы факты распространения экстремистами листовок антиамериканского и антисемитского содержания, распространение которых было отнесено к активности "Хизб ут-Тахрир".

29 марта 2005 г. суд Астаны по представлению генерального прокурора Казахстана Рашида Тусупбекова признал организацию "Хизб-ут-Тахрир" экстремистской и запретил ее деятельность на территории Казахстана. Как пояснила судья городского суда Жанат Жумабаева, "согласно статье 5 Конституции Республики Казахстана, в Казахстане запрещено создание партии на религиозной основе". Кроме того, "в деятельности "Хизб-ут-Тахрир" обнаружены черты экстремистского характера - распространение листовок и призыва к антиконституционным действиям", отметила она. Деятельность сторонников "Хизб-ут-Тахрир" на территории Казахстана зафиксирована с 1998г. и направлена на изменение конституционного строя, нарушение суверенитета, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, а также на подрыв национальной безопасности государства, разжигание социальной розни и религиозной вражды. В 2004 году на территории республики зафиксировано более 180 фактов распространения листовок и другой печатной продукции "Хизб-ут-Тахрир", которые содержали антиконституционные призывы. По данным фактам правоохранительными органами возбуждено 111 уголовных дел.

В августе 1999 г. 15 членов партии были арестованы в Согдийской (бывшей Ленинабадской) области, на севере **Таджикистана**. В г. Худжанде были конфискованы подпольная типография и большие запасы партийной литературы, частично изданной на Украине.

В рамках кампании, проведенной МВД Таджикистана в марте-мае 2000 г., в Душанбе и ряде пригородных районов были задержаны около 40 активистов "Хизб ут-Тахрир". Представитель "Хизб ут-Тахрир" в Москве подтвердил информацию об арестах сотрудников его партии в Таджикистане. Члены партии обвиняются в намерении воссоздать в Центральной Азии "насильственным путем средневековый арабский халифат" и в создании этих целей "боевых подпольных дружин". Анонимный представитель "Хизб ут-Тахрир", признавая, что партия стремится к созданию всемирного исламского государства, оценил обвинения в подготовке государственного переворота как абсурдные. В Таджикистане активность "Хизб ут-Тахрир" в наибольшей степени проявляется в Согдийской области. В августе 2000 г. очередное судебное заседание в городе Худжанде инкриминировало сразу более 90 активистам партии участие в организации преступного сообщества, возбуждении национальной, расовой, местнической и религиозной вражды, публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя.

Пользуясь либеральностью, а зачастую и неопределенностью законов о религиозных организациях в Кыргызстане и Казахстане, "Хизб ут-Тахрир" во второй половине 1990-х гг. приступила к созданию местных структур в этих республиках. В Узбекистане к этому времени разногласия среди лидеров в выборе средств и методов борьбы за установление халифата уже привели к нескольким расколам партии. В 1996 – начале 1997 гг. отошла действовавшая в г. Андижане группа "Акроемийлар" во главе с Акромом Юлдашевым, который полагал, что работа в партии должна быть предельно адаптирована к местным, т.е. ферганским, условиям. Именно об этом он пишет в своей главной книге "Иймонга йул" ("Путь к истинной вере"). О втором расколе "Хизб ут-Тахрир" в Узбекистане известно в основном из данных узбекистанских спецслужб: якобы, раскол произошел в 1999 г., от ташкентского амирата "Хизб ут-Тахрир" отделилась группа, назвавшаяся "Хизб ан-Нусра" ("Партия победы"), сохранившая политические идеи "Хизб ут-Тахрир", предполагаемые экономические модели и концепции построения халифата. Главное отличие состояло в отказе новой группы от открытого распространения листовок и литературы. Члены новой группы изменили отношение к способам пропаганды и, по непроверенным данным, начали склоняться даже к вооруженному джихаду в ответ на аресты. По крайней мере, представители Службы национальной безопасности Кыргызстана утверждают о том, что происходит дальнейшая радикализация этой группировки. Тем не менее, основным известным методом работы "Хизб ут-Тахрир" остается, нелегальное распространение литературы, листовок, аудиокассет, рассылка электронных версий своей пропагандистской продукции.

В Киргизии, Узбекистане, Таджикистане и Казахстане деятельность "Хизб ут-Тахрир" запрещена в законодательном порядке. В ФРГ решением министра внутренних дел Отто Шили деятельность "Хизб ут-Тахрир" была запрещена в январе 2003 г. Сразу после обнародования этого решения, правоохранительные органы ФРГ начали масштабную полицейскую операцию одновременно в пяти федеральных землях Германии – Баварии, Берлине, Гамбурге, Гессене и Северном Рейне-Вестфалии, в ходе которой велись обыски и конфискации. В МВД ФРГ прокомментировали эту кампанию таким образом: "... деятельность исламистской организации "Хизб ут-Тахрир" направлена против взаимопонимания между народами" и она "проповедует применение насилия для достижения своих политических целей".

В феврале 2003 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации, по представлению ФСБ РФ, партия "Хизб ут-Тахрир" была отнесена к числу "наносящих наибольший ущерб безопасности, и признанных террористическими", наряду с афганским движением "Талибан", группировками Басаева и Удугова. Центр общественных связей ФСБ сообщил 9 июня 2003 г. о проведении в Москве в ночь с 6 на 7 июня совместной с МВД операции, направленной на пресечение деятельности "исламской террористической организации "Хизб ут-Тахрир". В ходе этой операции был задержан 121 человек, в основном, это были мигранты из Таджикистана и других стран Центральной Азии. 55 из них были "признаны активными участниками организации, остальные подозреваются".

В Крыму деятельность "Хизб ут-Тахрир", также как и в Средней Азии,

представляет собой первый этап деятельности – распространение пропагандистской литературы, листовок.

Опасаясь появления в мусульманской среде Крыма новой силы, тревогу забили и Духовное управление мусульман Крыма, и нелегитимный Меджлис крымскотатарского народа, и крымское правительство Сергея Куницына, и коммунисты, во главе с Леонидом Грачем. Последний неоднократно выступал с заявлениями о разворачивании ваххабистских лагерей, о их связи с чеченскими сепаратистами. Правительство же обеспокоено "появлением на полуострове различных религиозных течений, пропагандирующих ваххабизм, построение всемирного халифата и другие сомнительные идеи". По мнению Куницына, существующее на сегодня законодательство не определяет или дает нечеткое трактование таких понятий, как "религиозный экстремизм", "фундаментализм" и им подобных, создавая тем самым юридические лазейки для легального существования организаций их проповедующих. Поэтому Совет министров автономии намерен подготовить предложения по изменениям, необходимым в законодательстве, и передать их в Верховную Раду Украины.[3]. Духовное Управление мусульман Крыма в свою очередь отреагировало увольнением 8 имамов, заподозренных в связях с исламистами. Причем, как заявил крымский муфтий Эмиралли Аблаев, увольнения будут продолжаться, поскольку процесс выявления членов "Хизб ут-Тахрир" только начался. Три уволенных имама уже вышли из партии, письменно пообещав больше не сотрудничать с "Хизб ут-Тахрир".

Однако далеко не все священнослужители согласились с решением ДУМК. Так, мусульманская община Алушты направила в муфтият коллективное заявление, в котором авторы выражают несогласие с увольнением местного имама Эльвина Кадырова. 253 члена общины, подписавшие документ, готовы проигнорировать решение ДУМК, называют его противоречащим шариату и утверждают, что назначать и снимать имамов может только джемаат (общество). Что касается крымскотатарских политиков, то, например, народный депутат Украины, первый заместитель председателя меджлиса Рефат Чубаров высказал мнение о том, что члены этой организации, запрещенной во многих странах мира, пытаются внести раскол в идейно-религиозную среду крымских татар и тем самым "снизить активность крымскотатарского национального движения". Причиной "прозрения" лидера меджлиса Мустафы Джемилева стал прошлогодний конфликт вокруг соборной мечети Кебир-Джами, имам которой – Руслан Мустафаев – был уволен, как говорят, за критику в адрес меджлиса, запретившего крымским татарам выходить на траурный митинг 18 мая 2004г. с исламскими флагами и возгласами "Аллах Акбар". Возмущенные этим верующие достаточно долго держали вокруг мечети оборону, не пуская в нее муфтия Эмиралли Аблаева. Вот тогда лидер меджлиса "прозрел" и заговорил о "еретических исламских сектах", действующих на полуострове.[4]. Вслед за этим ДУМК приняло обращение, в котором призывало единоверцев не поддаваться влиянию радикальных исламских организаций. С подобным обращением выступил и курултай крымскотатарского народа, прошедший в сентябре. Вслед за этим и сами члены "Хизб ут-Тахрир" начали "операцию гласности", чтобы, во-первых, перетянуть на свою сторону верующих мусульман, во-вторых, создавая образ просветителей, а не экстремистов,

избежать возможного преследования со стороны государства. Сначала дали интервью интернет-газете "Крымская линия", потом в эфире Черноморской ТРК выступил представитель партии Абдуселям Селяметов, занимающийся привлечением в партию новых членов. Он сообщил телезрителям, что его товарищи в Крыму ведут только просветительскую деятельность. На прошедшей в Симферополе 5 апреля 2005 года пресс-конференции партии лидер крымской организации «Хизб-ут-Тахрир» Абдуселям Селяметов заявил: «Мы не скрываем, что наша деятельность носит идейный характер, мы боремся идеями и наша цель установление исламского теократического государства — «Халифат» на той территории, где есть для этого предпосылки. В Украине и в Крыму мы к этому не стремимся, а занимаемся исключительно просветительской деятельностью, помогая нашим братьям мусульманам в изучении Корана».[5].

Также и в листовках, имевших хождение среди крымских татар, разъясняется, что "Украина и Крым относятся к той категории стран, где "Хизб ут-Тахрир" не ставит целью установление Исламского государства, а ведет только идейную и просветительскую деятельность". Однако из программы данной партии становится ясным, что эта деятельность "подразумевает противостояние кафирскому колониализму, борьбу за освобождение уммы от его господства и авторитета, необходимость искоренения его влияния в идеологической, политической, экономической и военных сферах". Вместе с тем, заявляется, что "политическая борьба – это борьба с правителями, заключающаяся в том, чтобы вовремя раскрыть их предательские замыслы и направленные против интересов уммы сговоры с кафирами".[6].

На официальном сайте партии четко прописаны положения о деятельности "Хизб ут-Тахрир" – "не обучение является основной задачей Хизба, ибо это не учебное заведение. И не проповеднической деятельностью занимается Хизб. Его дело – это политика. Хизб распространяет нормы Ислама для того, чтобы они нашли реальное применение, чтобы исламская доктрина стала основой государственного строя".[7].

Селяметов также прокомментировал тот факт, что деятельность его партии запрещена во многих странах мира, в том числе и в исламских государствах. «Никто не хочет разобраться в наших идеях и целях, - заявил он. – Используют только информацию, полученную из других стран, где наша деятельность запрещена. Люди, находящиеся в этих странах у власти, имеют свое, субъективное, мнение о нас. Нет никаких фактов, подтверждающих нашу террористическую, или подрывную деятельность».[8].

Однако следует напомнить, что два года назад в Крыму появились листовки «Хизб-ут-Тахрир» по поводу нападения США на Ирак. В них, в частности, говорилось, что правоверные имеют полное право убивать не только американцев, но даже мусульман, поддерживающих американскую политику.

Остается надеяться на принятие законов, регламентирующих функционирование подобных радикальных организаций. Однако даже их принятие не позволит лишить "Хизб ут-Тахрир" регистрации (то есть легализации), так как партия ее еще не прошла. Так что пока, "хизбы" занимаются созданием так называемой базы, уводя из-под влияния межджлиса религиозные общины, которые проявляют самостоятельность, не говоря уже о

том, что на полуострове зарегистрировано 36 так называемых автономных общин, не подчиняющихся Духовному управлению мусульман Крыма. Тем временем, правоохранительные органы все-таки решились на меры по пресечению деятельности этой нелегальной организации. Так, в ходе проводимой пресс-конференции был задержан лидер крымской организации исламской партии «Хизб-ут-Тахрир» Абдуселям Селяметов, которому в ближайшее время будет предъявлено обвинение по ст. 186-5 Административного Кодекса Украины «Нарушение законодательства об объединениях граждан» за участие в деятельности незаконной организации. Пока исламисту грозит лишь штраф. Однако, если он продолжит популяризировать нелегальный «Хизб-ут-Тахрир», то это может обернуться и небольшим сроком заключения.[9].

Тем не менее, следует признать тот факт, что за пятьдесят лет существования "Хизб ут-Тахрир", насчитывающей десятки тысяч членов, ни в одной стране мира, этой организацией не было совершено ни одного теракта. В документах "Хизб ут-Тахрир" подчеркивается, что эта организация не использует в своей деятельности средств насилия, не занимается терактами. "Хизб ут-Тахрир", действительно, осуждает западную демократию и призывает к созданию всемирного исламского халифата. В этом смысле ее идеологию можно считать радикальной, однако, для обвинения членов партии в терроризме пока нет оснований. Это отнюдь не означает, что радикализм "Хизб ут-Тахрир" не опасен для общества. Более того, воздействие на сознание мусульманского сообщества, по большому счету, таит в себе большую опасность, нежели единичные теракты, совершаемые другими радикальными группировками, которые, тем самым, очень часто вызывают преимущественно негативную общественную реакцию, в том числе и в мусульманской умме. Целенаправленное воздействие на мировоззрение значительной части общества, особенно, в и без того конфликтогенных регионах, способно вызвать действительно масштабные социальные потрясения. В любом случае, известно, что предпочтительнее бороться с причинами, а не со следствиями.

В наиболее общем виде, радикальный исламизм представляет собой некий проект по созданию политических условий для применения исламских (шариатских) норм во всех сферах человеческой жизнедеятельности". Именно в этой плоскости нужно искать и решение проблем, связанных с деятельностью радикальных религиозных группировок, включая и партию "Хизб ут-Тахрир аль-Ислами".

Источники

1. www.hizb-ut-tahrir.org
2. www.hizb-ut-tahrir.org
3. "Голос Крыма". - №43(570). – 2004 г., 22 октября
4. "Первая Крымская". –2004 г., 22/28 октября
5. www.hizb-ut-tahrir.org
7. www.hizb-ut-tahrir.org
8. www.nr2.ru
9. www.nr2.ru

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК 323.284(549)

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И ИДЕОЛОГИЯ «ДЖАМААТ-И-ИСЛАМИ»

Крыжко Е. В.

В конце XIX и особенно в начале XX века большой размах по всему мусульманскому миру получило движение за реформацию ислама, представители которого вступают в острую полемику и с мусульманскими традиционалистами, и со сторонниками светских концепций общественного развития. Одновременно начинает складываться и международное исламское движение, основанное на концепции исламской солидарности: в 1926 году была создана первая международная мусульманская организация Всемирный исламский конгресс. Качественно новый этап в истории ислама вторая половина XX века. В это время широко развернулась борьба вокруг проблемы выбора пути развития освободившимися странами, в ходе которой появляются многочисленные концепции так называемого «третьего пути». Во многих странах распространения ислама действуют мусульманские партии, играющие нередко важную роль в политике, например «Джамаат-и-ислами» в Индии и Пакистане. Концепции «исламского государства» подразумевают воплощение в современных условиях традиционной исламской модели политической организации общества, в котором в той или иной форме сочеталась бы светская и духовная власть (при признании Аллаха в качестве единственного источника власти), осуществлялись бы принципы справедливого распределения доходов, регулирования экономики в соответствии с предписанными шариата и т.д. В целом эти концепции представляют собой модернизацию политической и социально-экономической доктрин классического ислама с учетом специфики развития конкретной страны. В конце 70 - начале 80-х годов определенную роль в международных делах стали играть международные мусульманские организации, действующие как на правительственном, так и на неправительственном уровне. Одной из этих организаций является «Джамаат-и-ислами».

Эта организация очень быстро снискала себе огромную популярность в мусульманском мире и распространилась в виде многочисленных отделений далеко за пределы границ тех государств, где она была создана. "Исламское общество" ("Джамаат-и-ислами"), основанное в 1943 г. Саидом Абул-Ала Маудуди, видным богословом и философом, сыгравшим выдающуюся роль в становлении современной формы экстремистского индо-пакистанско-афганского ислама на основе деобанди и ваххабизма. Он был поборником восстановления халифата (отмененного с падением Османской империи в результате Первой мировой войны) и призывал индийских мусульман к массовому бегству в Афганистан ("Движение за эмиграцию"), тогда единственную суннитскую страну региона, не подверженную иностранному владычеству (соседний Иран - шиитская страна, а Средняя Азия находилась под советской властью). Она снискала себе массовую

базу в Индии, Бангладеш, Афганистане и Пакистане. Анализу исторических и социально-политических предпосылок возникновения этого исламистского движения, а также изучению основных концептуальных положений, лежащих в его основе, посвящено немало исследований специалистов в области современного ислама.[1]

В чем же состоит главная суть новой концепции исламского возрождения, предложенная Саидом Абул-Ала Маудуди и чем объясняется ее столь значительная объединяющая и притягательная сила для многих миллионов мусульман, проживающих на разных континентах?

Ответ на этот вопрос заключается в том, что исламский реформатор сумел найти приемлемый для истинно верующих мусульман способ адаптации классических канонов ислама к современным реалиям, основываясь на постулатах веры, авторитете Корана и Сунн, обосновать, что ислам представляет собой особый, некий третий путь общественного и политического развития, отличный от предлагаемого Западом капитализма и исповедуемого странами социалистического лагеря на том этапе коммунизма, а также, что особенно важно, весьма убедительно доказать, что в исламском классическом наследии существуют эквиваленты практически всем институтам общественной жизни и политической организации современного общества.[2]

В книге "Исламский закон и Конституция" Маудуди разработал теорию "совершенного" исламского государства. Это государство должно основываться на принципе "Божьего правления", понятия, которое он позже расширил в концепцию "правления Бога и народа", или, как он сам переводил этот термин, "теодемократии". Эта концепция предполагает нерушимое единство религии и политики, как он считал: "власть Аллаха распространяется на все аспекты человеческой жизни". Власть, как отражение Божьего всемогущества, подвергает всю совокупность человеческих действий своему всеобъемлющему контролю. "Нельзя претворить на практике эти принципы, - писал Маудуди, - если нет авторитета, способного навязать их обществу. Отсюда необходимость в исламском государстве. Исламское государство охватывает все и включает в свою сферу деятельности все стороны жизни". Во главе исламского государства, по его схеме, стоит вождь, которого поддерживает "совещательное собрание", организованное по образцу совета асхабов, сподвижников пророка Мухаммада. Государство провозглашает Конституцию, в которой закрепляется принцип абсолютного суверенитета Аллаха и беспрекословного подчинения всех и вся шариату (исламскому праву). Существующие законы, по его мнению, должны быть приведены в соответствие с шариатом или отменены. Приоритетное значение должно придаваться образованию в духе Корана и предания, а также пропаганде самой строгой исламской доктрины.[3] Цель таких мероприятий - сформировать господствующий класс, беззаветно преданный делу ислама и готовый к самопожертвованию ради осуществления высших исламских идеалов. В исламском государстве, согласно концепции Маудуди, проводятся выборы, но благодаря "убежденности", внедренной в массы посредством вездесущей пропаганды, люди будут непременно избирать "правильных" людей. Правящий класс должен руководствоваться принципом ибадата. Это выведенное из Корана понятие означает "беззаветную отдачу самого себя воле Бога" и связано со словом "абд", в переводе "раб". Маудуди называл систему исламского государства

"порядок Избранного", имея в виду пророка Мухаммада. Он же впервые ввел в политический обиход слово "талиб". Оно, впрочем, имеет и другое значение: "стремящийся", "требующий", "ищущий".[4] Господствующую элиту идеального исламского государства Маудуди обозначал термином "талибан-и гаят". Именно на основании его идей сформировалась организация «Талибан». В пуштунских областях самого Пакистана активно создавалась разветвленная сеть религиозных учебных заведений - медресе. Право организации и преподавания в медресе пакистанское правительство предоставило партии "Джамаат-и-ислами". Партийные функционеры уже имели к тому времени богатейший опыт в создании многочисленных исламских учебных центров, равно как и в проведении активной пропагандистской работы в среде подростков. Еще в конце 40 - начале 50-х годов, с целью "восполнения пробела в религиозном образовании мусульманских детей", они создали собственную разветвленную сеть медресе во всех мусульманских районах Индии. Для этих религиозных школ уже тогда была разработана специальная программа обучения. Помимо этого, в Индии и Пакистане активистами "Джамаат-и-ислами" открывались бесплатные общественные библиотеки, читальные залы, центры по ликвидации неграмотности мусульманского населения.[5] Результатом этих усилий явилось то, что они образовали сплоченное и в высшей степени дисциплинированное религиозное братство, где любой учебный материал из уст преподавателя воспринимался, словно божественное откровение, а любой совет превращался в приказ к действию.

Маудуди, в принципе следуя традициям исламских фундаменталистских движений восемнадцатого и девятнадцатого веков, а, иначе говоря, критикуя само мусульманское общество за наступивший упадок и деградацию, отошел от призывов вернуться к патриархальным временам и открыто призвали использовать все достижения современной цивилизации в целях создания общественной и политической структуры исламского общества, основанного на современной реинтерпретации классических канонов этой религии.

Модель реформирования общества, по сути дела, оставалась прежней - Маудуди ставил своей целью создание сильной и дееспособной организации, своего рода ядра движения за реформы, пропагандирующего и инициировавшего их осуществление. Однако в отличие от реформаторских движений прошлых веков, рекрутировавших этот авангард в основном из среды теологов и проповедников, основатели новых движений активно привлекали в ряды собственных организаций школьников, студентов, служащих, представителей деловых и коммерческих кругов. Таким образом, ряды этих организаций в основном пополнялись за счет представителей средних слоев городского общества, а именно: высшей и средней прослоек.

Провозглашаемая организационная цель состояла в воспитании новой социальной прослойки – из числа лиц, получивших современное образование и одновременно полностью происламски ориентированных людей, способных обеспечить нормальное функционирование практически всех общественных институтов. При практически полном совпадении организационных целей и задач, Джамаат-и-ислами, правда, всегда больший акцент делала на воспитании политической элиты или другими словами, потенциальных лидеров соответствующих стран.

Конечной целью своего движения лидер считали осуществление в обществе исламской революции, которая, однако, понималась ими не как насильственный процесс слома старой общественно-экономической и политической системы, а скорее как постепенный процесс исламизации общественных устоев.

Мы стремимся, - отмечал в одной из своих работ Мудуди, - к исламскому ренессансу на основе Корана. Сам дух Корана и исламские предписания для нас остаются незыблемым авторитетом, но способы практического претворения в жизнь этих основ должны всегда модифицироваться в соответствии с меняющимися условиями и возрастанием общего объема знаний: Наш путь в значительной мере отличается как от предлагаемого еще в недавнем прошлом пути мусульманских проповедников, так и от рецептов современных европейских ученых. С одной стороны, мы должны воплотить в жизнь подлинный дух Корана и сформировать наше мировоззрение на основе священных догматов веры, тогда как с другой мы обязаны самым тщательным образом оценить достижения современной науки и те изменения, которые произошли в мире почти за восемь веков для того, чтобы суметь адаптировать эти достижения и перестроить всю общественную жизнь в соответствии с законами ислама, который вновь превратится в динамичную силу и мирового лидера. [6]

Если обобщить и представить идеологическую платформу движения, то, следуя классификации Джона Л.Эспозито, в ней можно выделить семь основных принципов:

1. Ислам представляет собой всеобъемлющую идеологию, способную регулировать как жизнь отдельно взятого человека, так и всего общества и государства в целом.
2. Основами жизни мусульман является Коран, как божественное откровение, и Сунны пророка Мухаммеда, как повседневное руководство.
3. Священными основами жизни каждого мусульманина являются законы шариата.
4. Праведное стремление каждого мусульманина утвердить в жизни божественные предначертания Аллаха и его пророка Мухаммеда принесет успех, могущество и процветание исламской общины в этом мире и будет сулить вечное воздаяние на небесах.
5. Упадок и деградация, в которые впали мусульманские страны, являются следствием ослабления веры мусульман, которые отступили от предначертанного Аллахом пути и оказались подверженными влиянию светской и материалистической идеологии запада - то есть капитализму и кредо Востока, то есть марксизму.
6. Восстановление былого величия мусульман, их могущества и власти предполагает возврат к исламу и адаптацию божественного закона в интересах развития общества и государства.
7. Для того, чтобы избежать вестернизации и секуляризации мусульманского общества, необходимо прибегнуть к современным достижениям науки и техники в строго исламском контексте.[7]

В целом более или менее мирный и лишенный взрывного характера процесс поиска приемлемых моделей реформации ислама, предпринимаемого на разных этапах исторического развития указанным исламским лидером и теоретиком, оказался прерванным самым драматическим образом на рубеже 60 - 70-х годов

прошлого столетия, когда исламский фундаментализм, по существу, превратился в мощное воинствующее движение, охватившее многие страны и континенты, открыто противопоставив себя всем возможным моделям западного развития и западной цивилизации в целом.

Распространяясь по миру, организация «Джамаат-и-ислами» появилась также и в Крыму (как и, в целом, на Украине). Здесь все активнее действуют не только зарубежные, но и "доморощенные" исламские организации фундаменталистского толка. Всего, по экспертным оценкам, с 1990 по середину 2003 г.г. в республике было создано 11 общественных мусульманских структур только одной ханбалитской направленности: "Арраид", "Шафакат", "Ахрар", "Аль-Фаджр", "Аль-Исра" и др. Все эти организации замыкаются на упоминавшуюся международную организацию "Джамаат-и-ислами", филиал которой действует в Симферополе. В настоящее время "Арраид" направляет в Крым эмиссаров, обучающих местных мусульман теории ислама и арабскому языку.[8] Как правило, в роли учителей выступают студенты-арабы, которые запрещенную в арабских странах, но ввозимую на Украину большими тиражами и практически беспрепятственно.

Таковы, в самых общих чертах были принципы, лежащие в основе нового реформаторского движения в исламе. На первый взгляд, они не таят в себе ничего угрожающего и выглядят в целом весьма миролюбиво. Однако, нельзя исключать и того, что в ходе дальнейшего развития событий, именно они могли послужить идейной основой формирования того воинствующего фундаментализма, который представляет собой в настоящее время подлинную угрозу мирному существованию многих государств. Таким образом, анализ причин возникновения радикализма в исламе дает возможность определить его, прежде всего, как политическое явление. Политический радикализм в исламе имеет, по сути, не религиозную природу. И здесь дело вовсе не в том, что ислам не приемлет принципов организации современного общества. Суть в том, что в современных условиях ислам оказался исключительно удобным инструментом в руках тех, кто преследует собственные, далеко не религиозные, политические цели.

Литература

- 1.Гордон-Полонская Л.Р. Мусульманские течения в общественной жизни Индии и Пакистана. Критика мусульманского национализма. - М., Издательство Восточной литературы, 1963
- 2.Чельшев А.Д. Генезис концептуальной и идеологической основы современного исламского экстремизма//<<http://lib.socio.msu.ru>>
- 3.Бенси Д. Откуда взялись талибы? Генезис исламского радикализма//<<http://news.ferghana.ru>>
- 4.Там же
- 5.Это страшное слово – студент//<<http://www.dogryyol.com>>
- 6.Maududi M. Y. A Formative Phase. - Karachi: The Universal Message, 1979
- 7.Esposito J. L. The Islamic Threat: Myth or Reality? - New York, Oxford, 1999
- 8.Снегуров Г. Радикальный ислам//<<http://fairway.h1.ru>>

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК: 82 (091)

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСМАНО-КРЫМСКОТАТАРСКОЙ АШЫКСКОЙ ПОЭЗИИ

Усеинов Т. Б.

*Дослідження здійснено
за підтримкою ДФФД України
у межах проекту «Відродження культурної
спадщини кримських татар: мова і література»*

Многовековая история ашыкской поэзии *причерноморско-тюркского культурного региона* [термин автора] неразделима по национальному признаку.

Некогда могущественная Османская империя имела не менее значительную литературу, частью которой являлась османская ашыкская поэзия, объединившая в себе творческое наследие народных поэтов-певцов различных мусульманских народов, населявших отмеченное территориальное пространство.

Соответственно эта литературная традиция является в одинаковой степени культурной сокровищницей всех народов, населявших империю, отсюда и оправданность именованная её *османо-крымскотатарской ашыкской поэзией*.

Ряд причин объективного и субъективного характера не позволили советскому, пост советскому и в том числе турецкому востоковедению провести полномасштабные, глубоко научные исследования в данной области.

Обнаруженные нами работы представляют собой весьма поверхностные исследования.

Учёные, в основе своей, проводят работу по сбору и систематизированию текстологического материала.

Советское литературоведение вообще умалчивает причастность крымскотатарского народа к средневековому литературному процессу в Османской империи, тогда, как одни из самых значимых его представителей – родом из Крыма (Ашык Омер, Мустафа Джевхери).

Говоря о вопросах, связанных с общей теорией тюркского стиха отдельно отметим научные труды Хамраева М.К. и ценные выводы декларируемые в них:

Хамраев М.К. Основы тюркского стихосложения. – Алма-Ата, 1963.

Хамраев М.К. Очерки теории тюркского стиха. – Алма-Ата, 1964.

Вопрос, применительно к казахской народной поэзии, рассматривает другой исследователь:

Ахметов З. Казахское стихосложение. – Алма-Ата, 1964.

Из всего перечня работ по поэтике средневековой тюркской литературы, по праву, самыми удачными и глубоко научными считаются исследования представителя Российского востоковедения – Стеблёвой И.В. Учёный посвящает ряд трудов освещению проблемы метрической основы поэзии тюркоязычных народов:

Стеблёва И.В. Поэзия тюрков. – М., 1965.

Стеблёва И.В. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. – М., 1971.

Стеблёва И.В. Поэтика древнетюркской литературы и её трансформация в раннеклассический период. – М., 1976.

Интересной выглядит работа Куделина В.Б., в которой автор исследует следующие вопросы, связанные с творчеством Юнуса Эмре и ашыкской поэзией: степень изученности, основные аспекты лирики, поэтика:

Куделин В.Б. Поэзия Юнуса Эмре. К вопросу о гуманизме в литературе средних веков. – М.: “Наука”, 1980.

Значимый вклад в область истории и теории турецкой ашыкской поэзии внёс представитель грузинской учёной среды – Джавелидзе Э.Д.:

Джавелидзе Э.Д. У истоков турецкой литературы. Т.1. Джелаль ед-дин Руми (Вопросы мировоззрения). – Тбилиси, 1979.

Джавелидзе Э.Д. У истоков турецкой литературы. Т.II. Юнус Эмре. – Тбилиси: “Мецниереба”, 1985.

Джавелидзе Э.Д. К вопросу типологии и метода изучения восточной поэзии // Мнатоби (Тбилиси). – 1981. – №4. – С.140-142.

Беря во внимание тот факт, что в средние века азербайджанская и османская литературы очень близки друг к другу и развиваются по общим законам, полезным выглядит следующее исследование азербайджанского учёного – Алиева М.И.:

Алиев М.И. Метрика азербайджанского стиха. – Баку, 1983.

1983 год ознаменовался изданием, на наш взгляд, одной из самых удачных работ на русском языке, рассчитанных на рядового читателя:

Турецкая ашыкская поэзия. Пер.с тур. / Сост., предисл., коммент. Х. Короглы. – М.: Худож. лит., 1983.

Составленная Короглы Х., она прослеживает историю возникновения и развития ашыкской поэзии. В предисловии даётся ограниченная в объёме общая характеристика, а далее приводятся в пример поэтические образцы представителей данной литературной традиции.

Первые отечественные работы, заявившие о крымскотатарском происхождении некоторых османских ашыков, и освещающие их жизнь и творчество появились в середине 70-х годов

прошлого столетия. Это связано, прежде всего, с ослаблением цензуры в отечественной области, а также необратимыми процессами, приведшими к развалу Советского Союза.

Справедливости ради отметим, что весьма немногочисленные публикации в области османо-крымскотатарской ашыкской поэзии ограничены в объёме и носят описательный характер. В них, как правило, даётся краткая биография поэта и предлагается текстологический материал.

Одним из первых заявил об Ашыке Омере, как о средневековом крымскотатарском поэте Шемьи-заде Э.:

Шемьи-заде Э. Омюр ве яратьджылыкь. – Ташкент, 1974.

Изданной на рубеже 80-х и 90-х и, вне сомнения, знаковой является работа целого коллектива крымскотатарских исследователей:

Ашыкъ Умер. Ашыкънынъ йырлары (Ашык Умер. Песни ашуга) / Сост. Фазыл Р. – Ташкент, 1990.

Видный крымскотатарский фольклорист Бекиров Д.Б. издаёт работу, полностью посвящённую народным песням, в которой отмечает значимость ашыков в процессе написания и дальнейшего сохранения народных песен:

Бекиров Д.Б. Къырымтатар халкъ йырлары. – Симферополь: Таврия, 1996.

Одной из последних работ энциклопедического характера, изданных в Крыму, является совместная работа двух авторов Фазылова Р. и Нагаева С.:

Фазылов Р., Нагаев С. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Къыска бир назар. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2001.

Книга традиционно представляет взору читателя краткий биографический материал, подкреплённый ограниченным в объёме текстологическим материалом по каждому из средневековых авторов.

Нельзя не отметить значимость исследований в области ашыкской поэзии, проводимые в Турецкой республике.

Актуализация исследований в данной области приходится на начало прошлого столетия. Из достаточно продолжительного списка работ особо отметим полезность и важность изысканий ниже представленных учёных:

Kopruluzade M. F. Turk edebiyatında Asik Tarzının Mense ve Tekamulu Hakkında Bir Tecrübe // Milli Tetebbular Mecmuası. – 1915. – Mart-Nisan. – S.5-46.

Заслуживают внимания и другие работы этого учёного, в которых он затрагивает творчество Юнуса Эмре:

Koprulu F. Turk Edebiyatında İlk Mutasavvıflar. – Istanbul, 1919.

Koprulu F. Turk Edebiyatı Tarihi. – Istanbul, 1926.

Kopruluzade M. F. Asik Omere Ait Bazı Notlar // Hayat Mecmuası. – 1927. – S.24.

Отмеченная ниже работа Копрюлю М.Ф. посвящена изучению творческого наследия османо-крымскотатарского поэта-ашыка Мустафы Джевхери:

Koprulu M.F. Gevheri. – Istanbul, 1929.

30-е годы XX века стали плодотворными для ещё одного турецкого учёного – Онай А.Т.:

Ahmet Talat (Onay). Halk Siirlerinin Sekil ve Nevi. – Istanbul, 1928.

Ahmet Talat (Onay). Cankiri Sairleri. C. I-II. – Cankiri, 1931-32.

Ahmet Talat. Turk Siirlerinin Vezni. – Istanbul, 1933.

В эти же годы ашыкскую поэзию изучает другой исследователь Эргюн С.Н.:

Ergun S.N. XVI nci Asir Sazsairlerinden Katibi. – Istanbul, 1933.

Ergun S.N. XVII nci Asir Sazsairlerinden Asik – Istanbul, 1933.

Ergun S.N. XVII nci Asir Sazsairlerinden Kuloglu. – Istanbul, 1933.

Ergun S.N. XIXuncu Asir Sazsairlerinden Besiktaslı Gedai. – Istanbul, 1933.

Ergun S.N. XIXuncu Asir Sazsairlerinden Sillesi Sururi. – Istanbul, 1933.

В 40-е годы ощутимый вклад в дело изучения данной литературной традиции внесли Айкурт И., Алангу Т., Боратав П.Н., Даглы М., Копрюлю М., Озаноглу И., Теджер А. и др.

К числу теоретических, в частности раскрывающих семантический аспект и поэтику ашыкской литературы, можно причислить следующую работу Хабиба Л.:

Habib I. Edebiyat Bilgileri. – Istanbul, 1942.

50-70-е годы целый ряд турецких учёных заостряют внимание на изучении поэтики, дворцовых и народных форм, используемых в средневековой ашыкской поэзии, а также творческого наследия авторов данного направления.

Среди таковых отметим следующие имена:

50-е годы – Аймутлу А., Байры М., Озьтели Д., Эрен Х. и др.;

60-е – Арат Р., Боратав П., Диздароглу Х., Коджаторк В., Танпинар А., Яхья К. и др.;

70-е – Озьтели Х., Уфки А.;

80-е – Фетхи Гёзлер Х., Кудрет Д.

В 80-е и 90-е годы интерес к ашыкской поэзии не уменьшается. Из достаточно широкого перечня трудов, изданных (или переизданных) за отмеченный период, заслуживают внимания исследования Эльчина Ш. И Дильчина Д., а также изданные работы Банарлы Н.С., Сакаоглу С., Халиджи Ф., Эмре Д., Ярдымджы М. и др.

Ряд энциклопедий, изданных в конце прошлого столетия в Турецкой республике не оставляют без внимания творчество поэтов-ашыков.

Одной из энциклопедических трудов, содержащей весьма общие сведения о поэзии, музыке, ашыкской поэзии и Ашыке Омере, в частности, подкреплённой обширной полезной библиографией, является:

Dunden bugune Istanbul ansiklopedisi. С.С.1-8. – Istanbul, 1995.

Необходимо упомянуть энциклопедию:

Turk dili ve edebiyati ansiklopedisi. Devirler / Isimler / Eserler / Terimler. С.С.1-8. – Istanbul, 1998.

Обстоятельные статьи подробно освещают общетеоретические вопросы, связанные с ашыкской поэзией и подкреплены примерами.

Другая объёмная энциклопедия уделяет отдельное внимание личности одного из самых видных поэтов-ашыков Османской империи и Крымского ханства, крымскотатарского происхождения – Ашыку Омеру (...-1707):

Islam ansiklopedisi. С.С.I-XX. – Istanbul, 1999.

В конце статьи предлагается полезный перечень литературы для дальнейшего исследования данного вопроса.

Ещё одна энциклопедия классического характера, посвящённая средневековому периоду в истории османской литературы, была выпущена в 1999 году в Стамбуле под названием:

Osmanli. Kultur ve Sanat. / Yayin kurumu baskani. Prof. Dr. Halil Inalcik. С.С.1-12. – Ankara, 1999. Отмеченная работа является одной из самых удачных, глубоко научных из перечня трудов подобного характера. Она также содержит обширную библиографию.

Если до сих пор турецкие учёные умалчивали о происхождении именитого поэта-ашыка Османской империи – Ашыка Омера, то в онтологии, изданной в Турецкой республике (1999 г.), отдельный (XIII) том которой посвящён литературе крымских татар, обнаруживаются подтверждения, а главное признание этого факта современными турецкими исследователями:

Turkiye Disindaki Turk Edebiyatları Antolojisi. С.С.1-13. – Ankara, 1999.

Процесс активного исследования осmano-крымскотатарской ашыкской поэзии продолжается и по сей день.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК 821.161.2

УКРАИНСКО-КРЫМСКОТАТАРСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Гуменюк В.И.

Украинско-крымскотатарские культурные и литературные связи имеют давние традиции. Сам факт существования в украинском фольклоре обширного массива так называемых чумацких песен свидетельствует о том, что не только набеги и битвы (кстати, это не раз были совместные битвы против третьих сил), но и экономическое сотрудничество характеризует сложное и противоречивое течение исторических процессов. Чумацкий промысел известен уже с XV века. Чумаки (в переложении на язык сегодняшних понятий – «челноки») ездили со своими товарами на Дон, в Приазовье, но прежде всего в Крым, а оттуда привозили соль и рыбу. Крым упоминается в большинстве чумацких песен („Жовте листя опадає додолу, а чумаки вертаються із Криму додому ...”; „І раненько з Криму йду, гей, і всіх чумаків веду...”; „Ой ревнули воли в мальованім ярмі, з Криму їдучи...”) [1]. Чумацкие поездки („мандрівки”) были настолько распространенным явлением, что даже отобразились в астрономии. Млечный Путь – по-украински звучит так: Чумацький Шлях. По этой, словно застывшей в высоком поднебесье длинной россыпи соли чумаки ориентировались в безбрежном степном просторе, направляясь в Крым. Позднее фольклорные чумацкие мотивы развивались в литературном творчестве Т.Шевченко, Марко Вовчок (М.А.Вилинской), С.Руданского и других украинских писателей [2].

Взаимодействие украинско-христианского и крымскотатарско-мусульманского миров не только в плане противостояния, но и в аспекте сотрудничества, взаимопроникновения постигается в казацких летописях XVIII века, в литературе XIX века, прежде всего романтической (здесь уместно вспомнить поэмы Пантелеймона Кулиша «Маруся Богуславка» и «Магомет и Хадыза»). Но особенно ярко эта тенденция проявляется на рубеже XIX и XX веков, в эпоху модернизма, разрушающего стереотипы общественного и художественного мышления.

На рубеже двух эпох (классического реализма и модернизма) в украинской литературе особое место занимает многогранное творчество Ивана Франко (1856 – 1916). Вышедший в 1976 – 1986 годах 50-томник писателя включил далеко не все из его литературного наследия, ныне готовится к изданию 100-томное собрание его сочинений. Франко – поэт, прозаик, драматург, фольклорист, публицист, философ, литературовед, переводчик... Трудно найти национальную литературу, явлений которой он бы не осмысливал как литературовед и к представителям которой бы не обращался как переводчик. Данте, Шекспир, Гете, Мицкевич, Пушкин и многие другие писатели вводятся благодаря его интерпретациям в круг украинской литературы. Сочетая дар аналитика-исследователя и талант переводчика, И.Франко часто дополняет свои

литературоведческие статьи обширными цитатами, представляя читателю преимущественно неотрывки, а целые поэтические произведения авторов, о творчестве которых он пишет. Такой подход характерен и для статьи «Крымский хан Газы-Гирей (1588 – 1607) и кое-что из его стихотворений» [3]. Бора Газы Герай Хан Газай (1554-1607; Франко в названии своей статьи указывает годы правления) – одна из ярчайших фигур в крымскотатарской истории. И.Франко подчеркивает особый драматизм жизненного пути хана и поэта, которому присуще сочетание гордого духа и героической находчивости в преодолении неблагоприятных обстоятельств, глубокого крымского патриотизма и государственной мудрости. Высокородный крымский татарин провел молодые годы в Стамбуле, где преуспел в различных науках. Принимая участие в турецком походе против Персии, попал в плен и семь лет пребывал в неволе, но все же ему удалось бежать, а в последствии стать крымским ханом, проявлявшем дипломатическую изощренность, пытаясь отстаивать крымские интересы в условиях вассальной зависимости от турков. Он пережил небезуспешную попытку смещения его с престола, но все же в конце концов утвердился в своей власти. Сложные перипетии жизненного пути этого неординарного человека отразились в его поэтических произведениях, являющихся высочайшим достижением крымскотатарской литературы XVI века. Религиозно-философские, патриотические, батальные, сатирические, любовные мотивы своеобразно сочетаются в его изысканной лирике и эпическом творчестве. Акцентируя внимание на бурных событиях, выпавших на долю хана, и на их отзвуках в его поэзии, И.Франко переводит главным образом его газели, исполненные боевого задора, проникнутые пафосом отречения от обыденных радостей ради радости борьбы в «боях святых» за родной край (это прежде всего газель «Проста душа...») Эти же мотивы звучат и в верноподданном обращении к султану «Я борець твій і невільник...», за пышной риторикой которого, кажется, все же проступают и еле уловимые иронические интонации, становящиеся болем очевидными в привлечших внимание литературоведа обстоятельствах написания этого поэтического произведения (газель создана в ответ на обвинение в том, что хан не проявляет достаточного усердия в отстаивании интересов Османской империи, не слишком торопится со своим войском на подмогу султану). Поэтически многозначительна и газель «В обороні фортеці Зомбор», в которой соседствуют патриотические и сатирические мотивы.

Статья Ивана Франко «Крымский хан Гази-Гирей (1588-1607) и кое-что из его стихотворений», посвященная жизни и творчеству выдающегося государственного деятеля и поэта, является одним из первых в украинском литературоведении тюркологических исследований.

В украинской литературе рубежа XIX и XX веков самым мощным течением является неоромантизм. Его представляет прежде всего творчество Леси Украинки (Ларисы Петровны Косач-Квитки, 1871–1913). Актуализация целостности мифологического мировосприятия, постижение разнообразнейших аспектов бытия как факторов достижения художественной гармонии является ведущей типологической особенностью этого течения. Одним из аспектов этой многогранной гармонии является национально освоение интернациональных традиций. В мусульманские мотивы... Ярko проявились в ее произведениях и

мотивы крымскотатарские. В поэтическом творчестве Леси Украинки полифонически сочетаются античные, библейские, Леся Украинка и в личных путешествиях, и в воплощенном в ее произведениях художественном воображении побывала во многих странах и краях. Но Крым, о чем писал еще И.Франко, сыграл особую роль в ее творческом становлении [4] и, как известно, в дальнейшей творческой судьбе. О крымских годах жизни поэтессы свидетельствуют фундаментальные научные работы Ольги Косач-Кривинюк [5], Мирослава Мороза [6], специально этой теме посвящены монографии Олега Бабышкина [7], Светланы Кочерги [8], исследования других ученых. Но собственно крымскотатарские мотивы в творчестве Леси Украинки еще не были предметом глубокого научного рассмотрения.

Впервые Леся приехала с мамой (писательницей Оленой Пчилкой) в Крым в июле 1890 года. Около месяца она лечится в Саках грязевыми ваннами. Позднее в августе переезжает в Евпаторию (здесь на доме, где жила поэтесса, ныне установлена мемориальная доска). В Евпатории написано стихотворение «Тишина морская». А стихотворение «Играй, моя песня!» написано уже «среди чистого моря» (авторская пометка) по пути пароходом из Евпатории в Севастополь. Потом состоялась поездка по железной дороге в Бахчисарай. Именно стихи о Бахчисарае стали кульминацией цикла «Крымские воспоминания», вошедшего позднее в первый поэтический сборник Леси Украинки – «На крыльях песен» (1983).

В цикле «Крымские воспоминания» поэтесса проявляет себя изысканным маринистом. Разнообразные морские пейзажи, меняющиеся, воссозданные с ощущением величественной шири и точностью живописных деталей, засвечиваются под пером поэтессы многогранной художественной символикой. Если стихотворение «Тишина морская», ключевыми в котором являются вроде бы безмятежные строки «Здесь, наверно, не слышали, что бывает непогода!», исполнено светлой мажорной приподнятости, но стихотворение «Непогода» пронизано драматической экспрессией. Здесь не только в ярких зрительных и звуковых образах обрисовывается буря на море, но достигается особая художественная философичность. Ее возникновению способствует прежде всего характерный еще для украинских народных песен поэтический параллелизм между явлениями природы и социальной сферы. Среди бушующей морской стихии сочувственное внимание лирической героини приковывает уже разбитый и далее терзаемый неугомонными волнами челн. Упомянутый параллелизм явственно обозначается в кульминационной строфе. Цитирую ее в подстрочном переводе:

Как разбитый челн обездоленный
Среди желтых песков погибает,
Так чудесный этот край богоданный
В неволе у чужих пропадает [9].

Вид сокрушаемого челна стает как бы толчком к возникновению более масштабных обобщений. Крым в условиях Российской империи, по мнению поэтессы, «в неволе у чужих», и эта неволя отнюдь не способствует его процветанию.

Проблема свободы личности, общества, народа, свободы как социальной и философской категории является одной из ведущих в художественном мире

Леси Украинки, и эта проблема находит свою ненавязчивую и изысканную разработку и в поэтическом цикле «Крымские воспоминания».

В одном из стихотворений цикла («Татарочка») непосредственно заявляется крымскотатарская тема. Это трогательный портрет юной девушки, еще подростка, которой как ребенку еще позволено «гулять на воле», но которая уже (очевидно, впервые в жизни) надела «шелком шитую беленькую чадру». Фигура прелестной юной красавицы контрастирует с лаконично выписанным суровым пейзажем, в котором доминирует «горячее каменистое поле». Но вся эта суровость как бы отступает на второй план перед не смущающейся ее, уверенно себя чувствующей героиней стихотворения, любовно (о чем в частности свидетельствуют уменьшительные суффиксы), с помощью красочных штрихов воссозданной поэтессой. Мы живо представляем и черные волосы татарочки, и темные брови, и смуглое лицо, и красную шапочку, и беленькую чадру... С особой психологической изысканностью, тонким знанием детской души переданы в заключительной строфе игривость героини, ее умильное любопытство. Еще не привыкшая к чадре, она «то откроет личико, то закроет», с неподдельным интересом, подчеркнутым метким сравнением («глазки словно молнии»), взирает на окружающий мир.

В стихотворении «Татарочка» преобладает жизнерадостная лирическая игривость, как бы развивающая настроение, заявленное в стихотворении «Тишина морская». А в сонетах «Бахчисарай» и «Бахчисарайский дворец» более явственно характерная и для некоторых других стихотворений цикла эпическая плавность и величавость. Хотя она объединяет оба названных сонета, все же и они между собой по-своему контрастируют. В первом – с помощью живописной игры светотеней очерчивается таинственная панорама ночного Бахчисарая с характерными деталями (залитые лунным сиянием белые стены, силуэты минаретов и тополей, плеск фонтана...), возбуждающими воспоминания о былых временах. Во втором – исполненная драматической экспрессии картина, представляющая некогда величественный, а теперь разрушенный дворец. Эта картина является как бы предлогом для философских раздумий о тленности бытия. Выразительно развивается тема неволи, заявленная в стихотворении «Непогода». Как там разрушительная сила морских волн, так здесь разрушительная сила неумолимого времени сравнивается с еще более губительной силой социальных явлений, рождающих неволю. Печальные медитации сонета «Бахчисарайский дворец» своеобразно подытоживаются лаконичной и решительной констатацией:

И до сих пор здесь властвует неволя.

В последующем сонете – «Бахчисарайская гробница» – перед нами еще более грустная картина – заброшенное кладбище («Ни цветов, ни деревьев, ни ограды...»), на котором возвышается забытая гробница («Те, что в ней почили, навеки имена свои в ней скрыли»). Но с общей минорностью картины контрастирует такая же лаконичная, как и в предыдущем сонете, но еще более решительная, явно зовущая не мириться с безысходностью фраза.

Конечно, в вошедшем в цикл «Крымские воспоминания» бахчисарайском сонетном триптихе, как впрочем и в других произведениях цикла, чувствуются использование мотивов литературных предшественников Леси Украинки, на что обращает внимание в частности М.Драй-Хмара. «Крымские сонеты»

Мицкевича, – пишет исследователь, – по нашему мнению, вызвали Лесины «Крымские воспоминания»... «Мария грустная иль пылкая Зарема» – реминисценция из Пушкина» [10]. Леся Украинка и не отрицает этого, когда пишет в сонете «Бахчисарайская гробница»: «Чужого края здесь певцы бывали». Но М.Драй-Хмара явно не замечает, как оригинально решает Леся Украинка похожие темы, откровенно полемизируя со своими великими предшественниками:

О нет, здесь не лежит краса гарема,
Мария пылкая иль грустная Зарема, –
Почила здесь Бахчисарая слава!

Ни Пушкин, ни даже Мицкевич, автор свободолобивой поэмы «Дяды», которую высоко ценила Леся Украинка, не поднялись к сочувствию этому краю, к грусти по поводу неволи чудесной крымской земли.

Цикл «Крымские воспоминания», оформившийся в 1891 году, является итогом двукратного пребывания поэтессы в Крыму. Второй раз здесь Леся была и июне-августе 1891 года. Именно в этот период по примеру матери, известной украинской писательницы и этнографа, выступающей в литературе под псевдонимом Олена Пчилка, Леся Украинка с особым интересом изучает крымскотатарское народное искусство. «Олена Пчилка, – пишет исследовательница Светлана Кочерга, – сразу же по прибытию в Крым стала записывать впечатления о присущем мусульманам рисовании на стенах, осматривала тканые ковры. Лесю Украинку очаровала национальная одежда местных жителей... Но больше всего мать и дочь заинтересовались вышитыми рушниками, которые также представляют декоративное искусство крымских татар. Особенности работ крымскотатарских мастериц нашли отображение в этнографических студиях Олены Пчилки» [11].

Летом 1891 года Леся Украинка собирает коллекцию крымскотатарских узоров, зарисовывает их. Мечтает об издании альбома, о чем пишет вскоре после отъезда из Крыма в письме к своему дяде Михаилу Драгоманову, в то время профессору Софийского университета: «Хотела бы я одну вещь издать, а именно – узоры татарские, которые я в Крыму собрала, есть их немало и очень хорошие, к тому же очень похожи на украинские...» [12]. Далее в письме поэтесса представляет зарисовки чаще всего встречающихся элементов узоров – витиеватые кресты, звезды, меандр- змейка. Об отмеченном Лесей Украинкой сходстве этих узоров с узорами украинскими так писала Олена Пчилка: «Кто скажет, то ли к нам пришло это шитье и образцы, то ли, может, это плененные украинки оставили после себя традицию такого вышивания» [13]. К сожалению, пока не удалось разыскать коллекцию узоров, собранных в свое время Лесей Украинкой. Но, конечно же, они не могли не оставить следа в ее поэтическом творчестве. Своеобразно отозвались, к примеру, в лаконично упомянутых в ремарках ковре и беседке, в изысканной композиции драматического диалога «Айша и Мохаммед».

И в дальнейшие годы пребывания Леси Украинки в Крыму она проявляет интерес к крымскотатарской теме, к мусульманским мотивам, о чем в частности свидетельствуют стихотворение «Восточная мелодия» из цикла «Крымские воспоминания» (1897), рассказ «У моря» (1898), уже упомянутый драматический диалог «Айша и Мохаммед» (1907)

Один из виднейших украинских прозаиков эпохи раннего модернизма Михаил Коцюбинский (1864 – 1913), чья жизнь и творчество тесно связаны с Крымом, назвал Крым «татарским царством» и как художник слова увлекался крымскотатарским национальным колоритом. Его импрессионистические новеллы «В путях шайтана» (1899), «На камне» (1902), «Под минаретами» (1904), отталкиваясь от реалий крымскотатарского быта, от проблем жизни крымскотатарского народа, тяготеют к художественной философичности, своеобразной поэтической символике, им присуща неповторимая игра разнообразных оттенков, переливы настроений. Даже в советскую эпоху, когда на крымскотатарской теме в творчестве того или иного писателя не принято было заострять внимания, глубокий знаток и тонкий ценитель творчества М.Коцюбинского Нина Калениченко подчеркнула особую роль произведений крымского цикла в творческом становлении писателя и развитии его поэтики. «Уже произведение «В путях шайтана», – пишет исследовательница, – и тематически, и своими художественными особенностями значительно отличается от ранних рассказов Коцюбинского. Сосредотачивая внимание на крушении старых патриархальных обычаев татарского села и рождении в нем ростков нового, писатель прибегает здесь к новому способу художественного изображения. В произведении почти нет описаний, бытовых подробностей, широкой характеристики персонажей, нет развернутого традиционного сюжета. Писатель раскрывает исключительно внутреннее, душевное состояние татарской девушки Эмине, беря лишь один эпизод из ее жизни – настроение праздничной скуки: когда девушку, свободную от разных обыденных дел, с особой силой захватывает тоска по лучшей, свободной жизни.

С переживаниями и мыслями персонажей гармонирует и язык произведения – легкий, богатый лирическими интонациями, эмоциональный, густо метафоризированный» [14]. Стоит только добавить, что противопоставляя патриархальные традиции и новые веяния, автор избегает, впрочем, как и в других аспектах произведения, черно-белых красок, художественное постижение драматического взаимодействия старого и нового у него лишено однозначного осуждения или чрезмерной идеализации очерченных оппозиций.

Н. Калиниченко отмечает также особую роль в творчестве М.Коцюбинского новеллы «На камне»: «Произведение «На камне» И.Франко назвал одной из драгоценнейших жемчужин нашей литературы. Новелла ярко раскрывает основные черты мастерства Коцюбинского, особенно исключительную пластичность человеческих образов и живописность описаний природы. Коцюбинский вообще в создании образов проникается ролью то живописца, то музыканта. У него звуки играют красками, а краски звуками («серебристый хохот», «черная тишина», «золотая усмешка» и др.)... Новеллу «На камне» писатель назвал «акварелью». В ней действительно преобладают живописные средства... Зрительные образы часто переплетаются со звуковыми передавая игру Али, писатель и повествование свое словно наполняет мелодией зурны» [15]. Импрессионистически живописна, исполнена неповторимого крымскотатарского колорита также обширная, приближающаяся по своим жанровым параметрам к повести новела «Под минаретами», действие которой происходит в Бахчисарае начала XX века. Здесь присущие поэтике автора разнообразные художественные оттенки, яркие детали, лирические и

драматические интонации изысканно сочетаются с публицистическими мотивами; украинский прозаик, как и выдающийся крымскотатарский писатель и просветитель И.Гаспринский, рассуждает в частности о необходимости создания на основе бахчисарайского диалекта единого крымскотатарского литературного языка, затрагивает другие актуальные вопросы.

Еще один классик украинской литературы начала XX века – писатель и ученый Агатангел Крымский (1871–1942). А.Крымский автор знаменитого поэтического сборника «Пальмовые ветви» («Пальмове гілля»), вышедшего при его жизни несколькими изданиями в 1901 – 1923 годах, яркого явления в украинской модерной литературе. Как ученый он известен прежде всего как ориенталист, знаток многих восточных языков и культур, переводчик „Корана” на русский язык, автор многочисленных монографий и статей по вопросам востоковедения. Предки А.Крымского по линии отца – бахчисарайские татары, и наверно это стало толчком заинтересованности ученого тюркской, арабской, иранской и другими культурами Востока. Исследователь жизни и творчества А.Крымского, видный современный ориенталист Омелян

Прицак пишет: «Еще до 1889 года А.Крымский окончательно решил вопрос своей национальной принадлежности как украинца. Но он никогда не чуждался Крыма, родины своих предков». Далее ученый цитирует написанный и изданный А. Крымским в 1930 году очерк «Литература крымских татар»: «История новой крымскотатарской литературы, которую сумел создать народ, насчитывающий не более чем 178 тысяч душ, вся разворачивалась на моих глазах. Я чутко стал следить за ней с 1889 года [время вступления в Москве в Лазаревский институт восточных языков], я долго был знаком с патриархом крымской литературы Исмаилом Гаспринским и его соратниками, далее с большой симпатией поддерживал и поддерживаю личное знакомство с главными деятелями крымской литературной жизни» [16]. В издаваемом А.Гаспринским журнале «Терджиман – Переводчик» неоднократно печатались статьи А.Крымского, рецензии на его научные работы, а в 1915 году (№ 204) появляется библиография работ ученого. Особенно окрепли связи А. Крымского с деятелями крымскотатарской культуры после его переезда в 1918 году в Киев, когда ученый стал одним из руководителей созданной во времена гетьмана Скоропадского Академии наук Украины, организатором Кабинета арабо-иранской филологии, Тюркологической комиссии... Среди близких сотрудников и друзей А.Крымского многие видные деятели крымскотатарской культуры и литературы – Осман Акчокраклы, Бекир Чобан-заде, Абдулла Лятиф-заде, Якуб Кемал. Одним из результатов плодотворного сотрудничества А.Крымского с крымскими коллегами стал выход в 1930 году сборника Академии наук Украины „Студії з Криму”, где помещена работа ученого „Література кримських татар” – обзор основных явлений и тенденций крымскотатарской литературы с XIII по первые десятилетия XX века с приложением краткой антологии крымскотатарской поэзии в украинских переводах (большинство переводов с крымскотатарского на украинский принадлежит Осману Акчокраклы).

В 20-30-е годы XX века активно интересуется тюркскими культурами выдающийся украинский поэт Павло Тычина (1891–1967). В ноябре 1928 января 1929 года П.Тычина пребывает в Турции в составе делегации

Всеукраинской ассоциации востоковедения. 1 января 1930 года в Харькове создается Научно-исследовательский институт востоковедения Украины, П.Тычина становится его сотрудником. Поэтому неслучайна заинтересованность украинского поэта и филолога крымскотатарской литературой. В середине 90-х годов известный тычиновед Александр Губарь обратил внимание на существование в фондах Киевского государственного музея-квартиры П.Тычины многочисленных изданий крымскотатарской литературы, авторов, преимущественно репрессированных в конце 30-х годов сталинским режимом. Сам факт хранения этих книг, как и собственной так называемой «шухлядной» поэзии, свидетельствует о мужестве поэта, которого все же не смогла до конца сломить тоталитарная система. После репрессий, коснувшихся не только отдельных личностей, но и целых народов, в условиях торжества тоталитаризма трудно говорить о развитии украинско-крымскотатарских литературных связей. Хотя они не угасают, время от времени напоминают о себе. Так наряду с «Собором» Олеса Гончара одним из скандальных явлений украинской литературы советской эпохи стал увидевший свет в 1970 году роман Романа Иванчука «Мальвы», разрушающий стереотип об извечной враждебности украинцев и крымских татар, художественно постигающий общность судеб двух соседних народов. Этот роман подвергся резкой официальной критике и был запрещен, и только в 90-е годы переиздан под названием «Янычары».

Наблюдающаяся ныне активизация украинско-крымскотатарских культурных и литературных связей, как видим, имеет давние корни и плодотворные традиции. Двухязычное издание избранных произведений Великого Кобзаря «Далекий і близький – Узакъ ве якъын – Шевченко» (Симферополь, 1999), также двухязычный двутомник Леси Украинки (Симферополь, 2001) и постановка ее знаменитой драмы феерии «Лесная песня» на сцене Крымскотатарского академического драматического театра (режиссер Ахтем Сейтаблаев), подготовленное профессором Александром Губарем и оснащенное его основательным предисловием трехязычное (на украинском, крымскотатарском и русском языках) издание труда А.Крымского «Литература крымских татар» (Симферополь, 2003), двухязычная антология крымскотатарской поэзии XIII-XX веков (составители Микола Мирошниченко, Юнус Кандым, Киев, 2003), подготовка аналогичной антологии прозы – это лишь некоторые явления нашего нынешнего сотрудничества.

Литература

1. Закувала зозуленька: Антологія української народної творчості. - К., 1989. – С. 322 - 332
2. Мотивы чумацких песен трансформированы в некоторых лирических стихогворениях Т.Шевченко, в рассказах Марка Вовчка („Чумак“, „Сон“), в пьесе С.Руданского „Чумак“, произведениях других авторов. Отозвались они не только в литературе. К примеру, в феодосийской картинной галерее экспонируется картина И.Айвазовского „Обоз чумаков“ (1862).
3. Кримський хан Газі-Гірсі (1588-1607) і децю з його віршів // Франко І. Зібрання творів: У 50 т. – Т. 13. – К., 1978. – С. 609-613. Авторская дата свидетельствует, что И.Франко писал статью 20-21 января 1915 г. В примечаниях он указывает на один из ее источников: Panzer - Purgstall. Geschichte der Chane der Krim unter osmanische Herrschaft. – Wien, 1856.
4. Леся Українка // Франко І. Зібрання творів: У 50 т. – К., 1976 – 1986. – Т. 31. – С. 226.

5. Косач-Кривинюк О. Леся Українка: Хронологія життя і творчості. – Нью-Йорк, 1970.
  6. Мороз М.О. Літопис життя та творчості Лесі Українки. – К., 1992.
  7. Бабишкін О. Леся Українка в Криму. – Сімферополь, 1955.
  8. Кочерга С. Іфігенія в Тавриді: Сторінки кримського літопису Лесі Українки. – Сімферополь, 1998.
  9. Українка Леся. Зібрання творів: У 12 т. – К., 1075 – 1979. – Т. І. – Здесь и далее стихотворения Леси Украинки цитируются в подстрочном переводе по этому изданию, с. 104 – 108.
  10. Драй-Хмара М. Леся Українка: Життя і творчість. – К., 1926. – С. 75.
  11. Кочерга С. Іфігенія в Тавриді... – С. 26 – 27.
  12. Українка Леся. Зібрання творів... – Т.10. – С. 113.
  13. Цит. по: Кочерга С. Іфігенія в Тавриді... – С. 27.
  14. Калениченко Н.І. Михайло Коцюбинський // Історія української літератури: У 8 т. – Т. 5. – К., 1968. – С. 148.
  15. Там же. – С. 151 – 152.
  16. Пріцак О. Агатагел Кримський // Київська старовина. – 1992. – № 1. – С. 18 – 19.
- См.
таже: Павличко Соломія. Національність, сексуальність, орієнталізм: Складний світ Агатагела Кримського. – К. 2001; Агатагел Кримський – творець та інтерпретатор літератури: Збірник наукових праць. – Сімферополь, 2002.
17. Губарь А. Мы – звезды одного неба: К 105-летию со дня рождения Павла Тычины // Голос Крыма. – 1996. – 5 апр. См. также: Кандим Ю. Джерела духовного єднання: До питання історії і сучасного стану українсько-кримськотатарських літературних зв'язків. – Кримська світлиця. – 2003. – 3 жовтня. – С. 13.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК 82 (091) (4 Укр = Крмтат)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПРОИЗВЕДЕНИЙ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ XV – XVIII ВВ.

Сейтмгьяев Н. С.

В современных исследованиях по истории крымскотатарской литературы практически не уделяется внимания выяснению путей формирования национальной художественной прозы в средние века и новое время. Настоящая статья представляет собой один из первых шагов в этом направлении. Этим определяется **новизна и актуальность** исследования. **Целью** работы является показ основных элементов, составляющих беллетристическую компоненту так называемых «смешанных» произведений крымскотатарской исторической прозы ханского времени – сочинений крымскотатарских историков классического (XVI – конец XVII вв.) и переходного (конец XVII – XVIII вв.) периодов. Для достижения этой цели выполняются следующие **задачи**: анализируются проявления авторского начала, система персонажей, их ценностная характеристика и формы поведения, психологизм, портрет, пейзаж и интерьер, пространство и время. Работа базируется на теоретических положениях, разработанных Д.С. Лихачевым [1], В.Е. Хализевым [2] и У. Касыбековым [3].

Достаточно яркое проявление индивидуального авторского начала мы видим уже в классический период в «Истории Сахиб Гирай-хана» Нидаи (XVI в.). Автор выступает не только как повествователь, но и как действующее лицо ряда эпизодов. Однако намного ярче и отчетливее оно проявляется в произведениях переходного периода. К примеру, в качестве мемуариста выступает Абдульгаффар Кырым, рассказывая о нашествии русского войска в 1736 г. и последующих исторических событиях [4: 172 – 184]. С особой силой мемуарное начало проявляется в «Истории» Саид Гирая.

Историк создает нечто подобное романной микросреде: главными героями отдельных повествований исторических сочинений являются ханы и основные фигуры периода их правления: калга, нуреддин, ханский визирь, турецкий султан, великий визирь, военачальники и др. Ведущая роль в произведении отводится правителю. Остальные персонажи вторичны. В переходный период на передний план начинают выдвигаться более низкие по рангу действующие лица (например, Шахин Гирай-султан у Абдульгаффара Кырыми).

Среду исторического сочинения составляет крымскотатарское общество, войско, собирательные образы черкесов, русского, австрийского войска и др. Несмотря на широкий охват событий, среда еще недостаточно дифференцирована. В исторических сочинениях описываются события (иногда на протяжении столетий), затрагивающие судьбы сотен тысяч людей, но число персонажей не очень велико, даже для «Истории» Саид Гирая, являющейся

своеобразным чемпионом по количеству действующих лиц (более ста) при сравнительно небольшом хронологическом охвате событий (1756 – 1758).

Художественный мир произведений крымскотатарской исторической прозы XV – XVIII вв. составляют действующие лица, приближающиеся по своим ценностным характеристикам ко всем известным литературным «сверхтипам» [см. 2: 198 – 206]. Это, во-первых, персонажи авантюрно-героического склада, восходящие к национальному героическому эпосу и устным историческим рассказам (Эдиге, Шахин Гирай-султан). Во-вторых, герои житийно-идиллического сверхтипа. К их числу относится Сахиб Гирай в проникнутой религиозно-дидактическими идеями «Истории» Нидаи. Чертами этого же типа обладает Мухаммед Гирай IV в сочинениях Мухаммеда Ризы и Хурреми Челеби. К житийно-идиллическому типу приближается также Девлет Гирай у Абдильгаффара Кырыми. Наконец, это антигерои, представителями которых являются, по преимуществу, неверные – их правители, военачальники. Таковы Петр I, австрийский главнокомандующий Хайзар, русские полководцы Галиции и Миних, возглавлявшие походы на Крым («Опора известий» Кырыми). Встречаются также мусульманские антигерои, например, Бакы-бек у Нидаи, турецкий посланник к Ислам Гираю III – кетхуда Ахмед-паша у Сенаи, османский визирь Кара Мухаммед-паша у Мухаммеда Гирая, глава мансурских ногаев Кантимур-мурза в повествованиях Мухаммеда Ризы и Хурреми или Феттах-ага у Саид Гирая. Есть и коллективные антигерои – те же неверные (казаки, русские, калмыки, поляки, австрийцы), а также подданные ханов (черкесы, ногаи).

В исторических сочинениях еще нет сложных литературных типов, однако уже встречаются несовпадающие оценки того или иного исторического персонажа. Так, Мухаммед Риза негативно оценивает участников антиосманского восстания – хана Мухаммед Гирая и его калгу Шахин Гирая. Абдильгаффар Кырыми же, напротив, изображает Шахин Гирая с явной симпатией. Такое различие в трактовках образа одного и того же исторического лица подготавливало почву для создания подлинно живых, жизненных персонажей в литературе.

В крымскотатарской исторической прозе, как и в тюркском эпосе, психологизм представляет собой «логическое и естественное следствие, вытекающее из поступка героя» [3: 42]. Внутренний мир персонажей передается, главным образом, через внешние проявления: эмоционально окрашенный поступок, реплику, молитву. Так характеризуется внутреннее состояние Сахиб Гирая в «Истории» Нидаи. Нередко Сахиб Гирай сам говорит о своих переживаниях. На вопрос Реммаль-ходжи, почему он вздыхает, хан отвечает: « Я увидел плохую примету. Нет худа без добра, но чувствует моя душа, что, вернувшись в здравии из этого похода, я больше вас не увижу. В конце концов, смерть – наш удел. Так простите же мне причиненные вам обиды и не забудьте меня в ваших молитвах» [5: 123].

В высшей степени этикетном произведении Сенаи психологических деталей относительно мало. Однако в переходный период (особенно в произведениях XVIII в.) внутренний мир героев проявляется уже достаточно ярко. Так Мухаммед Риза, обрисовывает в нескольких фразах внутреннее состояние принцев, претендующих на ханский престол. Это позволяет читателю ощутить

всю напряженность ситуации [6: 153 об.]. Интересные детали, позволяющие глубже проникнуть во внутренний мир персонажей, встречаются у Абдульгаффара Кырыми. Например, автор мастерски изображает переживание крымского правителя Джанибек Гирая II. Хана подвели ко входу в султанский шатер. Но тут великий визирь сделал то, что не было принято раньше – снял с его пояса колчан. Джанибек Гирай пришел было в замешательство. Однако ему тут же вручили отделанную саблю, колчан, соболью шубу и прекрасного арабского скакуна, после чего привели на аудиенцию к турецкому правителю. В главе о Хаджи Селим Гирае высокой степенью психологизма проникнута сцена прощания друг с другом крымскотатарских воинов перед отчаянной атакой на «непобедимое» австрийское войско. А внутреннее состояние беспомощных стариков, больных, бедняков и крестьян, вышедших к Перекопу для защиты Крымского полуострова от нападения российской армии во главе с Минихом, в то время как хан с войском находился в персидском походе, подчеркивается обращением защитников с предсмертными покаянными молитвами к Аллаху [4: 118, 131 – 132, 173].

В исторических произведениях классического периода доминирует так называемое ритуальное поведение, отвечавшее литературному этикету эпохи [2: 224]. Таково поведение Сахиб Гирая в «Истории» Нидаи. Он все еще не «спустился на землю», не избавился от «ходуль своего официального высокого ранга в феодальном обществе» [1: 146 – 147]. На прибытие с повинной Ислам Гирая, самовольно провозгласившего себя ханом, крымский правитель отвечает монологом, содержащим наставления и призыв к следованию высшим исламским добродетелям. Затем, после возникновения между ними вражды, уединенная ночная молитва Сахиб Гирая показывает его покорность Божьему промыслу [5: 21 – 22].

Мунший (стилист) дивана Сенаи еще более последователен в приверженности этикету. Все герои – будь то Ислам Гирай-хан, визирь Сефер-Гази-ага или военачальник Тогай-бей – действуют строго в соответствии со своим рангом. В качестве примера можно привести эпизод выезда Ислам Гирая III на войну с поляками – типичное для сочинений муншиев описание. Перегруженное метафорами, эпитетами, гиперболами, оно «втиснуто» в один длинный период. Хан, «уповая на Аллаха, и надеясь на помощь Всевышнего раздали бедным и немощным щедрые подаяния, и полные смирения и покорности отправились в страну врагов веры, и поле исполнения ... хаджет намаза в два режята, и после чистосердечной и искренней молитвы он попросил помощи у святых и самолично вооружился и подпоясался мечем войны и, подобно Саму, с величием и достоинством воссел на своего быстроногого коня, и в присутствии визирей, служащих, улемов и праведников тут и там стали формировать полки и выстраивать их в ряды» [7: 20 – 21].

В конце XVII – XVIII вв. герои все чаще проявляют простые, понятные всем читателям человеческие чувства, никак не обусловленные общественным положением их носителей. В «Истории» Мухаммед Гирая с уст Мурад Гирай-хана, узнавшего, что Хаджи Гирай-султан без промедления принял предложенное ему назначение на крымский престол, срываются проклятия [8: 146]. Много примеров подобной индивидуализации действующих лиц встречается в исторических произведениях середины XVIII в. Абдульгаффар

Кырыми в «Опоре изветий» приводит рассказ, свидетельствующий о том, что Ислам Гираем III в войне против Польши отчасти руководило чувство мести. В молодости принц находился в польском плену. Однажды он во главе собранных в Польше двух тысяч татар участвовал в походе против казаков. На совещании перед битвой шляхтичи позволили себе оскорбительные высказывания в адрес ханского сына. Узнав об этом, Ислам Гирай, по его собственным словам, заплакал от позора и обратился к Аллаху с мольбой об освобождении из плена [4: 124 – 125].

Портрет не является неотъемлемым элементом повествования крымскотатарских исторических произведений XVI – XVIII вв. Тем не менее в некоторых из них встречаются описания внешности персонажей. В классический период мы сталкиваемся с идеализирующим портретом. Например, в «Истории Сахиб Гирай-хана» Нидаи дается такого рода экспозиционное описание крымского правителя: «Его прекрасный лик – сияющее солнце. Увидевшие его лицо приходят в изумление. Ему тридцать лет, на челе его венец государства. Его пурпурноалая, красная-красная одежда полностью татарская. Его слова оживляют мертвеца» [5: 19].

В произведениях конца XVII – XVIII вв. нечастые портретные характеристики, как и в предшествующий период, локализованы в одном месте, но они даются уже не экспозиционно, а там, где этого требует сюжетный замысел писателя. Так, Абдильгаффар Кырыми описывает внешность Мухаммед Гирая II в рассказе о взятии им Астрахани. Астраханский праитель Ягмурджи-хан спрашивает послов о внешнем облике крымского правителя для того, чтобы в соответствии с обычаем татар по внешности составить представление о его характере. Послы описывают его как льва среди людей, но очень тучного, настолько, что он, не будучи в состоянии передвигаться верхом, вынужден пользоваться арбой. Узнав об этом, Ягмурджи в письме «потечески» советует Мухаммед Гираю ездить на лошади, а не на арбе. Оскорбленный крымский хан организовал поход и покорил Астрахань. «Где же ваш наездник-хан?» – спросил он у подданных бежавшего Ягмурджи. После их объяснений он задал им риторический вопрос: «Так что же, по-вашему, лучше: ездить на арбе и завоевывать страны или убежать верхом?» [4: 112].

Важной чертой крымскотатарской исторической прозы переходного периода стало появление в ней гротескного изображения внешности персонажей. Это характерно для «Истории» Саид Гирая. Например, он дает описание Чоюнчи-мурзы из едисанского племени кышлык: «Его рост – шпиль минарета, его уста – пещера. Он – белолобый и краснолицый степной дикарь слова которого никому не понятны ...» [9: 103 об.].

Интерьер и пейзаж, как и портрет, не были неотъемлемым элементом крымскотатарской исторической прозы в XV – XVIII вв. Одним из объяснений подобного положения может быть то, что действие исторических произведений разворачивалось в хорошо знакомых читателю местах. Поэтому авторы, обозначая город (село, местность, крепость, дворец и т.п.), не считали необходимым уделять внимание их описанию. Даже в тех случаях, когда читатель мог быть неосведомленным о месте, в котором разворачивалось то или иное событие, в исторических сочинениях дается не его описание, а какой-нибудь известный из литературы или практики географический ориентир.

Типичный пример такого рода обозначения находим у Абдильгаффара Кырыми: «Они миновали укрепление перед мощной крепостью Качаник и спустились в степь, вблизи которой пребывал австрийский военачальник» [4: 131].

В произведениях муншиев, а также авторов, следовавших их традициям, в соответствии с канонами придворной прозы, название населенного пункта, крепости, города, того или иного важного географического объекта употреблялось вместе с эпитетами или сравнениями, которые, хоть и были общепринятыми, повторяющимися, тем не менее, способствовали воссозданию в сознании читателя определенного типа города, крепости, реки и т.п. Например, в «Истории» Сенаи Бахчисарай назван «украшающим рай» (“*Vağçes-saray-i behişt ârây*”), Днепр (Озю) уподобляется «нильскому морю» (“*manend-i bahr-i Nil olan*”, “*manend-i deryâ-yi Nil olan*”), а Чуфут-кале сравнивается с горной вершиной (“*manend-i kuh-sârdır*”) [10: 173, 184, 186, 187, 189]. Похожие характеристики содержатся и в «Семи планетах» Мухаммеда Ризы. Рассказывая о крепости Кырк-Йер и Солхате, он не дает их описаний, а ограничивается замечаниями типа «прочная крепость и неподражаемая» или «великий город, окруженный прочной крепостью» [6: 38, 38 об.]. Более развернутые описания, напоминающие отчасти городской пейзаж и интерьер, встречаются в «Истории Сахиб Гирай-хана» Нидаи, приближающейся к художественной прозе дивана:

«Затем он принялся за Бахчисарай и устроил населенный птицами сад, а посередине его построил подобный раю дворец, увидев который Шеддад бы высказал одобрение. Его павильоны, галереи, залы, двор наполнены челядью и привратниками. Во все стороны проведена оживляющая вода. Подобно лику красавицы, повсюду улыбаются луга и лужайки, тополя, гранат и жасмин. В этом приятном месте он устроил высокое местопребывание, которое напоминало сад Ирема, а вблизи этого дворца он построил благородную соборную мечеть – приятное место собрания, для осмотра которой приезжали отовсюду. И назначив затем мудерриса, построил рядом с ней баню, о которой говорили во всех краях, а напротив нее возвели дома, открытые беседки. За несколько месяцев <Бахчисарай> превратился в радующий город, а благодаря двусторонним лавкам, развернулась торговля» [5: 25].

Опираясь на опыт героического эпоса и поэзии, крымскотатарские историки XVI – XVIII вв. осваивают пространство и время в формах, соответствующих жанровым особенностям создаваемых ими произведений. В рассматриваемых нами текстах преобладает историческое и суточное время [см. 2: 247 – 249]. Историческое время оформляется словами «в дату (тарих)». Например, «в дату от рождения Исы, мир ему, в тысяча семисотый год», «в дату девятьсот пятьдесят седьмого (года)», «в дату 716 (года)» и т.п. [4: 100; 11: 30 об.; 12: 6]. Иногда вместо слова «дата» («тарих») используется слово «год» («сене»), и тогда фраза принимает вид «в год ...» [10: 173, 201, 218]. Имеются также случаи использования обоих названных слов: «в дату (тарих) ... года» [10: 184]. Иногда указываются более точные реальные временные координаты исторических событий. К примеру, Сенаи в своей «Истории» бои за Избараш расписывает по дням недели [10: 204 – 208]. Суточное время в исторических сочинениях – это прежде всего время вставных рассказов в тевахрихах, а также время развернутых повествований о жизни героя в сочинениях жанра терджиме. Это время лишено

исторической конкретики и сакральной «неприкосновенности». Его течение в произведении может убыстряться и замедляться. Иногда временные промежутки «расширяются», характеризуясь более или менее детально, а иногда предельно «сжимаются», передаваясь несколькими штрихами. Так, в «Истории Сахиб Гирай-хана» Нидаи время суток неоднократно обозначается следующими фразами: «на рассвете», «настало утро», «настала ночь», «той ночью», «настало время послерассветной молитвы духа» [5: 22, 28, 48, 60, 88]. Похожая характеристика относительно небольшого временного промежутка дана в рассказе о Шахин Гирай-султане «Опоры известий»: «... они шли в надежде дойти ночью, но утро озарило землю», «... ночью остановились у речки Фындыклы», «...утром тронулись в путь» [4: 119, 120]. Иногда время «сжимается» – действие развивается более динамично, а время, соответственно, становится более быстротечным. В таких случаях меняется его обозначение. Например, у Нидаи: «на следующий день», «три дня спустя», «в тот день», «однажды», «в один из дней» [5: 28, 30, 34, 35, 37]. Такие особенности свойственны и сочинениям Мухаммед Гирая («на следующий день, на рассвете», «после великой резни, продолжавшейся в течение двух часов»; «в один из дней ... отправились в путь», «на пятьдесят первый день ...») [8: 143 – 145] и Саид Гирая («утром, в момент отправки в путь»; «в тот день», «два дня спустя», «... за пять-десять дней добрался до Акмесджида») [9: 89 об., 90, 93].

Суточное время исторических сочинений значительно ближе к вымышленному времени художественной прозы, чем историческое. Однако и историческое время теварихов – это не простое исчисление лет, месяцев и дат. По роли в организации сюжета крупных исторических сочинений оно часто приближается ко времени космическому. В этом случае описываемые в них события соотносятся с важнейшими, с точки зрения автора, явлениями: сотворением мира и первого человека, с потопом, с хиджрой пророка Мухаммеда и т.п. Такой прием позволяет выразить мусульманские идеи относительности, быстротечности бытия. Историческое время, выстраивая события в четкую последовательность, организует суточное время и реабилитирует вымышленное время вставных рассказов, превращая эти виды времени и события, в нем протекающие, в часть вселенской истории.

Пространственные картины в исторических сочинениях конкретны, реальны, географически точно определены. Выше отмечено, что пространство в исторических сочинениях не требует вымысла или домысливания поскольку действия происходят в хорошо известных читателям местах. Однако главной причиной отсутствия развернутых картин в художественном воспроизведении пространства является динамизм повествования произведений крымской исторической прозы. Быстрота изменения событий в них не оставляет простора для монотонности статического описания местности, города, крепости, географического объекта.

Действия в произведениях крымско-татарской исторической прозы организуются по хроникальному принципу. Эпизоды следуют один за другим, но, в отличие от эпоса, они не подчинены жесткой причинной обусловленности. Ощущение целостности повествования обеспечивается общей эмоциональной окрашенностью. В общей тональности произведений постзолотоордынского и классического периодов драматические начала сочетаются с героическими (что

сближает их с героическим эпосом), а в произведениях переходного периода можно увидеть значительную широту диапазона тональностей – от героики, драматизма и трагизма до юмора, сатиры, иронии и сарказма.

В сюжеты произведений иногда проникают элементы многолинейности. Действия главных персонажей выстраиваются в самостоятельные, пересекающиеся друг с другом линии. Так, в «Истории» Сенаи можно выделить линии сюжета, связанные с действиями Ислам Гирая III и Тогай-бея. В сочинениях Абдулгаффара Кырыми, Мухаммеда Ризы и Хурреми Челеби примером многолинейного сюжета являются главы, посвященные описанию перипетий периода правления Селямет Гирая I (1608 – 1610), Джанибек Гирая II (1610 – 1623, 1624, 1628 – 1635) и Мухаммед Гирая III (1623 – 1624, 1624 – 1628). Здесь можно выделить линии, связанные с Селямет Гираем, Джанибек Гираем, Мухаммед Гираем и Шахин Гирай-султаном [4: 118 – 122; 6: 62 – 64 об.; 11: 64 – 69].

Во всех исторических произведениях действие развивается энергично и динамично, что, несомненно, вытекало из свойственного тюркским народам художественного способа восприятия мира. Поэтому в крымскотатарских исторических сочинениях действие (поход, бой, возвращение, диалог и т.п.) доминирует над статическими описаниями: портретом, пейзажем и интерьером. Как и в героическом эпосе, человек изображается «в столкновениях, конфликтах, которые служат главным средством раскрытия его характера» [3: 32, 42, 44].

Таким образом, авторы крымскотатарской исторической прозы, продолжая и развивая традиции устной народной прозы, творчески перерабатывая художественный опыт других литератур мусульманского Востока, создали самобытный, многогранный художественный мир. В национальных исторических сочинениях ханского времени мы видим яркие примеры проявления авторского начала, в XVI – XVIII вв. происходит процесс индивидуализации персонажей. Это проявляется в разрушении средневекового этикета. Второстепенные по рангу литературные герои выходят на передний план повествования. В переходный период в действиях, репликах, молитвах персонажей ярко проявляется их внутреннее состояние. Разрушение средневекового этикета отчетливо видно в развитии такого важного элемента повествования как портрет. Крымскотатарские историки XVI – XVIII вв. осваивают пространство и время в формах, соответствующих жанровым особенностям создаваемых ими произведений. В построении сюжета произведений национальной исторической прозы, по сравнению с героическим эпосом, появляются новые черты, диктуемые набирающей силу эстетикой и поэтикой нового литературного художественного восприятия. Это проявляется, например, в том, что целостность повествования обеспечивается не жесткой причинной обусловленностью эпизодов, как в эпосе, а общей эмоциональной окрашенностью произведения. Перечисленные факты позволяют говорить о том, что историческая проза ханского времени была одним из важнейших элементов системы «литература Крымского ханства», в котором происходило формирование основ крымскотатарской художественной прозы новейшего периода.

Литература

1. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X – XVII веков. Эпохи и стили. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. – 254 с.
2. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2002. – 437 с.
3. Касыбеков У. Народные эпические традиции и генезис кыргызской письменной прозы. – Бишкек: Илим, 1992. – 126 с.
4. Kırmî el-Hâcc Abdülğaffâr. ‘Umdetü’t-tevârih / N. Asım Bey tarafından bir Medhal ve İlavelerle neşrolunmuştur: Türk Tarih Encümeni Mecmuası’nın ilâvesi. – İstanbul, 1343 (1927). – 207 s. (на османско-турецком языке).
5. Târîh-i Sâhib Giray Hân (Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimée de 1532 à 1551) / Edition critique, traduction, notes et glossaire Ö. Gokbilgin. – Ankara, 1973. – 313 s.
6. Hâcî Kasımzâde Mehmed Rızâ. Sab’al sayyâr fî ahbâr-i mulûk al-tâtâr. – Süleymaniye kth. Hamidiyye, 950. – 178 yk. (рукопись; на османско-турецком языке).
7. Крымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов / Пер. с османско-турецкого К. Конгурата (К.Усеинова). – Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. – 72 с.
8. Köhbach M. Der Târîh-i Mehmed Girây – eine osmanische Quelle zur Belagerung Wiens durch die Türken im Jahre 1683 // Studia Austro-Polonica 3. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellockiego, DCLXXII, Prace Historyczne, Zeszyt 75. – Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellockiego, 1983. – S. 137 – 164.
9. Sa’îd Giray b. Sa’âdet Giray Han. Ta’rih-i Sa’îd Giray Han. – Staatsbibliothek zu Berlin. Preussischer Kulturbesitz. Türkische handschriften. Hs. or. oct. 923, Teil 3. – Bl. 87a – 135a (рукопись; на турецко-османском языке).
10. Туранли Ф.Г. Літописні твори М. Сенаї та Галим Султана як історичні джерела. – К., 2000. – 311 с.
11. Hüremî Çelebi. Târîh-i Hânân-ı Qırım. – Библиотека Бахчисарайского дворца-музея. Архив. № 150. – 78 л. (рукопись; на османско-турецком языке).
12. Kefevî İbrahim Efendi b. Ali Efendi. Tevârih-i Tatar Han ve Dağistân ve Moskov ve Deşti Qırçaq ülkeleriniñdir / Haz. ve İlk Söz’ü yazan: Qırım b. C. Seydahmet. – Pazarçiq, 1933. – 77 s. (на османско-турецком языке).

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК: 141.336:[82-97:82-1/-9]=5/2.145

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СУФИЗМА В КРЫМУ

Абдульванов Н.

Одна из наиболее компетентных российских специалистов-суфиеведов Н.И.Пригарина во “Введении” к сборнику “Суфизм в контексте мусульманской культуры” отмечает: “Среди актуальных проблем изучения классического культурного наследия народов Востока, исповедывающих ислам, едва ли не самой важной остаётся проблема суфизма. Многообразный, многоликий в своих конкретных проявлениях, суфизм вошёл в духовную, социальную и культурную жизнь мусульманских народов начиная с первых веков возникновения ислама, оказав огромное влияние на все указанные сферы.” [1: 3-4]

Ещё более “категоричен” в оценке роли и значимости суфизма известный английский востоковед Рейнольд Никольсон, в своё время указывавший, что суфизм является настолько существенным элементом культуры ислама, что без понимания его основных идей какая-либо попытка проникнуть в её (культуры ислама) сущность обречена на неудачу [2: 1].

Ряд подобных цитат и мнений можно было бы продолжить. Обобщая, лишь отметим, что по мнению большинства учёных-специалистов в области исламского мистицизма, одной и наиболее значительной формой которого является суфизм, последний – наиболее важная тема в исследовании значительного спектра мусульманских дисциплин. Что же касается тем исламской этики, эстетики, психологии, искусства, литературы и т.п., то в этих сферах он является темой ключевой, поскольку эти сферы были сферами его непосредственного и, во многом, исключительного влияния.

Впрочем, нельзя не сказать и о том, что в настоящее время, время бурных процессов как внутри ислама, так и вокруг него, в самой исламской среде суфизм остаётся, пожалуй, и одной из наиболее полемичных тем, более того, зачастую подвергается самой серьёзной критике и даже откровенным нападкам. Выражаются прямо противоположные мнения: суфизм, с одной стороны, объявляется чуть ли не главным виновником кризиса в исламском мире, с другой стороны, суфизм, как мистический аспект любой религии (любая религия, в той или иной мере, мистична – это её, религии, «природное» свойство) признаётся неотъемлемой частью ислама, более того – его глубинной сутью, облагородившей его и возвысившей [3: 256-293].

Споры эти не новы, они продолжают уже не одно столетие и, надо полагать, будут продолжаться. Всё это может лишь в очередной раз свидетельствовать о непреходящей значимости феномена суфизма и необходимости его всестороннего и углубленного изучения. Причём, как в странах традиционного распространения суфизма и долгой его истории

развития, так и в государствах, в которых суфизм представляет собой явление достаточно новое.

Внимание к суфийским исследованиям растет. Это наблюдается, в частности, на примере бывших советских республик Средней Азии, Поволжья и Кавказа, являвшихся местами традиционного распространения суфийских идей и его организационных структур, но в советское время не ставших, по понятным причинам, предметом серьезных научных исследований (не говоря уже о каком-либо ощутимом практическом развитии соответствующих теории и практики). Помимо этого, одними из наиболее значительных центров соответствующих исследований на постсоветском пространстве продолжают оставаться города Москва и Санкт-Петербург.

Что касается Запада, то там суфизм – традиционно популярная тема и основная масса классических, фундаментальных трудов по суфизму до сих пор принадлежит именно западным авторам.

Возросло количество суфийских исследований в странах Ближнего Востока, в Иране, Пакистане, Индии, а также в странах Дальнего Востока.

Особо необходимо сказать о значительной активизации соответствующих исследований в Турции, которая по части суфийского теоретического и литературного наследия располагает, пожалуй, наиболее значительным потенциалом: одних авторов турецкая суфийская литература насчитывает многие десятки, если не сотни, имён. Соответственно, количество исследований и введение в оборот оригинальных текстов, ранее опубликованных арабией или не опубликованных вовсе, постоянно растёт. Турецкий исследователь Мустафа Ашкар в журнале “Тасаввуф” за сентябрь 2000 г. опубликовал библиографический список диссертационных исследований, осуществлённых к тому времени в Турции (в основном, на богословских факультетах ряда ведущих университетов): количество исследований составляет 414 диссертаций, из них 178 – докторских [4]. Количество же опубликованных рядовых научных и научно-популярных статей, стоящих за этими диссертациями, исчисляется, без преувеличения, тысячами названий.

При таком обилии суфийских исследований в соседней Турции, некогда бывшей государством, под протекторатом которого находился и Крым, и соответствующие процессы во многом были общими, а также принимая во внимание оживление исследований в республиках бывшего СССР и неослабевающий интерес к суфизму на Западе и в государствах Среднего и Дальнего Востока, исследования по крымскому суфизму и крымской суфийской литературе, вернее, практическое отсутствие таковых, не может не вызывать сожаления. Поскольку, даже самое поверхностное знакомство с темой позволяет свидетельствовать о том, что Крым был регионом достаточно широкого распространения суфийских идей и располагал довольно разветвлённой сетью соответствующих организационных структур. То же самое можно сказать и о литературном наследии крымских суфийских авторов, как теоретического, так и художественного содержания, – оно достаточно обширно, разнообразно и обращает на себя внимание своими несомненными литературно-художественными достоинствами. Всё это, представляется, должно стать предметом самых серьёзных исследований. Увы, повторимся, какая-либо традиция изучения соответствующей тематики отсутствует: не говоря уже о

диссертационных исследованиях, количество рядовых статей, как газетных, так и журнальных, можно пересчитать по пальцам.

Из этих материалов отметили бы: из довоенных – статью Я. Кемаля [5], из материалов последнего времени – статьи Е.Бахревского [6], Т.Усеинова [7], Л.Иззетовой [8; 9]. Особо необходимо отметить исследования по суфийской тематике, имеющие отношение к Крыму, осуществлённые в последние годы в Турции [10; 15].

Между тем, база для исследований сформировалась уже достаточно обширная. Из основных источников, которые могли бы быть использованы в соответствующих исследованиях, назовём следующие:

1. Османские и крымские исторические хроники – произведения жанров “*тарих*”, “*теварих*” и т.п. Одних только крымского происхождения хроник XVI–XIX вв. в настоящее время выявлено около 10 названий [11]. Как правило, суфийской тематике в таких произведениях отводится весьма существенное место. Большая часть этих произведений до сих пор в научный оборот не введена, более того – некоторые произведения даже не были ни разу опубликованы – ни арабицей, ни в другой графике. Из крымских хроник, ставших в последнее время предметом внимания исследователей, на предмет, интересующий нас, отметим такие, как “Тарих-и Сахиб Гирай хан” («История хана Сахиб Гирая») Кайсуни-заде Нидаи (XVI в.), “Эс-себ-ус-сеййар фи ахбар-и мулюк-ит-татар» («Семь планет в известиях о правителях татар») Сеййид Мухаммеда Ризы, “Тарих-и Саид Гирай” («История Саид Гирая») Саид Гирай султана, «Тарих-и ханан-и Кырым» («История крымских ханов») Хурреми Челеби (все – XVIII в.), “Гюльбюн-и ханан” (“Розовый куст ханов”) Халим Гирай султана (XIX в.).

2. Книги путешествий. Среди подобных произведений отметим известные описания Ибн Баттуты (XIV в.) [12, с. 278-314] и Эвлия Челеби (XVII в.) [13].

Агиографическая литература. В настоящее время известны несколько подобных памятников – главным образом анатолийского происхождения, но в которых присутствуют сведения, касающиеся событий и в Крыму [19].

4. Официальные документы, из которых особо отметили бы ханские ярлыки, а также нотариальные документы *сиджли* из так называемых “кадыаскерских книг” – основного корпуса сохранившихся материалов крымского архива ханского периода [14].

5. Шейхские родословные *шеджере*.

6. Арабская, персидская и тюркоязычная (не крымская) суфийская литература, имевшая распространение в Крыму и сохранившаяся в различных архивных и библиотечных (государственных, общественных, личных) собраниях.

7. Непосредственно сама крымскотатарская суфийская литература – как теоретическая (трактаты различных жанров и т.п.), так и художественная [15].

На основании даже этого круга источников уже сейчас можно обозначить целый ряд довольно интересных и перспективных направлений (тем) исследований по крымскому суфизму, в частности:

1) Появление и начальный период распространения суфийских идей в Крыму.

2) Суфийское мировоззрение и соответствующие организационные структуры в периоды Золотоордынский (XIII–XV), Крымского ханства (XV–1783) и Конца XVIII – первой трети XX вв..

3) Влияние суфийских идей на духовную и общественно-политическую жизнь крымских татар.

4) Шейхские династии и их роль в религиозной и общественно-политической жизни Крыма.

5) Суфизм и цеховые ремесленные организации.

6) Суфийская тематика в топонимике Крыма.

7) Крымские шейхи вне Крыма (в различных культурных и религиозных центрах Османской империи).

8) Представители османского суфизма в Крыму.

9) Суфизм и правящая династия Гераев.

10) Суфизм и культ святых (“азизов”).

11) Суфийская литература в Крыму.

12) Крымскотатарская суфийская литература.

13) Суфийские мотивы в крымскотатарском фольклоре.

В настоящей статье нам хотелось бы вкратце коснуться основных контуров вышеприведённых тем.

Появление и распространение суфийских идей в Крыму. Появление и начальный этап распространения суфийских идей в Крыму связаны с появлением и распространением в Крыму ислама в целом. Последняя тема продолжает оставаться малоизученной, но можно с уверенностью говорить о том, что, при очевидном присутствии отдельных мусульманских общин на территории полуострова по меньшей мере уже с начала XIII века, активный процесс исламизации Крыма приходится на вторую половину этого столетия [16].

На фоне общей малоизученности темы, её суфийский аспект до сих пор практически не затрагивался и продолжал оставаться в тени. Однако, даже при самом поверхностном ознакомлении, роль суфизма в соответствующих процессах вырисовывается достаточно значимой и даже символичной. Дело в том, что процесс исламизации в Крыму осуществлялся, главным образом, при самом активном участии лиц, бывшими основными персонажами именно истории суфизма.

В середине XIII в. в результате массовых переселений, связанных в первую очередь с монгольским продвижением на Запад, Крым становится ареной весьма бурных и интересных процессов, имевших к суфизму самое непосредственное отношение. В это время Крым, как и соседние территории Малой Азии и Балкан, буквально наводняют представители различных дервишских групп, объединяемых обычно в религиозно-суфийское движение *бабайи* (от тюрк. *баба* – отец, глава, старейшина, наставник, шейх). Помимо непосредственно членов института «бабайи», в это движение входили дервиши групп *есеви*, *вефайи*, *хайдери*, *календери* и др. [17: 27-31].

В пёстром собрании этих персонажей мы видим личностей, уже при жизни своей ставших легендами тюркского (и в том числе – крымского) народного ислама. Сеййид Сары Салтук Баба (ум. 1293 или 1296), Барак Баба (уб. 1308), Кемаль Баба (Кемаль Ата), Чобан Ата, Кара Дауд... Жизнь этих газиев(борцов

за веру)-святых-чудотворцев, породив богатейший фольклор героического и религиозно-мистического содержания, на долгие столетия стала одной из наиболее интересных страниц мусульманской истории соответствующего региона.

Однако, несмотря на достаточно широкую известность всех вышеупомянутых персонажей, крымский период их жизни и деятельности в настоящее время остаётся практически неисследованным. Эта проблема, пусть и отчасти, могла бы быть снята в результате изучения содержащего богатейший материал в связи с событиями в означенный период и в Крыму известного агиографического произведения турецкого поэта XV в. Эбу-ль-Хайра Руми “Салтук-наме” (“Сказание о Салтуке” (1480)), с точки зрения крымской истории до сих пор абсолютно неисследованного [19].

Обращает внимание, что происходили эти события во времена правления в Золотой Орде хана Берке (1257–1266) – младшего брата знаменитого Бату (Батыя, ум. 1255), и первого хана-чингизида, принявшего ислам, причём, – именно от суфийского шейха из Бухары аль-Бахризи [20, с. 37-38].

Привлекает внимание и тот факт, что ещё одним ярким персонажем этих событий являлся Изеддин Кейкавус II – один из последних сельджукских правителей (султанов) Рума, приглашённый в Крым ханом Берке в середине 1260-х гг.. Берке пожаловал султану два города – Солхат (Старый Крым) и Судак. В Судаке же султан и упокоился в 1278 году [21, с. 37]. В нашем же контексте личность Кейкавуса II интересна тем ещё и тем, что, во-первых, именно с ним в Крым прибыли дервиши, возглавляемые Сары Салтуком, и, во-вторых, он был мюридом знаменитого анатолийского суфийского наставника и поэта Джеляледдина Руми (1207–1273) [21: 36]. Последнее же даёт основания предполагать, что имя Мевляны и его творчество стали известны в Крыму уже при жизни гениального поэта.

Возвращаясь к Сары Салтуку, необходимо упомянуть и ещё о двух именах – символах тюркской литературы и духовной культуры в целом, а именно – Ахмеде Есеви (ум. 1166, Туркестан), знаменитом среднеазиатском суфийском шейхе и поэте, по духовному указанию которого, как свидетельствует предание, Сары Салтук и отправился в Малую Азию и близлежащие ей регионы Европы со священной миссией распространения ислама, а также – Юнусе Эмре (1241?–1321?) – гениальном анатолийском поэте, бывшим в духовно-преемственной связи (через своего наставника шейха Тапдука и далее через Барак Баба) с Сары Салтуком. [17: 28]. Таким образом, есть основания полагать, что личности и того и другого, как и образцы их творчества стали известны в Крыму уже во второй половине XIII века. Заметим, что в отношении Ахмеда Есеви хронологическая планка может быть опущена и ниже.

О вхождении во второй половине XIII века Крыма в ареал распространения ислама, и непосредственно суфизма, и, в частности, пребывания здесь шейхов, свидетельствуют также и данные крымской эпиграфики [22: 13, № 142].

Распространение соответствующих идей происходит не только в устной форме: о возможном написании в это время в Крыму первого суфийского трактата пишет Я. Кемаль в статье “Арабский суфийский рукопис XIII вѣку, в Крыму найдений i чи не в Крыму й писаний” [5].

Значительно больше исторических свидетельств, имеющих отношение к теме “Суфизм и Крым” сохранилось за XIV век – столетие бурного расцвета Крыма под сенью ислама, официально принятого в Золотой Орде при хане Узбеке (1312–1341).

Знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута, посетивший полуостров в 1332 году пишет, в частности, о своём пребывании в ските (надо полагать, дервишской обители *текие* – А.Н.) в окрестностях города Крыма (ныне Старый Крым), который возглавлял некто Шейх-заде эль-Хорасани [12: 280]. Помимо этого, в связи с Крымом Ибн Баттута упоминает имена ещё двух шейхов – Музаффареддина и Музхиреддина [там же: 280-281], однако идёт ли речь о суфийских шейхах, решить пока что не представляется возможным.

О.Акчокраклы на основании данных эпиграфики, а именно имён шейхов Якуба Конийского (ум. 729/1328) и Хаджи Яхьи сына Мухаммеда Иракского (782/1380) на сохранившихся надгробиях в селении Отузы под Кафой делает предположение о наличии в XIV в. в этом месте дервишской обители [22: 7, 15]. (Эти два надгробия, кстати, не единственные, имеющие отношение к суфийской тематике [там же, см.: №№ 18, 90, 91, 92, 142])

XIV-м же веком некоторые крымские историки, и в частности, У.Боданинский, датируют проникновение в Крым из Малой Азии представителей суфийского братства “эхи”, развившего “довольно сильную пропаганду среди цехов ремесленников” [23: 14].

Об эхи же, как о “дервишском братстве, с коммунистическим уклоном, очень распространённом во времена сельджуков в Малой Азии, попавшем и в Крым” пишет и О.Акчокраклы в уже цитированной статье “Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв.” [22: 4], отмечая наличие среди описываемых им надгробных памятников – одного, принадлежащего некоему Эхи Махмуду сыну Эхи Мустафы [там же: 10, № 41]. (О связи суфизма, и в частности братства эхи, с цеховыми ремесленными организациями – см. ниже.)

Помимо этого, в различных исторических источниках за этот период проходят имена суфийских наставников с нисбой “Кырымий” (“Крымский”) [24: 123]. О ряде крымцев этого периода, имеющих отношение к суфизму, имеются и более подробные сведения [25: 12-15].

Встречаются в исторических источниках сведения и о суфийских иерархах не крымского, надо полагать, происхождения, но проживавших в то время в Крыму [26: 96].

Суфизм в Крыму в период Крымского ханства. Свой расцвет крымский суфизм переживает в период Крымского ханства (1-я пол. XV в. – 1783). В это время ещё более распространяется суфийская идеология, окончательно формируется организационная сеть различных братств, получает развитие крымская суфийская литература.

Некоторое представление о соответствующих процессах, и, в частности, о сети суфийских обителей в Крыму в это время, можно получить из известной “Книги путешествия” знаменитого турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби, дважды – в 1641-42 и 1666-67 гг. – посетившего Крым и зафиксировавшего в “Книге” богатейший материал, касающийся самого широкого круга аспектов общественно-политической, религиозной и культурной жизни Ханства (главным образом – по следам своего второго

посещения) [13]. Суфийская тематика занимает в “Книге” особое место [6], поскольку и сам Эвлия Челеби был членом братства мевлеви, да к тому же – возводил свою родословную к самому Ахмеду Есеви [13: 3].

Если обратить внимание, то путешественник передвигался от обители к обители (что и понятно, поскольку основная масса суфийских обителей (*текие* или же *текке*) по своему назначению была многофункциональна). Всего, в “Книге” упомянуто по меньшей мере 33 текие (понятно, что Эвлия не объехал всего Крыма). На основании описания Челеби можно выделить около 15 суфийских центров в Крыму. Тарикаты – традиционные: хальветийе, гульшенийе, джелветийе, мевлевийе, кадирийе, накшбендийе, но есть и местные: коледжли и чоюнджили – по названию двух наиболее известных суфийских центров в Крыму: сел Коледж под Кефе (Феодосия) и Чоюнджи в окрестностях Акмесджита (Симферополь). Последние вызывают особый интерес, поскольку представляют собой, надо полагать, местные формы суфийской практики.

Из них особо привлекают внимание обители братства коледжли, и, в частности, имя одного из шейхов этого братства, на момент посещения Челеби уже покойного – Ахмеда Коледжского, по Эвлия Челеби – одного из наиболее известных крымских духовных наставников того времени. Обители шейха Ахмеда находились, помимо Коледжа, в Кефе, Акмесджите, Гёзлеве (ныне г.Евпатория), селении Кара-Альп. Увы, о личности наставника в настоящее время практически ничего не известно, о судьбе его братства – также.

В целом же, эволюция организационной сети братств в Крыму представляется следующим образом: в середине XVIII в. в Крыму насчитывается по меньшей мере 50 обителей, с присоединением же Крыма к России количество обителей непрерывно уменьшается и уже в советское время, в 1920-30 гг. сеть обителей как организационная система перестаёт существовать. Добавим, что в настоящее время в Крыму сохранились здания лишь двух (недействующих) обителей – в Евпатории (весьма характерное сооружение предположительно XVI в.) и Симферополе (здание XIX(?) века).

В связи с обителями вызывает интерес ритуальная практика в различных братствах, различные формы внутреннего и внешнего этикета, традиции инициации (посвящения), формы индивидуальных и совместных радений, формулы теомнемии – “зикра” и т.д., а также соответствующий литературный этикет.

Суфизм в политической и общественной жизни Крыма. Пока трудно что-либо сказать о роли суфизма в политической и общественной жизни Крыма. Есть основания предполагать, что роль эта была довольно значительной. Достаточно указать на то, что четыре наиболее известных религиозных центра Крыма – селения Коледж под Кафой, Чоюнджи в окрестностях Акмесджита, Качы в долине одноимённой реки и Ташлы Шейх-эли (Едилер) в степном Крыму (на территории нынешнего Красногвардейского района), получившие название “четырёх очагов” («дёрт оджак») и характеризующиеся крымскими средневековыми историками как “четыре столпа государственного трона и блюстители окна правительственных дел Крымской области” [27: 144] были центрами именно суфийскими, располагая соответствующими дервишскими обителями с многочисленными последователями, внушительными комплексами

над могилами известных своих иерархов (бывшими главными местами паломничеств и пользовавшихся славой святых мест “азизов”), а также солидными земельными и разного рода имущественными ресурсами – *вакуфами*. Духовные наставники этих центров – шейхи – являлись членами ханского Дивана и участвовали в принятии важнейших политических решений [28: 40].

Часто ханы обращались к помощи шейхов для поднятия своего авторитета, да и вообще – всячески дорожили их расположением, не пренебрегая для этого никакими мерами [27: 152-153].

Шейхи часто избирались на самые важные посты в государстве, в частности – Крымского муфтия и Крымского кадыаскера, участвовали, а порой и возглавляли различные посольские миссии [там же: 154]. Видим шейхов исполняющими и другие важные государственные функции и поручения.

Говоря о, в некотором роде, “непосредственных” функциях шейхов, скажем и том, что *аталыками* – наставниками принцев, а также советниками при ханах, как правило, были, опять же, представители шейхских фамилий [28: 12-14; 29: 83-91; 30; 31: 13; 32: с. V, s. 1520; 33; 34].

Шейхские династии Крыма. Как известно, каждая суфийская обитель управлялась непрерывной цепью духовных наставников. Часто, а в Крыму, по некоторым предположениям – как правило, это были представители какой-либо одной семейной династии. Представляется интересным воссоздать все эти, в своё время пользовавшиеся огромным авторитетом шейхские родословные Крыма. Материалы для этого имеются.

Так, в частности, сохранились, многочисленные списки, непосредственно, шейхских родословных – *шеджере*, причём как оригинальные, так и вновь воссозданные потомками. Богатый материал по данной теме содержат ханские ярлыки, в которых по разному поводу, и в частности – в материалах по вопросам разного рода привилегий, также фигурируют многочисленные родословные шейхов различных династий. Для примера можно привести родословные из ярлыков, использованных В.Д.Смирновым в упоминавшейся выше статье “Крымско-ханские грамоты”. О родословных крымских шейхов пишет в своём “Универсальном описании Крыма” и В.Х.Кондараки [36: ч. 11, с. 4-11]. Фрагменты родословных присутствуют также в различных крымских хрониках, например, в “Тарих-и Саид Герай” (XVIII в.) [37], а также в другого рода исторической литературе: в той же “Книге путешествия” Эвлия Челеби, к примеру, в главе “Селение Качы” мы встречаем имена представителей трех поколений шейхов этой известной обители (кстати – ещё одного из “четырёх очагов”) [13: 25-26].

Личности представителей крымских шейхских фамилий остаются практически неисследованными. Хотя даже имеющиеся сведения позволяют предполагать, что среди них были люди весьма незаурядные, и в частности – целый ряд мыслителей, авторов трудов по теории и практике суфизма и поэтов [38: 9-12; 39]. Обращает на себя внимание и тот факт, что могилы известных шейхов после их смерти нередко становились местами паломничества, получая в народе известность под именем святых мест – *азизов* (см. ниже).

Суфизм и цеховые ремесленные организации. Как известно, суфизм проник практически во все сферы жизни средневекового мусульманского общества. Одной из таких сфер его довольно значительного влияния были цеховые ремесленные организации, с которыми суфийские братства во многом сближала внутренняя организация жизни, и в частности – взаимоотношения, складывавшиеся между основными субъектами этих отношений: наставником-мастером *уста* и учеником *чырак* – в цеховой организации и, соответственно, между шейхом-*муришидом* и учеником-*мюридом* – в суфизме. Помимо этого, необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что основной массой рекрутов братств из городской среды были как раз представители городских ремесленных кругов.

Роль суфизма в соответствующих организациях, в частности в Турции и Средней Азии, довольно подробно исследованы. В Крыму на эти моменты в своё время также было обращено внимание. В частности, укажем на материалы А.Н.Самойловича, помещённые в № 50 ИТУАКа (отчёт о заседании Комиссии от 5 июня 1913 г.) [35: 294-295].

В 1920-х гг. темы касались и крымскотатарские учёные – У.Боданинский и О.Акчокраклы. В частности, У.Боданинский, в уже цитированной выше статье, пишет о «довольно сильной пропаганде» среди цехов ремесленников представителей братства эхи (см. выше) и о встречающихся упоминаниях о последних «в статутах ремесленных цехов» [23: 14].

Увы, какого-либо серьёзного дальнейшего развития тема, по всей видимости, не получила.

Суфийская тематика в топонимике Крыма. И этот аспект темы выглядит достаточно репрезентативным. Его уже касались авторы монографии «Топонимия Крыма» (Суперанская А.В., Исаева З.Г. и Исакова Х.Ф.), насчитавшие в крымской топонимике только с компонентом шейх 24 ойконима [40: 100-101], а также И.Абдуллаев, значительно развивший тему в уже цитированной статье «Ислам и крымские татары». И.Абдуллаев указывает на факт обилия в крымской ойконимии наименований с компонентами «аджи», «челеби», «молла», «эфенди», «кады», «суфи», и демонстрирует это на примере наименований селений Карасубазарского каймаканства за 1785 г: в 8 калдылыках этого каймаканства им насчитано 42 соответствующего ойконима [16, 21 дек.].

Вот примеры некоторых из приведённых И.Абдуллаевым ойконимов, в данном случае – содержащих компонент «шейх»: Шейх, Шейх-эли («Округа (край) шейха» – этот ойконим особо распространён – А.Н.), Дерекли-Шейх-Эли, Ташлы-Шейх-Эли, Джилга-Шейх-Эли (*Джага-Шейх-Эли* ? – Н.А.), Куру-Джилга-Шейх-Эли (*Куру-Джага-Шейх-Эли* ? – Н.А.), Шейх-Кой, Ак-Шейх, Тука-Шейх, Шейх-Монак, Мантык-Шейх, Шейхлар. К этим ойконимам на основании собственных исследований добавили бы следующие: Эвель-Шейх, Шейх-Асан, Ток-Шейх, Кула-Шейх, Кель-Шейх, Джадра-Шейх-Эли, Чокраклы-Шейх-Эли, *Джага-Шейх-Эли*, *Куру-Джага-Шейх-Эли* [41; 42]. Если же добавить к этому ойконимы с компонентами «суфи», «дервиш», «азиз», «азизлер», «текие», «текиели» и т. п., то перед нами предстанет довольно впечатляющая картина. Необходимо обратить внимание и на тот факт, что многие населённые пункты, имеющие непосредственное отношение к суфийской истории Крыма, имеют названия никак с соответствующей

тематикой не связанные. Самый красноречивый тому пример – названия самих «четырёх очагов»: Коледж, Качи, Чоюнджи, Ташлы. В этой же связи внимание привлекают селения, происхождение которых, – главным образом, в преданиях, – связывается с суфийской тематикой, но в названиях которых это, опять же, никак не отражено [36: ч. 11, с. 4-11].

Крымские шейхи вне Крыма. Говоря о крымских шейхах, нельзя не упомянуть и о духовных наставниках – крымцах, живших и получивших известность за пределами Крыма, – Абдульвапов Н.

Главным образом, в Стамбуле и других культурных и религиозных центрах Османской империи. В настоящее время известны имена десятков таких шейхов, личностей весьма колоритных и в своё время весьма известных, в том числе – целый ряд авторов различного рода суфийских трактатов и поэтов [38; 39; 43]. Даже поверхностное знакомство с биографиями некоторых из них позволяет сделать вывод о том, что крымские шейхи сыграли довольно значительную роль в развитии суфийских идей и практики за пределами Крыма, заняв достойное место в истории соответствующих процессов в рамках всего османского региона.

Помимо непосредственно шейхов, среди представителей крымскотатарской «диаспоры» ряда османских центров, и в первую очередь, среди представителей высших османских кругов столицы Империи Стамбула, можно также видеть многочисленных крымцев – членов различных суфийских братств, среди них – целый ряд видных мыслителей и поэтов [там же].

Представители «османского» суфизма в Крыму. В связи с темой крымских шейхов за пределами их исторической родины вызывает интерес и тема, скажем так, обратная, а именно – присутствие в Крыму представителей «османского» суфизма. В настоящее время можно привести несколько имён, собственно, поэтов-суфиев – Кемаля Умми (ум. 1475), Ибрахима Джеври (ум. 1654), Кырымий (ум. 1708/09), в разное время живших или посещавших Крым. О пребывании в Крыму кого-либо из известных суфийских иерархов сведениями пока не располагаем, хотя такие посещения, надо полагать, имели место.

Суфизм и Гераи. Одной их наиболее привлекательных тем крымско-суфийской проблематики является тема, связанная с отношением к суфизму представителей крымской правящей династии – ханской семьи Гераев. И здесь, как и во всех предыдущих случаях, исследователей ожидает довольно обширный материал для изучения.

Приведём лишь несколько фактов – из того, что известно на сегодняшний день. Членами суфийских братств были ханы **Ислам Герай II** (1584-88, мевлеви), **Мехмед IV** (1641-44, 1654-67, мевлеви), **Хаджи Селим Герай I** (1671-78, 1684-91, 1692-99, 1702-04, мевлеви), **Шехбаз Герай** (1787-89, накшбенди), принц **Халим Герай** (ум. 1823, накшбенди или кадири), члены семьи **Шехбаз Герай** (ум. 1836), **Саид Герай** (1-я пол. XIX в.) и др.. Есть все основания говорить о принадлежности тарикату хальветийе (или же одному из его ответвлений) хана **Менгли Герая II-го** (1724-30, 1737-40) [33; 34].

Как мы видели выше, ханы привлекали известных суфийских шейхов в советники, а также в воспитатели своих наследников-принцев. Некоторые ханы прибегали к помощи шейхов для поднятия своего авторитета. Крымские правители участвовали в обустройстве суфийских обителей, оказывали

вещескую помощь в благоустройстве многочисленных мест паломничеств, связанных, в том числе, с суфийской историей Крыма и т.п.

Среди Гераев, имевших так или иначе отношение к суфизму, мы видим, кстати, и целый ряд поэтов, в творчестве которых присутствуют, в том числе, и соответствующие мотивы, а также историков.

Суфизм и культ святых (“азизов”). Одной из сфер непосредственного влияния суфизма в Крыму, как и в других регионах исламского мира, был культ святых – важнейшая составляющая так называемого «народного ислама». В Крыму он принял форму поклонения святым местам *азизам*. В настоящее время выявлены сведения о более чем 130 крымских азизах – как сохранившихся, так и тех, места которых в настоящее время пока/уже не представляется возможным локализовать [44]. Тема культа святых, разумеется, – чрезвычайно обширная и сложная тема. В настоящей статье нам хотелось бы обратить внимание лишь на те азизы, которые имеют к суфизму самое непосредственное отношение, а именно – те, что были и являются (считаются) могилами суфийских шейхов и других известных (и неизвестных) персонажей суфийской истории Крыма.

Так, весьма известное место паломничества симферопольский азиз **Салгир-Баба** предание связывает с личностью шейха, жившего в Акмесджите в первой половине XVIII века [45]. Целый ряд святых могил азизов упомянут в «Книге путешествия» Эвлия Челеби: в Эски Кырыме – могилы шейхов **Кемаль Ата** и **Чобан Ата**, а также святых **Алемдар-султана**, **Дервиша Хараби** и **Пенчели Баба-султана** [13: 84] (святая могила ещё одного шейха **Кемаль Баба** располагается на вершине г. Святой в окрестностях Коктебеля), в Кефе – неких **Топчу Баба**, **Шейх Эфенди-султана**, **Дамад Эфенди-султана**, **Шент Баба**, **Шейха Эбу Бекра** [13: 96-97]), в крепости Инкерман – шейха тариката хальветийе, «великого султана, достигшего степени кутба (одного из наиболее высоких рангов суфийской иерархии – Н.А.), святого (азиза)» **Якуба-эфенди** [13: 27], в дер. Куледж (одном из «четырёх очагов») – могила ещё одного шейха ордена хальветийе, святого **Ахмеда-эфенди Куледжского** – «предсказателя и великого султана, имевшего 40 тысяч учеников по всему Крыму» [13: 105] и др.. Ещё целый ряд могил шейхов, получивших известность как азизы, отмечает в своём многотомном труде и В.Х.Кондараки: в Бахчисарае – могилы святых **Сент Мемед эрена** и, по преданию, никогда не спавшего **Шейх Мемед эфенди** [36: ч. 14, с. 60], святое место **“Учь азиз”** («Трёх святых») в дер. Эфендикой (ныне с. Айвовое Бахчисарайского р-на) [36: ч. 12, с. 82] (мавзолей, в котором некогда находились могилы трёх покойных шейхов местной дервишской обители – одного из “четырёх очагов” (вполне вероятно, те, о которых упоминает Э. Челеби в “Книге”: дед-отец-сын **шейхи Хусейин**, **Мухаммед** и **Хызр-шах** [13: 25]), а также могилу шейха в ещё одном из «четырёх очагов» – дер. Чоюнджи (ныне с. Урожайное Симферопольского р-на) [36: ч. 11, с. 8]. На “живописном холме” рядом с дер. Отузы (ныне с. Шелетовка), по сведениям О.Акчокраклы, в 1920-х гг. находились могилы ещё двух святых – шейхов XIV века **Якуба Конийского** (ум. 1328) и **Хаджи Яхья бин Мухаммеда Иракского** (ум. 1380) (см. выше). Надо полагать, и 7 могил, известные в своё время как могилы “святых азизов” в дер. Едилер Ташлы Шейх-эли (ещё одном из

«четырёх очагов») также принадлежали шейхам – наставникам местной суфийской обители [36: ч. 14, с. 35-36; 46].

И это, повторимся, – лишь святые места, связанные с именами суфийских шейхов Крыма. Тема святых мест Крыма в целом, разумеется, значительно обширней и содержательнее.

Что же касается заключительных тем, а именно *Суфийская литература в Крыму, Крымскотатарская суфийская литература, Суфийские мотивы в крымскотатарском фольклоре*, эти темы имеет смысл осветить в отдельной статье. Единственно отметим, что о суфийской литературе в Крыму уже можно прочитать, в частности, в нашей статье «Художественные произведения религиозно-суфийского содержания в Собрании рукописных и старопечатных книг Ханского дворца-музея в Бахчисарае» [47]. О крымскотатарской же суфийской литературе, – а это около 40 известных на сегодня имён с длинным рядом художественных (главным образом – поэтических) произведений самых разных жанров, а также трактатов по различным аспектам суфийской теории и практики, – отчасти могут дать представление некоторые уже опубликованные антологии крымскотатарской средневековой литературы [15; 48; 49].

Заключение: В настоящее время трудно в полной мере оценить значимость феномена крымского суфизма и определить его место в религиозной и культурной жизни крымских татар. Однозначным является то, что место это было достаточно значимым – как в народной среде, где вся религиозная жизнь во многом была замешана на элементах, имеющих к суфизму непосредственное отношение (вспомним мнение целого ряда исламоведов, которые вслед за Р. Никольсоном склонны были видеть в суфизме «массовую религию ислама» [50: 5]), так и среди представителей образованных кругов. Во всяком случае, перед исследователями – немалых объёмов материал самого разнообразного содержания, касающийся практически всех сторон общественно-политической, общекультурной и духовно-религиозной жизни крымскотатарского общества соответствующего периода. Необходимы исследования, которые позволили бы изучить тему не только лишь как исторический феномен, но и показали бы влияние суфизма на духовную жизнь крымского общества, оценить соответствующий духовный опыт и сделать его достоянием самой широкой научной и читательской аудитории.

Литература

1. Суфизм в контексте мусульманской культуры/Ответственный редактор и автор Введения Н.И.Пригарина. – Москва: Паука. Главная редакция восточной литературы, 1989. –341 с.
2. Ярош О. Человек в “мистической парадигме”: антропологическая доктрина суфизма / Автореферат диссертации на соискание научной степени кандидата философских наук. – Киев, 2002.
3. Эрнст, Карл В. Суфизм / Пер. с англ. А.Горькавого. – Москва: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 320 с.: ил. – (Грандиозный мир).
4. Aekar, Mustafa. Tasavvuf tarihi alanında yapılan doktora ve yüksek lisans tezleri bibliyografyası // Tasavvuf. – Sayı 4. – Eylül 2000. – S. 55-78.
5. Кемаль, Якуб. Арабський суфійський рукопис XIII віку, в Криму знайдений і чи не в Криму й писаний // Студії з Криму. I–IX / Ред.: А.Е. Кримський. – Київ, 1930. – С. 159-168.
6. Бахревский Е. Суфизм в Крыму (По материалам “Книги путешествия Овлии Челеби”) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. / Ред.-сост. И.Н.Храпунов. – Симферополь: Таврия, 1997. – С. 395-402.

7. Усеинов Т.Б. Религиозно-суфийская литература Крымского ханства // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 26. – С. 289-291.
8. Иззетова Л. Кырымлы Ислям алимлери ве шаирлер сюлялеси // Ыылдыз. – 2001. – № 3. – С. 119-130.
9. Izzetova L. Qırımqıy İbrahim bin Aqmehmed efendi / “Gьnsel” ensiklopedyası // Gьnsel. – № 7. – 2000. – S. 34-37.
10. Kırmqlı Selim Divane. Miftahu Műşkilati’l-Arifin Adabu Tariki’l-Vasılın (Műşkillerin Anahtarı) / Sadeleştiren: Şevket Gürel. – İstanbul: Saglam Yayınevi, 1987; Kırmqlı Şeyh Selim Divane. Ariflerin Delili / Haz.: Halil Çeltik, Mümüne Ceyhan Çakır. – Ankara: Akçağ Yayınevi, 1998; Selim Divane. Miftahu Műşkilati’l-Arifin Adabu Tariki’l-Vasılın / Haz. Mustafa Tatçı. – İstanbul: MEB Yayınevi, 1996.
11. Сейитягтя Н. “Тарих”, “Теварих”... Краткий обзор истории изучения крымтатарских исторических сочинений // Qasevet. – 2003. – №2 (30). – С. 12-17.
12. Тизенгаузен В. Сборник материалов, касающихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб, 1884.
13. Книга путешествия. Турецкий автор Челеби о Крыме (1666-1667 гг.) / Перевод и комментарии Е.В.Бахревского. – Симферополь: ДАР, 1999. – 144 с..
14. Туран А.Н. Судебные реестры Крымского ханства (после их обнаружения) // Культура народов Причерноморья. – 2002 (апрель). – № 30. – С. 90-93.
15. Достаточно обширная антология крымской суфийской поэзии представлена в антологии: Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi. C.13: Kırm Türk-Tatar Edebiyatı / Kırm Hanlık Dıncemi Yazılı Edebiyatı. – Ankara: Kьltьr Bakanlıđı, 1999. – S. 239-336. Этот же материал опубликован отдельным изданием: Osmanlı Dıncemi Kırm Edebiyatı / Cemal Kurnaz, Halil Çeltik. – Ankara: Kьltьr Bakanlıđı, 2000. – 414 s.
16. Абдуллаев И. Ислам и крымские татары // Голос Крыма. – 2001. – 30 ноября, 7 декабря, 21 декабря.
17. Джавелидзе Э.Д. У истоков турецкой литературы. П. Юнус Эмре. – Тбилиси, 1985.
18. Kabaklı A. Türk Edebiyatı. II. Cilt. – İstanbul, 1990.
19. Ebü’l-Hayr-ı Rumi. Saltuk-name. C. I-III / Haz.: Dr. Ş.H.Akalın. – İstanbul. 1987, 1988, 1990.
20. Аль-Холи, Амин. Связи между Нилом и Волгой в XIII-XIV вв. – Москва, 1962.
21. Çztuna Y. Devletler ve Hanedanlar. Türkiye (1074–1990). Cilt: II. – Ankara, 1996.
22. Акчокраклы О. Старо-крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. – Симферополь, 1927. – 15с..
23. Боданинский У. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. – Симферополь, 1930.
24. İbn-i Deyri (Sa’d bin Muhammed) / İslam alimleri Ansiklopedisi. – C. 12. –İstanbul, t/s. – S. 123.
25. Cerafeddin. Kırmıdan yetişen türk alimleri / Haz.: İsmail Akçay // Emel. – Sayı: 203. – 1994 (Temmuz-Agustos). – S. 14-15.
26. Hocendi / İslam alimleri Ansiklopedisi. – C. 12. – İstanbul, t/s. – S. 96.
27. Смирнов В.Д. Крымско-ханские грамоты // ИТУАК. – № 50. – 1913. – С. 140-178.
28. Halim Giray Sultan. Gülbün-i Hanan yahud Qırım tarihı / Tilni sadeleştiren ve ilaveler qoşqan Kırmqlı Arif-zade Abdülhakim Hilmi / Haz.: Dr. M. Sadi Çögenli, Doç. Dr. Recep Toparlı. – Erzurum, 1990 (latin harfli tıpqıbasımı).
29. Tarih-i Sahib Giray Han / Haz.: İ.Gukbilgin. – Ankara, 1973. – 313 s..
30. Soysal A.Z. Kırmıda Yetişen Büyükler. Kırmı İbrahim Efendi // Emel. – Sayı: 23 (Temmuz-Agustos 1964). – S. 5-7.
31. Акчокраклы О. Крымско-татарские и турецкие исторические документы XVI-XIX вв., вновь поступившие в Кр.Центрархив // Бюллетень Центрального Архивного Управления Крымской АССР. – Симферополь, 1932 (март-апрель). – № 2 (8). – С. 12-18.
32. Sьreyya, Mehmed. Sicill-i Osmani. Osmanlı Ünlüleri. C. I-VI / Yayına hazırlayan: Nuri Akbayar. Eski Yazıdan Aktaran: Seyit Ali Kahraman. – İstanbul, 1996.
33. Гайворонский О. Дервиш, повелевающий огнём // Полуостров. – 2004. – 30 июля – 5 августа.
34. Абдульваан Н. Шейх Мехмед Факри – духовный наставник, чудотворец, поэт // Полуостров. – 2004. – 3-9 сентября.
35. Протоколы заседаний Таврической Учёной Архивной Комиссии. Заседание 5-го июня 1913 года // ИТУАК (Симферополь). – № 50. – 1913. – С. 294-295.

36. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Чч. 1–17. – Николаев, 1873 – СПб, 1875.
37. Said Giray b. Saadet Giray Han. Tarih-i Said Giray. – Staatsbibliothek zu Berlin. Preussischer Kulturbesitz. Türkische Handschriften. Hs. or. oct. 923, Teil 3. – Blatt 87a – 135 a..
38. Bursalı M. T. Osmanlılar Zamanında Yetişen Kırtım Müellifleri / Haz.: Mehmet Sarı. – Ankara, 1990. – 64 s..
39. Абдульваап, Париман. Къырымлы алимлер ве шейхлер (XIV – XIX асырлар). В кн.: Фазыл, Риза. Дикий сёзлер ве анълатувлар лугъаты. – Акъмесджит, 2004. – С. 267-272.
40. Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исакова Х.Ф. Топонимия Крыма. Т. I, Ч. I-II. – Москва, 1997.
41. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 / Справочник. – Симферополь. 1999. – 464 с..
42. Карта Крыма. – Симферополь: Крымское центральное статистическое управление, 1924.
43. Абдульваап Н. Кримськи татари у суспільно-політичному і культурному житті Османської імперії / Україна – Туреччина: минуле, сучасне та майбутнє // Збірник наукових праць / Упорядник: Туранли Ф.Г. – Київ: «Денєб», 2004. – С. 213-220.
44. Абдульваап Н. Крымские азизы // Голос Крыма. – 2003. – 25 июля.
45. Абдульвапов Н., Ефимов А., Гуменюк Л.Н. История симферопольского азиза Салгир-Баба // КЛИО (Симферополь). – 1995. – № 1/4. – С. 20-22.
46. Абдуллаев И., Абдульваап Н. Азиз Едилер // Голос Крыма. – 1997. – 20 июня.
47. Абдульвапов Н. Художественные произведения религиозно-суфийского содержания в Собрании рукописных и старопечатных книг Ханского дворца-музея в Бахчисарасе // Научный бюллетень (Орган Научно-исследовательского центра «Рукописная книга» при кафедре крымскотатарской и турецкой филологии КГИПУ). – 2004. – № 3 (8). – С.12-17.
48. Грѣзы розового сада. Из средневековой крымскотатарской классической поэзии / Сост.: Н. Абдульваап, пер.: С. Дружинин. – Симферополь, 1999. – 88 с.
49. Грѣзы любви. Поэзия крымских ханов и поэтов их круга / Сост.: Н. Абдульваап, пер.: С. Дружинин. – Симферополь, 2003. – 72 с.
50. Акимешкин О.Ф. Суфийские братства: сложный узел проблем / Тримингем Дж. С. Суфийские ордены в исламе. – Москва, 1989. – С. 3-13.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК: 82 (091)

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВЫМЫСЛЕ И ДОМЫСЛЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ШАМИЛЯ АЛЯДИНА

Юнусов Ш. Э.

*Дослідження здійснено
за підтримкою ДФФД України
у межах проекту «Відродження культурної
спадщини кримських татар: мова і література»*

Вплоть до 60-х годов XX века в системе мировой литературы для писателей малых народов отводилось скромное место. Они были литературами больше заимствующими, нежели заимствуемыми. А в условиях социалистического лагеря, когда официальная эстетическая система пренебрегала общественным и личностным опытом этнонациональной жизни, художественная литература вынуждена была довольствоваться изображением обезличенного образа советского человека. Дальнейшая постепенная эволюция художественного мышления начала стимулировать качественный перелом, что способствовало пробуждению этнонационального самосознания. Такая тенденция была особенно характерна для литератур малочисленных народов, переживающих реальную угрозу полной ассимиляции: предчувствуя, что могут бесследно исчезнуть из памяти, они создают свои отдельные истории и инстинктивно тянутся к своим истокам (Н. Суюнова).

Шамиль Алядин (1912 – 1996) – один из той немногочисленной группы писателей, в произведениях которого чувствовалась отчетливость звучания национальной идеи, выказывалась готовность открыть в соответствующих образах этнонациональный мир с его психологическими, внутринациональными проблемами, сопряженными с общественными. Использование им приема ретроспекции, т.е. изображения жизни через воспоминания и характеристику пережитого с позиции обретенного жизненного опыта, давало писателю все основания оглянуться в прошлое, даже в то прошлое, которое предшествовало его жизни. Вопреки установкам соцреализма показывать то, что должно соответствовать идее нового политического строя, названный прозаик сумел оппонировать свой страх. Результатом этого стало появление таких повестей, как «Приглашение к дьяволу на пир», «Родники», а также многолетняя работа над романом «Тугай-бей», которая так и не была завершена. Замысел таких произведений зародился в 70-е годы, когда эти проблемы рассматривались писателем пока еще в виде публицистических работ. Осознавая, что народ, лишенный духовного родства с предшествующими поколениями, теряет историческую национальную память, теряет опору, прозаик ощущал потребность в иных приемах и методах художественного осмысления

исторической действительности. При этом он строил свое произведение на основе синтеза художественного опыта родной, русской и мировой литератур.

Всякий писатель, в той или иной степени обращающийся к прошлому, опирается на историю. Историческая проза, занимающая в творчестве Ш.Алядина особое место, явилась результатом тщательного изучения им исторического материала. Историческая проза обостряет интерес к познанию прошлого, является серьезным фактором формирования исторического сознания. Поскольку исторический романист не может быть современником показываемых событий и создает свои произведения не по личным воспоминаниям, он «эстетически осваивает динамические связи прошлого, настоящего и будущего» [1,4]. Работая над повестью «Приглашение к дьяволу на пир», писатель в своих грезах снова и снова обращается к минувшему. Подобно тому, как Н.В.Гоголь, работая над историей Запорожской сечи, обращался к событиям прошлого и задавался вопросом: где люди, необходимые сегодня, на данном этапе исторического развития народа? Кто их способен заменить?, Шамиль Алядин в своем творческом поиске выводит типичский образ с его раздумьями о людях. Однако эта сосредоточенность героя, становящаяся все глубже, постепенно сменяется драматической интонацией, ибо автор рисует человека в сложнейших переплетениях социально-политической реальности начала XX века. Название повести – своеобразная обличительная мотивация, знаменующая трагический финал судьбы главного героя.

Ш.Алядин ценен тем, что он пришел в большую художественную литературу, чтобы сказать о своем народе. Он человек из народа, из крымской глубинки. Привязанность к родному краю была для него как бы основным условием его творчества. Оно являлось своего рода окном, сквозь которое писатель наблюдал внешний мир. Наиболее зрелые произведения Ш.Алядина были овеяны воспоминаниями о своем селе, ее окрестностях, думами о далекой и близкой истории Крыма. Его миссия – миссия писателя – заключалась в том, чтобы войти в богатый литературный контекст через раскрытие жизни своей Родины, ее судеб. Так, рисуя образ Усеина Шамиля Токтаргазы – прототипа реального исторического лица, крымскотатарского поэта-демократа конца XIX – начала XX века, - автор повести «Приглашение к дьяволу на пир» занят поиском органичной позиции человека в эпохе. Писатель тяготеет к поиску ответа на вопрос о выполнении историческим лицом своей миссии перед народом. Читателю же выпадает роль своего рода арбитра, призванного оценить, насколько точно автор исторической повести уловил главную тенденцию эпохи, насколько ясно сумел понять главное направление исторического процесса.

В последней четверти прошлого века, рассматривая вопрос о признаках исторической прозы, литературоведы склонялись к следующей ее формулировке. Это:

- тема, обращенная в прошлое;
- более или менее значительное отстояние изображаемой эпохи от современности автора;
- принципиальное различие эпох и в то же время единства общеисторического процесса;
- подлинные события и персонажи [1,3].

Если принять такой тезис, то мы так или иначе придем к выводу относительно художественного вымысла и доммысла в историческом романе (повести), ибо вопрос об авторской фантазии является составным творческого успеха создателя исторической прозы. При этом необходимо учесть, что категории вымысла и доммысла должны быть сопряжены с объективным историческим прошлым. Таким образом, получает дальнейшее развитие тезис Аристотеля об искусстве как особом виде творчества, воспроизводящем не только то, что было, но и вероятное в жизни.

Так, в названной выше повести Ш.Алядина мы встречаемся с цельными характерами нравственно здоровых людей – И.Гаспринским, Р.Медиевым, У.Баличем, Дж.Меиновым. Их занимают думы о лучшем переустройстве жизни общества. Они непоколебимы в мыслях, что эту счастливую жизнь обеспечит просвещение народа. Склонность этнонациональной интеллигенции на стыке веков не только к грезам, но и практическим действиям подтверждают как периодическая печать того времени, архивные материалы, так и ряд исследований. Основываясь на реальных документах, автор повести как бы дорабатывает, другими словами, художественно доммысливает исторические события.

Художественный доммысел способствует раскрытию изнутри жизненных явлений, человеческих переживаний. А слияние подлинного и вымышленного служит созданию художественной правды. В силу того, что и вымысел и доммысел подчинены идее гиперболизации, вместе взятые, они помогают дальнейшей типизации. В этом контексте интересными представляются слова А.Толстого о том, что «в каждом художественном произведении, в том числе и исторической повести, - мы ценим прежде всего фантазию автора, восстанавливающего по обрывкам документов, дошедших до нас, живую картину эпохи, осмысливающего эту эпоху» [2, 592].

Вот как рисует автор последние часы жизни своего героя:

«...Войдя во двор, Усеин-оджа увидел своего скакуна Кыпчак... Кыпчак узнал хозяина, поднял маленькую красивую голову, заржал тонким приятным голосом и начал бить копытом о землю. Усеин обнял его за шею, прижался щекой к морде, тихо и ласково приговаривая:

- Ты соскучился по вольному бегу, сердце мое? Я тоже истосковался по степи, по ветру, по запахам трав. О, Кыпчак, как я по всему этому истосковался!.. А на душе такая тяжесть! Ты понимаешь Кыпчак?..

Кыпчак понимал хозяина. Потому, замерев, дважды закрыл и открыл глаза. При этом его длинные жесткие ресницы коснулись щеки учителя. В то время, когда даже многие из людей не могли понять его печали, Кыпчак все понимал... Учитель поцеловал его и вытер рукавом свои влажные глаза»[3, 345] (здесь и далее - в переводе Э. Амита).

Прозаик не случайно акцентирует на скакуне – у тюрков конь символизирует свободу. Именно свободы жаждет поэт, свободы, которой лишен его народ. Ему таки удается «оседлать» эту свободу в предсмертные минуты: «Он вдел левую ногу в стремя и легко прыгнул в седло. Не успел дернуть за уздечку, Кыпчак рванулся с места, и оджа едва успел вставить в стремя вторую ногу. Кыпчак вмиг вынес его за деревню, помчался по проселочной дороге, оставляя за собой клубы пыли. Седок повернул его в

стень. Высокая трава хлестала коня, и летели в разные стороны, как искры, лепестки разноцветных цветков. Учитель отпустил поводья, он не сдерживал коня и не торопил. Наконец Кыпчак, насладившись безудержной скачкой, замедлил бег, а потом пошел шагом, оглядываясь по сторонам, жадно вдыхая трепещущими ноздрями степной воздух... Кыпчак... доволен, что наконец оказался на просторе, что свободен. Впрочем, и Усеин-оджа испытывал то же самое чувство... [3, 346].

Как полагает наблюдатель, «выдумка иногда больше правды, больше, чем сама правда, и часто голая документальность малоубедительна, потому что документальная запись – запись момента, как фотография – запись выражения человеческого лица и одно из мгновений, но никогда не лица в целом, не типа лица. Задача искусства (как задача портрета) – создать характер, тип» [2, 505].

Таким образом, финал повести «Приглашение к дьяволу на пир» становится органическим усилителем чувства приближающегося несчастья. Сплетение исторического факта и художественного домысла приводят к контрасту в сюжетной линии произведения. Автор сознательно склоняется к такому искушению, он одержим желанием внести в историю свой вымысел. Он не может оставаться сухим пересказчиком исторических документов. Присовокупление воображения художественно истолковывает смысл событий, при этом не нарушается внешнее правдоподобие, изображение описываемых лиц и событий.

Удивительный знаток и мастер крымскотатарского языка Ш.Алядин пытается донести до потомков свои познания. Его произведения – миниэнциклопедия жизнеустройства крымскотатарского народа, связующая нить поколений.

Ш.Алядин сумел переплавить свои эмоциональные размышления в историческую прозу, приложив немалые усилия для дальнейшего качественного изменения литературно-художественной культуры своего народа. Его наследие, как наследие ведущего писателя второй половины XX века, ждет своих исследователей.

Литература

1. Кормилов С.И. к общей теории художественно-исторической литературы //Филологические науки. 1979.-№ 4.
2. Толстой А. Полное собрание сочинений в 13-ти томах. Т. 13
3. Алядин Ш. Приглашение на пир к дьяволу.- Теселли. М.: Советский писатель, 1985.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК =512.161

II. VİYANA KUŞATMASININ SONUCUNA GÖRE MERZİFONLU KARA MUSTAFA PAŞA'NIN DEĞERLENDİRİLMESİ VE DURAKLAMA DEVRİNİN GERÇEK NEDENLERİ

Sofuoğlu Ebubekir

Anadolu Selçuklu Devleti'nin Moğollara yenilmesi üzerine, bu devletin toprakları üzerinde irili ufaklı beylikler oluşmuş ve beylikler dönemi başlamıştır. Bu beyliklerin hepsinin ortak hedefi olan Anadolu Türk Birliğinin sağlanması, içlerinde en küçüklerinden olan Osmanoğulları'na nasip olmuştur. Diğer beyliklerin birbirleriyle uğraşmaları, Osmanoğulları'na hem çevresinde olumlu bir imaj vermiş, hem de kendi içinde bir büyüme heyecanı, bir kızıl elma² ideali vermiştir. Beylik yöneticisi ve halkı bu ideal etrafında kenetlenmişti. Osmanoğulları bu ideal, bu heyecan içerisinde büyümüş, ülkeler fethetmiş, imparatorluklara son vermiş, mahpus hükümdarları hürriyetine kavuşturmuş, zamanının büyük imparatorlarını bile kendine eşit kabul etmemiş, hatta bunu ona da kabul ettirmiş, -Avusturya İmparatoru- üç kıta da hüküm sürmüştü. Dünyaya adalet dağıtmak ideali, Osmanoğulları'nı büyük fetihlere yöneltmiş, bu fetihler ülke içinde sevinçlere sebep olduktan başka İslâm ülkelerinde bile sevinç kaynağı olmuştur. I. Selim'e kadar İslâm halifesi önemli fetihlerde Osmanoğulları'na hediyeler gönderir olmuştur. Bu heyecan, bu hava Osmanoğulları'nın ilerlemesini, büyümesini sağlamış, halkıyla da büyük problemler yaşamasını engellemiştir. İşte bu kızıl elma idealinin, bu aşkın sona erışı, onun başlangıcını başlatmıştır.

GİRİŞ

İbn Haldun devletlerinin insanlar gibi gelişerek varabilecekleri en son sınır olan olgunluk dönemleri olduğundan bahseder³. Naima'ya göre de devletler de doğar, büyük, gelişir ve ölürler. Ona göre insanlar kuvvetçe birbirlerine eşit olmadıkları için zayıf bünyeli kimselerde gerileme yaşı, kuvvetli bünyeye sahip olandan daha evvel başlar. Bunun gibi devletler için de üç devir vardır. Gelişme, kemâl, gerileme devirleri olmak üzere, devletlere üç devir biçer Naima'ya göre, toplumlar her an muhtelif şekiller alırlar⁴. Bir taraftan diğer tarafa geçerler. Tarih ezeli bir akıştır ve her devrin kendine *güre kanunları ve icapları vardır. Devlet adamları da buldukları asrın icaplarına göre hareket ederler*⁵. Her asrın, her devrin zorunlu olarak kendine göre

² Kızıl Elma: Kızıl elma konusunda çeşitli görüşler vardır. İlk olarak kızıl elmanın hayali bir hedef olmadığı ifade edilir. Kızıl elma'nın Roma olduğunu söyleyenlerin yanısıra. Budin'deki Kızıl Elma Sarayı'ndan dolayı Budin olduğu ileri sürülür. Evliya Çelebi'nin bu rivayetinden başka kızıl elma'nın Türk'ün zafer gayesi, fütuhatın serhaddi olarak da tanımlanır (Pakalın, Mehmet Zeki; Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlüğü, c.II, S.278, M.E.B. Yay., İstanbul, 1993).

³ İbn Haldun, Mukaddime, (Çev.: Zâkir Kâdiri Ugan), M.E.B. Yay., Şark İslâm Klasikleri No:25, İstanbul, 1994, S.414.

⁴ Naima, Tarih, I, 27.

⁵ Naima, Tarih, I, 34.

değişimden, gelişimden kaynaklanan değişiklik şartlarına dikkat zeken Naima, devletlerin gezirdiği beş halden bahseder. Naima'nın her devrin kendine göre kanunları ve icapları olduğu ve devletlerin geçirdiği beş hâl hakkındaki görüşleri bu devirleri geçirmiş Osmanlı Devleti için son derece önemlidir. Naima'nın dikkat çektiği beş hâl şuydur⁶:

1. Bu hal'in en büyük özelliği asabiyet⁷ dayalı olmasıdır. Hükümdar halkıyla bütünleşmiş durumdadır.
2. Bu hal mutlakiyet dönemidir. Artık bundan sonra yönetenlerle yönetilenler arasında bir ayrılık başlamıştır. Hükümdar kendisine bir kul sınıfı edinir ve bu sınıfla devleti idare etmeye başlar.
3. Bu hal refah dönemidir. Bu devirde, suistimal ile ahlak bozukluğu yoktur ve cemiyet güzel sanatlar ve zenaatlarda en üstün bir seviyeye ulaşır. Yönetimde mutlak adalet üstüne oturtulduğundan, yönetilenlerle yönetenler arasında mutlak bir otoriteye rağmen zıtlama yoktur.
4. Bu hal barış dönemidir. Devlet genişleyeceği kadar genişlemiştir. Tabii sınırlarından öteye gidemeyen devletin yavaş yavaş iç bünyesinde çöküş başlar. Rahatlık ve zenginlik, ahlaki normlardan sapmalara neden olur. Herkes daha çok mal ve para biriktirebilme yollarını aramaya başlar.
5. Bu hal, çöküş dönemidir. Devletin gelirlerinin azlığı yanında giderlerinde artma başlar. Asker çoğalır, tüccar ahlaksızlaşır. Bu dönemde yöneticiler halka zulmetmeye başlar. Zulümler sonucunda anarşi çoğalır. Devlet ölümle karşı karşıyadır. Adaletten sapmalar başlamıştır⁸.

Naima'ya göre devletin temelinde olması gereken adaletten sapılması, asabiyet bağıni ortadan kaldırmıştır. Devletin temelinde olan eeriat uygulanmaz olmuş, "Kanun-i Kadim'e" muhalefet başlamıştır. Adaletin yerini zulüm almıştır. Naima'ya göre, "Adil kanunları ihmal ederek, zalimliği adet edinen hükümdarların azametleri zeval bulur. Dünya küfür ile yıkılmaz, zulüm ile yıkılır"⁹.

OSMANLI ASABİYETİNİN KAYBI VE ÇÖZÜLME

Osmanlı Devleti'nin çözülmeye doğru gidişi bir sonuçtur aslında. Bu sonuca Osmanlı Devleti'nin dünyaya adalet dağıtma hedefi olan asabiyetini, kaybetmesi ve Naima'nın belirttiği o beş halin zaman içinde tamamlanması düşürmüştü. Vaktiyle yeryüzüne adalet getirmeyi hedefleyen Osmanlıların bu idealini kaybetmeleri, dünyaya meyletmeleri, yükselme dönemine kadar olan dirayetli padişahların yerlerini onlar kadar dirayetli, adaletli, ufuklu padişahların almamaları, buna bağlı olarak idareye gelen devlet erkânının halka eziyet etmeye başlamaları, halkı devletten

⁶ Naima, Tarih, I, 33.

⁷ İbn Haldun'a göre asabiyet, "Devleti kuran ve idare eden irade", "Devletleri kuran milletlerin enerji kaynağı", "Sosyal dayanışma", "kavmi dayanışma", "İdeolojik ve dini dayanışma", "Kavmi ve milli birlik hissi" sahibine heyecan veren ve müsbet ideolojilerle beslenen kitlelerin dinamik kudreti manalarına gelmektedir. Togan, Z. Velidi. Tarihte Usul, İstanbul Üniv. Edebiyat Fak. Yay., İstanbul, 1969, S.160.

⁸ Naima, Tarih, I, 33-39. Arslantürk, Zeki, Naima'ya Göre 16. Yüzyıl Osmanlı Toplum Yapısı, Ayışığı Kitapları, İstanbul, 1997, S.71.

⁹ Naima, Tarih, I, 43.

soğutmuştu¹⁰. Yükselme devirlerine kadar istikrarlı bir büyüme kaydedilmiş, fetihlerle üç kıtaya yayılmış, Avrupa'nın ortalarına kadar gelmiş, neredeyse kızıl elma diye nitelenen Roma'ya ulaşılmıştı. Öte yandan yükselme devirlerinde Osmanlı fetihlerinin başarıyla devam ettiği, bu sıralarda Avrupa'da Rönesans ve Reform hareketleri yaşıyordu. Avrupa, üzerindeki fakirliği, ataleti, Rönesans ve Reform gibi açılımlarla aşmaya çalışıyordu. Rönesans ve Reformla Avrupa, sanatta, ticarete, hukukta, askerlikte ve daha birçok sosyal alanlarda yeniliklere gidiyordu. Avrupa, geleneksel kalıpları yırtıp, yeni usuller geliştirmeye başlamış, her yeni usul geliştirdiği alanda da başarıya ulaşma işaretleri alıyordu. Ticarete yeni yollar buluyor, dünyada yeni sömürgeler elde ediyor, askerlikte yeni usuller geliştiriyor, feodaliteden, yavaş yavaş merkezi imparatorluklara geçişin sürecini başlatıyordu. Kendisini bağlayan kilise baskısından yavaş yavaş kurtulmaya, özgür düşüncenin yolunu açmaya başlamıştı. Bu hareketler Avrupa'ya bir dinamizm kazandırdı. Bu çabalarla, fetihler dönemindeki Osmanlı heyecan ve dinamizmi, Avrupalılarca yakalandı. Avrupalılar tıpkı yükselme dönemindeki Osmanlılar gibi gelişmeye başladı. Bu sıralarda Osmanlılar ise büyüklük psikolojisi içerisinde, kimseye ihtiyacı olmadığını, hele Hristiyan ve zayıf Batı'ya hiç ihtiyacı olmadığını, sistemindeki pürüzleri ise "Kanun-ı Kadim"e dönerek düzeltereğine inanıyorlardı¹¹. Naima'nın dediği gibi, her devrin kendine göre kanunları ve icapları olduğunu, devlet adamlarının da buldukları asrın icaplarına göre hareket etmeleri gerektiğini unuttular¹². Fatih devrinde fetihler yapılırken, Uzun Hasan'ın elçisi Ali Kuşçu, yüksek ücretlerle Sahn-ı Seman'a kazandırılarak, en azından ilmiye de ihmal edilmemiş, böylelikle askeri fetihler kadar önemsenmişti¹³. Fatih, askeri başarıların yanı sıra, ilmiyeyi de ihmal etmeyerek, dinamizmi her alana yaymıştı. Fakat, Fatih'ten sonra ilmiye ve devletin diğer kurumları da ihmal içerisindeydi. Yani devlet ve halk askeri başarılarla doyuma ulaşmış ve rehavet içerisindeydi. Artık durağanlık başlamış ve bunun peşinden çöküş başlayacaktır. Askeri başarıların doyuma ulaştığı anda, toplum ve devletin dikkati ticaret, teknoloji gibi diğer alanlara kaydırılmış olsaydı Osmanlı Devleti'nin yükselme dönemindeki heyecanı bu alanlarda da yakalanmaya çalışılırdı, rehavet yaşanmayacaktı. İşte bu rehavet Naima'nın dediği beş hal'i tamamlayan süreci engelleyemedi. Topluma kazandırılacak yeni heyecan, toplumsal psikolojiyi, devamında da toplumsal bozuklukları düzene koyacaktı. Yükselme dönemindeki inancın, heyecanın, asabiyetin ilmiye, ticaret gibi alanlarda modernleşme, teknolojik terakki gibi hareketlerle devam ettirilmemesi Osmanlıların sonunu hazırladı denilebilir. Kendine yeni bir asabiyet belirleyemeyen, asabiyetini kaybeden Osmanlılar, aleyhlerine gelişen, iyi bir gelişim çizgisi yakalayan, Avrupa'ya karşılık tıpkı başlangıçlarındaki beyliklerin birbirleriyle uğraşmaları gibi, kendileriyle uğraşmaya, birbirleriyle kavgaya başladılar. Artık Osmanlılarda rüşvet, zulüm, iltimas sıkça görülmeye başlamıştı. Devlet kadroları rüşvetle dağıtılmaya, halka eziyet eden memurlar görevlere getirilmeye başladı. Bunlar da hem devlet kademesinde bozulmalara, hem de halk arasında devlete yabancılaşma hareketlerinin

¹⁰ Lewis, Bernard, Osmanlı Devleti'nin İnhitatu Üzerine Bazı Düşünceler, (Çev.: Salih Tuğ), İslam Tetkikleri Enst. Dergisi, C: III, Cüz 1-2, İstanbul, 1959-1960.

¹¹ Karal, Enver Ziya, Tanzimattan Evvel Garphlaşma Hareketleri, Tanzimat I, M.E.B. Yay., İstanbul, 1940, S.14.

¹² Naima, Tarih, I, 34.

¹³ Adıvar, A. Adnan, Osmanlı Türklerinde İlim, Remzi Kitabevi, İstanbul, 1948, s.48.

ortaya çıkmasına nedcn oldu¹⁴. Osmanlılar'ın kendilerini hâlâ süper güç görme süreci yavaş yavaş yerini endişeye bırakıyordu. Devletin eski gücünün yavaş yavaş kaybedilmeye başlandığının işaretleri veriliyordu.

KÖPRÜLÜLER DEVRİ VE HEYECANIN YENİDEN YAKALANMASI

Bu şartlarda Köprülülerin idareye geldiği XVII. yüzyılda Osmanlılar idari, mali, askeri ve hukuki bakımdan çözülmüyordu. Bunda, Osmanlı devletinin en önemli problemlerinden biri olan kaht-ı ricâl öne çıkıyordu. Padişah IV. Mehmed'in mizacı, bünyesi ve yaşı dolayısıyla işleri ele alamamasının ve buna karşılık, çoğu cahil, menfaatperest, iktidarı olmayan vezirlerin iktidarda olmaları, vali, memur ve kadı tayinlerinde rüşvetin öne çıkması, iltizamın mütegalibenin eline bırakılıp halkın perişan edilmesi ve bunun sonucu olarak reyanın ziraati bırakıp ya kasabalara gelmeleri veya isyan hareketlerine girişmeleri, bunların Celali ayaklanmalarına dönüşmesi, bastırılmayan isyanların elebaşlarının, bazen valilikte görevlendirilmesi ve böylelikle halkın başına bela kesilmeleri, veziri azama en fazla caize verenlerin valiliklere tayin edilmeleri Anadolu'nun, Haydaroğlu, Katırcıoğlu, Gürcü Abdünnebi gibi isyanlarla çalkalanması, devrin problemlerindendi. İşte bu sıkıntılar varken, dışta da Çanakkale Boğazı abluka altına alınmış, Girit ve Erdel'de karışıklıklar devam ediyordu. İşte bu dönemde Valide Sultan'a Köprülü Mehmed Paşa'nın sadarete getirilmesi teklif edildi. Ülkenin durumunun nezaketine, Köprülü'nün yaşlılığına ve tecrübesinin bilinmemesine, okuma-yazma bilmemesine ve üstelik rüşvetle, entrikayla, bin bir dolapla ele geçirilmek istenen bu makama gelmeden önce o ana kadar hiç görülmedik bir şekilde bir takım şartları hem Valide Sultan'a, hem Padişah'a bildirmesine rağmen Köprülü Mehmed Paşa sadarete getirildi¹⁵.

Köprülü'nün sadarete getirilici, tam isabet olmuştur. Köprülü, devletin başındaki problemleri bir bir halletti. Öncelikli olarak Anadolu'daki eşkıyayı temizledi, boğazdaki ablukayı kaldırdı. Bozcaada ve Limni'yi geri aldı. Askeri ocaklardaki karışıklıkları giderdi. Ocakları temizledi. Maliyedeki yolsuzlukları önledi. İdaredeki karmaşaya son vererek, idareyi eline aldı. Hatta bir kararı, entrikayla padişah tarafından hükümsüz bırakıldı diye istifaya niyetlenince padişah tarafından geri admı atılarak kendisinden göreve devamı istenecek derecede istikrarlı ve iradeli bir tarz belirledi¹⁶.

Osmanlı Devleti'nin gündün güne zayıfladığı bu dönemde Köprülü, devleti tekrar eski günlerine dönüştürmeye başlamıştı. İcraatıyla Osmanlı İmparatorluğu'nun inhitatını uzunca bir süre durdurmaya, bazı ıslahat hareketlerine ve yeni fetihlere dahi muvaffak oldu. Onun bu başarıları, devlet yönetiminde uzun süre Köprülü ailesinin göreve gelmesini sağladı. Kendisinden sonra oğlu Fazıl Ahmet Paşa, sadarete getirildi¹⁷.

Fazıl Ahmet Paşa da babası gibi başarılı bir yönetimde bulundu. Yine başgösteren

¹⁴ Defterdar Sarı Mehmed Paşa, Devlet Adamlarına Öğütler (Nesayihül Vüzera Vel Ümera), (Çev.: Hüseyin Ragıp Uğural), Kültür ve Turizm Bakanlığı Yay., İstanbul, 1987, S.56.

¹⁵ Uzunçarşılı, İsmail Hakkı, Osmanlı Tarihi, c.III. Bl. 1, Türk Tarih Kurumu Yayınevi, Ankara, 1995, S.308-309; Gökbilgin, M. Tayyib, Köprülüler, İ.A., S.893.

¹⁶ Gökbilgin, M. Tayyib, Köprülüler, İ.A., S.896; Mehmet Halife, Tarih-i Gilmani, (Haz.: Ömer Karayumak), Tercüman 1001 Temel Eser, İstanbul, 1975, S.44.

¹⁷ Uzunçarşılı, a.g.e., S.370; Gökbilgin, a.g.e., S.897.

isyanları bastırdı. Yıllardır unutulmuş fetih hareketlerinde bulundu. Uyvar, Kandiye, Kamanıçe kalelerini alarak fetih müjdeleri verdi¹⁸. Babası gibi yönetimde idareyi eline aldı ve ülkenin sıkıntılarını böylece giderdi. Devrin tarihçilerinden “Konol”, onun devrini, “Osmanlı satvetinin haddel gayesini teşkil ediyordu” diyerek tasvir ediyordu. Bu devirde “Osmanlı Devleti, kırk büyük vilayeti ve dört büyük memleketi içine alıyordu”¹⁹. Kıprıblıların idarede olduğu zamanlardaki yapılan muvaffakiyetler, yükselme devrindeki muvaffakiyetleri hatırlatıyordu. Osmanlı'nın kaybettiği heyecanı, asabiyeti yeniden yakalanmış, kuvveti, yükselme devrindeki kuvvetini hatırlatır derecede artmıştı. İstikrar, irade, inanç ve dürüstlük, çalışkanlık, yükselme dönemindeki hatırlatan heyecan ve asabiyet, bozulmaya yüz tutan imparatorluğu yeniden eski gücüne ulaştıracak duruma getirebiliyordu. Köprülüler ile kaybedilen heyecan sanki yeniden yakalanmış gibiydi. Devlet, iç isyanların üstesinden gelmiş, mali ve idari problemleri büyük ölçüde halletmiş, dış ilişkilerine bile istikrar getirmiş, hatta fetih hareketlerine bile girişmişti. Köprülüler ile bir Osmanlı Rönesansı başlatılmıştı ve yakalanan bu heyecan padişahı da etkilemişti ki, Fazıl Ahmet Paşa'dan sonra yerine sadrazam olarak yine Köprülülerden Merzifonlu Kara Mustafa Paşa'yı sadarete getirdi. Merzifonlu, bozulmaya yüz tutan bir imparatorluğun, yeniden eski gücüne döndüğü zamanlarda işbaşına geldi²⁰.

MERZİFONLU KARA MUSTAFA PAŞA

Köprülü Mehmed Paşa'nın damadı olan Merzifonlu Kara Mustafa Paşa'yı Richard F. Kreutel; sevk ve idare kudretine malik bilgili, zeki ve cesur vezir olarak tanımlarken, haşin tabiatlı, inatçı, garezkâr haddinden fazla mağrur ve şöhret düşkünü olduğunu ileri sürer²¹. Stoye, onun bazen nazik, bazen haşin olarak tanındığını söyler. Hammer ise, Merzifonlu'yu Osmanlı vezirlerinin en muhteşemi ve en mağruru olarak tavsif eder. Ahmet Refik, Merzifonlu'nun cesur, zeki, iradeli özelliklerinin yanı sıra, onun para ve mal düşkünü olduğunu söyler. Merzifonlu'nun haçlı ordusunun toplanmasına fırsat vermemek için başkalarının aksine direkt Viyana üzerine gitmedeki ısrarıyla inatçı olarak adlandırılması, para, şöhret düşkünlüğü hakkındaki görüşler, onun cesur, iradeli, ölmek için hediyeler vermek, entrika çevirmek, yalvarmak gibi yollara başvurmadan ölüme bile gidecek kadar gözü pek kişiliğiyle uyuşmamaktadır. 1676'da İstanbul'da bulunan İngiliz Abbott, onu “Büyük Asker”, “Büyük Padişah Nedimi”, “Büyük Dahi” olarak tanımlar²².

Fazıl Ahmet Paşa'dan sonra 1676'da sadarete getirilen Merzifonlu, gerçekten iradeli, cesur bir sadrazamdı. Merzifonlu, II. Viyana seferine doğru çıkarken, yanık kale diye padişahın izin almıştı. Savaş meclisine, katılanların aksine, ilk olarak Viyana üzerine vakit ve güç kaybedilmeden gidilmesini, eğer Viyana düşerse Yanık ve Komorn gibi kalelerin teslim olacaklarını düşünüyordu. Hatta Yanık kumandanı da Viyana'yı alana

¹⁸ Uzunçarşılı, a.g.e., S.370.

¹⁹ Ahmet Refik, “Köprülüler”, Kütüphaneci Askeri, 1331, S.101-103 (Konol; Türk Tarihi Mukaddime, Lavale, Türkiye Tarihi, c.II, S.118).

²⁰ Baysun, Cavit, IV. Mehmed mad. İ.A., S.552; Aktepe, Münir, Merzifonlu Kara Mustafa Paşa, İ.A., S.737; Karamursal, Ziya, Osmanlı Mali Tarihi Hakkında Tetkikler, TTK Yay., Ankara, 1989, S.10.

²¹ Kreutel, F. Richard, Viyana Önlere Kara Mustafa Paşa, Esra Yay., İstanbul, 1994, S.5-6.

²² Ahmet Refik, Felaket Seneleri, S.79; M.Nuri Paşa, Netayicül Vukuat, TTK Yay., c.II, S.284, Ankara, 1982.

kaleyi teslim edeceğini söyleyerek Merzifonlu'yu haklı çıkartıyordu. Merzifonlu'yu Viyana'ya yönelten, Viyana İmparatorluğu'nun Fransa savaşları yüzünden yorgun olması^(*) ve Fransa'nın Avusturya'yı Osmanlı ile ilişkilerinin bozulmaması için desteklememesi, senelerce süren Macar ayaklanmasından yararlanmak istemesi, Macaristan'ı, Balkan topraklarını, kaleleriyle, etrafındaki sularla koruyacak bir hudud eyaleti olarak düşünmesi, Osmanlı askeri gücünün bunun üstesinden gelecek olması ve sıranın buna geldiğine inanması gibi nedenler vardı. Merzifonlu, fikrini sonradan Viyana'ya yöneltmiştir. Sadaretinin ilk yıllarında Ukrayna ile ilgilenmek istiyordu. Ordunun sayısı konusunda değişik rivayetler vardı. Stoye, elçi Kaprara'nın Osmanlı ordusunun 20 bin, Kâtibî Benegia ise 39 bin olduğunu söylerken, Fernard Grenard, Avusturya'yı işgal etmek üzere, o tarihe kadar hiçbir devletin bir araya getiremediği kudrette bir ordudan bahsediyordu. Sefer öncesi konjonktür çok müsaitti. "Macar Milletinin Tarihi" adlı eserde, Viyana'dan 60 bin kişinin kaçtığını, iki gün önce geldiği taktirde şehrin çok kolay düşeceğini söylüyordu²³.

II. Viyana kuşatmasının başarısızlıkla sonuçlanması Merzifonlu için beklenen bir sonuç değildi. Merzifonlu, gerekli askeri ve mali altyapıyı hazırlamıştı. Silahlar, ağır topların getirilmediğinden dolayı Merzifonlu'yu suçlamasına karşın, hakikaten Viyana neredeyse fethedilecek duruma gelmişti. Mi'yarüdü Düvel'in yazarı esaret sırasında Avusturyalıların "eğer her çadırdan bir asker çıksa veya sadece develeri üzerimize gelse bizi ezmeye yeterdi. Çadırlarınızı gördüğümüzde 4 saat mesafeye geri kaçtık. Ancak 4 tane ajan gelip askerlerin durumunun iyi olmadığını, buraya gelene kadar çok yağma yaptıklarını, artık bundan sonra kaçmakta olduklarını söyleyince toparlandık" şeklinde sözleri, hazırlığı ve askerlerin o anki durumu hakkında açıklayıcı örneklerdi²⁴.

Askeri hazırlıkları tam olarak yapmaya çalışan Merzifonlu, Viyana önünde ordusunda 100 bin askerden 10 bin asker bile kalmamıştı ki bunlar da savaşacak sınıftan olmayan geri hizmetlerdeki savaştan anlamayanlardı. Başka bir rivayete göre meydan savaşında Merzifonlu'nun yanında 3 bin piyade ve 5-6 bin atlı kaldığı ifade ediliyordu²⁵. "Kuşatmayı uzatıp asker yağma yapar ve sanki hazine padişaha değil de kendisine kalmaz diye son saldırı emrini vermedi" şeklinde Merzifonlu'yu itham eden tarihçilere katılmak güçtür. Çünkü, bir kez o hazineyi ve fethi düşünürken sürekli padişahın adını öne sürmektedir. Kantemir'in iddia ettiği Batı İslam İmparatorluğu kurma fikrine de ulaşılabilen başka kaynaklarda rastlanılmamıştır²⁶. Kaleye son saldırı emrine vermediği görüşüne Danişmend katılmamaktadır. Yağma yaptıktan sonra, yağmalarıyla Türk askerini utandıracak davranışlar içerisine giren, hatta

(*) Leopold, siyasi vaziyeti dolayısıyla kesinlikle savaş istemediğinden dolayı, sulh için sadrazam ikna edilemeyince çare olarak Şeyhülislam Ali Efendi'den "Aman diyene kılıç olur mu, üzerine sefer caiz midir?" diye fetva almıştı. Silahlar Tarih, c.I, S.757, Raşid Tarih, c.I, S.387.

²³ Ahmet Refik, Felaket Senceleri, S.28-29, Macar Milletinin Tarihi, c.VII; Kreutel, S.9, Stoye, 67; M.Şevki Yazman, II. Viyana Muhasarası, 1962, İstanbul, S.69; Uzunçarşılı, c.III, Bl. 1, S.444-445; Defterdar Sarı Mehmed Paşa, Zübde-i Vekayiat (Olayların Özü), (Sad.: Abdülkadir Özcan), Tercüman 1001 Temel Eser, İstanbul, 1977, S.226.

²⁴ Mi'yarü'd-Düvel ve Mesabirtü'l-Millet, Mehmet Arif, TOEM, NO: 16, S.998-1007, 1073. Silahlar, c.I, S.47.

²⁵ Mi'yar, S.1009.

²⁶ Halil Ethem, Kara Mustafa Paşa'nın Şopron Şehri Ehalisine Beyanamesi, TOEM, No: 15, Yıl 1328, 1912, S.924-930; Kantemir, Dimitri, Osmanlı İmparatorluğu'nun Yükseliş ve Çöküş Tarihi, (Çev.: Özdemir Çobanoğlu), Bl. 2, c.II, Cumhuriyet Kitapları, İstanbul, Haziran 1998, S.622.

doyduktan sonra kaçmayı düşünen, 100 bin askerden 5-6 bin gibi rakamlara düştüğü rivayetleri, Danişmend'in sevkedecek asker bulamadığı görüşüne haklılık vermektedir. Asker kaçmadan önce, hücum emri vermesi gerektiği akla gelirse, bunu da Merzifonlu'nun kalenin her an düşecek hale gelmesinden yapmadığı söylenir. Merzifonlu, "Neredeyse kale kabza-i tasarrufumuza geçti. Bundan sonra vazgeçersek padişahımıza ne deriz" şeklindeki rivayeti bunu ortaya koyar²⁷. Merzifonlu için Budin valisini, Kırım hanını, Leh elçisini kıracak davranışlarda bulundu. Bu davranışları da böyle bir soru hazırladı görüşleri vardır²⁸. Ahmet Refik'in Macar Milletinin Tarihi adlı kitaptan rivayeti "Kırım Hanı Sobyeski'yi engelleseydi fetih gerçekleşecekti" şeklindedir. Kırım Han'ının Sobyeski'nin Tuna'yı geçişine seyirci kaldığı rivayetleri doğru olduğu takdirde, sadece Merzifonlu'ya, Viyana seferi konusunda yüklenmek haksızlık olacaktır²⁹.

Askerin kaçması, Sobyeski'nin durdurulamaması, meydan savaşında kanatların geri çekilmesi gibi nedenlerle savaş kaybedilmiştir. İşte dönüm noktası burasıdır. Köprülülere kadar düşüş trendi içerisinde olan Osmanlı Devleti, Köprülülerle bir yükseliş içerisine girmişti. Bu kazanılan sürecin devam etmesi gerekiyordu. Viyana'nın fethiyle bu süreç devam edebilirdi. II. Viyana Seferi dirayetiyle, kapasitesiyle kendisini ispat etmiş bir sadrazamla, Osmanlı Devleti için bir toparlanma, canlanma sebebi olabilirdi. II. Viyana gibi seferler, atalet içindeki Osmanlı Devleti, toplumuna canlılık getirecek olan Merzifonlu'yu, bir Fatih, bir Yavuz veya Rus modernleşmesini başlatmış bir Petro yapabilir ve eğer başarılırsa, fetihle gelişen havayla birlikte Osmanlı modernleşme hareketlerine girişilebilirdi. Çünkü fethedilen bu büyükşehir, tıpkı yükselme dönemindeki gibi topluma yeni bir canlılık getirebilecek, bu canlılık ilmi, iktisadi, teknolojik, içtimai her alana yayılabilecek, devletin ömrünü kuşatan bozukluklar en azından ertelenecekti. Merzifonlu, bu heyecanı yakalayabilmek için elinden geleni yapmıştır, fakat olumsuzluklar bunu engellemiş, Merzifonlu belki de yeni bir deha'nın yeni bir kumandanın yeni bir Fatih'in önünü keserek, gelecek kaydedilmiştir. Nitekim, idamına kadar verdiği İbrahim Paşa, Merzifonlu için "Padişahımıza söylesinler, telafii mâ-fat edecek, ancak budur. Azl itmesin" dediği söylenir³⁰.

II. VİYANA YENİLGİSİ VE DURAKLAMA

Viyana Seferi asabiyetini bir süre kaybedip, sonra tekrar kazanan ve eskiden beri kızıl elma diye hedefinde olan ve Hristiyanlığın merkezi durumunda olan, fethiyle yükselen Osmanlı asabiyetinin bu ivmesinin devam etmesine sebep olacak olan bir yerin fethine hareket yanlış bir adım değildi. Aslında bu hareket, Köprülülerle kazanılan yeni canlılık içerisinde beklenen teşebbüstü, denilebilir. Osmanlı Devleti, hem konjonktürel olarak, hem gerekli askeri ve mali altyapının tamamlanabilmiş olması açısından bir bu kadar ve belki de bunlardan daha önemlisi başında böyle bir sefere inanmış, hazır ve dirayetiyle tarihe geçecek kadar büyük bir komutan Merzifonlu olmasıyla böyle bir sefere hazırды.

²⁷ Danişmend, c.III, S.456; Mi'yar, S.1005, Zübde-i Vekayiat, S.224.

²⁸ Hammer, Joseph, Osmanlı Tarihi, (Çev.: Mümin Çevik), c.II, S.177, s.753; İkra-Oksan. İstanbul: Yazman, S.114.

²⁹ Ahmet Refik, Felaket Seneleri, S.33-34.

³⁰ Danişmend, c.III, S.455; Baysun, M. Cavid, Mehmet IV. S.552-553.

Osmanlı Devleti için savaşın kaybı önemliydi, ancak bundan daha önemlisi savaşın sonucunda Merzifonlu'nun kaybıydı. Osmanlı, Merzifonlu'yla geleceğini kaybetti. Çünkü bütün tarihçilerin ortak kanaatine göre Merzifonlu, devleti her türlü kötü durumdan kurtarabilecek durumdaydı. Merzifonlu'yla devlet duraklama ve gerilemenin kapılarını aralamıştır. Aslında kapı II. Viyana'yla aralanmıştı. Merzifonlu, bu kapıyı kapatabilirdi. Onun idamı ve en azından uzunca bir süre, onun arkasından onun gibi dirayetli ellerin idareye gelememesi bu kapıyı iyice açarak, iki kötü sonucu doğurmuş ve bu iki sonuç yeni çöküşü hızlandıracak süreci başlatmıştır. Bunlardan birincisi, Osmanlı asabiyetinin artık gerçekten sönmeye başlamasıydı. Daha önce söner gibi olan asabiyetin Köprülülerle yeniden alevlenmesi, bu olumsuzluğu ertelemişti. Merzifonlu'nun ölümüyle, böyle ileriye gören, dirayetli, cesur, ufku açık devlet adamlarının gelmemesi, halk nezdinde sönen Osmanlı asabiyetini, halk nezdinde harekete geçirecek olan devlet kademesinde de söndürmüş, böylece halk ve devlet nezdinde, atalet, uyuşukluk, heyecansızlık, ufuksuzluk doğmasına, toplumun sanki finale hazırlanan şampiyon adayı gibi çalışkan, diri, atılgan, inançlı, heyecanlı, sevgi dolu olması gerekirken, artık her an ölümü bekleyen hasta gibi cansız, keyifsiz, bezgin hale bürünmesine, günübürlük yaşamaya yönelmesine neden oldu. Bu idealsizlik, bu hedefsiz günübürlük yaşama isteği, toplumu ve devlet adamlarını, devletin çöküşünü hızlandıracak, kanunları ihlal etmeye, rüşvete, yolsuzluklara başvurmaya, topluma ve devlete, Batı'dakine benzer yenilikler, modernleşme hareketleri türü davranışlar arama gibi heyecanını kaybetmeye itti ve böylece erime sürecini başlattı. İkinci olarak, artık Batı'ya doğru olan Osmanlı akınları bundan sonra yönünü değiştirecektir. Bu zamana kadar yenilmez bir güç olan Osmanlı Devleti'nin yenilmesi, Batı alemine eski ideallerini gündeme getirmeye itti. Batı, Türkleri Balkanlardan, hatta Anadolu'dan atma ideallerine, bu yenilgiyle yeni bir aşkla, yeni bir cesaretle sarıldı. Artık Batı saldırıları başlayacaktır³¹. Bu saldırılara karşı koyacak ne inançlı, heyecanlı, vatanını seven, vatanı için yolsuzluk değil, onu ileri götürecek yenilikler düşünen toplum vardır, ne de bu toplumu harekete geçirecek devlet adamı vardır. Osmanlı Devleti artık dün olduğu gibi gücünü koruyamayacaktır. Çünkü onu rahat bırakmayacak Avrupa saldırıları start almıştır. Viyana'da dağılan orduyu Budin'de tekrar toplayabilecek dirayeti gösterebilen Merzifonlu katledilip, yerine savaşa bizzat katılmaya bile cesaret edemeyen kişinin sadarete getirilmesi, kişisel gayretleriyle Malazgirt savaşında Alparslan, Mercidabık ve Ridaniye'de Yavuz gibi gayretleriyle etrafındakileri ve kitleleri heyecana getirecek kumandanı kaybetmiş ve hem de Osmanlı'nın duraklama ve gerileme sürecini başlatmıştır.

Bibliyografya

- Adıvar, Adnan A., "Osmanlı Türklerinde İlim", Remzi Kitabevi, İstanbul, 1978.
 Aktepe, Münir, "Mustafa Paşa, Merzifonlu Kara mad. İslam Ansiklopedisi, MEB Yay.
 Ahmet Refik, "Felaket Sahneleri", Kitabhane-i Askeri, 1332.
 "Köprülüler", Kitabhane-i Askeri, 1331.
 Arslantürk, Zeki, "Naima'ya göre XVI. yy. Osmanlı Toplum Yapısı", Ayışığı Kitapları, İstanbul, 1997
 Baysun, Cavid, "IV. Mehmed mad.", İslam Ansiklopedisi, MEB Yay.

³¹ Baysun, Cavid, Budin mad., İ.A., S.755; Kantemir, S.647; Silahtar, c.II, S.88; Shaw Stanford, Osmanlı Tarihi, c.I, E Yayınları, İstanbul, 1983,s.294.

- Danışmend, İ.Hami, "İzahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi", Türkiye Yay., İstanbul, 1978.
- Defterdar Sarı Mehmet Paşa, "Zubde-i Vekayiat", (Sad.: Abdülkadir Özcan) Tercüman 1001 Temel Eser, İstanbul, 1977.
- "Nesayihu'l-Vüzerâ ve'l-Ümera", (Sad.: Hüseyin Ragıp Uğural), Kültür Bakanlığı Yay., İstanbul, 1987.
- Gökbilgin, Tayyip, "Köprülüler mad.", İslam Ansiklopedisi, MEB Yay.
- Hammer, Joseph, "Osmanlı Tarihi", (Çev.: Mümin Çevik), C.II, İkra-Okusan, İstanbul, 1992
- Halil, Ethem, "Kara Mustafa Paşa'nın Şopron Şehri Ehalisine Beyanname", Tarih-i Osmani Encümeni Mecmuası (FOEM), No: 15.
- İbn Haldun, "Mukaddime", (Çev.: Zâkir Kâdiri Ugan), Şark-İslâm Klasikleri, MEB Yay., No: 25, İstanbul, 1994.
- John Stoye, "Viyana Muhasarası", (Çev.: Selahattin Altay), Dilek Matbaası.
- Karal, Enver Ziya, "Tanzimattan Evvel Garplılaşma Hareketleri", Tanzimat I, MEB Yay., İstanbul, 1940.
- Karamursal, Ziya, "Osmanlı Mali Tarihi Hakkında Tetkikler", Türk Tarih Kurumu (TTK) Yay., Ankara, 1989.
- Kantemir, Dimitri, "Osmanlı İmparatorluğu'nun Yükseliş ve Çöküş Tarihi", (Çev.: Özdemir Çobanoğlu), Bl: 2, C: II, Cumhuriyet Yay., İstanbul, 1998.
- Kreutel, F.Richard, "Viyana Önerinde Kara Mustafa Paşa", (Çev.: Müjdat Kayayerli), Esra Yay., İstanbul, 1994.
- Lewis, Bernard, "Osmanlı Devleti'nin İnhitâtı Üzerine Bazı Düşünceler", (Çev.: Salih Tuğ), İslam Tetkikleri Enst. Dergisi, C: III, Cüz 1-2, İstanbul, 1959-60.
- Mehmet Arif, "Mi'yaruddüvel ve Mesabirü'l Milel", TOEM, No:16.
- Mehmet Halife, "Tarih-i Gılmanî", (Haz.: Ömer Karayumak), Tercüman 1001 Temel Eser, İstanbul, 1975.
- Naima, "Tarih-i Naima", (Çev.: Zuhuri Danışman), Zuhuri Danışman Yay., İstanbul, 1970.
- "Tarih-i Naima", Matbaa-i Amire, İstanbul, 1280-1281.
- Netayıcı'ı Vukuat, M. Nuri Paşa, (Sad.: Neşet Çağatay), TTK Yay., Ankara, 1992.
- Pakalın, Mehmet Zeki, "Osmanlı Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlüğü", C. II, MEB Yay., İstanbul, 1993.
- Tarihi Ra'ic (Mehmet Ra'ic), 6 Cilt, İstanbul, 1928.
- Silahtar Tarihi, Fındıklılı Mehmet Ağa, C: II, İstanbul, 1928.
- Stanford Shaw, "Osmanlı Tarihi", (Çev.: Mehmet Harmancı), e Yay., İstanbul, 1983.
- Togan, Zeki Velidi, "Tarih-te Usul", İstanbul Üniv., Edebiyat Fak. Yay., İstanbul, 1969.
- Uzunçarşılı, İsmail Hakkı, "Osmanlı Tarihi", C: III, Bl. 1, TTK Yayınları, Ankara, 1995.
- Yazman, M.Şevki, "II. Viyana Muhasarası", İstanbul, 1962.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК: 82 (091)

ОСОБЛИВОСТІ ПОЕТИКИ КРИМСЬКОТАТАРСЬКОЇ НАРОДНОЇ ЕПІЧНОЇ ОПОВІДІ "ЧОРА-БАТИР"

Гуменюк О. Н.

До найдавніших шарів кримськотатарського фольклору належать поетичні епічні оповіді, в яких небуденний герой-богатир змагається з лихими силами, виступаючи захистником родинного вогнища, близьких людей, своєї землі. Він стає на прю з ворогами, з усілякими кривдниками, серед яких часто трапляються багатії, що нажилися чужим коштом, несправедливі й жорстокі можновладці. Це оповіді про Едіге, Копланди, Фазила, Аметшаха та інших легендарних звитяжців, оповіді, які передують іншим жанрам кримськотатарського фольклору [1]. Серед таких уснопоетичних творів один з найхарактерніших та найбільш популярних – "Чора-батир", на що звертається певна увага в статті про кримськотатарську літературу, вміщеній в "Українській літературній енциклопедії" [2].

Твір записаний в декількох варіантах. Окремі з них мають розгорнуту преамбулу, в якій викладаються події, пов'язані з життям Нарека, батька Чори. Непокірливий гордий Нарек вбиває хана й тікає з юною дружиною в ногайські степи, де врешті народжується Чора – гідний спадкоємець героїчних батькових традицій, такий же палкий і завзятий, такий же нетерпимий до будь-яких проявів несправедливості. Він навіть перевершує батька в масштабах своєї звитяжних амбіцій.

Основна частина поетичної оповіді стосується тяжких випробувань, що випали на долю Нурекового сина Чора-батира. Поки Чора гуляв на коні в широкому степу, на його рідних – вже старого батька, матір, юну сестру – напав зажерливий Алі-бей, принизив їх, розорив господарство. При поверненні Чора-батира мати, гірко нарікаючи на тяжку долю, розповідає йому про страшну наругу, якої довелося зазнати родині.

Розгніваний Чора-батир викликає Алі-бея на двобій і долає кривдника, проймає його меткою стрілою, належно відплачує і за гіркі сльози матері, і за побиття немічного батька, і за образу лайливими словами юної сестри, і за збитки, нанесені господарству (перелічування завданих кривд, а потім відповідної відплати за них служить тут суттєвим засобом поетичної експресії).

В особі Алі-бея постає кривдник родини Чора-батира, кривдник, якому герой дає належну відсіч. Але героєве завзяття на тому не завершується. Художньо потрактована топоніміка свідчить, що оповідь створювалася в часи розпаду Золотої Орди й зародження кримської відособленості від неї, що врешті завершилося постановням окремого ханства. Тож на обрії вже не кривдник родини, а кривдник рідної землі, за права якої Чора-батир їде змагатися в далеку Казань. Певна умовність, узагальненість постаті Чора-батира, очевидно, дає підстави для такого трактування.

Драматизм тогочасних історичних процесів відлунився в долі фольклорного персонажа. В одному з варіантів оповіді Чора-батир після

жорстоких ударів долі накладає на себе руки й тоне в Ідилі (Волзі), в іншому – після нерівної битви гине, кинувшись у провалля. Однак трагічний фінал не викликає почуття зневіри, він увиразнює властиву фольклорному творові катарсичну силу, яка постає внаслідок поетизації шляхетних поривань небуденного героя, його прагнення до утвердження добра, його непримирності до несправедливості.

Якщо поетичні картини, пов'язані з життям Нарека, батька Чора-батыра, можна розглядати як свого роду преамбулу оповіді, то відтворення нещасливих казанських пригод героя тяжіє до означення його як певного епілогу. Пригляньмося ближче до основної частини твору, опублікованої в ґрунтовому фольклорному збірнику Яг'ї Шефредінова [3].

Епічна піднесеність, певна монументальність героїчної оповіді невід'ємна від властивого їй глибинного драматизму, що межує з трагізмом. Цей драматизм виявляється зокрема в чіткому окресленні провідних персонажів та діалогічній організації тексту. Репліки персонажів здебільшого розлогі й тяжіють до монологів, які увиразнюють, своєрідно підкреслюють згадану монументальність, а водночас надають оповіді певного ліричного забарвлення. Ці монологи розкривають внутрішні переживання й прагнення персонажів і водночас вони звернені до співрозмовників, спонукають їх до відповіді й дії.

Починається центральна частина твору з розлогого, пройнятого розчарованою журбою звернення матері Чора-батыра до сина, єдиної надії на можливість зарадити гірким випробуванням, що випали на долю родини. Звернений до сина монолог стражденної матері вельми нагадує народні голосіння, він помережаний розпачливими вигуками (ай, ей, дій, ой...), характерними повторами. Усвідомлюючи, як непросто буде синові в змаганні з ворогом відстоювати родинну честь, потерпаючи за синову долю, мати скрушно повторює раз у раз фразу про те, що ліпше б йому було не родитись на світ. Тричі повторене як заклинання "догъмагъайдын" ("ліпше б не родивсь"), а далі двічі повторене твердження про те, що син народивсь на біду, створюють атмосферу особливої тривоги, яка посилюється й пояснюється в наступних рядках, де з емоційною градацією живописуються безчинства лихого Алі-бея з Акташа (різкі ударні рими – ди... ді... ді... ді... – своєрідно увиразнюють материнську тривогу й журбу). Завершується, а точніше окільцьовується розпачливий монолог матері її позначеним зойками початковим лементуванням.

Тужливе, хоч усе-таки не безнадійне голосіння матері контрастно змінюється гордим та рішучим зверненням Чора-батыра до ворога, яке розпочинається сповненим пружної енергії "Ей!" Так само як перед тим материнська тривога увиразнювалася словесними повторами й різкими римами, тепер Чорове звзяття підкреслюється словесними повторами й чіткою алітерацією:

Булсандым, бейим, булсандым, бейим
(Розлютивсь я, бею, розлютивсь...)

Оце кількарарово стріване в рядку "б", що підкреслює рішучість героя, не менш вражаюче, ніж подальші чіткі й лаконічні загрозливі інвективи:

Акъташ Али-бейнинъ
Артындан етишип
Дёрт болейим. Эй!
(Актаського Алі-бея
Наздожену,
На чотири шматки розітну. Ей!)

Градація материних живописань здійсненої недругом наруги точно повторюється Чорою, лише в іншому, не розпачливому, а сповненому бойовитості ключі:

Атымы алдын, бересинь,
 Къююмы сойдынъ, тойлесинь.
 Нарекке къамча тартдынъ,
 Кунь корьмеген къардашыма,
 Шерьяткъа сыймаз сѣзлер айтдынъ,
 Буны немен толерсынъ...
 (Взяв коня мого – віддай,
 За зарізаних баранів заплати.
 А за батька Нурека, періщеного батогом,
 За яснозору молодшу сестру,
 Ображену нечестивими словами,
 Чим заплатиш ти...)

Ї так само як материнське журливе перелічування заподіяних кривд починається й завершується розпачливим лементуванням, погрозливе перелічування Чори, як починалось, так і завершується підкутим згаданим "б" обуренням:

Оф! Булсандым, бейим, булсандым, дий.

Подальший ритмічно карбований діалог з уривчастими репліками Чора-батир та Алі-бея окреслює їхній двобій, під час якого зажерливий багатій в скрушній репліці, що нагадує внутрішній монолог, зауважує, що його роззяцькована (промовиста деталь) стріла пролітає край сідла супротивника. А далі йде пристрасний монолог Чора-батир, в якому героєве звитяжне завзяття увиразнюють характерні повторення ("бир окъ алды... бир окъ алды", "чувлашманъыз... чувлашманъыз" і знов-таки – "булсандым, бейим, булсандым"). Це завзяття увиразнюють також динамічне чергування довших коротших рядків, поєднання чітких та приблизних рим, вигуки, постійні епітети, мальовничі натуралістичні деталі:

Акъташлы Али-бей
 Къамчасына таянынъ,
 Къан тукурди, дий
 (Актаський Алі-бей
 На батіг похиливсь,
 Кров'ю захлинувсь)...
 Чувлашманъыз, къырк черкез...
 Тартмай тилинъизни узермен,
 Танълайынъызгъа нал къыздырып басарам...
 (Вгамуйтеся, сорок черкесів...
 Бо повіриваю ваші язика
 Ї піднебіння вам припечу розжареною підковою...)

Чора-батирове завзяття на тому не вичерпується, не вщухає, він, так би мовити, не вдовольняється досягнутим і спрямовує свій рішучий погляд на далеку Казань.

Завершується ця частина оповіді, як і починалась, монологом матері Чора-батир. Мати благословляє сина на дальші подвиги ("Эял болсун!), втішена тим, що його амбітність перевершує батькову, котрий не виходив за межі Криму. Її піднесене, хоч і не позбавлене певної тривоги, звернення до сина

увиразнене емоційними повторами, вигуками, побажаннями, місткими афористичними, версифікаційно ограненими сентенціями:

Эрте эвлеген, толь алыр,
Эрте чыкькьан джол алыр
(Рано одружений дітьми багатий,
Рано в путь рушиш – далеко зайдеш).

Піднесений поважний тон оповіді гармонійно узгожується з речитативістю, яка в музичному тексті окреслюється максимальним розвитком мелодійної лінії в межах кварто-квінтових ходів з використанням обігрування (опівування) однієї ноти (соль). Але за всієї інтонаційної одноманітності, суголосної згаданій піднесеній поважності, не втрачається яскраво виражена східна орнаментальність, означена зміною змішаних ритмів чи не в кожному такті, характерним розспівуванням окремих складів із зависанням останнього звуку (фермата).

Поєднання урочої простоти й вишуканої орнаментальності виявляється як в музичному, так і в літературному тексті. Розлога епічна монументальність раз у раз оживляється емоційними сплесками, експресивними інвективами, мальовничими штрихами, що допомагає розкрити глибинний драматизм оповіді, який виявляється і в її своєрідній діалогічній організації.

Експресивна емоційність епічного повіствування, увиразнена нерегулярним ритмом, поєднання точних та приблизних рим, образні і звукові повтори – усе це риси, характерні не лише для кримськотатарської, а й для української епічної уснопоетичної традиції. Можна говорити про певну близькість кримськотатарських фольклорних поетичних оповідей та українських народних дум. Очевидно, що тут типологічне зближення виходить за межі ознак, загалом характерних для героїчного епосу. Припущення про можливі тут взаємовпливи тим більш небезпідставні, що кримськотатарські епічні оповіді й пісні речитативного характеру були поширені насамперед у ногайських степах, власне на українсько-тюркському пограниччі. Думається, тут може окреслитися напрямок доволі плідних дослідницьких пошуків.

Література

1. Юнусова Л.С. Крымскотатарская литература: Сборник произведений фольклора и литературы VIII – XX вв. – Симферополь: Доля, 2002. – 344 с. – С. 6.
2. Гаркавец О.М. Крымскотатарська література // Українська літературна енциклопедія: У 5 т. – Т. 3. – К.: "Українська енциклопедія" імені Миколи Бажана, 1995. – 496 с. – С. 60.
3. Шерфединов Н. Звучит кайтарма – Янърай кьайтарма. – Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1979. – 232 с. – Текст епічної оповіді "Чора-батир" цитується за цим виданням, с. 15–18.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК: 82 (091)

ANA DİLE YÖNELİŞ VE NEVÂYÎ *Altınışik Yusuf*

Nevâyî, Türkçeyi ilim ve edebiyatın her sahasında işleyen büyük bir *sanatkâr*, dilimizin ifade inceliği ve kudretine dair ilk ilmî eser yazan *bilim adamı*dır. Ortaya koyduğu eserlerle Türkçe'yi *klâsik edebî dil* seviyesine yükselten bir *mutasavvif şâir*, aynı zamanda büyük bir *devlet adamı*dır.

Nevâyî'nin eserleri *Kaşgar*'dan *Kazan*'a, *Kırım*'dan *Delhi*, *Tebriz* ve *İstanbul*'a kadar bütün Türk dünyasında, 15. asırdan 19. yüzyıla kadar büyük itibar kazanmış, erişilmesi imkânsız birer örnek olarak kabul edilmiştir.³²

Fars edebiyâtının kuvvetle hâkim olduğu bir devir ve muhitte yetişen *Nevâyî*'nin³³ döneminde, gerçi *Emirî*, *Mevlânâ Kutbî*, *Mukimî*, *Lutfî*, *Yakinî*, *Sekkâkî* gibi Türkçe yazan sanatçılar vardı. Başta Sultan *Hüseyn Baykara* olmak üzere *Timurlu* hanedân mensupları da Türkçe şiirler yazıyorlardı.³⁴ Fakat bunlardan hiçbiri *Nevâyî* kudretinde olamamıştır. *Nevâyî*, klâsik nazım ve nesrin her türünde ve her şekilde eserler yazmış,³⁵ *Nizamî*, *Feridüddîn Attâr*, *Hüsrev Dihlevî*, *Sadî* ve *Hâfiz* gibi İran edebiyâtının en büyük üstadlarının muhtelif vâdilerdeki yüksek sanat mahsulleri ile boy ölçüşebilecek eserler vermiştir.³⁶

Nevâyî, devrinin ilim ve sanat odağı idi. Hatta İran'ın son klâsik şâiri sayılan büyük *mutasavvif Mevlânâ Abdurrahman Câmî*, eserlerinin müsveddelerini *Nevâyî*'ye gösterir, onun ilâve ve **ana dile** düzeltmelerini dâimâ beğenirdi.³⁷ Her kalem ve şiir müntesibi, her *sanatkâr* ve ilim erbâbi, muhakkak ondan büyük teşvik

* Harran Üniversitesi Fen-edebiyat Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Bölümü Öğretim Görevlisi / Odessa Milli Meçnkov Un. Sosyal Bilimler Enstitüsü Türk Dili Öğretim Üyesi

³² Geniş bilgi için bkz. M. Fuad Köprülü, "Çağatay Edebiyatı", İA., C. III, İstanbul, 1971, s. 270; Bekir Çobanzâde, "Nevâyî-Dilci", **Büyük Türk Şâiri Mîr Ali Şîr Nevâyî**, Azerbaycan Edebiyat Cemiyet Neşriyatı, Bakü, 1926, s. 68, 69, 73; İsmail Hikmet, "Emir Ali Şîr Nevâyî'nin Hayâtı ve Edebî Mevkii" **Büyük Türk Şâiri Mîr Ali Şîr Nevâyî**, s. 43; A. K. Borokov, "Özbek Yazı Dilinin Kurucusu Ali Şîr Nevâyî", **Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten**, 1954, s. 72; İbrahim Kafesoğlu, "Ali Şîr Nevâyî Devri Tarihine Bir Bakış", **Ali Şîr Nevâyî Hayatı ve Eserleri**, Doğu Türkistan Göçmenler Cemiyeti Neşriyatı, İstanbul, 1962, s. 25; Faruk Kadri Timurtaş, "Ali Şîr Nevâyî'nin Türk Diline Hizmetleri", **Ali Şîr Nevâyî Hayatı ve Eserleri**, Doğu Türkistan Göçmenler Cemiyeti Neşriyatı, s. 34.

³³ Ali Nihat Tarlan, "Ali Şîr Nevâyî", **Prof. Dr. Ali Nihad Tarlan'ın Makalalarından Seçmeler**, Ankara, 1990, s. 136.

³⁴ Ali Şîr Nevâyî, **Muhâkemetü'l-Lügateyn**, haz., F. Sema Barutçu Özönder, TDK. Yayınları, Ankara, 1996, s. 186; Mirzâ Muhsin İbrahimî, "Fârisî Edebiyatının Ali Şîr Nevâyî'ye Tesiri", **Büyük Türk Şâiri Mîr Ali Şîr Nevâyî**, Azer Neşir, s. 86; Tarlan, a.g.e., s. 139; İsmail Aka, **Timurlular**, Ankara 1995, s. 196; İsmail Hikmet, a.g.m., s. 48; Abdülkadir İnan, "Çağatay Edebiyatı", **Türk Dünyası El Kitabı**, Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları, Ankara, 1992, s. 84.

³⁵ W. Bartold, **İslâm Medeniyeti Tarihi**, çev., M. Fuat Köprülü, Ankara, 1940, s. 217.

³⁶ Tarlan, "Ali Şîr Nevâyî", **Ali Şîr Nevâyî Hayatı ve Eserleri**, Doğu Türkistan Göçmenler Cemiyeti Neşriyatı, s. 2; Bartold, a. g. e., s. 218.

³⁷ Tarlan, "Ali Şîr Nevâyî", **Makalalarından Seçmeler**, s. 140.

görmüştü.³⁸ *Devletşah, Tezkiretü's-Şuara*'sını onun nâmına yazmış, *Mevlânâ Câmî*, eserlerin hayatına ait eserini onun teşvikiyle telif etmişti.³⁹ Onun nâmına ithâf edilen eserler sayı ve nitelik bakımından hiçbir sultana nasip olmamıştır.⁴⁰

İşte bu ilmî ve edebî yetki ve kabiliyete sahip olan Nevâyî, eserlerinin hemen hepsini Türkçe yazmış,⁴¹ gençleri de bu yolda teşvik etmiştir.⁴²

Nevâyî'nin dili hakkında, *hiç tesir altında kalmamış saf Türkçe'dir*, iddiasında bulunmak, onu mutaassıp bir dil milliyetçisi olarak değerlendirmek mümkün değildir. Nevâyî, edebî eserlerin, bilhassa şiirin doğrudan doğruya Farsça yazılmasına itiraz etmiştir. Yoksa onun şiirleri de saf Türkçe değildir. Ancak Nevâyî, ortak İslâm medeniyetinin Türkçe'ye lüzumlu kelimelerini Türkçe'nin kendi kelimeleri kadar yerinde ve tabii olarak kullanmıştır.⁴³

Muhâkemetü'l-Lugateyn

Muhâkemetü'l-Lugateyn, Nevâyî'nin Türkçe hakkındaki önemli eseridir. Vefâtından biraz evvel telif etmiştir. Bu eser Türkçe hakkında yazılan ilk ilmî eser unvanını da taşımaktadır.⁴⁴ Nevâyî'yi böylesi bir eseri yazmaya iten sebep, Türk şâirlerinin Farsça yazmaya özenmeleridir.⁴⁵ Nevâyî, bu yolda olanlara söylediği sözlerde hayli sitemkârdır:

“Türk gençlerinin beceriksiz ve değersiz olanları, kolaydır diye Farsça şiir söylemeye özeniyorlar. Yetenekli gençler, kendi dilleri dururken başka dille eser yazmamalıdır. Eğer her iki dille şiir yazabilecek kabiliyette iseler, kendi dillerinde daha çok eser vermelidirler. Hiç olmazsa başka dille yazdıkları kadar kendi dilleriyle de yazmaları gerekir.”

Nevâyî, *Muhâkemetü'l-Lugateyn*'de bazı şâirlerin Türkçe yazmamalarının, daha doğrusu yazamamalarının sebebini de şöyle yorumlar:

“Türk şâirlerinin Türkçe şiir söyleyebildikleri halde, Farsça söylemelerini kabullenmek mümkün değildir. Doğrusunu söylemek gerekirse bunlar Türkçe şiir söyleyecek güçte değildirler. Eğer Türkçe yazacak olsalar, yazdıklarını, şiirden anlayan Türklerin yanında okuyamazlar. Okusalar her kelimesinde yüz yanlış bulunur. Türk dili, kelime bakımından zengin, ifade yönüyle engindir; ancak bunu güzelce tertipleme güçtür. Acemi şâirler bu güçlükten çekinerek kolaya kaçıyorlar.”⁴⁶

³⁸ Levend, a. g. e., C. I, s. 227-228; Tarlan, *Ali Şir Nevâyî Hayatı ve Eserleri*, s. 3; Köprülü, İA., a.g.m., s. 301.

³⁹ Nevâyî, *Mecâlisü'n-Nefâis*, haz., Hüseyin Ayan v.d., Atatürk Üniversitesi Türkiyat Enstitüsü Yayını, Erzurum, 1995. III. Meclis, s. 67-123; İsmail Hikmet, a.g.m., s. 39.

⁴⁰ Tarlan, “*Ali Şir Nevâyî*”, *Ali Şir Nevâyî Hayatı ve Eserleri*, s. 3.

⁴¹ Nevâyî'nin tespit edilen 29 eserinin içinde bir Farsça Divanı ve Farsça Vakfiye'si vardır. Vakfiye'nin ayrıca Türkçe olanı da vardır. Anılan eserler dışında bütün eserleri Türkçedir. Geniş bilgi için bkz. Günay Kut, “*Ali Şir Nevâyî*”, *DİA*, C. II, s. 450.

⁴² Ali Şir Nevâyî, *Muhâkemetü'l-Lugateyn*, haz. Özönder, s. 179.

⁴³ V. ZAHİDOV, *Mir İdei i Obrazov Alişera Navoi (Alişer Navaiyning Gaya va Obrazlari)*, Özbek Davlat Bediiy Adabiyat Nashriyati, Taşkent, 1961, s. 41; Nihat Sami Banarlı, *Resimli Türk Edebiyatı Tarihi*, MEB. Yayınları, İstanbul, 1978, s. 425; Levend, a. g. e., C. I, s. 191.

⁴⁴ Borokov, a. g. m., s. 59.

⁴⁵ Levend, *Ali Şir Nevaî, Divanlar ile Hamse Dışındaki Eserler*, c. IV, 4; Borokov, a. g. m., s. 61.

⁴⁶ Nevâyî, *M. Lugateyn*, s. 169.

Nevâyî'nin de Türkçe yazması kolay olmamış, ama o bütün zorluklara rağmen Türkçenin güzelliğini keşfedebilmiş, eserlerini de Türkçe vermiştir:

“Türkçe'nin Farsça'dan bu derece üstün olduğu, Türkçenin bunca genişliği gerçekti, ancak bu hakikat herkes tarafından bilinmiyordu. Türk dili bırakılmak üzere idi. Ben de gençliğimde geleneğe uyarak ilk şiirlerimi Farsça söyledim. Kendimi anlamaya başlayınca, güçlükleri yenmek isteğiyle Türk diline döndüm ve onu düşünmeye başladım. O zaman gözlerimin önünde on sekiz bin âlemden daha geniş bir âlem belirdi. O âlemin süslerle dolu göğü bana dokuz felekten daha yüksek göründü. İncileri yıldız cevherinden daha parlak olan erdem hazinesi bana açıldı. Orada gülleri, gökteki yıldızlardan daha parlak, içine yaban ayağı girmemiş, yaban el' değmemiş bir gül bahçesine rastladım. Fakat bu hazinenin bekçisi olan ejderleri kan dökücü idi. Güllerinin dikenini de sayısızdı. Düşündüm ki, sanat ehli, bu ejderlerin zehiri korkusundan bu hazineye girememişler. Gönlüme öyle geldi ki, şâirlerin seçkinleri, bu dikenlerin korkusuyla bu bahçeden bir gül bile koparmadan geçip gitmişler. Ben bu âlemi bırakıp gitmedim ve bakmaya doyamadım. Her şeyin değerini takdir etmesini bilen zevkim, bu hazineden sayısız inciler ve mücevherler topladı. Gönlüm o bahçenin güzel kokularından sonsuz sayıda gül ve yâsemîn derledi”⁴⁷

Gerçekten de Nevâyî bütün zorluklara rağmen, hatta kendi çağdaşı şâirlerin Türkçe yazdığı için kendisiyle alay etmelerine⁴⁸ göğüs gererek Türkçe yazmayı başarmıştır. Duyguların bütün inceliklerinin, kalbin coşkun heyecanlarının, aklın derin yönelişlerinin Türkçe ile dile getirilebileceğini göstermiştir.

Niçin Türkçe?

Nevâyî'nin Türkçe yazmaktaki asıl gayesi ilim, irfan ve sanatr yüceliklerinden milletin de nasiplenmesidir.⁴⁹ Cemiyetin aydınlatılması gereğine inancı, Nevâyî'yi içinde bulunduğu diliyle eser yazmaya sevk etmiştir. Türkçe konuşan halkın Farsça ve Arapça konuşan insanların sâhip olduğu kültürel kaynaklara onlar kadar sâhip olmaması, Nevâyî'yi, Türkçe yazmaya adeta mecbûr etmiştir. “*Kavminin lisânıyla hitap etmek*”⁵⁰ hakikatine inanmış bir mutasavvıf aydın şâir olarak Nevâyî'nin bu konuda çevresine de telkînleri olmuştur. Meselâ Nesâyim'i telif ederken⁵¹ *Hayretü'l-Ebrâr*'i kaleme alırken,⁵² *Seba-i Seyyar*'ı,⁵³ *Sedd-i İskenderi*'yi,⁵⁴ *Leyla vü*

⁴⁷ Nevâyî, a.g.e., s. 181; Tarlan, *Makalelerinden Seçmeler*, s. 140; İsmail Hikmet, a. g. m., s. 32.

⁴⁸ A. N. Boldırev, “*Çağdaşların Hikayelerinde Nevai*”, çev., Rasime Uygun, *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten*, 1956, TDK, Yayınları, Ankara, 1988, s. 230.

⁴⁹ İsmail Hikmet a.g.m., s. 65; Levend, a. g. e., C. IV, s. 17.

⁵⁰ Kur'an, İbrâhîm suresi, 14/4.

⁵¹ Geniş bilgi için bkz., Ali Şir Nevâyî, *Nesayimü'l-Mahabbe min Şemâyimi'l-Fütüvve*, haz. Kemal Eraslan, İstanbul Üniversitesi Yayını, İstanbul, 1979, s. 1.

⁵² Nevâyî bu eserinde Hüsrevî Dihlevî, Nizâmî ve Câmî'nin yazmış olduğu benzer mesnevî niteliğinde Türk halkının yararlanması için Türkçe yazdığını ifade eder:

Farsî oldı çü alarga edâ
Türkâ ile kılсам anı ibtidâ
Farsî il taptı çü hursendlik
Türk dağı tapsa beru-mendlik

Geniş bilgi için bkz. Ali Şir Nevâyî, *Hayretü'l-Ebrâr*, haz. A. S. Levend, *Ali Şir Nevâyî, Hamse*, XIII/27, 28, s. 30,

Mecnun'u⁵⁵ yazarken aynı endişeyi taşıdığını belirtmiştir. O, ahlâkî, dinî ve insanî değerleri içeren Arapça, Farsça eserlerden bu dilleri bilmeyen soydaşlarının uzak kalmalarına razı olmamış, onları Türkçe olarak kendi cemiyetine aktarmıştır.

Nevâyî'nin bakışı çerçevesinde sanatçıların toplumlarına kendi dilleri ile hitap etmesi gerektiğini anlamaktayız. Arapça ve Farsça her ne kadar müslüman toplumların asırlarca konuştuğu, ilmî ve edebî sahada kullandıkları temel diller olmuşsa da müslüman toplumların bütününe bu dilleri konuşmadıkları, özellikle kültür merkezlerinden uzak halk kesimlerinin bu dilleri kullanmadıkları da bir gerçektir. Müslüman camianın önemli bir kesimini teşkil eden bu toplulukları aydınlatmak kolay ve doğal şekliyle kendi konuştukları dille mümkün olacaktı. İşte Nevâyî bu gerçeğin farkında olarak tamamen realist bir düşünceyle eserlerini Türkçe yazmış ve bunu hayatının önemli bir gayesi bilmıştır.

Sonuç

1. Nevâyî telif ettiği eserlerinin nitelik ve niceliğiyle edebî ve ilmî mevzularda söz söylemeye yetkili olduğu gibi, Türkçe konusunda da sözü delil olacak derecede Türkçe yazmış bir sanatkardır.

2. Nevâyî'nin *Muhakemetü'l-Lugateyn*'i ömrünün son yıllarında yazmış olması, onun Türkçe hakkında söylediklerini önce savunup sonra uygulamaya geçmediğini, bilakis önce uygulayıp sonra savunduğunu, dolayısıyla düşüncelerinde samimi olduğunu gösterir.

3. Nevâyî'ye göre sanatkârlar kendi toplumlarının diliyle eser yazmalıydılar. Kültürel ve ilmî zenginliklerden her kesim istifade etmelidir. Kendi toplumunu dışlayan birtakım özentili tavırların hiçbir zaman yarar getirmediğini bilmek gerekir.

4. Nevâyî'nin öngördüğü amaçlarla hareket edilirse, farklı kültürler her türlü dil inkişâfı ve edebî zenginliğin kaynağına dönüşebilir. Çünkü sanat evrenseldir, mânâlar evrensel, gerçekler evrenseldir. Fakat ifâdeler millîdir. Önemli olan kullanılan dille, bizi kuşatan bütün güzelliklerin farkına varmak ve bunu başkalarıyla paylaşmaktır.

Kaynaklar

Aka İsmail. Timurular, Ankara, TDV. Yayınları.- Ankara, 1995.

Ali Şîr Nevâyî. "Seba'-i Seyyâr", haz, Agâh Sırrı Levend, C. III, Ali Şîr Nevâyî, Hamse, Türk Dil Kurumu Yayınları.- Ankara, 1967.

Ali Şîr Nevâyî. Hayretü'l- Ebrâr, haz, A. S. Levend, Ali Şîr Nevâyî, Hamse, Türk Dil Kurumu Yayınları.- Ankara, 1967.

⁵³ Farsî bilgen eyledi idrâk
Lîk mahrûm kaldılar etrâk
Sin çü nazmıng türktâz itting
Fars tilidin ihtiraz itting
Dehr ara Şeh çü Türk vakı durur
İl ara Türk lafzı şâyidür
Зъл бу маънini eyleding melhız
Türk ulus dağı boldılar mahzûz.

Geniş bilgi için bkz., Ali Şîr Nevâyî, "Seba'-i Seyyâr", haz, A. S. Levend, Ali Şîr Nevâyî, Hamse, s. 398.

⁵⁴ Ali Şîr Nevâyî, *Sedd-i İskenderî*, haz., Hatice Tören, Basılmamış Doktora Tezi, İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 1990, beyit no: 641, 642, 643.

⁵⁵ Ali Şîr Nevâyî, *Leylî vü Mecnûn*, haz, Ülkü Çelik, TDK. Yayını, Ankara, 1996, beyit no. 3591-3599.

- Ali Şir Nevâyî. Leylî vü Mecnûn, haz., Ülkü Çelik, TDK. Yayınları.- Ankara, 1996.
- Ali Şir Nevâyî. Mecâlisü'n-Nefâyis, haz., Hüseyin Ayan v.d., Atatürk Üniversitesi Türkiyat Enstitüsü Yayını.- Erzurum, 1995.
- Ali Şir Nevâyî. Muhâkemetü'l-Lugateyn, haz., F. Sema Barutçu Özönder, TDK. Yayınları.- Ankara, 1996.
- Ali Şir Nevâyî. Nesâyimü'l-Mahabbe min Şemâyimi'l-Fütüvve, haz., Kemal Eraslan, İstanbul Üniversitesi Yayınları.- İstanbul, 1979.
- Ali Şir Nevâyî. Sedd-i İskenderî, haz., Hatice Tören, Basılmamış Doktora Tezi.- İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 1990.
- Banarlı Nihat Sami. Resimli Türk Edebiyatı Tarihi, MEB. Yayınları.- İstanbul, 1978.
- Bartold W. İslâm Medeniyeti Tarihi. çev., Fuat Köprülü.- Ankara, 1940.
- Boldırev A. N. "Çağdaşların Hikayelerinde Nevaî", çev., Rasime Uygun, Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten , 1956, TDK. Yayınları.- Ankara, 1988.
- Borokov A. K. "Özbek Yazı Dilinin Kurucusu Ali Şir Nevâyî", Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten , 1954, TDK. Yayınları.- Ankara, 1988.
- Çobanzâde Bekir. "Nevâyî-Dilci", Büyük Türk Şâiri Mîr Ali Şir Nevâyî, Azerbaycan Edebiyat Cemiyeti Neşriyatı.- Bakü, 1926.
- Hikmet İsmail. "Emir Ali Şir Nevâyî'nin Hayâtı ve Edebi Mevkii" Büyük Türk Şâiri Mîr Ali Şir Nevâyî, Azer Neşir.- Bakü, 1926.
- İnan Abdülkadir. "Çağatay Edebiyatı", Türk Dünyası El Kitabı, Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları.- Ankara, 1992.
- Kafesoğlu İbrahim. "Ali Şir Nevâyî Devri Tarihine Bir Bakış", Ali Şir Nevâyî Hayatı ve Eserleri Doğu Türkistan Göçmenler Cemiyeti Neşriyatı.-İstanbul, 1962.
- Köprülü M. Fuad. "Çağatay Edebiyatı", İA., C. III, MEB.- İstanbul, 1971.
- Kut, Günay; "Ali Şir Nevâyî", DİA, C. II.-İstanbul, 1989.
- Levend, Agâh Sırrı. Ali Şir Nevaî, Hayatı, Sanatı ve Kişiliği, C. I., Türk Dil Kurumu Yayını.- Ankara, 1965.
- Levend, Agâh Sırrı. Ali Şir Nevaî, Divanlar ile Hamse Dışındaki Eserleri, C. IV, TDK. Yayını.- Ankara, 1965.
- Mirzâ Muhsin İbrahimî. "Fârisî Edebiyatının Ali Şir Nevâyî'ye Tesiri", Büyük Türk Şâiri Mîr Ali Şir Nevâyî, Azer Neşir.-Bakü, 1926.
- Pala İskender. Ansiklopedik Divân Şiir Sözlüğü, C. I-II, Akçağ Yayınları, Ankara, 1989.
- Tarlan Ali Nihat. "Ali Şir Nevâyî", Ali Şir Nevâyî Hayatı ve Eserleri, Doğu Türkistan Göçmenler Cemiyeti Neşriyatı.- Bakü, 1926.
- Tarlan Ali Nihat. "Ali Şir Nevâyî", Prof. Dr. Ali Nihad Tarlan'ın Makalelerinden Seçmeler,.- Ankara, 1990.
- Timurtaş Faruk Kadri. "Ali Şir Nevâyî'nin Türk Diline Hizmetleri" Ali Şir Nevâyî Hayatı ve Eserleri, Doğu Türkistan Göçmenler Cemiyeti Neşriyatı.- İstanbul, 1962.
- Zahidov V. Mir İdei i Obrazov Alişera Navoi (Alişer Navaiyning Gaya va Obrazlari), Özbek Davlat Badiiy Adabiyat Nashriyati.- Taşkent, 1961.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК – 894. 321 (71)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ 70-80-х ГОДОВ XX ВЕКА

Джемилева А. А.

Актуальность темы исследования связана с неразработанностью и неизученностью жанра рассказа в крымскотатарском литературоведении.

Цель данной статьи - показать основные тенденции развития современного рассказа в крымскотатарской литературе на конкретном этапе его развития.

Задача данной статьи - раскрыть особенности развития современного крымскотатарского рассказа в жанрово-тематическом аспекте.

Современная крымскотатарская литература представлена широким жанровым спектром эпической прозы. Сегодня, безусловно, уже нельзя сетовать на малоизученность национальной литературы. За сравнительно короткое время она прошла большой и стремительный путь развития. Несмотря на нерешённость литературоведческих проблем в национальных литературах, имеются отдельные исследования в области крымскотатарской прозы определённого исторического периода [2; 10; 19]. Невзирая на многогранность и идейно-тематическое своеобразие прозы крымскотатарской литературы, некоторые жанры, в том числе и рассказ, не были объектом специального литературоведческого исследования.

Изучение проблемы рассказа неотделимо от исследования других жанров литературы. В крымскотатарском литературоведении особенностям жанров, их эволюции, в частности, изучению романа и повести посвящены работы С. Нагаева [18; 19]. В общетеоретическом аспекте более изучены проблемы жанра и стиля применительно к поэзии. Развитие поэтических форм наиболее подробно рассматривается в работе Ш. Юнусова [30].

Надо отметить достаточную разработанность жанровой проблемы в других тюркских литературах [5; 14; 17; 22; 23; 24; 27]. Нельзя обойти вниманием тот факт, что многие вышеназванные работы, были посвящены, в основном, исследованиям прозы определённого периода, а также литературного процесса в целом отдельного этноса и носили обобщающий характер, что уже само по себе не позволяет сделать определенные выводы в разграничении жанровой специфики малых и больших прозаических форм, не говоря уже об их внутрижанровых и композиционных особенностях.

Теоретический аспект проблем поэтики новеллистического жанра давно поставлен в мировом литературоведении. Многие исследователи пытались определить специфические особенности рассказа. Наличие в славянском литературоведении ряда фундаментальных монографических работ, посвящённых рассказу, даёт основание полагать о некоторых разработках в этой области [1; 4; 7; 9; 20; 21; 26; 29]. Обилие работ позволяет обобщить их

опыт и служит основанием для изучения и национальных эпических форм. Всё это, несомненно, является прочной научно-методологической основой для исследования эпических форм в национальных литературах.

Проблема жанра рассказа, как и любого другого жанра, не может быть раскрыта и изучена без изучения широких его внутри и междужанровых, национально-художественных и межлитературных связей и взаимодействий. Изучение этого вида малой эпической прозы требует обязательного соотнесения его с другими формами литературы, прежде всего новеллой и повестью, а также решения как общетеоретических проблем (рассказ и традиции, рассказ и система жанров), так и конкретно-литературных, внутрижанровых.

Всякая литература развивается по принципу преемственности, по закону наследования. Хотя теорию жанра и не следует целиком сводить к его истории, однако бесспорно, что только изучение пути развития жанра, его истоков может прояснить внутреннюю логику его структуры, раскрыть процесс его трансформации и становления. Говоря о вечных, неумирающих элементах архаики в жанре, которые сохраняются благодаря его постоянному обновлению, М. Бахтин заметил: «Жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало. Жанр – представитель творческой памяти в процессе литературного развития. Именно поэтому жанр и способен обеспечить единство и непрерывность этого развития. Вот почему для правильного понимания жанра и необходимо подняться к его истокам» [3, с. 142]. Как отмечает акад. Д. Лихачев, «литературные жанры появляются только на определенной стадии развития искусства слова и затем постоянно меняются и сменяются. Дело не только в том, что одни жанры приходят на смену другим ни один жанр не является для литературы «вечным», - дело ещё и в том, что меняются самые принципы выделения отдельных жанров, меняются типы и характер жанров, их функции в ту или иную эпоху» [16, с. 55].

Исследователь тюркских литератур и, в частности, казахского рассказа, И. Крамов отмечает: «В исторической борьбе жанров рассказ не выдержал бы соревнования с такими сильными формами, как роман и драма, если бы не обладал особыми качествами, обеспечившими ему устойчивость в бурях времени» [11, с. 251].

Известно, что корни рассказа лежат в фольклоре. Легенда, анекдот, сатира, песня, пословицы и другие виды народного творчества обусловили возникновение в художественной литературе повествовательного (рассказываемого) жанра. Именно с фольклора писатели черпали и способы реалистического изображения людей, картин природы, образы, темы и сюжеты для своих произведений. Как справедливо отмечает литературовед С. Нагаев «на возникновение крымскотатарской прозы большое влияние оказало устное народное творчество. Устное народное творчество, имея тысячелетнюю историю, располагает произведениями, написанными в прозаической форме. Распространенные среди крымскотатарского народа сложные замысловатые сюжеты знаменитых дестанов, способы изложения событий в них, непрерывная связь следующих друг за другом событий, развитие событий вокруг одного или двух героев – все это послужило появлению в истории литературы сюжетной прозы» [18, с. 69].

На наш взгляд, наиболее ценным является замечание литературоведа о том, что в крымскотатарской литературе возникновение жанра романа связано с именем И. Гаспринского [18, с. 3]. А также ученый акцентирует внимание на том, что «произведения И. Гаспринского ценны и потому, что он первым провел в крымскотатарской литературе разделение на жанры и такие крымскотатарские писатели и поэты, как Ш. Тохтаргазы, М. Нузет и О. Акчокраклы, продолжая его традиции, основали реалистический романизм» [18, с. 14]. Подтверждение этому находим в фундаментальном труде акад. А. Крымского «Литература крымских татар»: «Исмаил Гаспринский был не только талантливым журналистом, педагогом, но и талантливым литератором, который разрабатывал оригинальные и новые для крымскотатарской литературы жанры» [12, с. 146]. Более того, роль Гаспринского как воспитателя целой когорты крымскотатарских талантливых писателей, даёт ученому основание назвать И. Гаспринского «патриархом крымской письменности» [12, с. 147].

Говоря о крымскотатарской советской литературе, необходимо иметь в виду замечание исследователя крымскотатарской прозы И. Керимова о том, что «крымскотатарский писатель Умер Ипчи вместе с другими писателями сыграл видную роль в появлении и закреплении прозаического жанра в крымскотатарской литературе 1920-1930-х годов» [10, с. 76]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что современные писатели опирались в своем творчестве на традиции и богатый опыт своих предшественников в крымскотатарской литературе.

Надо отметить, что одной из основных особенностей крымскотатарской литературы в 70-80-х годах прошлого столетия явилось развитие всех без исключения прозаических жанров. Получил своё развитие очерк как жанр. Но характерно то, что писатели в произведениях документального жанра уделяли большое внимание внутреннему миру человека, его психологии, что не было присуще очерку. Это писатели Айдер Осман, Урие Эдемова, Эрвин Умеров, Эмиль Амит, Сафтер Нагаев, Ибраим Паши, Рустем Муедин. Они обогатили крымскотатарскую литературу своими очерками и рассказами, рисуя психологические портреты героев труда. Появился и жанр новеллы, который наполнился новым современным идейно-тематическим содержанием.

Теоретик малого жанра в русской литературе Т. Заморий отмечает характерное для всей советской литературы стремление показать человека не изолированно, а в сложных связях с окружающим миром и определяет направление поиска современной литературы [9, с. 10]. Как справедливо полагает исследователь ногайской литературы Н. Суюнова, «пробуждение национально-этнического самосознания, общее для народов СССР и отразившееся в литературах, включая русскую, с 60-х годов и далее стало во многом обуславливать характер литературного процесса. Особенно это стало актуально для литератур малочисленных этносов, переживающих реальную угрозу полной ассимиляции» [22, с. 5].

Характеризуя крымскотатарскую литературу 70-х, надо отметить появление реалистических повестей и романов на актуальные темы – тему труда, любви, нравственных ценностей в жизни человека. Как отмечают литературоведы Р. Фазыл и С. Нагаев, в этот период преобладает развитие жанра романа. Но вместе с тем подчеркивается, что в крымскотатарской литературе расширился

тематический диапазон, а также появились новые жанровые формы. Писатели достигли в малых жанрах художественного и эстетического совершенства [25, с. 449]. Рассказ занял достойное место в крымскотатарской литературе исследуемого периода. Рассказы 70 - х отличаются постановкой того непростого комплекса вопросов, которые связаны с проблемой духовных и нравственных ценностей. Особенность эта, на наш взгляд, определена своеобразием того периода в жизни общества. Она обусловлена закономерностями развития общества на данном историческом этапе, когда с решением проблемы хлеба насущного выдвигаются глубокие проблемы, связанные с преобразованием общества, возрастает роль духовных, нравственных начал. Произведения, написанные в этом жанре, отличаются проблемностью, серьёзностью социального содержания, глубиной отображения действительности. На первый план выступают нравственные и этические проблемы, поиск истинного критерия личности, смысла жизни.

Как отмечает В. Лавров, литература 70-х годов развивалась преимущественно под знаком проблемы человека, которая чутко уловила «антропоцентризм» нашего времени [15, с. 60]. По мнению литературоведа, «этим вызвано и столь широкое распространение мотива испытания героя, оказывающегося в сложнейшей, подчас драматической ситуации. Этим обусловлена в литературе и попытка воссоздать в современной литературе образ героя «нравственной жизни», «нравственного поведения» [15, с. 60]. Исследователь И. Крамов также отмечает, что в этот период в гущу процесса литературного развития все чаще оказывается рассказ нравственно-философской направленности, где на материале национальной жизни поставлены общечеловеческие проблемы духовного бытия [11, с. 262].

По мнению литературоведов Р. Фазыла и С. Нагаева, это новое и перспективное направление в крымскотатарской литературе широко представлено творчеством А. Османа, а именно в его рассказах. Главный лейтмотив его произведений заключается в тезисе - для человека нет счастья более глубокого, чем жизнь и труд [25, с. 458]. Это отражено в сборниках рассказов «Таныш козылер» («Знакомые глаза») (1975), «Йыллар ве достлар» («Годы и друзья») (1981).

Не менее ценны в идейно-тематическом плане произведения Э. Амида. Его рассказы раскрывают в нем талантливого прозаика. Надо отметить, что это автор, пишущий на двух языках – крымскотатарском и русском. Писатель ставит и решает в своих произведениях актуальные вопросы своего времени. Отметим сборник «Севгиден кучлю» («Сильнее любви») (1973), а также «Сыгын чокърагъы» («Олений родник») (1982).

Ещё один прозаик, активно творящая в жанре рассказа – У. Эдемова. Писательница вносит посильный вклад в развитие современной новеллистики. Сборник рассказов «Къырмызы гуль» («Красный цветок») (1971) пришелся по душе читателям того времени. Рассказы У. Эдемовой раскрывают жизнь современников и современниц в их повседневных делах и заботах. Это преданность выбранной профессии, любовь к женщине, сила материнской любви, борьба добра со злом. Далее были сборники «Баш язъысы» («Судьба») (1981), «Юрек атеши» («Огонь сердца») (1985). Писательница совершенствует идейно-тематическое содержание рассказов, раскрывая личную жизнь своих

персонажей в самых необычных обстоятельствах. Не чужда прозаику и традиционная интернациональная тема.

Один из старейших писателей старшего поколения - И. Паши. В 1970 году выходит первый сборник рассказов «Чечек ве кьан» («Цветок и кровь»). Позднее выходят сборники «Бир афта» («Одна неделя») (1983) и «Алтын боялар» («Золотые краски») (1988). Писатель стремится раскрыть в рассказах жизнь труженников села, молодежи, а также проблемы более старшего поколения. В рассказах прозаика всегда присутствует обращение к истории. Заметное место в крымскотатарской прозе принадлежит Р. Муедину. Это самый яркий представитель старшего поколения писателей, можно сказать, «аксакал» крымскотатарской прозы. Первый рассказ почтенного прозаика «Рустемнинъ джинаети» («Проделки Рустема») был опубликован в 1937 г. Исходя из названия, можно предположить, что это автобиографичный рассказ. Творчество писателя в жанровом аспекте многообразно - это и повести, пьесы. Более позже выходит сборник рассказов «Ана кьайгысы» («Забота матери») (1995). В нем собраны различные по тематике и содержанию рассказы. Но всегда акцент делается на добро, любовь, честность.

В 80-е годы в литературу вливаются и новые молодые силы – прозаики Таир Халилов, Рустем Али, Сабрие Сеутова. Они пробуют силы в жанре рассказа. Пусть не сразу, но постепенно они завоевывают читательские симпатии. Произведения Т. Халилова публикуются в сборнике «Фесильген кьокьусы» («Запах базилика») (1985), в журнале «Йылдыз». Определенный интерес представляет сборник «Биринджи кьар» («Первый снег») (1987). Рассказы, собранные в этом сборнике, различны как в идейном, так и в тематическом содержании. Это рассказы «Шаирнинъ пенджереси» («У окна поэта»), «Без турналар» («Белые журавли»), «Бульбуль ве гуль» («Соловей и роза»), «Баба огюти» («Наставление отца»), «Яралы гогерджин» («Раненый голубь»), «Чал атым» («Сивый конь»), «Биринджи кьар» («Первый снег»), «Фесильген кьокьусы» («Запах базилика»), «Солып кьалгъан чечеклер» («Увядшие цветы») и др. Как видно из названий, писатель раскрывает в рассказах самые разнообразные явления действительности.

Попробуем понять авторскую позицию в рассказе «Фесильген кьокьусы» («Запах базилика»). Главный герой рассказа старик Сеитяя ага. Старику много чего пришлось испытать в жизни. Два сына его женились, и дочь вышла замуж. Сеитяя ага тревожится о последнем, младшем сыне, который находится на военной службе. Он тяжело переживает разлуку с сыном. В каждом письме посылает сыну засушенную веточку базилика. Как много вложено в понятие «запах базилика». Прежде всего, это запах нежной любви отца к сыну, это запах памяти. И естественно, ассоциации, присущие народу – базилик – символ памяти. Его можно рассматривать как отдельный образ, настолько ощутима и выразительна сила его воздействия и, вложенная в него автором смысловая нагрузка. И в этот раз старик отправляет сыну веточку базилика. Но неожиданно ему становится плохо и срочно вызывают сына. Но Рефат приезжает только на похороны. На могиле отца он горько плачет. Вернувшись в часть, он находит последнее письмо отца с запахом базилика. На наш взгляд, идея рассказа растворена в образе отца и сына, между которыми никогда не прерывается связь. Это вечная связь времен, связь поколений. Нигде, наверное,

сущность человека не выступает так полно, как в отношениях поколений – между родителями и детьми. Нередко в рассказах мы наблюдаем вполне самобытное творческое решение, связанное с собственными национальными традициями. На наш взгляд, именно такое разрешение предлагает нам автор. Писатель сумел разрешить сложнейшую философскую проблему путем раскрытия внутреннего мира героя.

Активно работает в жанре рассказа прозаик Э. Умеров. Первый сборник «Эр дам олсун кунеш» («Пусть всегда будет солнце») (1970) состоит из рассказов. Позже выходят сборники «Эки атеш арасында» («Между двух огней») (1975), «Йылдызларга догъру» («Навстречу звездам») (1983), «Умют» («Надежда») (1988). Многие его произведения раскрывают жизнь детей и подростков в её разнообразном проявлении. Надо заметить, что это писатель, который пишет на трёх языках – крымскотатарском, русском и узбекском. Особого внимания заслуживают рассказы, написанные на русском языке и посвящённые теме депортации крымскотатарского народа - «Яньгызлыкъ» («Одиночество»), «Къара поездлар» («Чёрные поезда»), «Рухсет» («Разрешение») (1989).

Плодотворно работает в жанре рассказа писатель Р. Али. В 1976 году выходит сборник юмористических рассказов «Таныш эгилер» («Знакомые мелодии»). Многие его рассказы публикуются в журнале «Йылдыз» - «Къадифе кесе» («Бархатный кошелек»), «Беяз шеэр» («Белый город»), «Учъ къаранфиль» («Три гвоздики»). Необходимо отметить, что это один из немногих писателей, написавший повесть в рассказах «Сельбилер эбедий яшайлар» («Тополя живут вечно»), которая состоит из трёх книг (I – 1980, II – 1982, III – 1985). Если в современной советской литературе это распространенное явление, то для крымскотатарской литературы – это не столь обычное явление.

Новое веяние в крымскотатарской литературе данного периода – творчество начинающей писательницы С. Сеутовой. Первый сборник повестей и рассказов «Алем мас-мавы» («Этот голубой мир») выходит в 1989 году. В него вошли рассказы «Ишанч, умют ве севги» («Вера, надежда и любовь») (1977), «Эбедий дуйгъу» («Вечное чувство») (1978), «Къар ягъгъанда» («Когда идёт снег») (1979), «Эля козьлюм» («Моя голубоглазая») (1980), «Кене келирим» («Приду снова») (1981), «Алем мас-мавы» («Этот голубой мир») (1986), «Къыраличе» («Королева») (1984) и др. Как видно из названий рассказов, основная тема творчества – тема любви, женского счастья.

Таким образом, мы попытались наметить характерные и, что немаловажно, актуальные темы в творчестве крымскотатарских прозаиков. Надо отметить, что каждый из них подходил к решению данной проблемы своеобразно, с учетом своего мировоззрения, активной авторской позиции.

Литература и источники

1. Антонов С.П. Письма о рассказе. М., «Советский писатель», 1964.
2. Асан огълу Керим И. Бедий сезюмизнигъ эврими //Йылдыз, 1998. - № 9. – с. 175 – 203
3. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Издание второе, переработанное и дополненное. М., «Советский писатель». – 1963. - 364 с.
4. Билецького Ф. Оповідання. Новела. Нарис. К, 1966.
5. Владимирова Н., Султанова М. Узбекский советский рассказ. Ташкент. Гослитиздат УССР, 1962.

6. Глушков Н. Социалистический реализм как художественная система: (Модификации метода в течениях). Отв. ред. Г.О.Осипова.– Издательство Ростовского университета, 1988. –128 с.
7. Денисюк І. О. “Розвиток української малої прози ХІХ – поч. ХХ ст. Львів, 1999. – 280 с.
8. Деятели крымскотатарской культуры (1921 – 1944 г.г.): Библиографический словарь /Гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
9. Заморий Т. Современный русский рассказ. К., «Наукова думка», 1968.
10. Керимов И. Теренлик. – Ташкент: Гъ. Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1988. – 144 с.
11. Крамов И. Достоинство рассказа. // Дружба народов, 1977. - № 8. – с. 249 – 266.
12. Крымский А. Литература крымских татар.-Симферополь: Доля, 2003. – 200 с.
13. Къуртнезир З. Къырымтатар эдилери. Омюр ве яратыджылыклары акъкъында къыска маломат. – Акъмесджит, «Гаврия» нешрияты, 2000. – 224 с.
14. Кямилев Х.У истоков современной турецкой литературы. – М.: Наука, 1967. - 131 с.
15. Лавров В. Контуры семидесятых //Литературное обозрение, 1979. - № 12. - с. 60-65.
16. Лихачев Д. Поэтика древнерусской литературы. – 3-е изд. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
17. Миннегулов Х.Ю. Татарская литература и восточная классика: Вопросы взаимосвязей и поэтики/ - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. – 384 с.
18. Нагаев С. Йылнамелердеки излер. Ташкент: Гъ. Гъулам адына Нешрият-матбаа бирлешмеси, 1991. – 304 с.
19. Нагаев С. Яшлыккъа хас дуйгунен. – Ташкент: Гъ. Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1979. – с.
20. Нинов А. Современный рассказ: Л., 1969.
21. Огнев А. О поэтике современного русского рассказа. Изд-во Саратовского ун-та, 1973.
22. Суюнова Н. И жизнь продлится... Художественный мир Исы Капаева. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1999. – 152 с.
23. Урусбиева Ф.А. Путь к жанру: очерк истории жанров в балкарской литературе/ – Нальчик: Эльбрус, 1972. – 174 с.
24. Утургаури С.Н. Турецкая проза 60-70-х годов. М.: Наука, 1982. – 252 с.
25. Фазылов Р., Нагаев С. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Къыска бир назар. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2001. – 640 с.
26. Фашенко В. Новела і повелісты. Жанро-стильові питання. К, Радянський письменник, 1968.
27. Хазинадар М. Очерки истории современной курдской литературы. / АН ССР. – Ин-т народов Азии/; М.: Наука, 1967. – 232 с.
28. Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. Изд. 3. М., Сов. писатель, 1975. – 408 с.
29. Шубин Э. Современный русский рассказ. Вопросы поэтики жанра. Л., «Наука», Ленингр. Отд-ние, 1974. – 182 с.
30. Юнусов Ш. Крымскотатарская поэзия 20- х годов ХХ века.- Симферополь: ДОЛЯ, 2004. – 168 с.
31. Халилов Т. Биринджи къар (Первый снег): Повести и рассказы. - Т.: Издательство литературы и искусства. 1987. – 160 с.
32. Халилов Т. Фесильген къокъусы (Запах базилика). Т.: Издательство литературы и искусства, 1985. – 240 с.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК – 821 = 512.145.09.

**КЪЫРЫМТАТАР ЭДЕБИЯТЫНДА ТЕМУРЛЕНГ ОБРАЗЫ
ПЕЙДА ОЛУВ СЕБЕБЛЕРИ
(XIX АС. СОНЪУ – XX АС. БИРИНДЖИ ЧЕРИГИ)**

Сулейманова Д. Н.

Мевзунинъ актуаллиги: Бу вакыткъадже теткъикъ этильген мевзу къырымтатар эдебияты тарихында керек дедерде огренильмеде ве проблемагъа ляйыкъ дикъкъат айырылмады.

Макъалемизнинъ макъсады: Бакъылгъан эсерлерде Темурленгинъ образы миллий шуурнынъ шекилленишинде дегерли ер алды. Бойлеликнен, бу шахысны къырымтатар эдебиятындаки бир сима оларакъ косьтермектир.

Къайд этильген мевзугъа мураджат этмекни И.Буниннынъ «Темир Аксак-Хан» эфсанесини окъуп чыкъкъан сонъ ляйыкъ корьдик.

Эфсанеде эски койнинъ къавесинде къадимий бир къарт сазыны чалып, тюркюсин йырлап, кельген мусафирлерни эглендире. Къавеге айланган мусафирлер бу тюркюни эшитип, кимиси айретте къала, кимиси тюшонджеге далып, апансыздан козьлерини торландыргъан козьашлардан сакъынмап гъайыпларгъа яныкъ, кедер ве кечмиштен толайы асыл олгъан гъурур дуйгъуларны яшайлар. Бу кедер ве гъурурнынъ манасы исе йырлангъан сезлерде сакълы эди: «О, Темир-Аксак-Хан, говорила песня, не было в подлунной отважней, счастливей и славнее тебя, смуглоликий, огнеглазый светлый и благостный, как Гавриил, мудрый и пышный как царь Сулейман!» (О, Темур-Аксак-Хан, дей эди йыр, ер юзюнде сенден де зияде батыр, сеадетли ве шевкетлиси ёкъ эди, эсмери юзю, атеш бакъышлы – Джibraиль киби ве мудждели султан Сулейман киби,) къырымтатар эдебиятында XIX асырнынъ сонълары - XX асырнынъ биринджи черигинде язылгъан эсерлерни козьден кечирер экенмиз, тарихий шахыс олгъан Тимурленкнинъ (бойле шекильни А.Кабаклы «Тюрк эдебияты» китабында къулангъан) образына сыкъ-сыкъ расткелемиз. Бу девирде иджат эткен яызды ве шаирлеримиз тарихтаки Тимурнынъ образыны эсернинъ гъаесини даа толу ве терен ачмакъ ичюн кирсеткенлер, мисаль И. Гаспринский, А. Гирайбай, Б. Чобан – заде, А. Къадри – заде. А. Одабашнынъ назм ве несий эсерлеринде корьмек мумкюндир. Кимер муэллифлер акъсакъ Тимурны (бойле шекильни И.Гаспринскийнинъ «Дар уль - Рахат мусульманларъ» романында расткетирдик) атта эсернинъ баш къараманы оларакъ косьтердилер.

И. Буниннинъ эфсанесинде исе Темур Акъсакъ-Хан халкъ агъыз яратыджылыгъынынъ жанры олгъан тюркюнынъ къараманыдыр.

Земаневий тарих илиминде Тимурнинъ тарихий шахсистине ве арекетлерине даир чешит - чешит ве къарама – къаршы къыймет кесиле. Базы

тарихчылар менфий, базылары да мусбет шахыс оларакъ косьтерелер. Озьбекистанда Тимур бугунде миллий къарамандыр.

Ишбу, теклиф эткен, ишимизде тарихий шахыс – Тимургъа къыймек кесмек дегильдир. Ялыныз бу шахысны къырымтатар эдебиятындаки бир сима оларакъ косьтермектир. Бу меселени айдынлатмакъ ичюн бираз тарихке далмакъ лязим.

Къырым ярымаданынъ тарихындан белли олгъаны киби, Русие оны запт этип алгъандан сонъ дюнья харитасында бир укюмет ёкъ олды. Бу вакъиа саесинде ярымадада яшагъан халкънынъ такъдири буюк бир фаджиагъа огъратылды.

Бунынъ нетиджесинде, ерли халкъ тарафындан душманнынъ сиясетине междбурый бойсунувы онынъ омюринде бир сыра глобаль денъишмелерге ел ача, булардан: топракъ статусы денъише ве топракълар кельмешек зенгинлернинъ шахсий мюлькюне кече башлай, ерли халкъ исе топракъсыз къала (1). Джемиекте диннинъ туткъан ери ве дегери денъише, яни даа дюнь душман олгъанлар бугюнъ укюмет башына кечип, озьлерине ят корюнген диннен багълы меселелерни кенди нокътай-назарларындан чезмеге тырышалар (7). Арбий кучьлер де энди душманнынъ ордусында ве душманларнынъ менфаатлары огърунда курешмели эди.

Янъы укюмет тарафындан миллий тасильге хусусий дикъкъат айырыла Шубесиз, бойле дикъкъатнынъ макъсады миллетнинъ темельташы олгъан маарифни олдукъча асабийлештирмек эди. Буларнынъ эписи миллий седжиемизни(менталитет), дюньябакъышымызны зайыфлатты. Халкънынъ яшайышы ойле кергинлеше, земберек (пружина) ойле сыкъыла ки, чаресизликни сёкмек ичюн ёллар араштырмалы эди. Белли тарихчы Л. Гумилев къулангъан терминнен айтаджакъ олсакъ, пассионар къувет(2) топлаиды ве халкънынъ арасындан акъыллы, идракли, басиретли, меселени кунъзевель коребиледжек яшлар кенди фаалиетлерини тасильге, миллетнинъ айдын истикъбалине феда этмеге азыр чыкътылар.

1850-70 сенелерде онларнен яш йигитлер чет иллерге: Тюркие, Алмания, Мысыр, Франса ве дигер мемлекетлерге бильги арттырмакъ макъсадынен ёнейлер. Илим алмакънен берабер Къырым генчлери дюньядаки буюк сиясетни огренип, дигер миллетлернинъ аятынен таныш олалар, янъы гъаелер, арзуниетлер иле Ватанларына къайталар.

1893 сенеси илим дюньясында, тюркшынаслыкъта гъает меракълы ве дегерли ихтира (открытие) алемни тепрендирди. Данимаркалы алим Томсен къадимий тюрк языларыны окъуды. Кене шу йыллары рус алими Радлов буюк «Тюрк Лугътыны» азырлай. XIX асырда Франсыз шаркъшынасы Leon Cahun «Асия тарихына кириш» адлы китабында тюрклернинъ кечмишинден дегерли адиселерни ачыкълай. Бу адиселер джемиси тюркий миллетлер ичюн янъы догъув девир оларакъ бельгиленди.

Шу сырада Русие империясында яшагъан ве дигер тюркий халкълар ичюн де къайд этильген вакъиалар пек тесирли олды, чюнки тамам XIX асырнынъ орталарында тюркий халкълар мютхиш ичтимай – сиясий бухрандан эильмекте эдилер. Бойлеликнен, анъылгъан пассионарлыкъ энергиясы озь хусусиетлерини косьтере башлай. Мешур оджамыз адландыргъан « Русие мусульманлары»нда (шимдеки кунъде бойле сёз бирикмеси башкъа мана

ташый) миллийлик дуйгъулары пишкинлеше ве нетидже оларакъ миллий идеологияны тешкиль эте (3)

1908 сенеси Тюркиеде де фикир инсанлары арасында Тюркие девлетини сакълап къалмакъ макъсады иле янъы гъаелер, ёллар араштырыла. Къатты мевамыны (позиция) джояткъан Халифат ичюн ислямджылыкъ гъаеси егерли къувет берип оламайджагъы белли ола башлай. Тюркиеде XX юзйыллыкънынъ башларында ислямджылыкъ гъаенен бир сырада тюркчилик гъаеси инкишаф эте.

Эгер Тюркиеде тюркчилик идеологиясынен девлетни сакълап къалмакъ, миллетни бирлештирип гъайырыдан илериге ёл косътермек макъсады олса, Къырым муневверлери тюркчилик гъаесиле Русиеде яшагъан айры-айры тюркий къавмлар сырасында олгъан къырымтатарларны буюк «тюрк-татар» халкъынынъ байрагъы астында бирлештирип, энди баягъы асабийлешкен ве дагъылгъан къавмларгъа тазе нефес бермек ниетинде эдилер. Русиеде яшап иджат эткен тюркий халкъларнынъ илери кеткен зиялылары И.Гаспринский, Ю.Акъчора, С.Макъсуди, дин адамлары Ш.Марджани, К.Насири, М.Бигиев, Н.Челебиджихан ве дигерлери чаресизликте къалгъан халкъны айдынлыккъа догъру ёл костериджи ышыкъ олдылар.

XX асырнынъ башларында тюркий халкъларда артыкъ миллий идеология бир усулгъа келе. Белли олгъаны киби, бу халкъларнынъ миллий идеологиясы уч амилден ибареттир: ислямджылыкъ, тюркчилик ве миллетчилик. Биринджи ве экинджи амиллерге токъунмайып миллетчилик амилинде тафсиятгъыджа токъталайыкъ. Къайд этильген анълам халкънынъ шуурны, анъыны янъы дереджеге котерильгенининъ косътергичи олып къавм (этнос) миллет дереджесине къадар инкишаф этмесининъ исбатыдыр.

Вуджукъа кетирильген миллий идеология халкъны азатлыккъа, медений инкишафкъа, акъ – укъукъларыны кенди эллерине кечирмек ичюн курешке азырламалы эди. Бу енъишлерни эльде этмек ичюн халкъкъа ве бахусус яш несильге миллий тербие ашлап, Ватангъа федакъране севги, джемиетнинъ бир къысмы оларакъ шу джемиетке нисбетен месулиетлик дуйгъуларны уяндырмакъ лязим эди.

Осеяткъан несильде кенди тарихы, кечмишке нисбетен гъурур дуйгъысы тербиелемек асыл макъсаттан бири эди. Къайд этильген ис-дуйгъулар тюркий миллетлер ичюн янъы бир шей дегиль эди китек сонъки 150 йыл дживарында ер алгъан сиясий вакъиалар – вахшийджесине баскъы ве эскенджелер астында къалгъан яшайыш бу дуйгъуларны асабийлештирди, миллий анъ зайыфлады.

Миллий гъурур къадимий тюрк аскери ичюн онынъ дженкъаверлигинен берабер къавийлешкен олса, месулиетлик ислямнынъ эсасларындан бири олса, тарихкъа кельгенде, тарих халкъ дюньябакъышынынъ асылы эди ки, халкъ тарихий вакъиаларнынъ аркъа сокъакъларында дегиль де алд мейданында кендис иштиракчи ола эди. Тарих халкъ агъыз яратыджылыкъында – эфсане, эртеге, дестан, масалларда къалып, халкънынъ рухуны косътере эди.

Бойлеликнен, олдукъча къыйметли, артыкъ ич бир вастанен денъиштирильмейджек адисе – несиллернинъ узольмейджек багълары асыл ола. Ишбу багъларнен чокъ асырлы аят теджрибеси, аят билъгиси ве халкънынъ руху теслим этиле эди.

Тезэсюф ки, индже рухий йипчиклер бугуньге къадар эп зайыфлашмакъта, атта ёкъ олып кетмектелер. Юкъарыда къайд этильген ис-дуйгъуларны керек дереджеге котермек миллий тербиенинь вазифесидир. Миллий тербие – ичтимаий адиселерде догъгъан ихтияджларнынъ огге сюрюльмеси иле япыла – япыла алышкъанлыкъ алына кирген дуйгъуларгъа заманнынь ихтияджына коре шекиль ве мундередже берип къавийлиштирмектир. Бунынъ ичюн кире ки, ичтимаий илимлернинъ ярдымы олмадан миллий тербие алынып барылмаз, деп яза белли язджы, сиясетчи, тарихчы ве оджамыз Абляким Ильмий макъалесинде (4). Шубеси, тарих ве эдебият миллий тербиени гъыдаландыргъан къуветли ярдымджылардыр. Миллетнинъ седжиеси (менталитет) о миллет беслеген тарихий гъыдаларнынъ микъдариле пропорциональ къуветлешир я да зайыфлашыр (5). «Уянув девир»инде иджат эткен зиялыларымыз тарих ве эдебиятнынъ миллий тербие ичюн эмиетини анълагъанлар ве озь иджатларында бойле бошлукъны толдырмагъа тырышкъанлар.

Дюнъя тарихында мешур олгъан Тимурнынъ шахсиети дегильде, ады ве онынъ топлам (собирабельный) образы къырымтатар эдебиятынынъ «Уянув девир»инден башлап та 1920-джы сенелерге къадар къапшап алгъан заманда раст келе. Сонъки араштырмаларымызда бу сима фольклор эсерлеринде де белли бир ер алгъаны акъкъында малюматлар эльде эттик, лякин бу материаллар теклиф этильген ишимизнинъ мевзусы олмайып, келеджектеки айыры теткъикъларгъа мунасиптир.

Къююлгъан меселени аныкъламакъ ичюн «Уянув девир»инъ шах эсерлеринден бири И. Гаспринскийнинъ «Дар уль – Рахат мусульманлары» романындан башламакъны лаякъ корьдик. Бу романында эмир Тимур акъкъында сёз чыкъкъанынынъ себеби илим-табие (догъабалим) яни илимнинъ яшайыш ичюн файдасы ве бу, шубесиз, буюк фада дереджелери чешитлигининъ бахс этильмеси олды. Сечилип алынгъан парчада Гаспринский «Туркистанда» джогърафик адыны къулланып, умум мусульманлар акъкъында фикир юрсеткендир. XIX асыргъа келип мусульман халкълары маариф ве медениет дереджесинде баягъы кери къалгъанлары къайд этилип, «Тимурленк заманы ве, бахусус, огълу - Улугъбек заман – султанында Самаркъанд илим ве фенун ве санайы джеэтлеринде ильм-ислямиетин биринджи бельделеринден (мемлекетлеринден)» олганыны айта. Бу биринджиликнинъ себеплерини анълатмакъ макъсадыле муэллиф Бойле фикирни беян эте: «Адындан анълашыладжакъгы узьре Тимурленгин топал ве акъсакълыгъы насаф (къарышыкъ, пис) дюнъяйы запт итмее мани олмамыш». Гаспринский Тимурнынъ заферлерининъ себеплерини онынъ басирети (предчувствие) ве илиминде коре ве, девам этерек, «Тимур басиретсиз, козьсюз яни илимсиз олмыш олса иди, дюнъянынъ ярысына малик оламаз иди, джаиль ве наданлыкъ (тербиесизлик) иле фетихат (гъалебе) ве шеджаат (джесюрлик) бир заман мейдана кельдиги ёкътыр».

И. Гаспринский романынынъ эсас гъаесини илим ве маариф дюнъясыны илери юрсетеджек, миллетни яшатаджакъ къувет олгъаныны исбатламакъ ниети иле Тимурнынъ салтанатлыкъ заманына мураджат эте. «Бир девлет я миллет хараб оладжакъ исе, энъ иптида илимсиз ве маарифсиз къалыр. Бу алда къой айваны киби, фехимсизлениб (акъылсызланып) озь башларыны озьлери узатыб туралар. Нишлесинлер ки, козьлери багълыдыр!»

И.Гаспринский айдын истикъбальни маариф ве ислямиеде корьмекте. Романнынъ баш къараманы Мола Аббас – «Маариф ве муневвер оларакъ, кемалат ислямие (ислям бакъымындан инсаннынъ бильги ве ахлякъ гузеллиги) ве инсаниеге ашна» оладжагъына муэллифнинъ шубеси ёкъ.И.Гаспринский эр анги укюметнинъ тюшкюнлигини, бербатлыгъыны зевкъ ве эгленджерге арткъачтан зияде берильмекте, илим ислямиетке нисбетен джеалетте олгъанында коре.

Романда мисаль оларакъ къулланылгъан эмир Тимурнынъ ады, онынъ султанатлыкъ заманы маариф ве ислямиет джеэтинден идеал шекилинде косътериле. Муэллиф эсерде илим адамынынъ хусусиетлеринде токъталып, дей ки, «къыяс ве \ имсаль\ илимнинъ буюк васталарыдыр. Эгер яш инсан илимни огренсе, тасили къуветли олса, басиретнинъ де саиби оладжакътыр.

Бойлеликнен, И.Гаспринский романда ислям ве илимнинъ эмиетини анълатып, оларны къулланув васталарынен окъуйыджыны таныш эте, бунынънен берабер окъуйыджыгъа халкънынъ тарихындаки сималарны хатырлата ве афызасына синъдире.

Экинджи муэллифимиз - А.Одабаш, онынъ 1918 сенеси «Миллет» газетинде «Къурултай къурулсын» серлевалы шири басыла. Эсерде татарлыккъа хас олгъан Къурултай къурулувы къануны тасвирлене.Вакъианынъ баш къараманы кене де тарихий шахыс Тимурдыр. Юкъарыда къайд этип кечкенимиз киби, акъыкый тарихий шахсиетине токъунмайып, муэллиф онынъ джыйма образыны косътере. Эсердинъ баш къараманы – «Айтувлы Хан Акъсакъ Тимур»деп такъдим этиле. Айтувлы Ханнынъ аятындан бири бирининъ мантыкый девамы олгъан адиселерни муэллиф усталыкънен джанландыра. Тасвирленген левхаларда Тимур мусульман «Танърыдан башкъа ич бир кучъни бир чёпке де саймагъан...» дей, чюнки о шанлы мусульман татар аскери:

«Шанлы ады кенъ коклерни яшындайын чынълаткъан,

Къарт дюньянынъ тик башына буйругъыны тынълаткъан,...».

Эсерде Хан Акъсакъ Тимурны характеризлеген сыфатлар олдукъча мусбет: къызыл кокъун , болат юрегин, арслан юрегин, Къарувлы Хан, ерни кочеринден салландыргъан ве ил. Бунынънен берабер муэллиф Тимурнынъ заманыны ве замандашларыны тасвирлегенде, джемиетте пейда олгъан «хасталыкъларнынъ» аляметлерини къайд эте:

«Чевресинде отургъанлар не айтмасын тапмайлар,

Эпси сускъан, о не дейджек, къулакъ салгъан, тынълайлар...»

Джемиетте менфий аляметлернинъ педа олувы себеплери татарлыккъынъ баш китабы – Яса къанунларынынъ унутылып башлагъанындан себеп мейдангъа кельгени эсернинъ эсас гъаесидир.А.Одабаш баш къараманы Чингизлернинъ вариси олдыгъыны костерип, Тимурнынъ олардан бир къач адым илери кеткенине дикъкъатны джелъп эте, дервиш мектюп кетириркен:

«Улу Ханым, унутма ки сен де Танъры къулусынъ,

Хакъ Танърынынъ буйругъыны тутмагъа сен борлджлусынъ,...», дей.

Яни Тимур мусульманлыккъыны къабул этип, ислям динини дюнья юзюне яйдырмакъ максадынен сеферлерге чыкъа. Эсерде эсас гъае оларакъ Тимурнынъ Шанлы татарлыккъ заманында укюм сюрген къанунлардан олгъан Къурултайлар къурмакъны догъру сайып, айны шу теджрибеге кене къайтмакъны лайыкъ коре:

«Тарханларым, бизге бунъа керек мытлакъ баш эгмек!..

Беринъ давуш, орталыкъкъа давул урсын,

Эр бир якътан халкъ джыйылсын, бир къурултай къурулсын!»

Эльбетте, бу шиирде Тимурнынъ образы идеаллештирилген тасвирленген. Абибулла Одабашнынъ тасавурында Хан Акъсакъ Тимурнынъ эдебий образы татарларнынъ мазийини яхшы билъген ве онъа буюк урмет иле янашкъан, акимлигинде олгъан халкънынъ такъдирине месулиетлик иле бакъкъан бир шахыс киби тасвир олуна, шаирнинъ кендиси яшагъан заманында актуаль меселелерни чезмеге ярдым эткен характер чизгилери ашлана. Одабаш ватандашларыны, халкънынъ тарихий тедрибесини буюк дикъкъатле огренип, онынъле келеджегимиз огърунда файдаланмагъа чагъыра:

« Онъа бир хат узаткъанда дервиш титрек къолуман, ...

« Унутгынмы, аталарынъ къурултайлар къурулды,

Озю якъан ишлеричюн халкъ фикрини сорарды!..»

Хан буларны окъугъан сонъ чевре якъкъа бакъынды,

Лякин дервиш бир сыр болгъан, ерге синъип кеткендай.

Иште, бугунъ диванында Хан бу хатны тюшюне,

Дженгъызларнынъ къурултайы келе козю огюне!..»

Эдебиятымызда озюнинъ ватанперверлик ве миллетсеверлик гъаелеринен белли олгъан А.Гирайбайда, Тимурнынъ эдебий образыны иджадында куллангъан шаирлерден биридир. 1920 сенеси язгъан «Къальбимнинъ давушы» шииринде муэллифининъ атешин калъбинден чыкъкъан мергин сёзлер, окъуйдыжынынъ юрегинде силинмез излер къалдыралар. Шиирнинъ биринджи сатырында Тимурнынъ адыны раст кетиремиз:

« Бизим Шаркънынъ арсланлары, Джынгъыз, Тимур уллары,

Къарт дюньягъа давул саргъан, Танърынынъ урь къуллары.»

А.Гирайбай бу шииринде озюни ве ватандашларыны Джынгъызларнынъ, Тимурларнынъ ерлерини туткъанлардан сая замандашларынынъ бойле варисликке мунасиб олгъанларына ич шубеси ёкъ. Коргенимиз киби, Тимурнынъ заманы мефкюре шекилинде къабул олуна, муэллиф бу мюкеммелликнинъ исбатыны тимурларнынъ Танъры тарафындан сечилгенлеринде кормек истей:

«Союмызны яраткъанда кучъни берген Танърымыз,

Джав алдында ярдым къолун бизге берген Танърымыз».

Шубесиз, Джынгъыз ве Тимурларнынъ шахсиетлери умумиетликни ташыйлар, бу адларда А.Гирайбай татарлыкънынъ энъ яхшы, мундериджели сыфатларыны яни «сырлы малюматыны» (кодированная информация) коръгенини ис этемиз:

« Эй, Алтайнынъ тазеленген, солмагъан (ал) гуллери!

Узакълардан бир-бирине джырлагъан бульбуллери!

Арамызда джокъмы джигит: «Айдынъыз!» - деп айтмагъа,

Джуйрюклерни айландырып, къарт девирге къайтмагъа? ...

Эт бир эмир! Туранлылар Къурултайы джыйылсын, ...»

Екюн оларакъ даа бир классигимизнинъ эсеринде токъталмагъа истер эдик. Бу Бекир Чобан - заденинъ 1920 сенесине аит олгъан «Индемез Джелиль» серлевалы икяесидир. Икяенинъ баш къараманы – Джелиль акъай. Б.Чобан-заде Индемез Джелильнинъ характерининъ эсас чизгилерини бойле тасвирлей: « Джеллякъай не палитик, не де къара севда эди. О, обирлеринден даа зияде

кырымлы, эски кырымлы эди... Меселя, огъа бундай худжур, хаста къарай эдилер. Бату Дженгиз, Темур яд корюнген кишилерге, эльбет, Джеллякъай да яд эди.»

Анълагъанымызгъа коре, Джелиль акъай джынгъызларнынъ, тимурларнынъ мирасчысыдыр. Юкъарыда къайд этильген чешит-чешит девирлерге аит ве фаркълы муэллифлер тарафларындан тасвирленген Тимурнынъ мефкюре образына хас олгъан чизгилерни Чобан-заде Индемез Джелильнинъ образында теркип (синтез) эте. Лякин, занымызджа, меракълы тарафы ве дегери шунда ки, муэллиф бу джыйма, яни тюркий миллетлерге хас дюнъябакъышны косътериджи хусусиетлерни бирлештирип, къараманнынъ джанлы образында акс эте. Ишбу тенденцияны Б.Чобан-заде иджадынынъ бир хусусиети оларакъ косътермек мумкюн. Языджи икяе эткен вакъиалар «...Шамда кечсе биле, оларнынъ михвери (ось), этрафында айляндыкълары кочер агъачы, шубесиз, Къырым, кырымтатар Къырымыдыр.» (6).(Н.Сеитяхъя) «Индемез Джелиль» икяенинъ баш къараманы «Айса согъушырмыз. Къырымны аладжакъ болсакъ...» дей, бу сёзлерни Чобан-заде авдет эткен кырымлылар ичюн бир гъае киби къалдаргъандыр, деген умюттемиз.

Къулланылгъан эдебият

1. Возгрип В. «Этноконфликтная ситуация в довоенном Крыму» / Голос Крыма.- 1996.- 6 ноября.
2. Гумилев Л. Древняя Русь и Великая Степь. - М., 2002. - 837с..
3. . Измайлов Э. - Идеология угнетённых / Голос Крыма.- 2000., №50.
4. Ильмий А. Миллий тербие. // Йылдыз.-2002.-№6 .
5. Айны менба.
6. .Kabaklı A.Тыгk edebiyatı. Istanbul ,1997.- 3 т.- S. 771.
7. Кричинский А. Очерки Русской политики на окраинах/ Голос Крыма, 1995. -17августа
8. Сеитяхъя Н. Б.Чобан-заденинъ «Турай» повести // Йылдыз.- 2003.- №2.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК: 82 (091)

**РЕАЛИИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРА
В РОМАНЕ Дж. ДАГДЖИ «ОЛАР ДА ИНСАН ЭДИ»**

Панова З. С.

Бурные общественно-политические, социально-экономические события последних десятилетий прошлого столетия – массовое возвращение крымских татар на историческую и этническую родину, развал одной из страшнейших империй Советского Союза, образование на ее территории независимых государств, строительство независимого украинского государства, в составе которого находится Крым, открыли широкие возможности возрождению и развитию культуры крымских татар.

Важную роль в этом играет возвращающаяся порой из небытия литература, которая по тем или иным причинам создавалась за пределами Крыма. В настоящее время известны имена ряда ученых, писателей и поэтов средневековья крымского происхождения, живших и творивших вне исторической родины – в Египте, Сирии, некоторых крупных центрах Османской империи [2., с.6], например, Селим Баба (ум.1756/57) – известный шейх, ордена кадырие, проповедовал на Балканах, автор нескольких суфийских трактатов, поэт; Мустафа Рахми (ум. 1750/51) – ваканювис (придворный историк), автор трудов по истории Османской империи и Крыма, ученый-богослов, поэт; Феррух Исмаил (ум. 1840) – полномочный посол Османской империи в Англии, мыслитель, богослов, ученый, переводчик, поэт; Нузет Мехмед эфенди (1809-1887), журналист, сотрудник первых турецких газет «Таквим-и векаи» («Календарь событий») и «Джериде-и хавадис» («Вестник новостей»), главный секретарь Военного совета, глава Департамента печати Турции, писатель, поэт [3., 5-8]. Это лишь некоторые имена из обширного списка авторов крымскотатарского зарубежья, произведения которых с большим трудом, по крупицам начали возвращаться в свою родную литературную стихию, обогащая культуру своего народа.

Ярким примером этому, может служить «возвращение» на лоно своей родной литературы произведений выдающегося крымскотатарского писателя XX столетия Дженгиза Дагджи, творчество которого началось в довоенном Крыму, а свой полный расцвет получил на чужбине. Одним из первых, значительных и наиболее дорогих сердцу самого автора романов, является «Они тоже были людьми» («Олар да инсан эди») [1]. В романе описываются события, развернувшиеся в конце 20-х – в начале 30-х гг. прошлого столетия в Крыму, в деревне Кызылташ (Краснокаменка), расположенной близ Гурзуфа. Ключевой темой романа является тема денационализации, большевизации, русификации крымскотатарской деревни, выхолащивания, вытеснения

сложившегося в течение многих веков уклада жизни, разрушения основы основ коренного народа полуострова.

Одним из притягивающих внимание исследователя аспектов творчества Дж. Дагджи, и особенно его ранних романов, в том числе и прозаического полотна «Олар да инсан эди» является языковой аспект. Чем вызван наш интерес к языковому аспекту? Тем, что до Второй мировой войны Дж. Дагджи жил в Крыму, писал свои произведения на крымскотатарском языке. Судьба писателя сложилась так, что он пройдя все ужасы войны, плена, жизни в концлагерях, после окончания войны остался на чужбине, поселился в столице туманного Альбиона. Так перед ним стал вопрос: на каком языке писать? Он пробовал писать на крымскотатарском, русском языках. В 1947-48 гг. написал пьесу в трех действиях «Большая ложь», перевел на турецкий язык, отправил в Стамбул, в издательство «Варлык» [1]. Пьеса так и не вышла в свет. Но Дж. Дагджи не унывал, потому что у него уже был небольшой опыт по турецкому языку. В последние годы войны он начал писать роман «Садыкь Тураннын хатыралары» («Воспоминания Садыка Турана»). Роман был написан на крымскотатарском языке.

В 1951 году ему из Турции прислали небольшой поэтический сборник. Язык поэтического сборника был турецкий, но очень похожий на язык крымских татар из Южного берега Крыма. Окрыленный этим фактором Дж. Дагджи заново переписывает, по возможности на турецком языке «Воспоминания Садыка Турана», который позже трансформировался в романы «Кьоркьунч йыллар» («Страшные годы») и «Юртуны гьайып эткен адам» («Человек, потерявший родину») [1]. Выбор языка для своих будущих произведений имел принципиальный характер. Потому что «он знал, что, будучи написаны на крымскотатарском, его книги никогда не дойдут до его земляков, которые уже были на чужбине (т.е. в местах депортации – З.П.). И он стал писать свои произведения на турецком языке, надеясь таким образом выйти на более широкий – не только на турецкоязычный, но и шире – тюркоязычный – круг читателей» [4]. Бесспорен факт, что он искал выход на «тюркоязычный круг читателей». Однако нам представляется, что Дж. Дагджи руководствовался при выборе языка для своих произведений более приземленной, практичной мыслью, а именно ориентировался на широкий читательский круг многомиллионной крымскотатарской диаспоры, проживающий в Турции, Германии, Америке и других странах, для которых турецкий язык был вторым родным языком.

Вообще, в европейской, также в русской литературе, и литературах ряда народов, можно встретить такое явление, когда «писатель, сохраняя свой национальный менталитет, пишет не на родном языке» [5]. Русский писатель В. Набоков писал свои произведения на русском и английском языках. Испанец Хорхе Семпрун писал на французском, украинец Н. Гоголь – на русском, крымскотатарский писатель Э. Амит на русском языке. Этот список можно продолжить, однако вернемся к Дж. Дагджи. Так в чем же заключается языковой феномен Дж. Дагджи? Как отразились реалии крымскотатарского языка в его творчестве, в том числе в исследуемом нами романе «Олар да инсан эди»? Надо отметить, что «крымскотатарский язык не дан в его творчестве в его прямом наблюдении – он отражен в зеркале турецкого языка. Однако,

пристальный взгляд исследователя обнаруживает специфические для крымскотатарского языка лексико-фразеологические и стилистические категории» [5]. В романе «Олар да инсан эди» наблюдается такой пласт ономастической лексики, как антропонимы, т.е. собственные имена людей – характерные для крымских татар мужские имена: Бекир, Сеидали, Энвер, Ремзи, Эреджеп, Асан, Селим, Сабри и др.; женские имена: Эсма, Айше, Земине, Эмине и др., некрымскотатарские собственные мужские и женские имена: Василий Дмитриевич Егоров, Кавакян, Леви, Анюта и др.; также прозвища людей, характерных для южнобережных татар Крыма: *Комшу* Мустафа, *Шабан* Музаффер, *Чирак* Сулейман, *Карамирза* Асан, *Кашка* Усеин, *Кираз* Эбубекир, *Софу* Джкемиль, *Балтаджи* Асан, *Бекташ* Нури, *Зембильджи* [б., с. 389], Осман *Леблеби*, *Куришун* Вели, Осман *Пармаксыз*, Чобан Сеидали, Амет *Кырык* [б., с. 417] (выделено нами – З.П.); зоонимы, т.е. собственные имена (клички) домашних животных: Мачик – не поддающееся переводу кличка коровы:

– *Айды, Мачик, айды... Ёлынъ ортасында такъаттан кесильме шимди. Орталыкъ къарармадан эвге барып чыкъсакъ, санъа аферин айтаджагъым!..*

(– *Ну, Мачик, ну... Нынче на полпути не обессиль. Я похвалю тебя если до темна дойдем домой!..* [б., с. 7] (тут и далее перевод наш – З.П.).

Актабан – Белая Пятка – кличка коня Чилингира; Чалдюльбер – Седой Красавец – кличка коня Бекира, в день свадьбы Айше подарил его своему зятю Ремзи:

Мен Акътабанны сатмайджам, Бекир агъа, сатмайджам! Мен Акътабанны санъа бедава береджем, бедава

(*Я не буду Актабана продавать, Бекир-ага, не буду продавать. Я бесплатно отдам тебе Актабана*) [б., с. 326];

Ремзининъ инджиргъа багълы аты – Чалдюльбер, къулакъларыны къыскъан, кетиледжек ёлгъа бакъмакъ истемеген киби, аркетсиз турмакъта эди.

(*Привязанный к инжиру конь Ремзи Чалдюльбер, прижав уши, стоял без движения, будто он не хочет смотреть на предстоящую им дороге по корой предстоит ему*) [б., с. 259].

Урумчик – Маленький Грек, так звали собаку Энвера:

Энвер копекке якъынлашты, ятыштырмакъ истеди:

- *Сус, урумчыкъ, бошуна афирма, сесинъ кесилир, сус!*

Энвер подошел к собаке, хотел ее успокоить:

- *Молчи, Урумчик, не лай впусую, голос сорвешь, умолкни!* [б., с. 235].

В романе встречаются макро- и микропонимы, т.е. названия больших и малых населенных пунктов такие, как Акмесджит (Симферополь), Ялта, Гурзуф, Дегирменкой, Кызылташ; названия кварталов: Каршы маалле (в Кызылташе) и др., названия источников: Топузлычешме; названия гор: Романкош, Аюдаг, Чатырдаг; названия скал: Кушкая, Топкъая, Келинкая; название ущелий: Мемишининъ Дереси (Ущелье Мемиша), холмов: Тубья Тёпелери (Холмы Тубья) и др.

Также в романе встречаются фразеологические единицы, пословицы, поговорки, отрывки из народных песен, и др.

Фразеологические единицы:

Н-р: *ёл тутмакъ* – Кунеш акышамның *ёлуны тутты* (Солнце начало клониться к вечеру) [б., с. 10];

баш урмакъ – Мен бу акышам кене де Сеидалиге бир *баш урайым* (Все-таки сегодня вечером мне надо зайти на минуточку к Сеидали) [б., с.];

бетине чамур атмакъ – Адамның бетине эр кунь *чамур атасынъ* (Каждый божий день кидаешь грязь в лицо человека) [б., с. 103];

ана-баба куню – Койде *ана-баба куню*. Рус аскерлери койни сардылар (В деревне судный день. Русские солдаты окружили деревню) [б., с. 239];

тилини тишине багъламакъ – Ох,ох! Бекир ат алгъан, бакъ сен оны! Кимден алды аджеба? Бунджа вакъыт *тилини тишине багълады*, бир шей айтмады. Бельки мен сатарым (Ох,ох! Бекир купил лошадь, ты посмотри на него! Интересно, у кого же он купил? Столько времени ничего не говорил, словно в рот воды набрал) [б., с. 291];

агъзынъы ачмакъ – Аферин! *Агъзынъы ачын*, анавы эсли-башлы адамгъа кършы кеткен олсанъ, тизлеринъни кърардым (Молодец! Но если ты раскрыв рот пошел бы супротив старшего, я сломал бы тебе ноги) [б., с. 305];

козь кьоймакъ – Ихтияр башыны котерди, Энвернинъ козылери ичине бакъты: «Иван сангъа да козь кьойды, деп беллейим. Фена заманда келеджек гъалиба» (Старик поднял голову, посмотрел прямо в глаза Энвера: «Думаю, что Иван положил на тебя глаз. В тревожное время может появиться») [б., с. 383] и т.д.

Пословицы и поговорки:

Огълан олсун, кьыз олсун эли-аягъы тюз олсун – Огълан олсун, кьыз олсун эли-аягъы тюз олсун! Рум богъадан зенгин олды, деп Аллахкъа мангъа да богъа Бер, деп эмир этмезсинъ, эбет (Мальчик ли родиться, девочка ли, не важно. главное чтобы здоровыми были. Грек разбогател из-за своего быка, что поделаешь, ведь Богу не прикажешь, чтоб дал мне быка) [б., с. 10];

Чокънынъ дерти чокъ олур, азнынъ дерти даа чокъ олур – Аллах тек бир Дане беда бизге... Айды, Мачик, айды... Чокънынъ дерти чокъ олур, азнынъ дерти даа чокъ олур (Аллах дал нам дал дочь... Ну, Мачик, ну... У большинства и забот больше, а у меньшинства забот еще больше) [б., с. 11];

Агърымагъан башкъа дерт арамакъ – Агърымагъан башкъа дерт арайсынъ. Бекир! Ким келеджек де, ким аладжакъ тавукъны? (Что же ты, Бекир, паникуешь на пустом месте! Кому нужна твоя курица?) [б., с. 199];

Башымыз устюнде еринъ бар – Деме ойле, Бекир агъа! Башымыз устюнде еринъ бар, кель, буюр! (Не говори так, Бекир-ага! Двери для тебя всегда открыты, идем, проходи!) [б., с. 216];

Языкъ, языкънынъ устюне бир къазыкъ – Языкъ, языкънынъ устюне бир къазыкъ! Унут, Бекир агъа! Амма да дерт булдынъ кендинъе. (Жалко-то жалко! Забудь, Бекир-ага! Нашел над чем переживать.) [б., с. 217];

Татарнынъ акъылы чарыгъында – Яхшы амма, чарыкъсыз даа да яхшы юрюлир. Не десенъ де, татарнынъ акъылы чарыгъында. (Хорошо, но по ней без лаптей идти еще хорошо. Но что поделаешь, ум татарина сокрыты в его лаптях.) [б., с. 278];

Къаргъа къаргъанынъ козюни оймаз – О къаргъа исе, мен де къаргъа. Къаргъа къаргъанынъ козюни оймаз, анълашырмыз (Если он ворон, то и я ворон. Ворон ворону глаз не клонет, договоримся.) [б., с. 304];

Бедава атнынъ тишлерине бакъылмаз – Бедава атнынъ тишлерине бакъылмаз. Яхшы да олса ашайджакъмыз, яман да олса! (Даренному коню в зубы не смотрят. Хорошо ли, плохо, все равно съедим!) [б., с. 333];

Саба ола, хайыр ола – Саба ола, хайыр ола, деп союнды. Бираздан сонъ ... башы агъырлашты, юкълап къалды. (Утро вечера мудренее, подумал он. Разделся, лег, через некоторое время голова отяжелела, и он заснул.) [б., с. 339] и т.п.

Дж. Дагджи для передачи настроения, душевного состояния своих персонажей широко использует крымскотатарский песенный фольклор. И-р, чтобы показать зародившуюся любовь в сердце Айше к сыну чабана Ремзи, автор вкладывает в уста своей героини отрывки из народной крымскотатарской песни «Обана»:

*Обана, балам, обана,
Верме къызынъы чобана.
Къызынъы версенъ чобана,
Сокъар башыны тобана
.....
Къарабаш къозум туз истер,
Чобан агъам къыз истер.
Къарабаш къозуя туз ёкътыр,
Чобан агъама къыз ёкътыр.* [б., с. 20]

Или же куплеты из популярных по сей день народных частушек – мане:

*Къая тюбю саз олур,
Гуль ачарса яз олур,
Мен санъа гуль деялмам,
Гульнинъ омрю аз олур.
.....
Къая къаяя бакъар,
Къаядан селлер акъар.
Сырма мыйыкътургъанда
Сакъаллыя ким бакъар?* [б., с. 41];

Чтобы подчеркнуть приподнятость настроения главного героя своего романа Дж. Дагджи использует шуточную народную песню о маленьком мышонке.

*Аман, эй!
Корьдинъизми сычанны,
Рафтан долабкъа къачкъанны,
Элинде мысыр къочаны,
Бостанджы олгъан бу сычан.
Ай, сычан, вай, сычан,
Эки козю кёр сычан,
Балемезнинъ балына*

Далар чыкъар бу сычан.

.....

Аман, эй!

Бизим сычан эвленеджек,

Тахта бити къыз вереджек,

Сюйрюсенек саз чаладжакъ,

Пирелер къалкъып ойнайджакъ.

Ай, сычан, вай, сычан,

Эки козю кёр сычан,

Балемезнинъ балына

Далар чыкъар бу сычан [б., с. 314-315].

Также в романе были использованы отрывки из народных крымскотатарских песен «Акътабан» [б., с.324], «Алим» [б., с.434], песни, появившиеся в 30-е годы прошлого столетия, в частности в период коллективизации и раскулачивания [б., с. 387; 390; 402].

Дж. Дагджи в романе «Олар да инсан эди» широко использует характерные для крымскотатарского языка приемы речевой изобразительности. В используемых им тропах – сравнениях, метафорах, эпитетах, гиперболах и др. находят свое четкое, мы бы сказали выпуклое отражение реалии крымскотатарского языка, его богатейший арсенал.

Известно, что троп в греческом языке обозначает оборот, т. е. употребление слова в переносном (не прямом) его значении для характеристики какого-либо явления при помощи вторичных смысловых оттенков, присущих этому слову и уже непосредственно несвязанных с его основным значением. Поскольку характеризующее явление также обозначено словом, постольку троп представляет собой в принципе двухчастное словосочетание, в котором одна часть выступает в прямом, а другая в переносном значении. Простейшим примером такого построения является сравнение [7., с. 427]. В сравнении одно явление или понятие проясняется путем сопоставления с другим явлением, и при перенесении значения с одного явления на другое сами эти явления не образуют нового понятия [7., с. 471]. «Адамгъа бакъты, ченьгелери, юмруклары сыкъылды; бети зельзеле геджеси яйля устюнде топлангъан булутлар киби къарарды, явузлашты» (Он посмотрел на этого человека, скулы, кулаки сжались, лицо почернело, ожесточилось, словно собравшиеся тучи над яйлой в ночь землетрясения) [б., с. 365-366]. Представление о черноте и ожесточенности туч вызывает у читателя то тягостное ощущение, которое соответствует в данный момент состоянию Бекира. Автор значение понятия «черные тучи» переносит во внутреннее состояние персонажа. Для того чтобы сопоставить какие-то явления или понятия, автор зачастую прибегает к развернутым сравнениям: «Тахта вализлери устюнде, сыртларыны пармакълыкларгъа таяндыргъан, башлары къырмызы мендиллернен багълы, къалын памукъ пальтолы, чатляяджакъ дереджеде шимман ве къырмызы янакълы, хамур текнелери киби кенши вуджутлы къадынлар, агъызлары ягълы машиналар киби, токътамадан куньайлан урлугъы ашап, къабукъларыны аякълары арасына тюкюрмекте эдилер». «Чувал киби бол ве узун кольмеклерининъ ичинде къалын кемикли, аювлар киби агъыр аркетли ...

сибриялылар; эзильген торгъайлар киби пис тырнакълы, ялынаякъ руслар, себзе шорбасы киби бири-бирине къарыша, къайнай, фыкъырдай ве рус къокъуй эди): (На деревянных чемоданах, прислонившись спиной к решеткам, в красных платках и толстых пальто сидели краснощекие, полные, словно чаны для теста женщины, которые как смазанные маслом машины непрерывно щелкали семечки, выплёвывая шелуху себе под ноги). ([Поодаль сидели] наряженные в свои как мешок свободные и длинные рубахи, малоподвижные как медведи, сибиряки; [все они] как овощи в супе, смешиваются друг с другом, кипят, булькают в и пахнут русским) [6., с. 327-328]. Здесь с помощью развернутого сравнения, также описательного сравнения Дж. Дагджи передает мрачную внешность и краю бескультурье российских переселенцев, зачастую при этом используя союз «киби» (как; словно).

Изучение речи художественных произведений многоаспектно: оно включает в себя вопросы поэтической семантики (в том числе иносказательности) речи, ее интонационно-синтаксического и ритмического своеобразия. В силу своей практической важности все эти вопросы были предметом пристального внимания еще в «донаучный», в строгом смысле слова, период развития литературоведения, им отводилось много места в различных «поэтиках» и «риториках». Проблема иносказательности художественной речи (словесной образности) затрагивается уже в «Поэтическом искусстве» Аристотеля, различавшего виды метафоры, которые впоследствии получили каждый свой термин (метонимия, синекдоха [8., с.208]).

Метафора есть вид тропа, в котором отдельные слова или выражения сближаются по сходству их значений или по контрасту [7., с. 208]. Аристотель дает такое определение метафоре: «Метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или вида на вид, или по аналогии» [9., с.211]. В романе Дж. Дагджи часто встречаются метафоры образованные по принципу:

олицетворения: «Денъизден кельген рузгяр... Бекирнинъ терли манълайыны охшай» (Пришедший с моря ветер, целует вспотевший лоб Бекира) [6., с. 185]; «Ёл шимди юзьлердже инсанынъ эллери, аякълары, токъмакълары алтында инъледи, агълады, хырпаланды, яраланды» (Дорога нынче под руками, ногами сотен людей, под ударами кувалд *стоит, плачет, растрепалась, изранилась*) [6., с. 307].

овеществления: «...Дагъларнынъ къуришун учурумлары кунеште къызынмакъталар» (Свинцовые пропасти гор грелись на солнце) [6., с.363];

отвлечения: «Дюнья къадар ёл юрьдим. Кунеш де бугунь адамакъбыллы якъты» (Очень много ходил. И солнце, сегодня, сильно припекло) [6., с.25]; «Къара кунни де девирисинъ, къоркъма!» (Не бойся, ты и черный день сможешь перевернуть!) [6., с. 55] и т.д.

При этом в роли метафор автор использует различные части речи: глагол, существительное, прилагательное.

Из всего вышесказанного следует вывод о том, что, рассматривая проблему словесной образности романа Дж. Дагджи мы лишь обозначили отправную точку дальнейших исследований. Потому что, не только данное произведение, но и все творчество писателя, оставаясь богатейшим источником изучения крымскотатарского языка, является уникальным литературным объектом

исследований взаимодействия, взаимопроникновения и сосуществования реалий крымскотатарского и турецкого языков.

Литература

1. *Gülşen Güngül*. Gurbette Hasreti Tüketmek: Cengiz Dağcı'dan Mektup // Türk Edebiyatı.- 1988. - №291. - s.15-18.
2. *Gülşen Hayalları*: Orta çağ Qırımtatar klassik edebiyatından [Грезы розового сада: из средневековой крымскотатарской классической поэзии] – (Сост., предисл. Комментарии Н.Абдульваапа). – Симферополь: «Сонат». – 1999.
3. *Абдульваап Н.* Крымские татары в общественно-политической жизни Османской империи // Научный бюллетень (Орган НИЦ «Руконисная книга при кафедре крымскотатарской и турецкой филологии Крымского государственного инженерно-педагогического университета»). - 2003. - №2.
4. *Эмирова А.М.* Дженгиз Дагджи – сын Крыма. // Голос Крыма. -- 1994. – 5 марта.
5. *Эмирова А.М.* Феномен Дженгиза Дагджи. // Голос Крыма. – 1995. – 8 декабря.
6. *Dağcı С.* Onlar da insandı.Roman. – İstanbul: Ötüken, 1997. – 448 с.
7. *Словарь* литературоведческих терминов. [Ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.И. Тураев]. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
8. *Введение* в литературоведение. Хрестоматия: учебное пособие для ун-ов/ Николаев П.А., Руднева Е.Г., Хализев В.Е., Чернец Л.В.: Под ред. П.А. Николаева. – М.: Высшая школа, 1979. – 300 с.
9. *Аристотель*. Об искусстве поэзии / в кн. Введение в литературоведение. Хрестоматия: учебное пособие для ун-ов/ Николаев П.А., Руднева Е.Г., Хализев В.Е., Чернец Л.В.: Под ред. П.А. Николаева. – М.: Высшая школа, 1979. – 300 с.
10. *Панова З.С.* Творчество Дженгиза Дагджи В зеркале современной крымскотатарской литературы.- Симферополь: «Культура Народов Причерноморья».-2004.-№

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК: 82 (091)

Развитие крымскотатарской прозы в 1920-е годы

Сеитбуллаев Э.

20-е годы XX века являются наиболее интересными в истории крымскотатарской литературы. В эти годы происходят заметные перемены в тематике и жанрах крымскотатарской прозы. Результатом этого развития мы считаем расширение тематики, а так же художественное совершенство произведений этого периода. Основные темы, которые ставились в художественных произведениях, были: первая мировая война; тема образования, голод 1921-22 годов; произведения, написанные под влиянием идеологии Советской власти. Однако в силу известных причин этот период долгие годы не мог быть предметом изучения, научного осмысления. По этому, **актуальность** обращение к указанной проблеме объясняется тем, что степень разработанности вопроса о крымскотатарской прозе 1920-х годов на наш взгляд, недостаточна изучена.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые предпринимается попытка анализа обобщения и систематизация данных относительно причин влиявших на развитие крымскотатарской прозы 1920-х годов.

Целью настоящей статьи является попытка освещения некоторых причин, которые влияли на развитие крымскотатарской литературы, а именно прозы в 1920-е годы. Нашей задачей в данном случае является показать те факторы, которые прямо и косвенно воздействовали на развитие национальной прозы в 1920-е годы.

Проблеме изучения крымскотатарской литературы 1920-х годов были посвящены работы: акад. А. Крымского «Литература крымских татар» (1930), проф. Б. Чобан-заде «Къырымтатар эдебиятынынъ сонъ девири» /«Крымскотатарская литература новейшего периода»/ (1928), д.ф.н, проф. И. А. Керимова «Теренлик» /«Зрелость мысли»/ (1988), к.ф.н., доц. Ш.Э. Юнусова «Крымскотатарская поэзия 20-х годов XX столетия: традиционное мировоззрение и меняющийся мир» (2004) и др.

Известный украинский востоковед А.Е. Крымский в своей работе отразил творчество крымскотатарских писателей начиная со времен Золотой Орды до 1930 года. В своем историко-литературном очерке он значительное внимание уделяет поэзии нежели прозе объясняя это тем, что «Больших романов совсем никто не пишет, но и маленьких новеллок или коротких рассказов тоже слишком мало» [3, с. 180].

Профессор Б. Чобан-заде в своей работе «Къырымтатар эдебиятынынъ сонъ девири» /«Крымскотатарская литература новейшего периода»/, дает поверхностную оценку этого периода. Он, так же как и А.Е. Крымский больше

внимания уделяет поэзии. Что касается прозы 1920-х годов, то он тепло отзывался о творчестве А. Одабаша, А. Ильмия, Дж. Гьяфара, У. Ипчи. Жизнь и творчество У. Ипчи в 80-е годы было изучено более подробно д.ф.н, проф. И.А. Керимовым в его книге «Геренлик» (1988) и в диссертационной работе (1989). Ученый всесторонне проанализировал весь творческий путь У. Ипчи, который в 1920-х годах особенно ярко проявил себя в таких жанрах как поэзия, драматургия и проза. В работе И.А. Керимова обращается внимание на ряд забытых произведений не только У. Ипчи, но и попутно упоминается о других авторах произведений тем самым, проясняя для читателя ситуацию сложившейся вокруг литературы того времени.

Отдельные вопросы этого периода освещены в кандидатской диссертации Ш.Э. Юнусовым. На примере поэтических произведений он показал развитие литературы и влияние на творчество национальных поэтов политических, культурных, социальных процессов происходящих в Крыму в 1920-е годы, а так же «Любовь к природе, внимание к народному быту и особенностям национального характера, борьба за переустройство мира, сложное взаимодействие романтического и реалистического в бурные годы революционных преобразований определили стиль и направление поэзии этого периода» [С. 5-6]

Данная статья является логическим дополнением вышеуказанных исследований.

Естественно, развитие крымскотатарской прозы происходило не на пустом месте. Эволюция национального художественного слова уходит в далекое прошлое, когда слово «литература» еще не употреблялось, однако в крымскотатарской литературе уже существовали два крупных направления, которые по данным проф. И. А. Керимова именовались как «шиир» (стихотворение) и «инша» (сочинение), где под термином «инша» имелась в виду «проза» [1, С. 124]. Этому развитию повлияла и работа старшего поколения писателей творивших в конце XIX и в начале XX века, которые одновременно являлись прогрессивными крымскотатарскими педагогами. Одним из таких педагогов является выдающийся крымскотатарский просветитель и гуманист Исмаил Гаспринский. Как известно он занимался не только педагогической деятельностью, изданием газеты «Терджиман – Переводчик», но и в литературе известен как автор таких произведений как «Кунь догъды» (1905), «Юз йылдан сонъ» (1906), «Молла Аббас» (1887). Последний из вышеперечисленных состоящий из таких глав как «Френкистан мектюплери», «Дар-ур-Рахат мусульманлары», «Судан мектюплери» стал выходить в его же газете «Терджиман» с 25 января 1887 года и в течение года был издан [2, с.5]. Поскольку это произведение соответствует современным критериям нашего понимания о прозе, то с нашей стороны не будет ошибкой, если Гаспринского назвать зачинателем в крымскотатарского романа. Содержание же этого произведения говорит о романтическом направлении как литературного метода. Обращаясь к биографии Гаспринского мы узнаем об интересном факте его жизни, а именно то, что в Париже вместе с И. С. Тургеневым он участвовал в издании литературной газеты на русском языке. Мы думаем, что такое направление как романтизм в творчество Гаспринского вошло путем знакомства с европейской литературой, которая с конца XVIII

века по XIX век изобиловала романтизмом в литературе. Этим же методом вслед за Гаспринским были написаны такие произведения как «Ненкеджан ханым дюрбеси» (1898) О. Акчокраклы, «Саадет азасы» (1911) Ш. Тохтаргазы, «Къбарылгъачлар дуасы» (1913) Н. Челебиджихан, «Селим сохта» (1914) М. Нузет, «Миллий дуйгъу» (1917) Д. Сейдамет и др.

И конечно, будет неверно, если скажем что только этот неполный список произведений, перечисленный нами выше повлиял на развитие прозы 1920-х годов. Безусловно как на литературу других народов, так и на крымскотатарскую большое влияние оказал богатый фольклор крымских татар. В частности А. Е. Крымский в своем историко-литературном очерке «Литература крымских татар» (1930) писал, что «тюрки от природы мастера рассказывать» [3, с. 180]. Говоря о влиянии фольклора, неверно было бы игнорировать примеры, подтверждающие этот факт. Автор книги «Геренлик» (1988) /«Зрелость мысли»/ проф. д. ф. н. Керимов И. А. исследуя творческий путь У. Ипчи в поэме «Гъязы Мансур» замечает использование элементов фольклора в этом произведении. [12, с. 7] Этого же мнения придерживается исследователь поэзии 1920-х годов Ш. Юнусов, который считает, что «Становление лирических форм у Б. Чобан-заде, А. Гирайбая, Ш. Бекторе, У. Ипчи так же происходило под влиянием богатейшего источника – фольклора, элементы которого, преломляясь через их эстетически неповторимые дарования, выливались в яркую романтическую систему изображения». [11, с. 5]!!!

Более подробно об этом явлении можно наблюдать в работах Музафарова Р. И: автореферат «Очерки фольклора тюрков» (1966) [17], «Очерки фольклора тюркоязычных народов» (1967) [18] и «Русско-тюркские фольклорные связи: Очерки» [4]. В частности, ученый в своей работе отмечает: «Татарский фольклор находился в тесном взаимодействии и **взаимовлиянии** с татарской (крымскотатарской – Э. С.) литературой. Не будет преувеличением, если сказать, что нет ни одного видного татарского писателя, который бы не обращался к сокровищницам народного творчества. Так, например, определенное влияние оказал фольклор на творчество таких известных татарских писателей, как Шамиль Тохтаргазы, Решид Медиев, Бекир Чобанзаде, Ильяс Тархан, Шргат Кадыр, Керим Джаманаклы, Эшреф Шемизаде, Раим Тынчеров, Максуд Сулейман, Шамиль Алядин, Юсуф Болат, Осман Амит, Решид Мурад, Сервер Джетере, А. Алтанълы, Фета Аким, Риза Халид, Амет Черкез-Али, Амет Мефаев, Эрвин Умеров, Нузет Умеров, Эмиль Амитов, Тимур Дагъджи и других» [18, с. 15]. Изучая вышеназванные работы мы убедимся насколько богат крымскотатарский народ своими сказками, легендами, преданиями, поговорками, анекдотами, мудрыми изречениями, скороговорками, загадками. Нельзя не отметить и тот факт, что фольклор крымских татар влиял не только на творчество крымскотатарских прозаиков 1920-х годов, но и лег в основу произведений известных русских и советских писателей. Фольклорные творения подвергались переработке, а так же были использованы в произведениях А. М. Горького /«Песня о Соколе»/, И. Бунина /рассказ «Темир-Аксак-Хан»/, М. Ю. Лермонтова /«Ашик-Кериб»/, Н. В. Гоголя /«Тарас Бульба»/, советской писательницы М. В. Ямшиковой /повесть «Асанхыз»/, советского писателя Е. Евтушенко (рассказ «Куриный бог»), советского

писателя Романа Вуля («Республика Тавриды») и многих других авторов. [4] Как не странно в это число входит и имя небезызвестного русского классика А. С. Пушкина, который проявлял интерес к фольклору крымских татар. Так, например, проф. Р. Музафаров в своей работе отмечает: «Живой интерес к фольклору и культуре татар (крымских татар – С. Э.) проявлял великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин. Татарские ученые выдвигают гипотезу о том, что он даже начал изучать язык татар, чтобы лучше приобщиться к их культуре. Некоторые фольклорные произведения татар, услышанные великим поэтом в Крыму и в Петербурге, были использованы им в поэме “Бахчисарайский фонтан”» [4, с. 20-21]. Поэтому сегодня не удивителен и тот факт, что поэма «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина среди крымскотатарских переводчиков пользовалась особым интересом. Перевод этого произведения известен в нескольких вариантах. Один из них был сделан историком и переводчиком Османом Акчокраклы, перевод которого впоследствии высоко оценил Исмаил Гаспринский. (!!!)

Поэтому нельзя не учитывать и внешний фактор влияния на развитие крымскотатарской прозы 1920-х годов. Одним из них является русская литература, которая путем переводов стала известной начиная с середины XIX века. Переводы произведений классиков русской литературы осуществлялись как деятелями культуры так и такими мастерами художественного слова как: А. Боданинский, К. Ховаджа, И. Гаспринский, Осман Акчокраклы, У. Балич, М. Нузет, Умер Ипчи, Джафер Гафар, Юсуф Болат и др. Переведенные на крымскотатарский язык художественные произведения нередко выходили отдельными изданиями. Сделать такой вывод дает нам право книга «Библиографический указатель» [20] проф. И. А. Керимова, в котором встречаем работы таких переводчиков как: О. Акчокраклы (А. С. Пушкин «Багъчасарай чешмеси» /«Бахчисарайский фонтан»/. «Талисман» Санкт-Петербург, 1899; Н. В. Гоголь «Эвленюв» /«Женитьба»/ Санкт-Петербург, 1903), С. А. Озенбашлы (М. Горький «Бахадур-хан» /«Хан и его сын»/ Бахчисарай, 1903), У. Балич и У. Сами (Л. Н. Толстой «Ильяс». «Дагъджынынъ кызы» Бахчисарай, 1909) и др. Особенно большое количество переведенных произведений мы наблюдаем в 1920-е годы. В этот период были переведены произведения А. П. Чехова (перевод: М. Нузета, А. Дерменджи, А. Шамилева, В. Абилева), А. Серафимовича (перевод: У. Ипчи), И. Тургенева (перевод: А. Алим), М. Горького (перевод: У. Ипчи, А. Ильмий, Д. Гафаров) и др. [20]. Умер Ипчи, в этом неполном списке занимает не последнее место. Его переводы в основном выполнены в 20-х и 30-х годах XX века и были на высоком уровне. Переводческая деятельность У. Ипчи русских классиков оказала влияние и на его художественные произведения. Например, в одной из периодических газет «Яш куввет» /«Молодая сила»/ за 1933 год 23 апреля в статье «Как я пишу?» У. Ипчи пишет: «Переводческая деятельность в написании моих произведений оказала большую помощь. Я много пользовался произведениями М. Горького и его «Клим Самгин» в написании произведения «1921 год» без сомнения окажет на него влияние» [6, с. 408]. Или другой пример из наблюдений А. Крымского, который считает, что «в Цареграде Хильмий мог близко ознакомиться с новейшей османской беллетристикой, однако наибольшее влияние на него оказала литература русская. Недурно

переведены им самим на татарский (крымскотатарский – Э. С.) маленькие рассказы Тургенева» [3, с. 5]. Особое внимание заслуживает такая личность как Мидат Рефатов, который будучи активным политическим деятелем, знавшим несколько европейских языков одновременно «был мастером перевода и талантливым филологом» [5, с. 76].

Несмотря на активное влияние русской литературы, надо признать и тот факт, что она являлась далеко не единственным фактором. И вот почему. Переводы сделанные в конце XIX и начале XX века делались не только из художественных произведений русских классиков, но и классиков мировой литературы. Например, обращаясь к тому же «Библиографическому сборнику» можно увидеть не мало произведений мировой литературы переведенных на крымскотатарский язык. В этой книге мы встретим Д. Дефо «Робинзон» (перевод И. Гаспринского с его же предисловием. Бахчисарай, 1888, второе издание 1894), Д. Лондон «Пюот-перест» (перевод М. Муждабаева. Симферополь, 1929), Мопассан «Симоннынъ бабасы» /«Отец Симона»/ (перевод А. Халидова. Симферополь), О. Генри «Америка зенджилернинъ ёлбашчысы» /«Предводитель негров в Америке»/ (перевод Д. Зиядинова. Симферополь, 1929), Сеттон-Томсон «Аюв баласы Дженни» /«Медвежонок Дженни»/ (перевод Б. Умерова. Симферополь, 1929), Жюль Верн «Сеяхат февкъальде. Учъ русун ве учъ инглизин Дженюбий Африкада сеяхаты» /«Необыкновенные путешествия трех русских и трех англичан по Южной Африке»/ (перевод И. Гаспринского. Бахчисарай, 1903) [20]. Автор последнего был упомянут, например, в произведении небезызвестной личности с мировым именем Бекира Чобан-заде «Он дёрт джашымда» /«В четырнадцать лет»/ [19], написанный в 1920 году, а значит это и другие произведения мировой классики были известны не только крымскому писателю. Из этого следует, что мышление крымскотатарских писателей XX века развивалось не только под влиянием русской классики, а как мы уже показали и в этом убедились читатели настоящей статьи, и под влиянием мировой литературы, а так же по другим причинам.

В развитии национальной литературы 1920-х годов свой вклад внесли и литературные объединения. Свое существование и развитие в истории культурной жизни они начинают с 1908 года. Шамиль Алядин об этом объединении пишет следующее: «В 1908 году в Бахчисарае скрыто от властей была создана объединение татарских писателей “Учкьун”» [8, с. 10]. В это объединение входили такие личности как Усеин Балич, Яъя Байбуртлы, Джелял Меинов, Сулейман Бадракълы, Эмир-Али Къайишев, Ибраим Меинов, Абдураман Усни и др. В 1917 году там же т. е. в Бахчисарае создана молодежная организация юных писателей «Генчлер джемиети» /«Общество юных»/. [12, с. 25] А в 1920-е годы писатели собирались в основном вокруг крымскотатарских газет и журналов, которые так же сыграли важную роль в развитии литературы в то время. «Труды многих известных ученых и деятелей культуры были отражены в многочисленных публикациях, в том числе и в периодической печати. Большое число фундаментальных работ О. Акчокраклы, А. С. Айвазова, Б. Чобан-заде, С. Чапчакчи, У. Балича, А. Озенбашлы, М. Недима, У. Илчи, А. Кадри-заде, А. Лятиф-заде, И. Лёманова, Я. Кемала, У. Боданинского, А. Одабаша, У. Аджиасана, К. Усеинова и многих других,

являющихся золотым фондом крымскотатарской национальной науки, в силу различных обстоятельств опубликованы лишь в журналах и газетах 1920-х гг., и не имеются в других источниках». [15, с. 130]. Этот факт был отмечен И. Возгриным, который считает, что: «Под непосредственным влиянием газеты вырастает целая плеяда талантливых молодых литераторов. Осман Акъчокъракълы, Асан Сабри Айвазов, Осман Заатов, Саид Абдуллах Озенбашлы создают оригинальные произведения и, что не менее важно, переводят на татарский язык классиков мировой литературы». [13, с. 358] Так, например, газета «Яш къует» /«Молодая сила»/ собирает вокруг себя писателей, которые в последствии назвали это объединение «Къызыл къалемлер» /«Красноперые»/. [8, с. 11]. В этом союзе принимали участие такие мастера художественного слова как Джемиль Сейдамет, Умер Ипчи, Джафер Гафар и др. В этих встречах нередко обсуждались «свежие» произведения, дискуссировали по поводу идейного содержания в присутствии самого автора творения. [8, с. 12] На фоне таких изданий как «Миллет» /«Нация»/, «Ешиль ада» /«Зеленый остров»/, «Бильги» /«Знание»/ Чобан-заде, особое значение уделяет журналу «Илери» /«Вперед»/. «... вокруг этого журнала собрались писатели со своими конкретными произведениями и более или менее выявленным литературным взглядом. Среди них: Ипчи, Джафер Гафар, Алтайлы, Джемиль Сейдамет, Танабайлы и др.» [9, с. 46]. При этом издании в 1927 году так же была основана писательское объединение «Языджылар бирлиги» /«Союз писателей»/, которую возглавили такие личности как Джелал Меиннов и Мамут Недим. [10, с. 266].

Наиболее полную картину о крымскотатарских периодических изданиях и их влияние на развитие национальной литературы мы видим в работах И. А. Керимова, который исследует эту проблему с 1980-х годов. [14]. Большой интерес представляет собой книга «Медений эснас: 1920-1938» (1997) [6] /«Культурный процесс: 1920-1938»/ Транслитерация с арабской графики на кириллицу наиболее важных сведений о крымскотатарской литературе и культуре из газет «Янъы дунья» /«Новый мир»/ и «Яш къует» /«Молодая сила»/ во многом облегчает изучение содержания периодической печати довоенного периода. Наибольшую ценность для нас представляет одна из последних работ ученого: «Крымскотатарская периодическая печать довоенного времени» [15].

Говоря о влиянии на развитие литературы периодической печати необходимо отметить и тот факт, что «Терджиман» был одним из первых тюркоязычных изданий, который стал публиковать художественные произведения. До «Терджимана» выходили и другие тюркоязычные газеты: в Ташкенте (1870 г.), в Баку (1875-1877 гг.) и в Тифлисе (1879-1884 гг.) [21, с. 125-126]. Более того, «Терджиман» был «опытным полем» для целой плеяды крымскотатарских писателей конца XIX – начала XX вв.: С. А. Озенбашлы. А. С. Айвазова, Х. Керема, О. А. Акчокраклы, У. Ш. Тохтаргазы, А. Шейх-заде, У. Сами. Здесь печатались и первые рассказы известного писателя Аблякима Хильми, очерки и рассказы Н. Челебиджихана, Джафера Сейдамета и Б. Чобан-заде» [15, с. 126]. Далее, традицию печатания литературных произведений в периодической печати продолжили и другие газеты и журналы. В 1920-е годы их количество заметно увеличивается чем создали благоприятные условия для

развития национальной литературы в тот период. Такие как «Ешиль ада», /«Зеленый остров»/, «Бильги» /«Знание»/, «Янгы Чолпан» /«Новая Венера»/, «Окьув ишлери» /«Проблемы освещения»/, «Илери» /«Вперед»/ были одними из тех изданий, которые наиболее часто поднимали вопросы литературы, публиковались художественные произведения. По этому, издававшиеся в то время газеты и журналы оказали большую помощь в издании прозаических произведений Умера Ипчи, Аблякима Ильмий и др. Необходимо отметить и то, что периодические издания способствовали развитию и поэзии. Анализ этого явления мы можем увидеть в научной работе к. ф. н. Ш. Э. Юнусова: «Издание в начале 1920-х годов газет «Енги дюнья» («Новый мир»), «Яш кьувет» («Юная сила»), литературно-художественных и общественно-политических журналов «Бильги» («Знание» с 1921 г.), «Чолпан» («Венера»), «Енги Чолпан» («Новая Венера» с 1923 г.) открывало большие возможности для публикации произведений крымских авторов. Надо отметить, что названные издания некоторое время не подвергались цензуре, в связи с чем здесь публиковались произведения разного характера, порою весьма расходящиеся с революционной ориентацией. Наряду с местными авторами в них печатались произведения и представителей других тюркских регионов страны, что способствовало расширению тематического, идейно-художественного диапазонов, повышению уровня мастерства крымскотатарских поэтов» [11, с. 53-54] И так, из вышесказанного мы убедились в том, что периодические издания внесли большой вклад в развитии национальной литературы в 1920-е годы, но с другой стороны, следовательно, существовала проблема издания книг. По этому поводу у читателя может возникнуть вполне закономерный вопрос: «что именно препятствовало изданию книг в 1920-е годы?». На этот вопрос ответ нам дает Ш. Алядин, который считает, что первая причина в нехватке произведений для выпуска сборника, а значит печатания книги, вторая – это высокие требования к изданию книг в те времена и третья причина в нехватке средств в издательствах книгопечатания. [8, с. 21]. С последней причиной можно и не согласится, поскольку мы знаем и тот случай когда, например повесть А. Одабаша «Унутмайджакъ» /«Не забудет»/ вышедшая в 1923 году не смотря на последствия голода 1921-22 гг. была издана отдельным изданием.

В качестве вывода надо отметить, что художественные произведения таких авторов как Бекира Чобан-заде, Умера Ипчи, Абибуллы Одабаша, Абдулязила Гирайбая, Аблякима Ильмий, Амета Озенбашлы, Мустафы Куртия, Джафера Гафара, Джемиля Сейдамета, Вели Габилева, Сабри Айвазова свидетельствуют высокопрофессионального уровня, который в свою очередь в истории крымскотатарской литературы является большим шагом вперед. Писатели, творившие в этот период именуются классиками национальной литературы, что дало повод называть этот период «Золотым веком».

Литература

1. Исмаил Асан-огьлу Керим. XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башында кьырымтатар бедий сезонинынъ эврими. – Симф.: Къырымдевокъувпедешр., 1998. – 184 с.
2. Гаспринский Исмаил. Молла Аббас (роман). Эки томлукъ. Биринджи том. – Симферополь: Къырым девлет окьув-пед. нешр., 2001. – 400 с.
3. Крымский А.Е. Литература крымских татар. – Симферополь: Доля, 2003. – 200 с.
4. Музафаров Р. Русско-тюркские фольклорные связи: Очерки. Саратов: 1966. – 96 с.

5. Керимова С. Страницы истории крымскотатарского довоенного театра и драматургии: Монография. – Симферополь: ДОЛЯ, 2002 г. – 192 с.
6. Исмаил Асан-огьлу Керим. Меденый эснас: 1920-1938 сс. – Симферополь: Таврия, 1997. – 496 с.
7. Рустемова Л.А. Традиции русской классики в крымскотатарской прозе 20-х годов XX века // Культура народов Причерноморья. — 2002. — №34. — С. 88-91
8. Алядин Шамиль. Юксек хызмет: (Языджылар акъкъында икяелер). – Т.: Эдебият ве санаат нешрияты, 1983. – 208 с.
9. Чобан-заде Б. Къырымтатар эдебиятынынъ сонъ девир: Маруза. – Симферополь: Доля, 2003. – 132 с.
10. Фазылов Риза, Нагаев Сафтер. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Къыска бир назар. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2001. – 640 с.
11. Юнусов Ш. Э. крымскотатарская поэзия 20-х годов XX века. – Симферополь: Доля, 2004. – 168 с.
12. Керимов И. Теренлик: Эдебий библиографик очерк. – Т.: Эдебият ве санаат нешрияты, 1988. – 144 б.
13. Возгрин И. Исторические судьбы крымских татар. – М., Мысль - 1992. – С. 358.
14. Керим И. А. Бизим джанлы Энциклопедияларымыз // Ленин байрагы. – 1988. – 5 майыс.
15. Керимов И. А. Крымскотатарская периодическая печать довоенного времени. Ученые записки КГИПУ. Вып. 5. Симф.: 2004. С. 125-133
16. Музафаров Р. Родные: Новые книги крымскотатарских писателей. Т.: 1965 // Звезда Востока. - № 10
17. Музафаров Р. Очерки фольклора тюрков: Автореферат. Мелекес: 1966.
18. Музафаров Р. Очерки фольклора тюркоязычных народов: Автореферат на соискание ученой степени д. ф. н./ АН Аз. ССР. – Баку: 1967. – 30 с.
19. Kıymılı Türk şair ve bilgini Bekir Sıdkı Çoban-zade. – İstanbul, 1999. – 288 s.
20. Керим И. А.-о. Библиографик сечмелер. Акъмесджит: Къырым девлет окъув педагогика нешрияты. – 1994. – 56 с.
21. Къырымлы Х. Къырымтатарлар арасында миллий аркетт ве миллий агълылыкъ. // Йылдыз: 1992, №3. С. 111-142

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК 82.95

ПРОЦЕС МОРАЛЬНОГО СТАНОВЛЕННЯ ОСОБИСТОСТІ В КРИМСЬКОТАТАРСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРІ 60-х РОКІВ ХХ СТОЛІТТЯ

Сеферова Ф.А.

В кримськотатарській літературі героїзм і патріотизм народу у Другій світовій війні займає визначне місце.

У творах, створених учасниками цієї війни, ми відчуваємо любов до Батьківщини та життєдайність.

Доля так розпорядилася, що юнаки, які тільки вступили в життя, виявились обличчям до обличчя зі страшною історією. Але не з тією історією, яка була „притамована”, „ з білими плямами”, а , навпаки, із справжню, яка принесла мільйонам сімей біди, залишивши в серцях не заживаючі рани.

Узбецький поет Рауф Парфи, добре знаючи трагедію кримських татар, сказав, що проблема кримських татар гідна особливої уваги; ніякий інший народ не має права виносити вирок над іншим народом.

Багатонаціональна радянська література освітлювала події цієї війни тільки в дозволених рамках.

Потрібно відзначити, що в 50 роках стали з'являтися твори, в яких розповідалась „окопна” правда. Це твори В.Некрасова „В окопах Сталінграда”, Ю.Бондарева „Гарячий сніг”, Ф.Абрамова „Брати та сестри”.

Наприкінці 50-х років, на дух народу, який був зп'янілий від перемоги, стала душити сталінська ідеологія. Цей період можна ознаменувати періодом пошуків духовних основ, надій, ідеалів.

В творах 60-х років важливе місце займає історична тема. Письменники відтворюють історію Батьківщини, моральні уроки війни. Письменник, почавши свою творчість з оповідань та повістей, стверджують свої ідеальні та естетичні погляди в романах. Бурхливо розвивається в усій багатонаціональній радянській літературі жанр роману. З'являється такі літературні течії, як „селянська”, „міська” проза. Саме в цей час Ш.Алядін створює роман про борців за нове життя „Якщо любиш” (1961 р.), інший автор Юсуф Болат пише твір „Чисті серця” (1962 р.) про героїчну працю нафтовиків. І це все відбувається в той час, коли письменники інших національностей, такі як Ч.Айтматов, В.Астаф'єв, А.Каххар, В.Шукшин, в своїх творах вирішують загально громадські проблеми. А кримськотатарські письменники, знаходячись в „лабетах” цензури, оспівують натхненну працю бавовників.

Великі зміни, які відбулися в нашій країні, вплинули на життя селян. Ці селяни, які віками зберігали моральні і духовні цінності, зображуються в творах як жертви адміністративних законів. Така людина, бореться за мир, натхненими ідеалами соціалізму творів: Решида Мурада („Соната гір”, 1968 р.), Шаміля

Аладіна („Ліхтарі горять до світанку”, 1969 р.), Юсуфе Болати („Аніфе”, 1969 р.)

„Якщо література народу відображає історію народу, то її не можна порівнювати з літературою інших народів. В цьому відношенні справедливий суддя – час” [ ].

З точки зору теперішнього читача в наведених творах є романні обсяги, але романне осмислення слабке або такого зовсім немає. На мою думку, таке осмислення – це погляд, який кинуте вперед, а сама думка осмислення великого життєвого періоду, і, нарешті, - вистраждала правда. Безумовно, в змісті даних творів є корисні роздуми, але філософських роздумів про людину, життя, середовище, на жаль, немає.

Малий жанр розповідей, отримавши великий розмах, розвивається і в 70 роки. В розповідях та нарисах Мамбета Алієва, Якуба Зеккі, Джеветта Аметова продовжується залишатися тема війни, моралі та праці. Як було згадано вище, художник слова самостійно підбирає життєвий матеріал, який відповідає його ідеалам. Основуючись на естетичних принципах свого методу, світобачення, дає оцінку діям своїх героїв. Автор, на основі вибраного життєвого матеріалу, будує свій морально-естетичний ідеал.

В збірку оповідань Мамбета Алієва „Серед хороших людей” увійшли оповідання, нариси, гуморески, пов'язані з життєвими ситуаціями. В таких творах як: „Авізу”, „Зустріч односельчан головним героєм є учасник війни, людина праці.

„Кожне оповідання Мамбета Алієва оригінальне за формою... Він сам знаходить форму і зміст, тому що в житті події не повторюються в одній і тій же формі” [2:176].

Покладаючись на цю думку, можна сказати, що автор торкає гострі проблеми сучасності. Оповідання „Життя неначе східці...” сповнене філософського змісту. Автор роздумує за справжні цінності, жаліючи про даремно прожиті роки. Головний герой, дід Іслям, наполегливо шукає відповіді на запитання: в чому смисл життя, що його прикрашає. В юності він скривдив кохану жінку, а зараз, на старості, його мучать сумління...

Оповідання Мамбета Алієва написані мовою, яка зрозуміла простому народові. В них багато жартівливих епізодів; з великою майстерністю використовує усну народну творчість. Наприклад: „хто не пізнав смак гіркого, той не оцінить смак солодкого” [3:74], „сказане слово – неначе пущена стріла” [3:71].

А ось письменник цієї ж епохи – Джеветт Аметов, в збірці оповідань „Біля вогнища” роздумуючи про Вітчизну, перше кохання, військову службу, торкається теми моралі. В оповіданні „Коли цвіте бузок” герой не вірить у свої почуття, що щастя зовсім близько. В часи війни він втрачає кохану Діляру, але минають роки і герой розуміє, що він колись не відповів взаємністю і це рана буде ятритися до кінця його життя. Природа, яка зображена в творі, допомагає розкриттю образів героїв. Ці герої ще в роки війни зрозуміли цінну мирного життя. А зараз, незадоволені своєю діяльністю, вони хочуть займатися улюбленою справою. Головний герой оповідання „Неспокійні серця” Сефер Садикович – учасник війни, в мирний час – агроном, ставши пенсіонером,

займається вирощуванням улюбленого сорту винограду – „пінагрін”. Герої знаходять своє щастя в праці.

Увійшовши в збірку, і давши збірці загальну назву „Біля вогнища”, розповідає про героя Цюпа, який, залишившись без сім’ї, знаходить в собі сили дати притулок самотній старенькій жінці. Назва оповідання має глибокий символічний зміст. Як вогонь освітлює та зігріває навколо себе все живе, так і людина повинна віддавати тепло свого серця, тому що смисл життя – служіння народу, Батьківщині.

Айдер Осман сказав, що твори, написані письменниками – учасниками війни, викликають живу зацікавленість. Але, на жаль, таких оповідань мало.

„Теорія безконфліктності” літератури в епоху застою породила нову теорію, вивівши письменників середнього рівня” – сказав Сафтер Нагаїв [4:54].

Але доцент Ш.Е.Юнусов сказав, що „розвиток літератури ніколи не зупинявся, то були періоди, коли цей розвиток був тимчасовим”[5]. Навіть період застою нашими письменниками та поетами створювались справжні, досконалі за формою твори. Це роман Шаміля Алядіна „Тогай-бей”, твори старійшин нашої літератури Ібраїма Паші, Рустема Муєдіна та письменників московської діаспори: Ернст Куддусов, Якуб Бекіров, Рефат Аппазов.

В 90-х роках, в Києві, на науково-практичній конференції, присвяченій дням кримськотатарській культурі, Айдер Осман назвав нашу літературу такою, в якій „немає фундаменту, і вона є космополітичною, що в неї немає Батьківщини. Неможливо народити родину без матері, так і неможливо створити літературу без Вітчизни” [6:217].

То якою ж ми можемо назвати літературу справжньою?

На думку інших, це література, яку забороняла цензура, інші доводять, що це література, видана за кордоном. Але в літературній творчості немає розуміння „абсолюту”. Одна книга може здатися для чогось прекрасного, справжнього, а для декого вона здається середнього рівня – нецікава.

Відзначаючи позитивну якість одних книг, недоліки в інших книгах, неможливо виносити вирок нашій літературі за 70 років. Не оцінюючи з гідністю нашу літературну творчість, не відзначаючи позитивні та негативні особливості, не засвоюючи моральний досвід старшого покоління – як ми будемо надалі розвиватися?!

Людина! Її думки, почуття, мрії та прекрасна душа – завжди були в центрі уваги наших письменників. За людську долю наша література, як сьогодні, в сучасному світі не хвилювалась. сьогодні сучасна людина живе за іншими моральними правилами. Такі найважливіші цінності як любов, вірність, милосердя – не можуть протистояти труднощам життя. Старики в будинках для престарілих, кинути діти, обділені материнською ласкою, матері, які забули про свій материнський обов’язок. І, нарешті, зовнішнє благополуччя, пов’язане з моральними втратами...

Наш час соціологи-дослідники називають часом розрухи сім’ї. А.Вознесенський якось сказав: „Гріш ціна усьому прогресу суспільства, якщо зруйнується мораль людини...”[7]

Визначити без моральність, бездуховність неважко, але як зрозуміти причини і вийти з цього стану?

Зараз ми живемо на своїй історичній Батьківщині, в іншу історичну епоху. Пройдуть роки, але зіткане чорними та золотими нитками полотно історії, завжди буде притягувати увагу молодого покоління, заставить думати, гордитися нашим минулим. Яка мораль, які ідеали – в найважчі хвилини не давали нам зіпсуватися, оберігали від поганих кроків! Яка сила волі зберегла, врятувала нас від насильницької асиміляції?

В найтяжчий історичний період, моральний героїзм, прагнення до ідеалів наприкінці 80-х років підняли народ на гребінь великої хвилі і ця сама хвиля опустила нас на берег Чорного моря.

Література

1. Осман А. Ох, ця ж Америка. // Їылдыз, 1995. №5 – 6. 37-76 с.
2. Майстер малого жанру //Їылдыз//, 1997. - №1. – 176 – 179 с.
3. Алієв М. Серед хороших людей – Ташкент: Вид-во Гафура Гуляна, 1981. – 56 с.
4. Нагаєв С. Їыл намелердеки иззлер. – Ташкент, 1991. – 54 с.
5. Юнусов Ш.Е. Просилити стрілою поетичний розум и душу // Голос Криму, 2002 р. – 12 квітня
6. Осман А. Кримськотатарська література. Коротка історія сьогоденні проблеми // „Їылдыз”, 1993. - №3. 216 – 223 с.
7. Малахова О.В. „Вчити добру, істині, красі. Ташкент. Вид-во „Укитувчи”, 1977. – 18 с.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

УДК 821.161.2

ЖІНОЧІ ОБРАЗИ В ЧАРІВНИХ КАЗКАХ УКРАЇНИ ТА КОРЕЇ (НА МАТЕРІАЛІ КАЗОК ПРО ПОПЕЛЮШКУ)

Кіндзибала О. С.

Образ жінки – матері оспіваний в художній літературі, а також і в багатьох фольклорних жанрах. Не оминула його і народна казка. Проте починаючи працювати над даною темою ми зіткнулися з такою проблемою, що, на жаль, досі в Україні не було здійснено жодного наукового підходу до дослідження казкового епосу Кореї та України. Опрацювавши досить велику кількість матеріалів у бібліотеках України, а саме, наукових бібліотек імені Максимовича, Вернадського нам не вдалося відшукати матеріалів по даній темі. Перебуваючи в Республіці Корея ми виявили, що там теж не краща ситуація. Бо вивчення та дослідження фольклору там почалося лише приблизно 50 років тому. У нашій країні є просто переклади корейських казок, але це не можна вважати науковим дослідженням. Тому з упевненістю можна сказати, що дана робота є однією з перших наукових спроб підійти до вивчення фольклорного надбання, казок, двох країн. Теоретико-методологічною базою статті є наукові здобутки вітчизняних і зарубіжних учених-фольклористів про художню структуру народної казки, таких діячів як: М.Костомаров, І.Нечуй-Левницький, М.Драгомамов, І.Франко та ін. У процесі дослідження автор спиралася на досягнення зарубіжної науки - праці В.Гроппа, Джесса Лімана, Кіма Хун Мі, Хонг Куа, І Фун Хона та ін. Варто також зазначити, що дана проблема, яку буде розглядати автор має тісний зв'язок з науковими та практичними завданнями, адже надалі цей матеріал можна буде використовувати при написанні рефератів, для проведення лекцій та семінарських занять, а також стане корисним простому читачу для більш детального ознайомлення та глибшого розуміння казкового епосу двох країн.

Український казковий репертуар надзвичайно різноманітний, великою популярністю у народі користуються героїко – фантастичні, або як їх ще називають чарівні казки, вони приваблюють особливим, дивовижним світом, прагненням чогось піднесеного чи благородного. У порівняльному покажчику[1] міститься 225 сюжетних типів чарівних казок. У 50 із них головний герой – жінка. До того ж у багатьох інших сюжетних типах чарівних казок жіночі образи також присутні, хоча вони і не виконують головну роль. В українській героїко – фантастичній казці створено цілу галерею жіночих персонажів. Це насамперед привабливі мудрі порадиці і помічниці казкового героя, вони забезпечують його предметами з чудодійними властивостями : оном, гребінцем, щіткою, мотком чарівних ниток. За їх допомогою герой спішно долає перешкоди, перемагає супротивників, досягає поставленої мети. Дія більшості казок сягає в далекі часи матріархату, саме тому героїні

виступають не тільки чудовими красунями, але й безстрашними багатирями, дівчатами – воїнами, вони це втілення виняткової людської доброти, розважливості і доброзичливості.

У чарівних казках зустрічаємо ніжні і благородні образи терпеливих, скромних, несправедливо переслідуваних, але врешті решт, по заслугах винагороджених дівчат – попелюшка, сирота, пасербиця, ці героїні викликають глибоке співчуття. У п'яти сюжетних типах казок – “Мачуха і пасербиця”, “Попелюшка”, “Мати – рись”, “Дивна корова”, “Чарівне дзеркальце”, “Дві сестри”, “Конджу і Панджу”, “Бідна Чхуньян” – головною героїнею виступає сирота. Правда у корейських варіантах дівчина не сирота, а просто донька вдівця. Сюжетів про мачуху і пасербицю досі в Україні опубліковано 50 варіантів, щодо Кореї, то у фольклорі корейського народу ми відшукали 15 варіантів однієї і тої самої казки. На Україні записи сюжетів про мачуху та її пасербицю почали записувати з 50 –х років минулого століття. Вони друкувалися у збірниках Рудченка, Чубинського, Грінченка. Щодо корейських видань, то такі сюжетні лінії ми знайшли в збірниках казок “Верная Чхуньян”, “Фея з Алмазних гір”. У цих казках розповідається про вдівця, який маючи доньку одружується з вдовою, в якій теж є своя донька, з перших днів мачуха не любить пасербицю, переконує діда в тому, що його донька лінива і її треба віддати кудись з дому комусь на службу. Дід послухав бабу, і повів свою доньку в ліс. По дорозі вона виконує прохання яблуньки, криниці, і печі.

Натрапивши на лісову хатинку, наймається на службу, добросовісно впоравшись із завданням, отримує щедрю винагороду. Бабина ж дочка в усіх названих ситуаціях проявляє лінощі, грубість, неакуратність, нетактовність, самовпевненість, неслухняність, прагнення до наживи за що платиться своїм життям. І це навіть у читача чи слухача не викликає співчуття. Можна сказати, що казка, яка виникла в епоху занепаду матріархату і затвердження патріархального ладу, коли в суспільстві зміцніли відносини соціальної нерівності, не втратила своєї актуальності і в наш час. Кожен варіант, як український, так і корейський, містить у собі морально етичні ціннісні орієнтації, якими повинна володіти дівчина на виданні, а саме – працьовитість, доброта, привітність, кмітливості і працьовитість. Ось чому пасербиця за перебігом події винагороджена, а бабина донька, яка не володіла цими якостями гине. Наприклад, як в українській казці “Донька і пасербиця”.

У корейському ж варіанті, гине і зла мачуха, і її донька. Варто також згадати і варіант цього сюжету оповідачки Юрчак, який закінчується тим, що дідова донька щасливо вийшла заміж. Така ж кінцівка казок такого типу притаманна і корейським казкам, це, на думку автора, можна пояснити тим, що у корейців велике значення мав шлюб, і головне призначення дівчини та жінки у житті саме і полягало в тому, щоб одружитися, народити дітей – тому у корейських варіантах зустрічаємо такий фінал, в якому дівчина одружившись, живе довго і щасливо, народивши чоловікові стільки дітей, що їх навіть важко було полічити (“Троянда і лотос”, “Як Єнмі від мачухи врятувалася”).

Звернувшись до казок про Попелюшку, подивимось, які відмінності, що спільного, а що відмінного є між українськими та корейськими варіантами цих

сюжетів. Для порівняння візьмемо українську казку “Золотий черевичок” і корейську “Конджу і Панджу”.

Отже, головна героїня зачаровує своєю справністю і витримкою, терплячи постійно докори від мачухи, і вона не залишається непоміченою. Її, скривдженій, допомагають добрі сили, сама історія належить до тих казок де головним елементом є випробування, особливо дівчини. Всі випробування, як правило, мають місце одразу після зав’язки.

У казці є мачуха і її рідна донька та пасербниця. Усі випробування проходять дома, мачуха дає пасербниці завдання, які неможливо виконати, наприклад, пасучи бичка, дівчина повинна зім’яти, потіпати, спрясти, помотати, побілити круг прядива і принести додому полотно. І на допомогу дівчині приходить порада і подарунок покійної матері, цим подарунком було зернятко, з якого виросла верба. Ця верба і допомогла у тяжкі хвилини дівчині, яка приваблює нас своєю внутрішньою красою. Якщо звернутися до корейської казки, то ми помітимо першу відмінність – це те, що там діє більше головних героїв, а саме – попелюшка – Конджу, мачуха і її рідна донька, а також появляється ще один персонаж – це управитель провінції, де живе мачуха і її доньки. Тобто сюжет казки подовжений. Подібне у казках те, що мачуха також дає дівчині три майже не виконуваних завдання, перше з яких це, сполоти все поле дерев’яною сапкою. Варто звернути увагу на те, що мачуха відправляє дівчину сапати поле, що відрізняється від українського варіанту казки, бо українські дівчата у казках повинні щось випрясти, попрацювати у домі інших людей. Але в Кореї люди, особливо бідні селяни заробляли на життя переважно тим, що працювали з ранку до ночі на своїх шматочках землі. Тому не дивно, що першим завданням стало саме сапання поля. Коли Конджу приходить на поле, то її сапка одразу ж ламається. З біди дівчину виручає Чорна Корова, яку послало небо, куди дійшла слава про доброту та терпеливість дівчини. За допомогою магії поле було сполете, а ще дала Корова дівчину у подарунок корзину з фруктами. Цікаво, що в українських казках чарівні помічники тільки допомагають дівчині, то в корейській казці ще й дають їжу. Це також ще одна особливість казок із Кореї.

Здавна у цій країні селяни не мали що їсти, і тому дуже часто героїв казок їхні магичні помічники обдаровують їжею, до таких сюжетів ми ще звернемося пізніше. Однак дома зла мачуха відібрала фрукти у Конджу, не давши їй жодного. Потім друге випробування для сирітки – наповнити в кухні величезну діжку з водою, в дні якої є величезна дірка. І тут на допомогу пасербниці приходить жаба, і третє завдання отримала бідна дівчина, коли мачуха з своєю донькою йшла на свято у дім дядька Конджу, їй треба було перебрати три миски рису. Допомогли дівчині пташки, а фея – хресна подарувала дівчині чудове вбрання і наказала йти в будинок дядька. І от на святі в дівчину закохався управитель провінції, вони одружилися, і здавалося все буде добре. Та не могла заспокоїтися зла мачуха, її все було нестерпно думати, що не її донька вийшла заміж, тому вона обманом втопила в озері, що було у палаці Конджу, а замість неї підсунула управителю свою доньку. Тут корейці наче насміхаються над чоловіками, які ті деколи бувають сліпі, що не можуть побачити обману. Але Конджу не тоне в озері, вона стає спочатку лотосом, потім карпом, потім потрапляє на кухню управителя, де її рятує одна старенька жінка. Саме ця жінка і викриває обман, запросивши якоесь на вечерю

у свій дім управителя. Коли з'ясувалася правда, Конджу просила чоловіка помилувати мачуху і її доньку, але чоловік віддав їх на суд громади, яка засудила їх на смерть, і рано вранці їх прив'язали до хвостів коней і пустили коней на чотири сторони. А Конджу жила щасливо з своїм чоловіком і слава про них розійшлася далеко по всій країні. Головне, що ми можемо сказати, порівнявши ці дві казки це те, що сюжети подібні, хоча є в них деякі відмінності та не схожості, а ще обидві казки підтверджують таку мораль – добро завжди перемагає зло, працьовитість, правдивість і чесність завжди в пошані.

Також цікава одна деталь, чому саме тварини допомагають скривдженим та знедоленим дівчатам, та не тільки їм. От як в українській казці “Як цар засватав Марійку”, а в корейських “Фея з алмазних гір”, “Казка про скалу Чханню”. Серед звірів можуть бути корови, телички, пташки, жаби, черепахи. Це трошки дивно, адже герої нічого не роблять для цих своїх рятівників – не доглядають, не годують їх. Відповідь знаходимо у книзі В.Проппа “Історичні корені чарівної казки”. У згаданому дослідженні Пропп доводить, що згадані тварини указках це ніщо інше, як “тварини – предки, тварини, яких не можна їсти, тому вони і допомагають, бо є тотемними предками”[2:154]. Звірі допомагають скривдженим, винагороджуючи їх за доброту, чесність, слухняність, працьовитість і беззахисність.

Підсумовуючи варто сказати, що тема ще не вичерпана і над нею варто і далі працювати, щоб більш детально та глибше дослідити, провести аналогії між казками Кореї та України.

Література

1. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка – Л., 1979.
2. Пропп В.И Исторические корни волшебной сказки.- Л., 1986.
3. Верная Чхунхян. Корейський класическіе повестиXVII- XIX веков .М., 1990г.
4. Народні казки Кореї .упор.Гае Хугн Ха, Університет Йонсе , 2003р., -С.259 (корейською мовою)
5. Гнатюк В. Передмова до збірки народних казок ”Баронський син в Америці”.Гнатюк В. Вибрані статті0 про народну творчість .- К., 1966.- с.204

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК – 81'1. 512. 145

РАЗЛИЧНЫЕ ТРАКТОВКИ ЯВЛЕНИЙ ОМОНИМИИ И ПОЛИСЕМИИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Саттарова З. М.

*Дослідження здійснено
за підтримкою ДФФД України
у межах проекту «Відродження культурної
спадщини кримських татар: мова і література»*

В лингвистической литературе слова, обладающие одинаковой формой, рассматриваются либо как многозначные, либо как омонимичные, либо как просто “разные по значению”.

Необходимость и актуальность данного исследования определяется тем что ни одно точное описание словарного состава языка не может обойтись без глубокого рассмотрения вопросов омонимии, а также составление и совершенствование толковых и переводных словарей, улучшение методики преподавания языков, как иностранных, так и родного – всё это настоятельно требует углублённого исследования проблем омонимии, выявление её внутренних закономерностей, определения места, которая она занимает в общей системе языка.

Целью исследования является проанализировать проблемы связанные с полисемией и омонимией слов крымскотатарского языка и рассмотреть различные негативные и позитивные оценки учёных на явления полисемии и омонимии в современном языкознании.

Наблюдая за процессом наименования и закрепления за одним и тем же значением в разных языках различных звуковых комплексов, языковеды пришли к выводу, что никакой внутренней обусловленности соединения звуков с вещью нет. Нет тождества ни между значением и предметом, ни между словесным комплексом и понятием, так как звуковой комплекс – явление физиологическое, а понятие – явление логическое. Кроме того, один и тот же комплекс может служить названием предметов и может включать разные понятия. Например, крымскотатарское слово нам имеет значения: 1) “слава, известность” и 2) “имя, название”. В данном случае одним звуковым комплексом названы явления разных сфер, но эти явления чем-то сходны: своей формой, своей сущностью, проявленной в разных предметах. Звуковой комплекс как природная материя, обозначающая предмет и выражающая отдельное понятие, уже таит в себе возможность многозначности. Понятие – отражение сущности вещей, отражение существенных признаков предмета.

Допустим, некий существенный признак предмета может быть назван словом, однако в другом предмете может оказаться один из признаков, схожий

с первоначально указанным признаком, в итоге второй предмет может быть назван тем же словом, что первый предмет, по схожему признаку. В результате, могут возникнуть одинаково звучащие слова, в основе которых положены схожие признаки разных предметов.

Например, в словах куль I – “зола” и куль II – “пепельный, серый”; кок I – “небо” и кок II – “голубой” (уст. “серый”) за одинаковыми звуковыми комплексами закреплены разные значения, однако, эти значения исходят из общего сходства признаков, которые легли в основу соответствующих понятий. Если же слова настолько разнятся друг от друга по смыслу, что в них трудно найти нечто общее, то перед нами омонимы, хотя их значения, возможно, и развивались из одной основы.

Например, дагъ I – “гора” (Дагъ ырмакъларындан асыл олгъан бу озен козь яшыдай арынчыкъ сувларыны ялыларгъа джайдырып, шапыра – копыре октеменен акъмакъта эди. – Ю.Б.); дагъ II – “лес” (Авлакътан кельген дагъ шувултысы денъиз даушыны андыра эди. – У.И.) и др. Эти слова по своей внешней форме совпадают, а по значению – различаются.

Слова как наименования предметов, вещей, явлений, общественно закреплены за какими-либо явлениями действительности на основе культурно-социального единства коллектива людей, но между словом как звуковым комплексом и обозначаемым им предметом нет никакой органической связи, иначе все языки мира были бы одинаковыми по лексическому составу, так как каждое слово “непосредственно” должно было бы отражать вещь, её природные свойства. Тогда слово не могло бы быть обобщением.

Одной и той же форме может быть присуще и старое, и новое значение. Новому значению трудно находить соответственно новые формы. Невозможно обозначать каждое понятие отдельным звуковым комплексом. “Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены”¹. Если каждое значение, предмет или явление выражались бы отдельными формами, то невозможно было бы пересчитать запас слов в каждом языке. В результате выражения одной формой старого и нового значения в языке появляются разные лексические единицы – слова, которые имеют одинаковые фонетический состав и разные значения. Некоторые омонимичные слова в языке образовались и образуются этим путём.

В лингвистической литературе нет однозначной оценки явлений омонимии и полисемии. А.Л. Василевский считает многозначность, в которую он включает как полисемию, так и омонимию, признаком недостаточности естественных языков.² О.С. Ахманова, Л.А. Булаховский, А.И. Смирницкий, С.Ульманн и многие другие считают омонимию явлением отрицательным, как бы идущим вразрез с “естественными” тенденциями развития языка: омонимия стирает различительные признаки между значениями³; омонимия – всего лишь “результат известного особого стечения обстоятельств”⁴.

В.И. Абаев, противопоставляя омонимию полисемии, пишет: “Полисемия – интереснейшее явление в плане проблемы языка и мышления. За полисемией всегда скрывается усилие человеческой мысли в поисках новых и новых средств познания, выражения, экспрессии. За омонимией же ничего не скрывается, кроме игры случая. Поэтому познавательный интерес полисемии

10. Баранцев К.Т. Курс лексикогії сучасної англійської мови. – Київ: Радянська школа, 1955. – 276 с.
11. Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании учёного совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР // Лексикографический сборник. – М.: ГИС, – 1960. Вып. IV. – С. 35-92; Universals of language. Ed by J. H. Greenberg. Cambridge (Mass.) 1966. – 172 p.
12. Маслов Ю.С. Омонимы в словарях и омонимы в языке (к постановке вопроса) // Вопросы теории и истории языка: Сб. в честь проф. Б.А. Ларина. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та – 1963. – С. 198-202.
13. Маулер Ф.И. Грамматическая омонимия в современном английском языке. – Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. – 136 с.
14. Эман Э. Об омонимии в немецком языке // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. – С. 123.
15. Реформатский А.А. Введение в языковедение. Изд. 4-е. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.
16. Исаченко А.В. О грамматическом значении // Вопросы языкознания. – 1961. – № 1. – С. 28-43.
17. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. Учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1978. – 256 с.
18. Тхаркахо Ю.А. Становление стилей и норм адыгейского литературного языка. – С. 128-129.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

статистической универсалией с высокой степенью вероятности”¹¹. На это можно возразить, что если бы даже и был обнаружен язык без омонимов (например, если бы какой-либо коллектив избрал в качестве средства общения некий искусственный язык, лишённый омонимии), то в процессе естественного развития этого языка омонимы в нём появились бы.

Для того чтобы установить, что омонимия является абсолютной лингвистической универсалией, нет необходимости перебирать все известные языки. Достаточно лишь показать, что наличие омонимов в языке обусловлено самой его природой и определяется условиями его функционирования как средства общения.

Ю.С. Маслов справедливо отмечает, что “...именно в широком распространении омонимии и состоит одно из важных отличий всякого естественного языка, складывавшегося стихийно на протяжении веков и тысячелетий, от искусственных “семиотических систем”, созданных по произволу человека”.¹² Итак, омонимия является неизбежным, закономерным результатом стихийного развития языка.

Ф.И. Маулер высказывает особое мнение, согласно которому омонимия “содействует компактности языка, и это позитивное явление”.¹³ Такой подход к оценке роли омонимии в языке представляется односторонним. Омнимия, конечно, способствует “компактности языка”, но эта компактность достигается за счёт возрастания неоднозначности единиц в плане выражения. Поэтому считать её “позитивным” явлением, способствующим “компактности языка”, видимо, не совсем верно.

Совершенно очевидно, что омонимия, стирая формальные различия между знаками с разным содержанием, не может не снижать эффективности языка как средства общения. “Помехой для языка является всё то, – пишет Э. Эман, – что нарушает его ясность и недвусмысленность, это понятно и не требует особых доказательств. Поэтому омонимия, которая ведёт к путанице и недоразумениям, также воспринимается как помеха”¹⁴. Как считает А.А. Реформатский, “омонимы во всех случаях – это досадное неразличение того, что должно различаться”.¹⁵

В защиту омонимии, независимо от её источников, можно было бы сослаться на тот факт, что в процессе истории происходит неуклонное возрастание количества омонимов. Омнимия не являются ни признаком бедности языка, ни его излишествами. Их нельзя рассматривать как “больные” слова, подлежащие устранению.¹⁶ Возникновение омонимов в языке – такое же естественное и закономерное явление, как и возникновение любой другой лексико-грамматической категории. Вряд ли эту закономерность можно квалифицировать как явление отрицательное. Правда, процессы омонимизации наталкиваются в своём распространении на какие-то барьеры, знают какие-то пределы, установление которых – одна из интереснейших задач современного языкознания.

Омонимические отношения в языке являются отражением реальной действительности, в которой существует бесконечное число различных понятий, а арсенал слов в каждом языке сравнительно ограничен. Поэтому по различным причинам один и тот же звуковой комплекс может закрепиться за разными понятиями. Наличие даже большого числа омонимов не препятствует

общению, и нет надобности считать слова-омонимы “помехой” пониманию, ибо, как известно, речевая ситуация и контекст устраняют какие-либо “помехи”.

Омонимия – неизбежный результат исторического развития языка, она не больше мешает общению, чем полисемия. Скорее наоборот: омонимия, как и полисемия, – это источник уточнения наших понятий о вещах и отношениях между ними; кроме того, все разновидности омонимов обычно используются в художественной речи с определёнными стилистическими целями. “Совмещая созвучные слова, – пишет М.И. Фомина, – писатель, поэт, публицист как бы сближает и те предметы, понятия, которые ими обозначены. Такой приём является средством актуализации, он сообщает дополнительную художественную информацию”.¹⁷

Ю.А. Тхаркахо так объясняет стилистическое использование созвучных слов: “Поэт омонимы не только рифмует, но ставит их в одинаковую связь с окружением, что естественно усиливает яркость и выразительность высказывания... Такое созвучие, не сопровождающееся простым повторением одного и того же слова, поднимает уровень ритмической организации стиха и усиливает его выразительную значимость”.¹⁸

В художественных произведениях повторение одинаково звучащих, но разных по значению слов часто употребляется для игры слов. Такой приём особенно используется в стихотворных каламбурах. Например, в крымскотатарском языке в стихотворении Эшрефа Шемьи-заде “Чал манъя” омоним “чалмакъ” употребляется в одиннадцати значениях – ерге чалмакъ (ударить об землю); той чалмакъ (играть свадьбу); къапу чалмакъ (стучать в дверь); ыслыкъ чалмакъ (свистеть); бирде бир шей чалмакъ (украсть что-л.); къой чалмакъ (зарезать барана); къаве чалмакъ (заварить кофе); аякъ чалмакъ (препятствовать, мешать); ох чалмакъ (радоваться чужому горю); пичен чалмакъ (косить траву); кемане чалмакъ (играть на скрипке).

Омонимия – явление объективное, закономерно присущее естественным языкам, и как таковое оно лишь относительно может быть предметом оценок.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык. – М.: Учпедгиз, 1978. – 237 с.
2. Василевский А.Л. Полисемия и омонимия конструкций с субстантивным сказуемым в современном английском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 1962. – 23 с.
3. Булаховський Л.А. Нариси з загального мовознавства. – К.: Радянська школа, 1955. – 129 с.
4. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.; Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
5. Абаев В.И. О подаче омонимов в словаре // Вопросы языкознания. – 1957. – № 34. С. 31-43.
6. Ожегов С.И. Выступление на дискуссии по вопросам омонимии // Лексикографический сб. Вып. IV – М.: ГИС, – 1960. – С. 69-71.
7. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968. – 272 с.
8. Исаченко А.В. О грамматическом значении // Вопросы языкознания. – 1961. – № 1. – С. 28-43.
9. Ахманова О.С. Лексикология современного русского языка. – М.: Учпедгиз, 1957. – 209 с.

10. Баранцев К.Т. Курс лексикогії сучасної англійської мови. – Київ: Радянська школа, 1955. – 276 с.
11. Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании учёного совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР // Лексикографический сборник. – М.: ГИС, – 1960. Вып. IV. – С. 35-92; Universals of language. Ed by J. H. Greenberg. Cambridge (Mass.) 1966. – 172 p.
12. Маслов Ю.С. Омонимы в словарях и омонимы в языке (к постановке вопроса) // Вопросы теории и истории языка: Сб. в честь проф. Б.А. Ларина. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, – 1963. – С. 198-202.
13. Маулер Ф.И. Грамматическая омонимия в современном английском языке. – Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. – 136 с.
14. Эман Э. Об омонимии в немецком языке // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. – С. 123.
15. Реформатский А.А. Введение в языковедение. Изд. 4-е. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.
16. Исаченко А.В. О грамматическом значении // Вопросы языкознания. – 1961. – № 1. – С. 28-43.
17. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. Учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1978. – 256 с.
18. Тхаркахо Ю.А. Становление стилей и норм адыгейского литературного языка. – С. 128-129.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005

АННОТАЦИИ

Шаталина Е.Ф. Литературоведческая терминология древнеукраинского языка 18 века // Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С.5-7.

В статье рассматривается литературоведческая терминология в произведениях поэтов и писателей 18 века, времен украинского барокко.

Ключевые слова: терминология, стиль „барокко“, литературная сатира, бурлескно-трагическая поэзия, интермедии.

Алиева В. Н. Звукоподражательные слова в крымскотатарском языке // Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 8-11.

В статье анализируются звукоподражательные слова и особенности их функционирования в крымскотатарском языке.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, звукоподражательные слова, мимемы, изобразительные слова, ономастическая теория.

Гафарова Р. И. Аксиологические особенности концепта "женщина" в крымскотатарском, русском языках // Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С.12-19.

В статье рассматриваются аксиологические (оценочные) особенности концепта «женщина» в крымскотатарском и русском языках.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурология, аксиология, когнитивная лингвистика, сопоставление.

Кубединова Л.Ш. Фразеологическая микросистема «высказать мысль, суждение» в крымскотатарском и английском языках // Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 20-24.

В данной статье рассматриваются сопоставление двух фразеологических микросистем со значением «выражать мысль, суждение» в крымскотатарском и английском языках, а также особенности наполнения данных микросистем.

Ключевые слова: поле, фразеологическая единица, парадигматические отношения, синонимический ряд, антонимическая пара, метафорическое переосмысление.

Оказ Л. С. Функциональные особенности конструкторов крымскотатарского предложения // Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С.25-36.

Статья содержит классификацию конструкторов крымскотатарского предложения. Кроме того в ней рассмотрены морфологические, структурные и функциональные особенности акцентирующих конструкторов.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, предложение, конструктор, второстепенные члены предложения.

Меметова Э. Ш. Лексико-фразеологические экспрессивные средства крымскотатарского языка// Ученые записки ТНУ. Серия: Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 37-39.

В данной статье рассматриваются образные, эмоциональные и экспрессивные средства крымскотатарского языка. Изучается выразительность речи, выделяются иронические, неодобрительные, презрительные, ласкательные, торжественно-приподнятые оттенки эмоционально-экспрессивной маркировки. Рассматриваются положительные и отрицательные оттенки.

Ключевые слова: экспрессия, эмоциональность, маркировка, положительные оттенки, отрицательные оттенки.

Куртсеитов А.М. Некоторые источники формирования фразеологизмов в крымскотатарском языке// Ученые записки ТНУ. Серия: Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 40-43.

В работе общие и специфические фразеологические средства систематизированы в нескольких аспектах, а также дано толкование большого количества фразеологизмов, относящихся, в частности, к истории и этнографии. Широко использованы описательный, сравнительно-исторический, структурный методы исследования, что способствовало углубленному анализу крымскотатарских фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая единица, идиома, метод, словосочетание, крымскотатарский язык.

Аджимамбетова Г.Ш. О наречии в современном крымскотатарском языке // Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С.44-48.

В работе исследуется наречие современного крымскотатарского языка. Дается употребление наречий, описываются пути пополнения и совершенствования лексической и грамматической структуры, рассматриваются проблемы конверсии в крымскотатарском языке.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, наречие.

Алиева Л. А. Интидаий мектепте кьырымтатар тилини огретюв меселелери// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 49-52.

В соответствии с Государственными стандартами начального общего образования содержание языкового компонента по родному языку включает 3 линии: коммуникативную, лингвистическую, лингвострановедческую.

Коммуникативная направленность предусматривает развитие устной и письменной речи учащихся, их умение пользоваться языком как средством общения.

Лингвистическая направленность имеет целью усвоения знаний о языке.

Лингвострановедческая линия предусматривает расширения знаний учеников о культуре, истории традициях украинского, крымскотатарского и других народов, живущих в Украине.

На начальном этапе обучения родному языку предлагаются такие аспекты работы: обучение грамоте, языковая деятельность, знания и умения о языке, правописание, техника письма и культура оформления письменных работ.

Мазинов А. С. Некоторые дополнительные вопросы проблемы греческих и итальянских заимствований в языках Черноморского региона// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57) №3.- С. 53-58.

Цель представленной работы – выявление закономерностей заимствования лексически греческого и итальянского происхождения в крымскотатарском языке. Ключевые слова: заимствование, лексика греческого и итальянского происхождения, фонетическая, морфологическая и семантическая трансформация, крымскотатарский язык.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, заимствования.

Чанталова Г. Ш. Пассивная лексика крымскотатарского языка// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57) №3.- С. 59-66.

В статье приводится общее рассмотрение пассивной лексики крымскотатарского языка. Рассмотрены группы слов, которые составляют пассивную лексику: неологизмы и архаизмы.

Ключевые слова: пассивная лексика, неологизмы, окказиональные слова, архаизмы, историзмы.

Берберова Р. А. Расположение компонентов парных слов// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57) №3.- С. 67-71.

В статье исследуется расположение компонентов парных слов русского и крымскотатарского языков. Данное исследование проводится впервые, так как парные слова не были исследованы ни в русском, ни в крымскотатарском языках.

Ключевые слова: парные слова, компоненты парных слов, принципы, многосложные компоненты, равное количество, соответствия, различия.

Караева Л. И. Земаневий кьырымтатар тилинде кечкен заман фишлериингъ: икля фишльингъ муреккеп кечкен заманы ве чокътан кечкен заман фишльингъ вастасыз шекиллери// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 72-75.

В статье рассматриваются формы прошедшего времени изъявительного наклонения глагола в современном крымскотатарском языке. Выявлены морфологические, грамматические, а также семантические формы прошедшего времени глагола.

Ключевые слова: прошедшее время, сложная форма, давно прошедшее время, морфологические, грамматические, семантические формы.

Карахалилова З. Э. Смыслоразличительные особенности ударения в Судакском говоре крымскотатарского языка// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 76-81.

В данной статье рассматриваются смыслоразличительные особенности ударения в Судакском говоре крымскотатарского языка и особенности его

использования. Сделана классификация на контрастные пары. Рассмотрена история изучения ударения в тюркских языках.

Ключевые слова: диалектология, Судакский говор, фонетика, ударение.

Абсемиева Л. С. Гидронимия Крыма// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 82-86.

В данной статье проанализированы свыше 120 гидронимов Крыма, собранные путем опроса местного населения и выписанные из карт. Крымские гидронимы можно разделить на 3 класса: лексико-семантический, морфологический и синтаксический. Выделены гидронимы по объекту номинации, продуктивные топоформанты использующиеся в гидронимообразовании.

Выявлены основные гидронимические ядра водных названий, т.е. номенклатурные термины такие как: баш, сув, голь и др. Рассмотрены сложные топонимы образованные синтаксическим путем и словосочетания построенные по моделям изафетных конструкций I и II типов.

Ключевые слова: гидронимообразования, топоформанты, гидронимия.

Меджитова Э. Н. Методы исследования крымскотатарских диалектов// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 87-91.

Данная статья посвящена изучению звуковой и морфологической систем диалекта или говора, исследованию синтаксиса и лексики говора или диалекта. Кроме того, здесь рассмотрены отдельные аспекты в изучении диалектных особенностей (фонетика, лексика, морфология, синтаксис), их связь.

Ключевые слова: диалект, говор, диалектографические исследования, метод, литературный язык.

Мелгазиева Э.И. Имена действия в крымскотатарском языке// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 92-97.

В крымскотатарском языке имена действия не являлись объектом специального системного изучения. В работе открывается функциональный аспект и семантика имени действия.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, функциональный аспект, семантика.

Арслан М. Исторические особенности возникновения и функционирования турецких политических терминов// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 98-103.

В статье рассматриваются исторические предпосылки возникновения турецкой политической терминологии и особенности ее функционирования на современном этапе развития турецкого литературного языка.

Ключевые слова: турецкий язык, диахрония, лексика, политическая лексика, политическая терминология.

Терзи М. Некоторые проблемы текстов, приведенных в качестве примеров в учебнике Кузнецова «Турецкий язык»// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 104-111.

Одной из основных причин недостаточно эффективного продвижения в преподавании Турецкого языка в русскоязычных странах, на уровне с другими причинами, является то, что в текстах и образцах учебных пособий применяются теперь уже мало используемые в разговорной речи слова и выражения.

Ключевые слова: турецкий язык, коммуникативные особенности текста, архаизмы.

Кёк А. Слово «байрам» в произведениях Ханского периода// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 112-115.

В статье приводятся особенности исторического развития семантики слова «байрам». Кроме того, описываются лингвистические предпосылки и национально-культурная специфика употребления слова «байрам» в письменной и устной речи разных тюркских народов.

Ключевые слова: турецкий язык, лексика, семантика, семантическое поле, контекст, этнолингвистика.

Меметов И.А. Использование видео при обучении турецкому языку// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 116-119.

В статье рассматривается проблема использования современных технических средств обучения при проведении практических занятий по турецкому языку. Рассматриваются методы использования художественных фильмов, рекламы, мультфильмов, документальных фильмов, спортивных программ и новостей для развития языковой компетенции студентов, изучающих турецкий язык.

Ключевые слова: турецкий язык, методика преподавания, технические средства обучения, видео.

Мишахметова Э.Х. Учебное пособие «Турецкий язык»// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 120-122.

В статье рассматриваются новые подходы к преподаванию турецкого языка в Вузе, приводятся учебно-методические характеристики учебного пособия «Турецкий язык».

Ключевые слова: турецкий язык, методика преподавания.

Малицкая В. Основные типы мотивации терминов информационно-компьютерных технологий китайского языка// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 124-128.

Статья посвящена вопросам типологии и словообразовательной мотивации терминов и перспективам когнитивно-ориентированного описания процессов терминопользования на примере терминосистемы компьютерных технологий китайского языка.

Ключевые слова: китайский язык, терминосистема, терминообразование.

Кшановский О. Ч. Семантическая интерференция в персидской речи азербайджаноязычных и курдоязычных иранцев// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 129-133.

В статье показано, что персидский язык относится к языкам с наблюдательно ориентированной стратегией для наименования пространственно-количественных свойств предметов. Высказывается предположение, что как азербайджанский, так и курдский язык относятся к языкам с пропорционально-ориентированной стратегией. Именно этот факт является причиной семантической интерференции микросистем азербайджанских, курдских и персидских пространственно-количественных прилагательных в речи иранцев, для которых родными языками являются азербайджанский и курдский.

Ключевые слова: семантическая интерференция, прилагательные с пространственно-количественной семантикой, семантические типы языков

Юксель Г. Система крымскотатарских СМИ в 20-30-е годы XX столетия// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 134-141.

В статье кратко описана система крымскотатарских средств массовой информации в период с 1921 по 1941 гг (национальная пресса, издательское дело, радио), особенности функционирования печати в условиях тоталитарного режима, виды периодических изданий.

Ключевые слова: крымскотатарская пресса, Крым, журналистика, национальные СМИ.

Соколов С.М. Партия "Хизб ут-Тахрир аль-Ислами": корни, идеология и деятельность (на примере стран Центральной Азии и Крыма)// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 142-152.

В представленной статье рассматриваются предпосылки и идеологическое обоснование образования партии "Хизб ут-Тахрир". На примере среднеазиатских республик описывается их структура. Особенное место предоставлено изучению активности партии в Узбекистане, Казахстане, Киргизстане, Таджикистане и Крыма.

Также нарушается проблема действительной цели присутствия партии на территории прежнего Советского Союза. Впервые проводится аналогия между государствами Средней Азии и Крымом для анализу и прогнозирование деятельности партии "Хизб ут-Тахрир"

Ключевые слова: доктрина, религиозный экстремизм, исторические корни, исламистский фундаментализм, Коран, политическая борьба.

Крыжко Е. В. Исторические корни и идеология «Джамаат-и-Ислами»// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 153-157.

Организация "Джамаат-и-ислами" была основана в 1943 р. Саидом Абул-Ала Маудуди. Маудуди разработал теорию «совершенного» исламского государства. Властвующую элиту идеального исламского государства Маудуди помечал сроком "талибан-и гаят". Именно на основании его идей сформировалась организация «Талибан». В настоящее время ячейка "Джамаат-и-ислами" находится и в Крыму.

Ключевые слова: ислам.

Усеинов Т. Б. История исследования османо-крымскотатарской ашыкской поэзии // Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 158-161.

По различным объективным и субъективным причинам османо-крымскотатарская ашыкская поэзия остаётся недостаточно изученной.

Основная масса работ посвящена сбору и систематизированию текстологического материала.

Ключевые слова: османо-крымскотатарская ашыкская поэзия, история исследования, Причерноморско-тюркский культурный регион, востоковедение, поэтика.

Гуменюк В.И. Украинско-крымскотатарские литературные связи// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 162-170.

В статье рассматриваются предметные явления и тенденции развития украинско-крымскотатарских литературных связей.

Ключевые слова: фольклор, литература, культурное взаимодействие, интертекстуальность.

Сейтягъев Н. С. Художественный мир произведений крымскотатарской исторической прозы XV – XVIII вв// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 171-178.

В статье исследуется проблема беллетристических элементов произведений крымскотатарской исторической прозы. Анализируются проявления авторской индивидуальности, система персонажей, их ценностная характеристика и формы поведения, психологизм, портрет, пейзаж и интерьер, пространство и время в произведениях крымскотатарских историков классического (XVI - конец XVII ст.) и переходного (конец XVII - XVIII ст.) периодов.

Ключевые слова: историческая проза, исторические произведения, персонаж, психологизм, портрет, пространство и время, сюжет.

Абдульванов Н. Актуальные проблемы изучения истории суфизма в Крыму // Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 179-192.

В статье рассматриваются вопросы актуальности исследований по суфийской проблематике в целом, анализируется источниковедческая база для изучения истории крымского суфизма, кратко представлены наиболее перспективные темы исследования места и роли суфизма в религиозно-духовной и общественно-политической жизни Крыма периода XIII – нач. XX вв.

Ключевые слова: ислам, духовная культура, суфизм, суфийские братства, шейхи, культ святых.

Юнусов Ш. Э.К вопросу о художественном вымысле и домысле в исторической прозе Шамиля Алядина// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 193-196.

В статье на материале повести Шамиля Алядина «Теселли» рассматриваются проблемы исторической прозы.

Ключевые слова: историческая проза, вымысел, домысел, прототип.

Софуоглу Э. Роль Кара Мустафы Паши Мерзифонского во II. Венской осаде и действительные причины застоя того периода// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 197-205.

Поражение Османской империи после второй попытки захватить Видень показала европейцам, что империю можно победить. Впервые в истории Османская империя была побеждена.

Кроме того, еще одним источником обеспокоенности стала смерть садразама Мерзифонлу Кара Мустафы Пылай.

Дело в том, что если после прихода к власти династии Копрюлюлер, члены которой были последователями Османского садразама Мерзифонлу Наказание Мустафы Пылай, большое государство стало набирать силу, то после смерти последнего третьего садразама династии Копрюлюлер народ стал терять могущество.

Ключевые слова: турецкая литература, османская империя.

Гуменюк О. Н. Особенности поэтики крымскотатарского народного эпического сказания "Чора-батыр"// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 206-209.

В статье рассматриваются особенности литературной, а также музыкальной поэтики крымскотатарского народного эпического сказания "Чора-батыр".

Ключевые слова: фольклор, эпос, поэтика.

Атынышык Ю. Возвращение к истокам родного языка и Навои// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 210-214.

В статье рассмотрены традиции турецкого языка до периода заимствований из арабского и персидского языков. Показана роль великого узбекского ученого Навои в вопросе использования исконно тюркской лексики в прозаических и поэтических произведениях тюркского мира.

Ключевые слова: турецкая литература, тюркизмы, арабизмы, фарсизмы, Навои, турецкий язык.

Джемилева А. А. Художественные искания в современной крымскотатарской прозе 70-80-х годов XX века// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 215-221.

В статье рассматриваются пути развития и жанрово-тематический аспект современного крымскотатарского рассказа в 70-80-х годах XX века.

Ключевые слова: жанр, проза, рассказ, тема.

Сулейманова Дж. Н. Причины возникновения образа Тамерлана в крымскотатарской литературе (конец XIXв. – первая четверть XXв.)// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 222-228.

В данной статье рассматривается проблема влияния образа Тамерлана на национальное самосознание крымских татар в крымскотатарской литературе. Исследуемая проблема даёт основание полагать, что каждый писатель раскрывал образ Тамерлана сообразно своему видению мира с учетом исторической эпохи.

Ключевые слова: Тамерлан, национальное самосознание, менталитет, национальное воспитание

Панова З.С. Реалии крымскотатарского языка и фольклора в романе Дж. Дагджи «Олар да инсан эди»// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 229-236.

В статье рассматривается проблема словесной образности романа Дж. Дагджи Нами лишь обозначена отправная точка дальнейших исследований, т.к. не только данное произведение, но и все творчество писателя, оставаясь богатейшим источником изучения крымскотатарского языка, является уникальным литературным объектом исследований взаимодействия, взаимопроникновения и сосуществования реалий крымскотатарского и турецкого языков.

Ключевые слова: крымскотатарская литература, фразеологические единицы, пословицы и поговорки.

Сеитбуллаев Э. Развитие крымскотатарской прозы в 1920-е годы// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 237-244.

В статье рассматриваются вопросы развития крымскотатарской прозы 1920-х годов. Особое внимание уделяется таким факторам как фольклор, произведения русской и мировой классики в переводах на крымскотатарский язык, национальные периодические издания Крыма.

Ключевые слова: крымскотатарская проза, фольклор, русская и мировая литература, литературные объединения, периодические издания.

Сеферова Ф.А. Процесс морального становления личности в крымскотатарской литературе 60-х годов XX века// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 245-248.

В работе анализируется проблема эволюции нравственного идеала в крымскотатарской литературе.

Ключевые слова: общественные проблемы, среда, мировоззрение, морально-эстетический идеал, безнравственность, стремление к идеалам;

Кинджибала О. С. Женские образы в волшебных сказках Украины и Кореи (на материале сказок о золушке)// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 249-252.

В работе был осуществлен компаративный анализ особенностей женских образов в волшебных украинских и корейских сказках.

Ключевые слова: литературоведение, сказка, компаративный анализ

Саттарова З. М. Различные трактовки явлений омонимии и полисемии в современном языкознании// Ученые записки ТНУ. Серия: «Филология», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 253-258.

Анализируются проблемы полисемии и омонимии слов в крымскотатарском языке, рассматриваются различные негативные и позитивные оценки лингвистов на данное явление в общем языкознании.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, омонимы.

АНОТАЦІЇ

Шаталіна О.Ф. Літературознавча термінологія давньоукраїнської мови 18 століття // Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 5-7.

В статті розглядається літературознавча термінологія поетів та письменників 18 сторіччя, часів українського бароко.

Ключові слова: термінологія, стиль „бароко”, літературна сатира, бурлескно-трагедійна поезія, інтермедії.

Алієва В. М. Звуконаслідувальні слова в кримськотатарській мові// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 8-11.

У статті аналізуються звуконаслідування та особливості функціонування у кримськотатарській мові.

Ключові слова: кримськотатарська мова, звуконаслідування, мімеми, дескриптивні слова, оноματοпоетична теорія.

Гафарова Р. И. Аксиологічні особливості концепту "жінка" у кримськотатарській, російській мовах// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 12-19.

У статті розглядаються аксіологічні (оціночні) відмінності концепта «жінка» в кримськотатарській та російській мовах.

Ключові слова: концепт, лінгвокультурологія, аксіологія, когнітивна лінгвістика, зіставлення.

Кубединова Л.Ш. Мікросистема фразеологізму «виказати думку, думку» у кримськотатарській і англійській мовах// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 20-24.

У даній статті розглядаються зіставлення двох фразеологічних мікросистем зі значенням «передавати думку, судження» у кримськотатарській і англійській мовах, а також особливості наповнення даних мікросистем.

Ключові слова: поле, фразеологічна одиниця, парадигматичні відносини, синонімічний ряд, антонімічна пара, метафоричне переосмислення.

Оказ Л. С. Функціональні особливості конструктів кримськотатарської пропозиції// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 25-36.

Стаття містить класифікацію конструктів кримськотатарського речення. Крім того, в ній розглянуті морфологічні, структурні і функціональні особливості акцентуючих конструктів.

Ключові слова: кримськотатарська мова, речення, конструкт, другорядні члени речення.

Меметова Э. Ш. Лексико-фразеологічні експресивні засоби кримськотатарської мови// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т.

18 (57).- №3.- С. 37-39.

У даній статті розглядаються образні, емоційні і експресивні засоби кримськотатарської мови. Вивчається виразність мови, виділяються іронічні, несхвальні, презирливі, пестливі, урочисто-підведені відтінки емоційно-експресивної маркіровки. Розглядаються позитивні і негативні відтінки.

Ключові слова: експресія, емоційність, маркіровка, позитивні відтінки, негативні відтінки.

Куртсеитов А.М. Деякі джерела формування фразеологізмів в кримськотатарській мові // Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 40-43.

У роботі загальні і специфічні фразеологічні засоби систематизовано у кількох аспектах, а також дано тлумачення великої кількості фразеологізмів, які стосуються, зокрема, історії та етнографії. Широко використано описовий, порівняльно-історичний, структурний методи дослідження, що сприяло поглибленому аналізу кримськотатарських фразеологізмів.

Ключові слова: фразеологізм, фразеологічна одиниця, ідіома, дестани, метод, словосполучення, кримськотатарська мова.

Аджимамбетова Г.Ш. Про прислівник в сучасній кримськотатарській мові // Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 44-48.

У роботі досліджується прислівник сучасної кримськотатарської мови. Дається вживання прислівників, описуються шляхи поповнення й удосконалювання лексичної і граматичної структури, розглядаються проблеми конверсії в кримськотатарській мові.

Алієва Л. А. Проблеми навчання кримськотатарській мові в початковій школі // Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 49-52.

Відповідно до Державних стандартів початкового загального утворення зміст мовного компонента по рідній мові включає 3 лінії: комунікативну, лінгвістичну, лінгвокраїнознавчу.

Комунікативна спрямованість передбачає розвиток усної і письмової мови учнів, їх уміння користатися мовою як засобом спілкування.

Лінгвістична спрямованість має на меті засвоєння знань про мову.

Лінгвокраїнознавча лінія передбачає розширення знань учнів про культуру, історію традицій українського, кримськотатарського й іншого народів, що живуть в Україні.

На початковому етапі навчання рідній мові пропонуються такі аспекти роботи: навчання грамоті, мовна діяльність, знання й уміння про мову, правопис, техніка листа і культура оформлення письмових робіт.

Мазинов А. С. Деякі додаткові питання проблеми грецьких і італійських запозичень в мовах чорноморського регіону // Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 53-58.

Проблема запозичення іншомовної лексики – одна із складових лінгвістичного дослідження, що займається порівняльним вивченням мов та мовних груп.

Мета представленої роботи – виявлення закономірностей запозичення лексичної грецької та італійської походження в кримськотатарській мові.

Ключові слова: запозичення, лексика грецької та італійської походження, фонетична, морфологічна та семантична трансформація, кримськотатарська мова.

Чанталова Г. Ш. Пасивна лексика кримськотатарської мови // Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 59-66.

У даній статті зроблен загальний огляд пасивної лексики кримськотатарської мови. Розглянуті групи слів які складають пасивну лексику: неологізми і застарілі слова.

Ключові слова: пасивна лексика, неологізми, окказіональні слова, архаїзми, історизми.

Берберова Р. А. Розташування компонентів парних слів// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 67-71.

У статті досліджується розташування компонентів парних слів російської і кримськотатарської мов. Дане дослідження проводиться вперше, тому що парні слова не були досліджені ні в російській, ні в кримськотатарській мовах.

Ключові слова: парні слова, компоненти парних слів, принципи, багатоскладові компоненти, рівна кількість, відповідності, розходження.

Караєва Л. И. Форми складного минулого часу і давноминулого часу дієслова дійсного способу в сучасній кримськотатарській мові// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 72-75.

У статті розглядаються форми минулого часу дійсного нахилення дієслова в сучасній кримськотатарській мові.

Виявлено морфологічні, граматичні, а також семантичні форми минулого часу дієслова.

Ключові слова: минулий час, складна форма, давно минулий час, морфологічні, граматичні, семантичні форми.

Карахалілова З. Э. Змісторозрізняльні особливості наголосу в Судацьком говорі кримськотатарської мови// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 76-81.

У даній статті розглядаються смислорозлічительні особливості наголосу в Судацьком говорі кримськотатарської мови і особливості його використання. Зроблена класифікація на контрастні пари. Розглянута історія вивчення наголосу в тюркських мовах.

Абсемієва Л. С. Гідронімія Криму// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 82-86.

У даній статті проаналізовано понад 120 гідронімів Криму, зібрані шляхом опиту місцевого населення і виписані з карт. Кримські гідроніми можна розділити на 3 класи: лексико-семантичний, морфологічний і синтаксичний. Виділені гідроніми по об'єкту номінації, продуктивні топоформанти що використовуються в гідронімообразованні.

Виявлені основні гидронімічеськіє ядра водних назв, тобто номенклатурні терміни такі як: баш, сув, голота і ін. Розглянуті складні топоніми утворені синтаксичним шляхом і словосполучення побудовані по моделях ізафетних конструкцій I и II типів.

Ключові слова: гидронімооброзованія, топоформанти, Гидронімія.

Меджитова Е. Н. Методи дослідження кримськотатарських діалектів// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 87-91.

Стаття присвячена вивченню звукової і морфологічної систем діалекту чи говору, дослідженню синтаксису і лексики говору чи діалекту. Крім того, тут розглянуті окремі аспекти у вивченні діалектних особливостей (фонетика, лексика, морфологія, синтаксис), їхній зв'язок.

Ключові слова: діалект, говір, діалектографічні дослідження, метод, літературна мова.

Мелгазієва Э.И. Імена дій в кримськотатарській мові// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 92-97.

У кримськотатарській мові імена дій не були об'єктом спеціального істемного вивчення. В роботі відкривається функціональний аспект і семантика імені дії.

Ключові слова: кримськотатарська мова, функціональний аспект, семантика.

Арслан М. Історичні особливості виникнення і функціонування турецьких політичних термінів// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57) .- №3.- С. 98-103.

У статті розглядаються історичні передумови виникнення турецької політичної термінології і особливості її функціонування на сучасному етапі розвитку турецької літературної мови.

Ключові слова: турецька мова, діакронія, лексика, політична лексика, політична термінологія.

Терзі М. Деякі проблеми текстів, приведених як приклади в підручнику Кузисцова «Турецька мова»// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 104-111.

Однієї з основних причин недостатньо ефективного просування у викладанні Турецької мови в російськомовних країнах, на рівні з іншими причинами, є те, що в текстах і зразках навчальних посібників застосовуються тепер уже мало вживаємих в розмовній мові слова і вираження.

Ключові слова: турецька мова, комунікативні особливості тексту, архаізми.

Кёк А. Слово «байрам» в творах Ханського періода// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 112-115.

У статті приводяться особливості історичного розвитку семантики слова «байрам». Крім того, описуються лінгвістичні передумови і національно-культурна специфіка вживання слова «байрам» в письмовій і усній мові різних тюркських народів.

Ключові слова: турецька мова, лексика, семантика, семантичне поле, контекст, етнолінгвістика

Меметов И.А. Використовування відео при навчанні турецькій мові// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 116-119.

У статті розглядається проблема використання сучасних технічних засобів навчання при проведенні практичних занять по турецькій мові. Розглядаються методи використання художніх фільмів, реклами, мультфільмів, документальних фільмів, спортивних програм і новин для розвитку мовної компетенції студентів, що вивчають турецьку мову.

Ключові слова: турецька мова, методика викладання, технічні засоби навчання, відео.

Миниахметова Э.Х. Навчальний посібник «Турецька мова»// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 120-122.

У статті розглядаються нові підходи до викладання турецької мови у Вузі, приводяться навчально-методичні характеристики навчального посібника «Турецька мова».

Ключові слова: турецька мова, методика викладання

Малицька В. Основні типи мотивації термінів інформаційно-комп'ютерних технологій китайської мови// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 124-128.

Стаття присвячена питанням типології та словотвірної мотивації термінів і перспективам когнітивно-орієнтованого опису процесів термінотворення на прикладі терміносистеми комп'ютерних технологій китайської мови.

Ключові слова: китайська мова, термінознавство, терміносистема.

Кишановський О.Ч. Семантична інтерференція в перському мовленні азербайджаномовних та курдомовних іранців (на прикладі прикметників з просторово-кількісною семантикою)// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 129-133.

У статті показано, що перська мова належить до мов з переважною обсерваційно орієнтованою стратегією щодо найменування просторово-кількісних властивостей об'єктів. Натомість, висувається припущення, що на відміну від перської, як азербайджанська, так і курдська мови належать або до мов з пропорційно орієнтованою стратегією. Цей факт спричиняє семантичну інтерференцію мікросистем азербайджанських, курдських та перських просторово-кількісних прикметників в перській мові іранців, для яких рідними мовами є азербайджанська та курдська.

Ключові слова: семантична інтерференція, прикметники з просторово-кількісною семантикою, семантичні типи мов.

Юксель Г. Система кримськотатарських ЗМІ в 20-30-е роки ХХ століття// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 134-141.

У статті кратко відображена система кримськотатарських засобів масової

інформації у період з 1921 по 1941 роки (національна преса, друк, радіо), особливості функціонування преси при тоталітаризмі, віди періодичних відань.

Ключові слова: кримськотатарська преса, Крим, журналістика, національні ЗМІ.

Соколов С.М. *Партія "Хізб ут-Тахрір аль-Ісламі": коріння, ідеологія і діяльність (на прикладі країн Центральної Азії і Криму)*// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 142-152.

У наданій статті розглядаються передумови та ідеологічне обґрунтування утворення партії "Хізб ут-Тахрір". На прикладі середньоазійських республік описується її структура. Особливе місце надано вивченню активності партії в Узбекистані, Казахстані, Киргизстані, Таджикистані та Криму.

Також порушується проблема дійсної мети присутності партії на території колишнього Радянського Союзу. Вперше проводиться аналогія між державами Середньої Азії та Кримом для аналізу та прогнозування діяльності партії "Хізб ут-Тахрір"

Ключові слова: доктрина, релігійний екстремізм, історичні корні, ісламістській фундаменталізм, Коран, політична боротьба.

Крыжко Е. В. *Історичні корні і ідеологія «Джамаат-і-Ісламі»*// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 153-157.

Організація "Джамаат-і-Ісламі" була заснована в 1943 р. Саїдом Абул-Ала Маудуді. Маудуді розробив теорію «досконалої» ісламської держави. Пануючу еліту ідеальної ісламської держави Маудуді позначав терміном "талібан-і гаят". Саме на підставі його ідей сформувалася організація «Талібан». В даний час осередок "Джамаат-і-ісламі" знаходиться і в Криму.

Ключові слова: іслам, ісламська держава, віра, ідеологія, ісламський фундаменталізм.

Усєїнов Т. Б. *Історія дослідження османо-кримськотатарської ашикської поезії*// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 258-161.

По різних об'єктивних і суб'єктивних причинах османо-кримськотатарська ашикська поезія залишається недостатньо вивченої. Основна маса робіт присвячена збору і систематизуванню текстологічного матеріалу.

Ключові слова: османо-кримськотатарська ашикська поезія, історія дослідження, причерноморсько-тюркський культурний регіон, сходознавство, поетика.

Гуменюк В.І. *Українсько-кримськотатарські літературні зв'язки*// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 162-170.

В статті розглядаються прикметні явища й тенденції розвитку українсько-кримськотатарських літературних зв'язків.

Ключові слова: фольклор, література, культурна взаємодія, інтертекстуальність.

Сеїтягъяев Н.С. Художній мир творів кримськотатарської історичної прози XV – XVIII ст.// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 171-178.

У статті досліджується проблема белетристичних елементів творів кримськотатарської історичної прози. Аналізуються прояви авторської індивідуальності, система персонажів, їхня ціннісна характеристика і форми поведінки, психологізм, портрет, пейзаж і інтер'єр, простір і час у творах кримськотатарських істориків класичного (XVI - кінець XVII ст.) і перехідного (кінець XVII - XVIII ст.) періодів.

Ключові слова: історична проза, історичні твори, персонаж, психологізм, портрет, простір і час, сюжет.

Абдульвапов Н. Актуальні проблеми вивчення історії суфізму в Криму// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 179-192.

У статті розглянуто питання актуальності досліджень із суфійською проблематики у цілому, проаналізовано джерелознавча база вивчення історії кримського суфізму, коротко представлено найбільш перспективні теми дослідження місця і ролі суфізму в релігійно-духовному та суспільно-політичному суспільно-політичному житті життю Криму періоду XIII - поч. XX ст..

Ключові слова: іслам, духовна культура, суфізм, суфійські братства, шейхи, культ святих.

Юнусов Ш.Э. До питання про художню вигадку і домисел в історичній прозі Шаміля Алядіна// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 193-196.

У статті на матеріалі повісті Шаміля Алядіна «Теселлі» розглядаються проблеми історичної прози.

Ключові слова: історична проза, вигадка, домисел, прототип.

Софуоглу Э. Роль Кара Мустафи Паші Мерзіфонського в II. Віденській облозі і дійсні причини застою того періоду// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 193-196.

Поразка Османської імперії після другої спроби захопити Відень показала європейцям, що імперію можна перемогти. Вперше в історії Османську імперію було переможено.

Крім того, ще одним джерелом занепокоєння стала смерть садразама Мерзіфонлу Кара Мустафи Паші.

Річ у тому, що якщо після приходу до влади династії Копрюлюлер, Члени якої були послідовниками Османського садразама Мерзіфонлу Кара Мустафи Паші, велика держава стала набирати силу, то після смерті останнього третього садразама династії Копрюлюлер народ став втрачати могутність.

Ключові слова: турецька література, Османська імперія.

Гуменюк О. Особливості поетики кримськотатарського народного епічної оповіді "Чора-батыр"//Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 206-209.

У статті розглядаються особливості літературною, а також музичної поетики кримськотатарської народної епічної оповіді "Чора-батир".

Ключові слова: фольклор, епос, поетика.

Алтиншиш Ю. Повернення до витоків рідної мови і Навої// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 210-214.

У статті розглянуті традиції турецької мови до періоду запозичень з арабських і перських мов. Показана роль великого узбецького ученого Навої в питанні використання відвічно тюркської лексики в прозаїчних і поетичних творах тюркського миру.

Ключові слова: турецька література, тюркизми, арабізми, фарсизми, Навої, турецька мова.

Джемільєва А. А. Художні пошуки у сучасній кримськотатарській прозі 70-80-х роках ХХ століття// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 215-221.

У статті розглядаються шляхи розвитку і жанрово-тематичний аспект сучасного кримськотатарського оповідання в 70-80-х роках ХХ століття.

Ключові слова: жанр, проза, оповідання, тема, .

Сулейманова Дж. Н. Причини виникнення образу Тамерлана в кримськотатарській літературі (кінець ХІХст. – перша чверть ХХст.)// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 222-228.

У даній статті розглядається проблема впливу образу Тамерлана на національну свідомість кримських татар у кримськотатарській літературі. Досліджуемая проблема дає підстабу вважати, що кожен письменник розкриває образ Темірлана сообразно до свого світобачення згідно історичної епохи.

Ключові слова: Темірлан, національна свідомість, менталітет, національне виховання.

Панова З.С. Реалії кримськотатарської мови і фольклору в романі Дж. Дагджі «Олар та інсан эди»// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 229-236.

У статті розглядається проблема словесної образності роману Дж. Дагджі. Нами лише позначена відправна точка подальших досліджень, оскільки не тільки даний твір, але і вся творчість письменника, залишаючись багатющим джерелом вивчення кримськотатарської мови, є унікальним літературним об'єктом досліджень взаємодії, взаємопроникнення і співіснування реалій кримськотатарської і турецької мов.

Ключові слова: кримськотатарська література, одиниці фразеологізмів, прислів'я і приказки.

Сєйбуллаєв Е. Розвиток кримськотатарської прози в 1920-е роки// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 237-244.

У статті розглядаються питання розвитку кримськотатарської прози 1920-х років. Особлива увага надається таким чинникам як фольклор, твори російської і світової класики у перекладах на кримськотатарську мову, періодичні видання.

Ключові слова: кримськотатарська проза, фольклор, російська і світова література, літературні об'єднання, періодичні видання.

Сеферова Ф.А. *Процес морального становлення особистості в кримськотатарській літературі 60-х років ХХ століття.*// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 245-248.

У роботі аналізується проблема еволюції морального ідеалу в кримськотатарській літературі.

Ключові слова: загальногромадські проблеми, середовище, світобачення, морально-естетичний ідеал, без моральність, прагнення до ідеалів.

Кінджибала О. С. *Жіночі образи в чарівних казках України та Кореї (на матеріалі казок про попелюшку)*// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 249-252.

У роботі було здійснено компаративний аналіз особливостей жіночих образів в чарівних українських та корейських казках.

Ключові слова: літературознавство, казка, компаративний аналіз

Саттарова З. М. *Різні трактування явищ омонімії і полісемії в сучасному мовознавстві*// Вчені записки ТНУ. Серія: «Філологія», 2005.- Т. 18 (57).- №3.- С. 253-258

Аналізуються проблеми полісемії і омонімії слів в кримськотатарській мові, розглядаються різні негативні і позитивні оцінки лінгвістів на дане явище в загальному мовознавстві.

Ключові слова: кримськотатарська мова, лексичне значення, омонім.

SUMMARY

Shatalina O.F. Literature terminology of the Old Ukrainian literature of the 18th century// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.-P. 5-7.

In clause the problem of a literary terminology in products of epoch of Ukrainian Baroque.

Key words: literature terminology, style “barokko”.

Alieva V.N. Onomatopoeic words in the Crimean Tatar language// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.-P. 8-11.

The article deals with onomatopoeic words and peculiarity of their functioning in crimean-tatar language.

Key-words: Crimean-tatar language, onomatopoeic words, mimemes, descriptive words, onomatopoeic theory.

Gafarova R.I. Axiological peculiarities of the concept “Woman” in Crimean Tatar and Russian languages// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 12-19.

Charactenstic features of «woman» concept in Crimean-tatar and Russian language, ave considered in this article.

Key words: concept, linguistic culturology, axiology, cognitive linguistics, and companson.

Kubedinova L.Sh. Phraseological microsystem “To express an idea, one’s opinion” in Crimean Tatar and Russian languages// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 20-24.

In the article the comparison of two phraseological microsystems with the meaning “to express one’s idea or opinion” in Crimean Tatar and English languages and the peculiarities of their components are considered.

Key words: micro system, phraseological unit, speech, synonymic row, antonymic pair, metaphoric transference.

Okaz L.S. Fuctional peculiarities of constructs of Crimean Tatar sentences// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 25-36.

The article gives the classification of the Crimean tatar sentence constructs, also the morphological, structural and functional peculiarities of acantuating constructs are described.

Key words: Crimean tatar language, sentence, construct, subordinate clause.

Memetova E.Sh. Lexicophraseological expressive means of the Crimean Tatar language// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 37-39.

Vivid, emotional and expressive facilities of krymskotatarskogo language are examined in this article. Expressiveness of speech is studied, the ironical, disapproving, contemptuous, tender, solemn-raised tints of the emotional-expressive marking are selected. Positive and negative tints are examined.

Key words: expression, emotionality, marking, positive tints, negative tints.

Kurtseitov A.M. Some sources of phraseologisms in the Crimean Tatar language// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 40-43.

The general and specific phrasiological means are systematized in several aspects, the interpretation of the vast phrasiological groups, which are concern to the history and to ethnography is done in the work..

The descriptive, comparatively - historical, the structural methods of research are wide used. It promoted the deep analysis of Crimean Tatar,s phraseology and the correctness of the comon conclusions.

Key words: phrasiology, phrasiological unit destans, method, wordcombination, Crimean Tatar,s lanuaqe.

Adzhimambetova G.Sh. About a dialect in the Crimean Tatar language// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 44-48.

In work the adverb modern crimeatatar language is investigated. The use of adverbs is given, ways of updating and perfection of lexical and grammatic structure are described, problems of conversion in crimeatatar language are considered.

Alieva L.A. Problems of teaching the Crimean Tatar language in primary school// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 49-52.

According to the State standards of start common education the context of native language's component includes 3 lines: communicative, linguistic, teaching the country's linguistic.

The communicative tendency includes the development of writing and oral speech of pupils, their ability to use the language in communication.

The linguistic tendency has the aim to understand and to use the knowledge about the language.

The teaching the country's linguistic includes the widening of knowledge about the culture, history, Ukrainian, Crimean Tatar and other population's living on the territory of Ukraine trades.

On the starting of studying native language you can use such aspects of work: the grammar learning, linguistic activity, knowledge about language, right writing, writing techniques and culture of making of writing works.

Mazinov A.S. Some additional questions of the problem of Greek and Italian borrowings in languages of the Black Sea region// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 53-58.

The problem of loan-words of foreign Lexis appears to be one of the compounds of linguistic investigation, dealing with the comparative study of languages and language groups.

The presented work is designed to expose appropriateness of adopting the vocabulary of the Greek and Italian origin in the Crimea-Tatar language. The task of investigation is to specify the subject relationship of loan-words, their phonetic, morphologic and semantic transformation.

Key words: loans, the phonetic transformation, Greek, Italian, loans, Crimea-Tatar language.

Chantalova G.Sh. *The passive vocabulary of the Crimean Tatar language*// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 59-66.

The general review of passive vocabulary of crimeatatar language is done in this article. The groups of words are considered making a passive vocabulary: neologisms and out-of-date words.

Key words: passive vocabulary, neologisms, okkazyonal'nye words, archaisms, ystoryzmy.

Berberova R. A. *The arrangement of the pair words' components*// Uchenye zapiski TNU. Series: "Philology" – Vol.18(57) №3.- P. 67-71.

The article studies the arrangement of the pair words' components of the Russian and Crimean Tatar languages. The present investigation is conducting for the first time as the pair words were not studied neither in the Russian nor in the Crimean Tatar languages.

Key words: pair words, pair words' components, principles, polysyllabic components, equal quantity, conformities, differences.

Karajeva Leviza Ismailovna. *Zemanevij k'yrymtatar tilinde kechken zaman fillerinin': ikjae fil'nin' murekkep kechken zamany ve chok'tan kechken zaman fil'nin' vastasyz shekilleri*// Uchenye zapiski TNU. Series: "Philology" – Vol.18(57)№3.- P. 72-75.

The author of the article investigates the past tense forms of the indicative mood of the verb in modern Crimean Tatar language. Morphological, grammatical as well as semantic forms of the past tens of the verb are revealed.

Key words: past tense, complex form, past perfect tense, morphological, grammatical, semantic forms.

Karakhalilova Z.E. *Sementically distinctive peculiarities of the stress in the Sudak dialect of the Crimean Tatar language*// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. C. 76-81.

The smyslorazlychitel'nye features of accent in the Sudakskom manner of speaking of crimeatatar language and feature of his use are examined in this article. Classification on contrasting pair is done. History of study of accent in turkish languages is considered.

Absemieva L.S. *The Crimea hydronymy*// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 82-86.

Over 120 gydronymov Crimea is analysed in this article, collected by questioning of local population and written out from cards. Crimean gydronymy it is possible to divide into 3 classes: leksyko-semantychesky, morphological and syntactic. It is selected gydronymy on the object of nomination, productive topoformanty used in gydronymoobrazovanyy.

The basic gydronymycheskye kernels of the water names are exposed , I.e. top-level terms such as: bash, suv, the poor and dp. Difficult toponymy formed is considered by a syntactic way and combinations of words the I u II types built on the models of yzafetnykh constructions.

Medzhitova E.N. Methods of the Crimean Tatar dialects' studies// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 87-91.

This article includes the studying of sound and morphologic system of dialect, the investigation of syntax and lexic of dialect. Besides, some aspects in studying of dialect's features such as phonetics, lexicology, morphology, syntax and their connecting are investigated

Key words: dialect, dialectographic investigations, method, literature language.

Melgazieva E.I. Names of action in the Crimean Tatar language// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 92-97.

In Crimean Tatar language names of action were not object of special system studying. In work the functional aspect and semantics of a name of action opens.

Arslan M. Historical peculiarities of rising and functioning of Turkish political terms// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 98-103.

The article deals with the historical ground of Turkish political terminology rising and peculiarities of its functioning at the modern stage of the Turkish literary language development.

Key words: Turkish language, diachrony, vocabulary, political vocabulary, political terminology.

Terzi M. Some problems of the texts given as examples in the textbook "Turkish" by Kuznetsov// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 104-111.

One of the main reasons of the insufficient progress in teaching Turkish in the Russian-speaking countries at the same level with another reasons is the fact that in the texts and patterns of textbook almost unused nowadays in colloquial language words and expressions are used.

Key words: the Turkish language, communicative peculiarities of the text, archaisms.

Kek A. The word "bairam" in the works of Khan period// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 112-115.

The article presents the peculiarities of historic development of the word "bairam" semantics. Besides the linguistic preconditions and the national cultural specificity of using the word "bairam" in written and colloquial speech of different Turkic peoples are described.

Key words: the Turkish language, vocabulary, semantics, semantic field, context, ethnolinguistics

Memetov I.A. Using video while teaching the Turkish language// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 116-119.

The article deals with the problem of using modern technical means of teaching at the Turkish practical lessons. There were examined methods of using feature films, advertisement, cartoons, documentary films, sports programs and news for developing the language competence of the students studying Turkish.

Key words: the Turkish language, methods of teaching, technical means of teaching, video.

Miniakhmetova E.Kh. Textbook "Turkish"// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 120-122.

The article deals with the new methods of approach to teaching the Turkish language in the higher educational establishment; teaching and methodical characteristics of the textbook "Turkish" are given.

Key words: the Turkish language, methods of teaching.

Malitskaya V. The main motivation types of informational computer technology terms of the Chinese language // Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 124-128.

The article is devoted to the problems of typology and word-building motivation of terms and to the perspectives of the cognitively orientated description of term production processes on the example of the computer technology term system of the Chinese language.

Key words: the Chinese language, term system, term formation.

Kshanovsky O.Ch. Semantic interference in the Persian speech of Azerbaijani- and Kurdish-speaking Iranians // Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 129-133.

Semantic interference in the speech of the Azerbaijani and the Kurdish Language speakers

The results prove that the Persian language speakers use the Observer based strategy for naming the dimensions of the objects. On the contrary the Azerbaijani and the Kurdish language speakers use for that the Proportion based strategy. This is the main cause of the semantic interference in the speech of the Azerbaijani and the Kurdish Language speakers.

Key words: semantic interference, spatial and quantitative adjectives, semantic types of the Languages.

Yuksel G. System of the Crimean Tatar mass media in 20ies – 30ies years of the XX century// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 134-141.

This article is about the Crimean Tatar national mass media in the beginning of the XX century (1921-1941). The article describes the important characteristic of national press in totalitarian regime, publishing and radio.

Key words: Crimea, Crimean Tatar journalism, national press, and national mass media.

Sokolov S. "Khizb ut-tahrir al'-islami" party: roots, ideology and activity (on example of Central Asia countries and the Crimea)// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 142-152.

The article considers the preconditions and ideological basis of the founding of the "Hizb ut-Tahrir" party. Middle Asian republics have been used as examples to

describe the structure of the organization. Special attention has been given to the activities of this party in Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Kazakhstan and Crimea.

This work elucidates the real aim of the presence of the party on the territory of the former Soviet Union.

For the first time an analogy will be drawn between the Middle Asian countries and the Crimea for future analysis and prognosis of the activities of the "Hizb ut-Tahrir" party.

Key words: religious extremism, doctrine, historical roots, Islamic fundamentalism, Koran.

Kryzhko E.V. Historical roots and ideology of "Dzhamaat-i-islami"// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 153-157.

The organization "Dzamaat-and-islamy" was based per 1943 S. Maududi. Maududi has developed the theory "accomplished" islamic of the state. Prevailing elite ideal islamic of the state Maududi designated by the term " taliban-and gaiat ". On the basis of his ideas the organization "Taliban" was generated. Now cell "Dzamaat-and-islamy" is and in Crimea.

Key words: an islam, the islamic state, belief, ideology, islamic fundamentalism.

Useinov T.B. The history of studying of the Osman-Crimean Tatar Ashik poetry// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 158-161.

From objective and subjective causes Osman- Crimean Tatar Ashik poetry has not enough investigated.The main works includes the gathering and systematization of textologic material.

Key words: Osman- Crimean Tatar Ashik poetry, the history of investigation, Near Black Sea – Turkic cultural region, teaching of eastern languages, poetry.

Gumeniuk V.I. Ukrainian-Crimean Tatar literary relations// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 162-170.

The article deals with the notable phenomenons and tendencies in the developement of Ukranian-Crimeantatar literary Connections.

Key words: folklore, literature, cultiral connections, intertextuality.

Sejtyagyayev N.S. Artistic world of the Crimean Tatar historical prose works of XV-XVIII centuries // Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 171-178.

The problem of fictional elements of Crimean Tatar historic prose is viewed in the article. Manifestations of author's personality, system of the personages, well-described recommendation and the ways of character's behaviour, their inner world, appearance, landscape and interior, space and time in the works of Crimean Tatar historians in the classical (16 – the end of the 17 centuries) and the transitional (the end of the 17 – 18 centuries) periods are analysed.

Key words: historic prose, historic works, personage, psychological state, appearance, space and time, plot.

Abdul'vapov N. Present-day problems of the sufism history in the Crimea studying // Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 179-192.

The question of topicality of researches on sufic issue as a whole are considered in the article, the source study base for studying history of Crimean sufism is analyzed, the most perspective topics of place and part of sufism research in religious-spiritual and public-political life of Crimea within XIII century and beginning of XX century are briefly presented/.

Key words: Islam, spiritual culture, sufism, sufic fraternity, sheikhs, saint worshipping.

Yunusov Sh.E. To the question of the artistic invention and fantasy in the historical prose of Shamil Alyadin// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 193-196.

In the article on material of the Shamil Alyadin «Teselly story» the problems of history prose are examined.

Key words: history prose, fiction, conjecture, prototype.

Sofuoğlu E. II. Viyana kucaatmasının sonucuna Guremerzifonlu Kara Mustafa paşa'nın değerlendirilmesi ve duraklama devrinin gerçek nedenleri// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 197-205.

Defeat of the Ottoman Empire after the second attempt to capture Vienna showed Europeans that empire could be overpowered. It was the first defeat in history of the Ottoman Empire

Besides, the death of sadrazam Merzifonlu kara mustafa pasha was additional source of distress.

When the Koprulululer dynasty, whose members were the followers of the Ottoman Sadrazam Mustafa pasha, came to power, the Great Empire started to gain strength and enthusiasm again. Only after the death of the last third Sadrazam of the Koprululer dynasty, Mustafa Pasha, the power of the Great Empire gradually shattered.

Gumeniuk O.N. Poetics peculiarities of the Crimean Tatar folk epic story "Chora Batyr"// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 206-209.

The article deals with the peculiarities of the literary and also musical poetics of the Crimiantatar folklore epic story "Chora-batyr"/

Key words: folklore, epos, poetics.

Atynyshyk Y. Coming back to the mother tongue sources and Navoi. // Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 210-214.

The article deals with traditions of the Turkish language before the period of borrowings from the Arabic and the Persian languages. It is shown the role of the great Uzbek scientist Navoi in the matter of using the origin Turkic vocabulary in prose and poetic works of the Turkic world.

Key words: the Turkish literature, turkisms, arabisms, farcisms, Navoi, the Turkish language.

Dzhemileva A.A. *Artistic quest in modern Crimean Tatar prose of 1970-1980 years of the XX century* // Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 215-221.

Art selections in modern Crimean - Tatar prose 70 - 80 years of XX century.

The brief summary: In a paper the paths of development and a genre-thematic aspect modern Crimean - Tatar story in 70-80-x years of XX century are surveyed.

Key words: a genre, prose, story, theme.

Sulejmanova J.N. *The reasons of the Tamerlan's image appearance in the Crimean Tatar language (the end of the XIX century – the first quarter of the XX century)*// Uchenye zapiski TNU. Series: “Philology” – Vol.18(57) №3.- P. C. 222-228.

The article examines the problem of the Tamerlan's image's influence on the national self-consciousness of Crimean Tatars in the Crimean Tatar literature. The investigating problem gives a reason to suppose that every writer shows the Tamerlan's image in accordance to his world perception with due regard for the historic epoch.

Key words: Tamerlan, national self-consciousness, mentality, national education.

Seitbullayev E.B. *Development of Crimean Tatar prose in 1920ies*// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 237-244.

Issues concerning development of the Crimean Tatar prose of 1920s are regarded in the article. Particular attention is turned to such factors as folklore, Russian and World literary classical works translated into Crimean Tatar language, national periodicals of the Crimea.

Key words: Crimean Tatar prose, folklore, Russian and World literature, literary associations, periodicals.

Seferova F.A. *The moral making of a personality in Crimean Tatar literature of the 60ies years of the XX century*// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 245-248.

The article analyses problems of moral ideals evolution in the crimeantatar literatures.

Key words: country, chaste, prosper, charitable, befriend, authority, tend, prostrate.

Kindzhibala O.S. *Women's images in fairy-tales of Ukraine and Korea (on the materials of fairy-tales about Cinderella)*// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 249-252.

A comparative analysis of specialties of women characters in Ukrainian and Korean magic folktales was made.

Sattarova Z. M. *Various treatments of the phenomena of a homonymy and polysemy in modern linguistics*// Uchenye zapiski TNU. Series: «Philology» - Vol.18 (57) №3.- P. 253-258.

The problems polysemy and homonymy of words in crimeantatar language are analyzed, the various negative and positive ratings of the linguists on the given phenomenon in general (common) linguistics are considered (examined).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шаталина Е.Ф. Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского, Филологический факультет, кафедра украинского языка.

Алиева В.Н. Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского, Факультет славянской филологии и журналистики, кафедра русского языкознания.

Гафарова Р. И. Крымский государственный инженерно-педагогический университет, кафедра русской филологии.

Кубединова Л.Ш. Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского, факультет иностранной филологии, кафедра английской филологии.

Оказ Л. С. Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, кафедра крымскотатарского языкознания. E-mail: flassy2002@ukr.net

Меметова Э.Ш. Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, кафедра крымскотатарского языкознания

Куртсеитов А.М. Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, кафедра крымскотатарского языкознания

Аджимамбетова Г.Ш. Крымский государственный инженерно-педагогический университет, кафедра крымскотатарской и турецкой филологии

Алиева Л.А. Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, кафедра крымскотатарского языкознания

Мазинов А.С. Крымский медицинский университет им. Георгиевского, кафедра иностранной филологии.

Чанталова Г. Ш. Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, кафедра крымскотатарского языкознания

Берберова Р. А Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, кафедра крымскотатарского языкознания

Караева Л.И. Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, аспирант кафедры крымскотатарского языкознания

Карахалилова З. Э. Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, кафедра крымскотатарского языкознания

Абсемиева Л.С. Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, кафедра крымскотатарского языкознания

Меджитова Э.Н. Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, кафедра крымскотатарского языкознания

Мелгазиева Э.И. Крымский государственный инженерно-педагогический университет, кафедра крымскотатарской и турецкой филологии.

Арслан М. Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, кафедра восточной филологии

Терзи М. Херсонский национальный университет, кафедра турецкого языка, сотрудник фирмы «ТИКА» (Турция).

Кёк А. Крымский государственный инженерно-педагогический университет, кафедра крымскотатарской и турецкой филологии, сотрудник фирмы «ТИКА» (Турция)

Меметов И.А. Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, кафедра восточной филологии.

Миниахметова Э.Х. Одесский национальный университет им.И.И. Мечникова, Институт социальных наук, кафедра международных отношений, сотрудник фирмы «ТИКА» (Турция)

Сакаллы Дж. Одесский национальный университет им.И.И. Мечникова, Институт социальных наук, кафедра международных отношений, сотрудник фирмы «ТИКА» (Турция)

Малицька В. Киевский национальный университет им.Т.Шевченко Институт филологии, кафедра китайской, корейской и японской филологии, 01033, г.Киев, б.Т.Шевченка,14. E-mail: biwan@i.com.ua

Кшановський О.Ч. Львовский национальный университет им. И.Франко, кафедра востоковедения,79000, г.Львов, ул.Университетская, 1. E-mail: Kshanovski@yahoo.com

Юксель Г. Крымский государственный инженерно-педагогический университет, кафедра крымскотатарской и турецкой филологии.

История и культура

Соколов С. студент 4 курса факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского

Крыжко Е.В. студент 2 – го курса исторического факультета Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Усеинов Т.Б. Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, кафедра крымскотатарской литературы

Гуменюк В.И. Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского, Факультет Украиноведения, кафедра украинской литературы.

Сейтягьяев Н.С. Крымский государственный инженерно-педагогический университет, кафедра крымскотатарской и турецкой филологии.

Абдулвапов Н. Крымский государственный инженерно-педагогический университет, кафедра крымскотатарской и турецкой филологии.

Софуогьлу Э. Крымский государственный инженерно-педагогический университет, кафедра крымскотатарской и турецкой филологии, сотрудник фирмы «ТИКА» (Турция)

Гуменюк О. Н. Крымский государственный инженерно-педагогический университет, кафедра народно-исполнительского искусства.

Алтынышык Ю. Одесский национальный университет им.И.И. Мечникова, Институт социальных наук, кафедра международных отношений, сотрудник фирмы «ТИКА» (Турция)

Джемилева А.А. Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, кафедра крымскотатарской литературы

Сулейманова Д.Н. Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, кафедра крымскотатарской литературы

Панова З.С. Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Факультет крымскотатарской и восточной филологии, кафедра крымскотатарской литературы.

Сейтбуллаев Э.Б. Крымский государственный инженерно-педагогический университет, кафедра крымскотатарской и турецкой филологии

Сеферова Ф.А. Крымский государственный инженерно-педагогический университет, кафедра крымскотатарской и турецкой филологии.

Кинджибала О.С. Институт филологии КНУ им. Т.Шевченко, E-mail: xrya@yahoo.com.ua, asako@bigmir.net

Саттарова З. М. Крымский государственный инженерно-педагогический университет, кафедра крымскотатарской и турецкой филологии

СОДЕРЖАНИЕ

Шаталіна О.Ф. Термінологія давньоукраїнської мови 18 століття.....	5
Алиева В. Н. Звукоподражательные слова в крымскотатарском языке.....	8
Гафарова Р. И. Аксиологические особенности концепта "Женщина" в крымскотатарском, русском языках.....	12
Кубединова Л.Ш. Фразеологическая микросистема «высказать мысль, суждение» в крымскотатарском и английском языках.....	20
Оказ Л. С. Функциональные особенности конструкторов крымскотатарского предложения.....	25
Меметова Э.Ш. Лексико-фразеологические экспрессивные средства крымскотатарского языка.....	37
Куртсеитов А.М. Некоторые источники формирования фразеологизмов в крымскотатарском языке.....	40
Аджимамбетова Г.Ш. О наречии в современном крымскотатарском языке.....	44
Алиева Л.А. Иптидаий мектепте кырымтатар тилини огретюв меселелери.....	49
Мазинов А. С. Некоторые дополнительные вопросы проблемы греческих и итальянских заимствований в языках Черноморского региона.....	53
Чанталова Г.Ш. Пассивна лексика крымскотатарского языка.....	59
Берберова Р.А. Расположение компонентов парных слов.....	67
Караева Л.И. Земаневий кырымтатар тилинде кечкен заман фииллерининь: икяе фиильнинь муреккеп кечкен заманы ве чокътан кечкен заман фиильнинь вастасыз шекиллери.....	72
Карахалилова З.Э. Смыслоразличительные особенности ударения в судакском говоре крымскотатарского языка.....	76
Абсемиева Л.С. Гидронимия Крыма.....	82
Меджитова Э.Н. Методы исследования крымскотатарских диалектов.....	87
Мелгазиева Э.И. Имена действия в крымскотатарском языке.....	92
Arslan M. Tarihi süreç içerisinde türk siyasi terminolojisinin oluşumu.....	98
Terzi M.*Turetskogo yazıka (Kuznetsov)daki örnek türkçe metinlerdeki bazı problemler.....	104

Kök A. Nakaniye dönemi eserlerinde 'Bayram'.....	112
Меметов И.А. Использование видео при обучении турецкому языку.....	116
Миниахметова Э.Х. Учебное пособие «Турецкий язык».....	120
Sakallı C. Dil öğretimi materyallerinin seçimi ve uygulanmasında ilkeler, ölçütler.....	123
Малицька В. Основні типи мотивації термінів інформаційно-комп'ютерних технологій китайської мови.....	124
Кшановський О.Ч. Семантична інтерференція в перському мовленні азербайджаномовних та курдомовних іранців.....	129
Юксель Г. Система крымскотатарских СМИ в 20-30-е годы XX столетия.....	134
Соколов С. Партия "Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами": корни, идеология и деятельность (на примере стран Центральной Азии и Крыма).....	142
Крыжко Е. В. Исторические корни и идеология «Джамаат-и-Ислами».....	153
Усеинов Т.Б. История исследования осmano-крымскотатарской ашыкской поэзии.....	158
Гуменюк В.И. Украинско-крымскотатарские литературные связи.....	162
Сейтягьяев Н.С. Художественный мир произведений крымскотатарской исторической прозы XV – XVIII вв.....	171
Абдульвапов Н. Актуальные проблемы изучения истории суфизма в Крыму.....	179
Юнусов Ш.Э. К вопросу о художественном вымысле и домысле в исторической прозе Шамиля Алядина.....	193
Sofuoğlu E. II. Viyana kuşatmasının sonucuna göre Merzifonlu Kara Mustafa Paşa'nın değerlendirilmesi ve duraklama devrinin gerçek nedenleri.....	197
Гуменюк О.Н. Особливості поетики кримськотатарської народної епічної оповіді "Чора-батир".....	206
Алтыньшык Ю. Ана dile үнеліш ve Nevâûî.....	210
Джемилева А. А. Художественные искания в современной крымскотатарской прозе 70-80-х годов XX века.....	215
Сулейманова Дж.Н. Къырымтатар эдебиятында Темурленг образы пейда олув себеблери (XIX ас. сонъу – XX ас. биринджи чериги).....	222
Панова З.С. Реалии крымскотатарского языка и фольклора в романе Дж. Дагджи «Олар да инсан эди».....	229
Сейтбуллаев Э.Б. Развитие крымскотатарской прозы в 1920-е годы.....	237
Сеферова Ф.А. Процес морального становлення особистості в кримськотатарській літературі 60-х років XX століття.....	245
Кінджибала О.С. Жіночі образи в чарівних казках України та Кореї (на матеріалі казок про попелюшку).....	249

Саттарова З. М. Різні трактування явищ омонімії і полісемії в сучасному мовознавстві.....	253
Аннотации.....	259
Анотації.....	269
Summary.....	278
Сведения об авторах.....	286

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАВРИЧЕСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

им. В. И. Вернадского

Том 18 (57). №3 А

ФИЛОЛОГИЯ

Симферополь
2005